

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

ЖАК-ИВ
КУСТО
*Могутель
визуализирует*

ЖАК-ИВ КУСТО

Annotation

Книга командора Жак-Ива Кусто, написанная им в соавторстве с сыном и Филиппом Диоле, проникнутая любовью к морю и его обитателям, описывает образ жизни китов и акул и адресована всем, кто интересуется природой и ее тайнами.

- [Жак-Ив Кусто](#)
 -
 - [Жак-Ив Кусто,](#)
 -
 - [Вступление](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Жак-Ив Кусто,](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)

- [Глава одиннадцатая](#)
 - [Приложение](#)
 -
 - [Справочный словарь](#)
 -
 -
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Жак-Ив Кусто
Филипп Кусто
Филипп Диоле

Могучий властелин морей

ЖАК-ИВ
КУСТО

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

**ЖАК-ИВ КУСТО,
ФИЛИПП КУСТО**

*Труды не было
в море жайн*

**ЖАК-ИВ КУСТО,
ФИЛИПП ДИОЛЕ**

*Морутин
васженьн морей*

Молитвы
ВЛАСТЕЛИИИИ
моря

Перевод с английского
Л. ЖДАНОВА, Н. ЕЛИСЕЕВА

АРМАДА
Москва
1998

**Жак-Ив Кусто,
Филипп Кусто**

Чтобы не было в море тайн

**ЖАК-ИВ КУСТО,
ФИЛИПП КУСТО**

*Будь не был
в море жале*

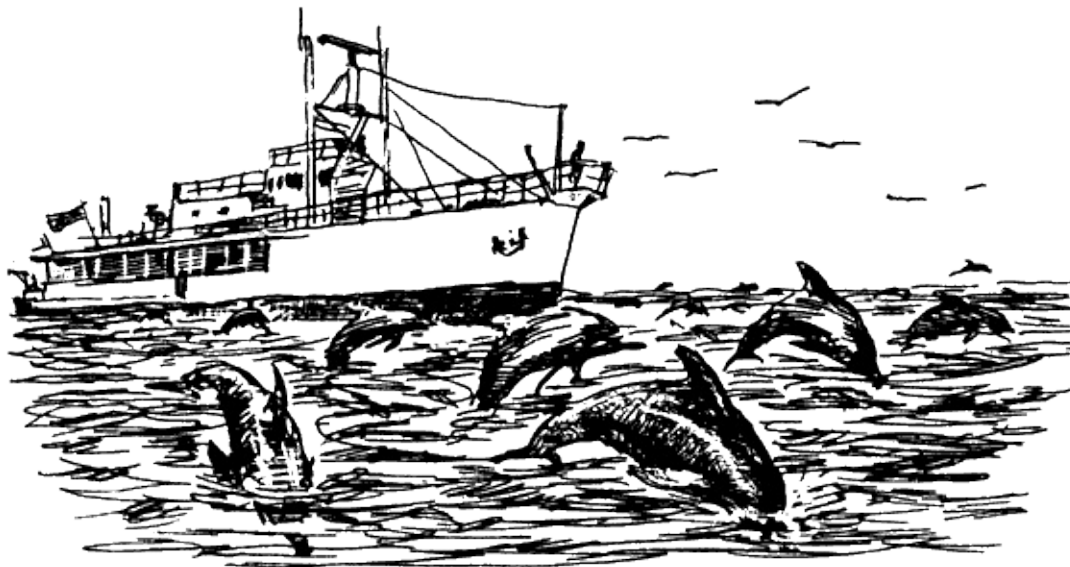
Jacques-Yves Cousteau and Philippe Cousteau

The Shark: Splendid Savage of the Sea

New York, 1971

© *Перевод, Жданов Л. Л., 1974*

Вступление

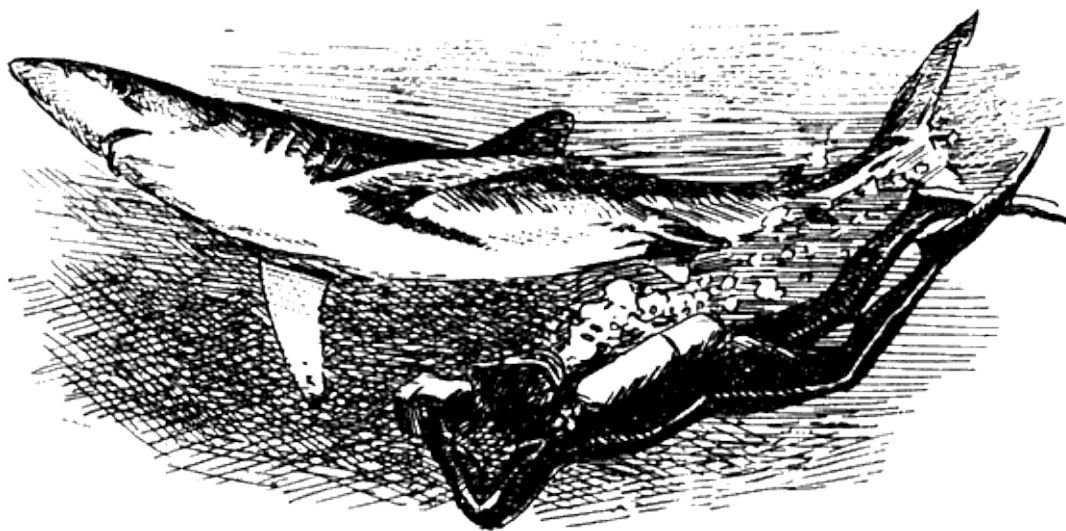
Вот уже больше двух лет, как мое судно «Калипсо» вышло из Монако в свое самое долгое и увлекательное плавание. Мы погружались с кинокамерой к акулам Красного моря и Индийского океана. Исследовали архипелаги и уединенные острова — Мальдивские, Сейшельские, Сокотра, Альдабра, Глорьез, атолл Европа. На склонах рифов обнаружили древние слои, ушедшие под воду во время ледниковых периодов; танцевали с морскими обитателями, похожими на участников бала-маскарада; цеплялись за лапы усатых и зубатых китов, даже вели дневник странствий некоторых из них. Нашли морские окаменелости в горах Мадагаскара; возле мыса Доброй Надежды приручили Пепито и Кристобаля — двух морских львов; исследовали затонувшие корабли у острова Св. Елены; искали сокровища на Серебряной банке в Багамском архипелаге; погружались в нашем «ныряющем блюде» на дно озера Титикака; плавали в обществе морских слонов острова Гваделупа. Теперь мы готовимся пересечь Тихий океан, погружаться и снимать у островов Галапагос и Общества, у Нумеа, на Большом Барьерном рифе и среди Зондских островов между Индийским и Тихим океанами. Я задумал отразить это долгое чудесное плавание в большой красочной «кинематографической фреске», предназначенной для телевизионных экранов всего мира. В этот замысел вложен весь мой опыт тридцати трех лет работы под водой, вся

моя любовь к природе и к океану.

На экране вы не увидите всех трудностей, связанных с таким делом: я подразумеваю годы, потраченные на техническую подготовку, исследования и разработку документации; финансовые проблемы, требующие известных жертв от ста пятидесяти человек, составляющих команду; тысячи погружений с обычным снаряжением и сотни погружений в «блюдце»; многие часы, проведенные в холодной воде или декомпрессионной камере; ночи, потраченные на ремонт необходимого снаряжения или кинокамеры, в которую попала вода; песчаные бури и тропические циклоны; аварии и поломки на судне посреди океана; наши терзания, когда потеряна связь с аквалангистом или «блюдцем»... Наконец, за кадром останется самая осязаемая из всех опасностей — о ней здесь расскажет Филипп, — опасность, с которой сопряжена каждая наша встреча с акулами.

Глава первая

Первая встреча

Встреча с большой голубой акулой.

Предыстория фильма о поведении акул.

О «Калипсо» и о команде

Она не плывет, а струится, течет, и голова ее плавно ходит слева направо, справа налево в лад с движением всего тела. Только глаз кажется неподвижным, хотя он вращается вместе с головой, — он фиксирует меня, ни на миг не отрываясь от добычи или возможного противника.

При каждом ее движении кожу бороздят тысячи шелковистых морщин, оттеняя ту или иную могучую мышцу. Кристально чистая вода словно не существует — она висит в абсолютной, ничем не замутненной пустоте, нас больше ничто не разделяет.

Никакой угрозы, никакого намека на агрессию. Движения и поведение акулы выражают только подозрительность с оттенком пренебрежения. Тем не менее она вселяет страх. Я изумлен и испуган, душа полна тревоги.

Стараясь не шуметь, непрерывно плаваю по кругу, чтобы все время видеть ее перед собой.

Есть что-то волшебное в ее внезапном появлении и царственном величии. До поверхности воды далеко, я ее не вижу, и от этого впечатление чуда еще сильнее. Новый поворот... Круг, описываемый акулой, то растет, то сужается под влиянием ее примитивных импульсов или ничтожных перемен течения. Это беззвучное вращение — словно танец, подчиненный непостижимым законам. Эти холодные голубые линии внушают мне такое чувство, как будто меня окружает паутина, сотканная из жестокой и в то же время прекрасной силы. Мне чудится, что я с начала времен кружусь вместе с ней в хороводе. Рисунок танца безупречен. Вдруг меня точно громом поражает мысль, что передо мной слуга смерти. И сразу очарование разрушено. Да, эти идеальные обводы, этот льдисто-голубой камуфляж и могучий, грозный хвост — все предназначено для убийства. Я снова воспринимаю воду, она мягко течет между пальцами, но сопротивляется ладоням. Я нахожусь на глубине тридцати пяти метров в прозрачной толще Индийского океана. С запасом воздуха на тридцать минут и с кинокамерой в руке я отнюдь не легкая добыча. Мы кружимся всего-то несколько секунд, и сверху доносится неровный стук мотора: за мной наблюдают с катера.

Большая голубая акула продолжает наступление, придерживаясь тактики, искони присущей ее племени. Поистине великолепный экземпляр — больше двух метров в длину; и челюсти ее (я это знаю, приходилось видеть) оснащены семью рядами острых как бритва зубов. Я уже начал не спеша всплывать, имитируя атаку каждый раз, когда голубая подходит достаточно близко. Она воспринимает вибрацию от малейшего моего движения, улавливает даже самые незначительные изменения кислотности, даже самые слабые запахи и конечно же не даст застигнуть себя врасплох. Акула развивает скорость больше тридцати узлов; пойдет в атаку — вряд ли отобьешься. Но она продолжает медленно ходить по кругу, верная осторожности, которая сохраняет ее род с тех пор, как он появился на земном шаре больше ста миллионов лет назад. Я знаю, что круги неумолимо сужаются и что я, вероятно, смогу отразить первый выпад, но знаю также, что это ее не обескуражит. На минуту она опешит, но тут же снова примется описывать хищные круги, выпады участвуются, в конце концов она прорвет ненадежную оборону и вонзит свои челюсти в мою плоть. Привлеченные незримыми сигналами, поднимаясь из глубины или рассекая поверхность лезвием спинного плавника, явятся другие акулы. И начнется драка из-за остатков, свирепый пир, кровавая демонстрация жуткой, необоримой силы. Так заведено у больших акул открытого моря.

Последний взгляд на силуэт с безукоризненными обводами и на большой, зоркий глаз, и я забираюсь в наш катер «Зодиак», уже сожалея, что кончилась волнующая встреча с этим воплощением неодолимой мощи, кляня свою слабость и благословляя свой страх. Смотрю на загорелых, обветренных товарищей, с которыми ходил на такие же погружения, и они с первого взгляда все понимают: под нами акула.

Лежу на горячей банке, уже разморенный жарой и солнцем, и перебираю в памяти цепь событий, которые привели нас сюда, в Индийский океан. Требуется известное усилие — это приятное усилие, — чтобы вспомнить, как началось наше приключение.

Весной 1966 года я был в Голливуде, заканчивал работу над фильмом об исследованиях на «Коншельфе-3». Фильм был снят для Национального географического общества в Вашингтоне за месяц, который я провел вместе с пятью другими подводными пловцами на глубине ста десяти метров, в нашем «доме» на скальной полке в толще Средиземного моря. Получалась 58-минутная документальная лента, предназначенная для телевидения. Фирма, делающая фильмы для Национального географического общества, называется «Вольпер Продакшнс», ее главная контора находится на Сансет-бульвар в Лос-Анджелесе. Так мы познакомились с Дэвидом Вольпером; его энтузиазму и доверию мы обязаны многими незабываемыми приключениями, которые нам затем довелось пережить.

Мой отец давно мечтал о серии телевизионных фильмов, посвященных морю, но его наметки шли вразрез с укоренившимися взглядами и не были осуществлены. А тут Дэвид Вольпер вдруг предлагает нам сделать двенадцать часовых фильмов — темы по нашему выбору, — гарантируя финансовую поддержку, которая позволяла нам приобрести все нужное снаряжение. Конечно, мы понимали, что понадобятся еще деньги на другие расходы, но мы не сомневались, что, отсняв по соглашению с Дэвидом три-четыре фильма, сможем пополнить свой бюджет средствами, вырученными за эти ленты в других странах.

Условия контракта обсуждались в Нью-Йорке. Помню, как мы сидели вечерами допоздна, совещаясь с техниками и юристами, да потом еще продолжали с отцом дискуссии в номере отеля, развивая фантастические проекты. Ничто не сдерживало полет нашего воображения... Вооруженные самым современным оборудованием, мы посетим все моря земного шара, выследим и снимем целаканта в его подводных тайниках, нырнем в обитель гигантского кальмара в течении Гумбольдта, отыщем галеоны Христофора Колумба. Благодаря энтузиазму Дэвида и его преемника Бада

Рифкина мы осуществим все волнующие нас замыслы, и притом с камерой в руках; значит, мы сможем запечатлеть на пленке все, чем нас так привлекает и восхищает море.

Первая серия должна как следует увлечь и заинтриговать зрителей, а что в море может быть занимательнее и увлекательнее акулы? Об этом легендарном животном все слыхали, даже люди, живущие вдали от моря.

...И вот мы на «Зодиак» возвращаемся на «Калипсо» после захватывающего погружения. «Калипсо» — то самое судно, переоборудованное из 45-метрового минного тральщика, на котором мы уже провели много работ, правда, более научного характера. Гидрология, биология, геология — все науки, занимающиеся морем, и многие серьезные, преданные своему делу исследователи составляли, так сказать, смысл существования «Калипсо». Теперь судно переоснастили, приспособили для киносъемок. Специальные лебедки и черпалки уступили место маленьким подводным лодкам, исследовательские лаборатории превратились в кинофотолаборатории.

Два мотора по 500 лошадиных сил прошли капитальный ремонт до начала нашего пятилетнего плавания. Помещения для команды в носовом отсеке расширили так, чтобы можно было разместить еще шесть человек — кинотехников или аквалангистов. В кормовом трюме лежали две одноместные подводные лодки, рассчитанные на погружения до пятисот метров, а на палубе над ними установили гидравлический кран, который извлекал их из трюма и опускал на воду, освобождая нас от тяжелого и даже рискованного при сильном волнении ручного труда. На главной палубе размещался наш «водолазный центр» с новехоньким снаряжением; здесь же обосновались электрики. Кают-компания, камбуз и все остальные помещения тоже были оборудованы заново.

На верхней палубе к капитанскому домику добавили новую рубку, а около радиорубки устроили телевизионную аппаратную. Новый радар, расширенные иллюминаторы и два высоких штурманских стола совершенно преобразили вид мостика. Установленные повсюду, в том числе в подводной обсерватории на носу, телевизионные камеры ограниченной сети позволяли следить с мостика за всем происходящим, будь то на борту или под водой. Словом, корабль представлял собой идеально отвечающий своему назначению инструмент. Маленькие быстрые катера могли в любую минуту доставить в нужное место кинооператора. В трюме помещался наполняемый горячим воздухом воздушный шар, с него я мог снимать сверху и даже замечать вещи, ускользающие от внимания впередсмотрящего на судне. Кроме необходимой мелкой аппаратуры

(линзы, портативные камеры), мы располагали двумя 35-миллиметровыми и двумя 16-миллиметровыми камерами «Аррифлекс», двумя 16-миллиметровыми камерами «Эклер» и тремя звукозаписывающими аппаратами «Перфектон» с кварцевым синхронизатором, позволяющими разделять кинокамеру и рекордер.

Подводное снаряжение включало двенадцать кинокамер, изготовленных в наших мастерских в Марселе. Из них четыре были рассчитаны на 35-миллиметровую пленку, остальные — на 16-миллиметровую. Для освещения на воздухе и под водой мы применяли кварцевые лампы на 1000, 750 или 250 ватт, с питанием либо автономным, от аккумуляторов, либо от 110-вольтового источника на борту «Калипсо».

Наши акваланги стали совсем обтекаемыми благодаря пластиковому кожуху, который закрывал не только четыре баллона из спецстали, но и ультразвуковой телефон для связи между аквалангистами. На шлеме, тоже сделанном из пластика, — радио для связи с поверхностью и аккумуляторы для светильников. Внутри шлема помещались приемные узлы обоих связанных устройств и точный кварцевый прибор для ориентирования, включаемый тумблером сбоку. Довершал снаряжение подводного пловца гидрокостюм.

Все эти новинки увеличивают подвижность аквалангиста на 30 процентов и позволяют с меньшими усилиями плыть быстрее. Новый комплект разработан и изготовлен инженерами исследовательского центра в Марселе и воплощает давнюю мечту моего отца о более эффективном акваланге, объединяющем все узлы в одной конструкции. И хотя наши «старики», привыкшие к обычному снаряжению, не проявили большого восторга, тем не менее новый автономный аппарат представляет собой первый существенный шаг вперед со времени изобретения акваланга Кусто — Ганьяна.

В октябре 1966 года мы решили совершить небольшое плавание, чтобы испытать материально-техническую часть. Для этого выбрали судно поменьше, бывший траулер «Эспадон», оснадив его прототипами снаряжения, которое собирались использовать на «Калипсо». Мы собирались также проверить наши 16-миллиметровые камеры и два новых типа пленки — «Эктахром-7241» и «Эктахром-7242», только что освоенные фирмой «Истмен Кодак». Экспедиция была рассчитана на три месяца. В ее состав входило десять человек под командованием Альбера Фалько; они изучали акул Красного моря.

В феврале 1967 года, обогатившись опытом экспедиции на «Эспадоне» и устранив изъяны в снаряжении, мы погрузились на «Калипсо». Когда мы

выходили из Монако, толпы провожающих на пристани осыпали нас цветами и конфетти. Князь Ренье и княгиня Грейс посетили судно и подарили нам на счастье чудесного пса породы сенгубер, выведенной французскими монахами в средние века. Мы назвали его Зум.

Выход в плавание — всегда большое событие, но это было нечто из ряда вон выходящее. Как-никак, произошло чудо. В наш век рациональности, научности и окупаемости мы отплывали без какой-либо конкретной цели, без драконовских ограничений во времени, не обязанные ни перед кем отчитываться. Плыви, куда тебя поманит. Наша единственная задача, единственное дело — смотреть и видеть. В эпоху сверхспециализации мы будем вездесущими глазами всех тех, кто сам не может или не хочет путешествовать. Станем чем-то вроде странствующих рыцарей прошлого, которые скитались по свету и возвращались, чтобы поведать своему королю о Святой стране или о Мавритании. Нас отличало то, что рассказ о наших приключениях будет адресован не какому-то одному королю, а миллионам людей. Исполинская задача, если вдуматься. Мы представляли себе каждого из наших будущих зрителей. Они будут ждать от нас правдивого рассказа о прекрасных и познавательно ценных вещах. И доверие зрителей возлагает на нас огромную ответственность. Обмануть это доверие, это внимание, эту потребность в информации о чудесах подводного мира — все равно что пройти мимо слепого, который ждет, кто бы помог ему перейти оживленную улицу. Словом, хотя у нас не было никакого графика, никакого определенного маршрута, мы чувствовали, что на нас как бы возложена миссия, и были полны решимости вложить в это дело все наши силы, весь наш энтузиазм.

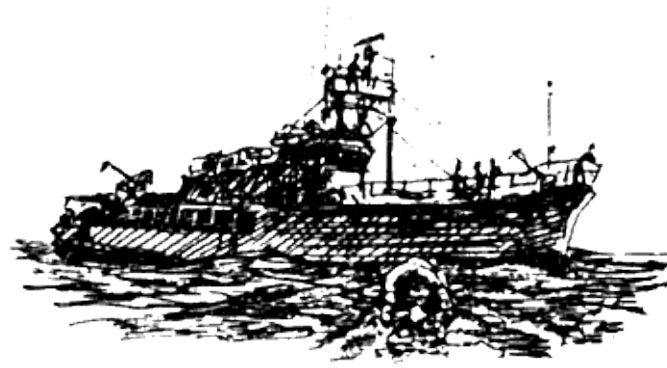
Очень скоро исчезли вдаль Монакская скала и венчающий ее Океанографический музей. Все на борту разделяли мою радость и мое воодушевление. Это были мои старые товарищи, кое-кто из них работал вместе с отцом еще с 1951 года; все они в совершенстве знали свое дело, и большинство успешно совмещали три-четыре функции. Роже Маритано занимал должность капитана «Калипсо» не один год; не меньшим опытом обладал и сменивший его капитан Бугарэн. Первый и второй помощники — Жан-Поль Бассаже и Бернар Шовеллен — молодые, опытные моряки, да к тому же отличные подводные пловцы. Машиной заведовал старейший член команды — Рене Робино; он с первого нашего плавания ходит с нами. Морис Леандри, человек неистощимой энергии и великой добросовестности, возглавлял бригаду, отвечающую за состояние судна. Два старших водолаза — Раймон Кьензи и Альбер Фалько (прозвища — Каноз и Бебер) — пришли на «Калипсо», когда мы были заняты

увлекательнейшим делом — поднимали со дна моря под самым Марселем затонувший древнегреческий корабль. Моими партнерами по съемкам под водой стали Мишель Делуар и Ив Омер, на борту — Жак Ренуар. Все — от Эжена Лагорио, нашего радиста и звукооператора (прозвище — Жежен), до Жана Моргана, нашего кока, — знали и уважали своих товарищей. Мы могли гордиться монолитной командой с высокой профессиональной выучкой. Фредерик Дюма, с первых дней помогавший моему отцу, стал всемирным авторитетом по подводной археологии; и теперь советы этого человека, обладающего громадным опытом во всем, что касается моря и его обитателей, чрезвычайно увеличивали наши шансы на успех.

В 1951 году, когда мне было всего десять лет, Дюма и Робино брали меня с собой под воду в Красном море. Вместе с Кьензи я погружался в подводные леса Альборана, с Фалько опускался в затопленные кратеры Азорских островов. Через пятнадцать лет Делуар был моим помощником и дублером в месячном эксперименте на станции «Коншельф-3», когда проверялась способность человека жить и работать на глубине ста десяти метров. В этом опыте участвовал также Омер и еще четверо, в том числе Андре Лабан, руководитель маленькой группы океанавтов. Все мы знали по опыту, что можем положиться друг на друга в трудную минуту, встречались с одинаковыми трудностями, извели одинаковые переживания. Мы составляли единый отряд, сколоченный моим отцом, сплоченный его тягой к романтике и уважением ко всему живому.

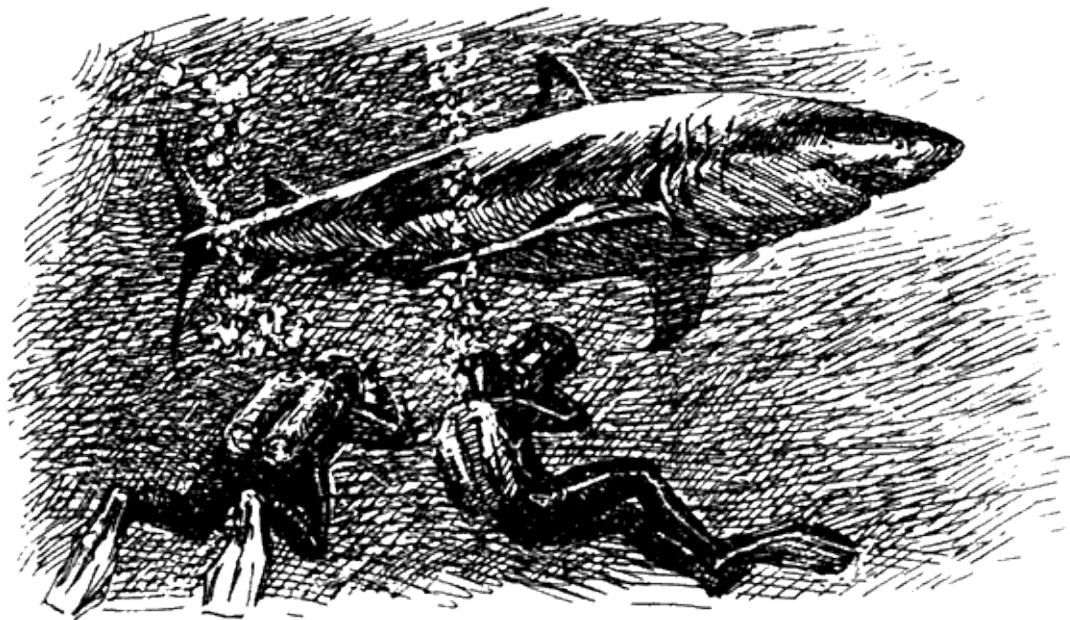
В день старта я пришел вечером к отцу на капитанский мостик, и мы долго стояли вместе, толкуя о мировых проблемах и восстанавливая телесный контакт с кораблем, от которого успели отвыкнуть за месяцы подготовительной работы в Париже и Нью-Йорке. Я упорно думал о легендарном животном, грозном людоеде, о металлической красоте и необоримой мощи таинственного чудовища — акулы.

Через шесть дней мы приступим к работе в Красном море, дело начнется всерьез.

Глава вторая

Для чего рассказывать об акулах?

Прелюдия.

Встреча в открытом море с великим лонгиманусом.

Угроза современному подводнику

Однажды летом 1945 года на берегу скалистого заливчика между Санари и Бандолем на Средиземноморском побережье Франции отец надел нам с братом на плечи миниатюрные автономные легководолазные аппараты. Потом он взял нас за руки и завел в воду под скалами, на глубину одного-двух метров. Моему брату, Жану-Мишелю, тогда было шесть с половиной лет, мне — четыре года. Я совсем не помню этого первого погружения, но мне часто про него рассказывали: как мы, изумленные подводным миром, принялись наперебой описывать друг другу увиденное и наглотались морской воды.

После того дня ни один из обитателей моря, с которыми мне доводилось сталкиваться, не внушал мне безотчетного страха. Ни один, кроме акулы. А ведь мне пришлось испытать и ожоги от медуз, и укусы мурены, меня даже колот симпатичный морской еж. Я встречал немало устрашающих с виду созданий — хвостокола, манту, морского слона, косатку, кашалота. Но укусы и уколы были вызваны моей собственной неуклюжестью, а не злым умыслом животного. Это относится и к акуле; она тоже, на мой взгляд, не убивает беспричинно, но я никогда не забываю, что это единственный из морских обитателей, у которого есть все необходимое, чтобы искалечить, а то и убить меня, — и сила, и средства, и побудительные причины. Разумеется, акула — не единственный житель моря, способный убить человека: реестр таких животных достаточно велик. Я могу привести несколько общеизвестных примеров, но такой перечень будет далеко не исчерпывающим. Только биологу под силу составить полный перечень. Есть книжка под названием «Опасные и ядовитые животные моря», она как будто достаточно полно освещает этот вопрос, во всяком случае на современном уровне знаний. В Персидском заливе и водах Индонезии водятся морские змеи длиной до метра, их яд смертелен, но они избегают человека. Смертельным может оказаться также укус некоторых австралийских осьминогов или ожоги от нитей сифонофоры физалии. Кашалот или косатка способны перекусить человека пополам; другие китообразные вполне могут ударом хвоста переломить вам позвоночник. Даже миролюбивый дельфин в принципе может убить пловца тем же способом, которым он расправляется с акулой. Есть также морские крокодилы — гроза обитателей индонезийского побережья. И все-таки ни одно из названных животных не представляет подлинной опасности для аквалангиста. Большинство из них живет либо слишком далеко в открытом море, либо чересчур глубоко, например гигантский кальмар в течении Гумбольдта.

А вот акулы водятся всюду в тропических и умеренных водах; некоторые виды, скажем гренландская акула, обитают даже в полярном океане. Акул находят и на больших глубинах, и у поверхности, даже в эстуариях рек и в некоторых озерах Латинской Америки. Так что акулу можно встретить где угодно, плавая на воде или под водой, и встреча эта может оказаться фатальной.

Человек сумел очистить поверхность земли от большинства животных и многих крупных насекомых, представляющих угрозу его жизни. Если вид не истреблен совсем, остатки его, как правило, заточены в резерват — примером могут служить крупные дикие животные Африки и Индии. Но во

многих случаях интенсивная охота свела численность вида до такого минимума, что он практически перестал быть опасным.

Я отнюдь не собираюсь здесь философствовать о поведении человека, хочу только выразить свое сожаление, что столько красоты и богатства уничтожается подчас без достаточных причин. Мне стыдно, как подумаю о чудовищном ханжестве тех, кто якобы принимает меры для охраны вида, а на деле организует продажу львиного или слоновьего мяса по бешеной цене богатым привилегированным субъектам, место которым скорее в психиатрической клинике, чем в «спортивном клубе». И я не могу не сказать о том, какую боль мы с отцом испытываем, беспомощно наблюдая истребление китообразных, например большого синего кита — от этого самого крупного животного в истории Земли скоро останется одно воспоминание.

Акуле не грозит такая участь. Большинство из селажий, к которым принадлежат акулы, великолепно приспособлены к своей среде, и огромная численность акул чрезвычайно затрудняет их истребление, даже делает его невозможным. В итоге акула остается одним из последних в ряду опасных для человека животных, с кем он еще не совладал. Селажии распространены буквально всюду, почти все они представляют серьезную, а то и смертельную угрозу для человека, и пока что не придумано надежных средств индивидуальной защиты.

Если добавить, что люди наконец-то задумали всерьез осваивать море и вероятность встреч акулы с человеком намного возрастает, нетрудно понять, как важно узнать побольше о повадках акул. Во многих странах уже учреждены для этого специальные лаборатории.

Отношение человека к акуле окрашено налетом мистики, и, пожалуй, больше всего в этом виновен сам человек. Долго люди вообще не знали, что на свете есть акулы; в английском языке до середины XVI века не было даже термина для их обозначения, пользовались испанским словом «тибурон». К этой лингвистической справке можно добавить, что французское название акулы — «рекен» — происходит от «реквиема» (заупокойная месса); уже из этого видно, какой страх вызывало у моряков появление хищницы около судна. Иные были убеждены, что встреча с акулой предвещает смерть кого-нибудь из членов команды. Из античных авторов только Геродот, Аристотель и Плиний говорят об акулах. Правда, Плиний даже различал четыре рода акул. В более древних сочинениях нет упоминания об акуле как таковой, хотя не исключено, что первая легенда о селажиях вошла уже в Библию. Линней, выдающийся шведский натуралист XVIII века, твердо верил, что чудовище, проглотившее Иону, было не

китом, а большой белой акулой. И после Библии об этом поразительном животном рассказывалось немало историй, главным образом страшных. Верные или неверные, истории эти породили подлинный акулый психоз у всех моряков мира, и не только у них, но и у людей, которые просто интересуются морем, отнюдь не помышляя о плаваниях.

Слепая ненависть человека к акулам уступает по силе разве что чудовищному бешенству стаи голодных акул. Я наблюдал и снимал жуткие сцены жесточайших расправ, когда обычно рассудительные и уравновешенные люди рубили топорами пойманных акул и запускали руки по локоть в окровавленные внутренности, чтобы извлечь крючок с приманкой. Часами возясь с изрубленными тушами, выдергивая крючки в нескольких дюймах от судорожно дергающихся челюстей, от которых они в других условиях старались бы держаться подальше, эти люди словно утоляли некую смутную жажду мести.

Пожалуй, этот психологический феномен, когда даже самый выдержанный человек почти автоматически теряет власть над собой при встрече с акулой, и является причиной многих атак с роковым исходом.

То ли изучая человеческие реакции, то ли исследуя повадки селажий, но человечество должно теперь разработать надежные способы защиты от акул. Иначе освоение океана будет задержано или затруднено, потому что страх будет сковывать большинство непрофессиональных подводников.

К тому же акулы представляют особый научный интерес. Судя по окаменелостям, прямые предки современных акул появились в океанах в начале мелового периода — в мезозое, то есть около ста сорока миллионов лет назад. С тех пор селажии очень мало изменялись. Они перенесли изменения температуры, солености, уровня воды, типа питания. Они представляют собой живой абсурд в том смысле, что их хрящевой скелет сравнительно примитивен, тогда как органы размножения более сложны и развиты, чем у любых других рыб.

В отличие от костистых рыб акулы принадлежат к хрящевым. В свою очередь, хрящевые рыбы делятся на подклассы цельноголовых и пластиножаберных. К второму подклассу относятся акулы, в том числе довольно мелкие, известные под названием катранов, и различные скаты, например электрический и скат-гитара.

Реакции человека при встрече с акулой я бы отнес к числу неуправляемых. Они порождены легендами и питаются рассказами, не заслуживающими никакого доверия. Тщетно доискиваться объективности. Я встречал многих людей, покусанных акулой и выживших, несмотря на

опасные раны. Их шрамы выглядят страшно, особенно для меня, подводника, который невольно ставит себя на место жертвы. Каждый раз у меня возникала тьма вопросов, и я жадно слушал ответы, как бы надеясь наконец-то узнать истину. Увы. Большинство жертв не могут описать, что происходило на самом деле, другие же более или менее сознательно приукрашивают. Вот почему я теперь могу сослаться лишь на свои собственные воспоминания, хотя отлично знаю, что они вызовут у других подводников такое же недоверие, как рассказы, слышанные мной.

Вот уже тридцать три года, как я занимаюсь подводным плаванием — с защитой и без, один и в группе, в теплых и холодных водах. И не раз мне приходилось плавать в обществе акул. Акул разного рода, разного нрава, акул, сльвущих безвредными, и акул, пользующихся репутацией людоедов. Я и мои товарищи-подводники страшимся акул, смеемся над ними, восхищаемся ими, но так или иначе мы вынуждены работать с ними в одних водах. Олицетворяемая ими скрытая угроза — наш неизменный спутник, и акулам — иногда — удавалось прогнать нас из моря.

Но после тридцатилетнего опыта не пора ли подвести итоги, просеять все свои воспоминания и отделить эмоции от неоспоримых фактов?

В Средиземном море акул мало и несчастные случаи редки. Но уже то, что их мало, придает какую-то особенную торжественность каждой встрече. Моя первая встреча со средиземноморскими акулами (и акулами вообще) состоялась у Джербы, и они произвели на меня чрезмерно сильное впечатление, потому что я не ожидал их увидеть. А вот в Красном море, когда погружаешься среди рифов, встречи с акулами почти неминуемы, там поневоле надо было с ними сосуществовать, и мы вскоре до того расхрабрились, что перестали их замечать. Дошло до того, что у ребят появилось панибратское отношение к этим смиренным бродягам, склонность пренебрегать ими и говорить о них только в шутовском тоне. Я восставал против такого снобизма, зная, что он может привести к плачевным последствиям, а ведь и сам не был от него свободен. Человек под водой — существо неуклюжее и уязвимое, и воображать себя сильнее животного, которое вооружено куда лучше тебя, весьма опрометчиво. Опьяненный тщеславием и самоуверенностью, я первое время сам работал под водой и другим разрешал погружаться без защиты в крайне опасных районах. На рифе Хоао Валенте (острова Зеленого Мыса) мы отталкивали и дергали за хвост почти четырехметровых бестий, куда более сильных и проворных, нежели мы, несуразные пришельцы со стальными баллонами на спине, в ограничивающих поле зрения масках, с карикатурными лапами на ногах. В тот день, когда мы с Дюма увидели у Хоао Валенте вдали силуэт великой

белой акулы, которую все специалисты считают людоедом, мы похолодели от ужаса и непроизвольно придвинулись поближе друг к другу. Мы заметили акулу раньше, чем она нас. Но как только мы попали в ее поле зрения, акула... перетрусилась. Опорожнила кишечник и исчезла, вильнув хвостом. Потом такая же история дважды повторилась в Индийском океане. Оба раза сильное потрясение при виде большой белой акулы сменялось необоснованным триумфом, когда она обращалась в бегство. Каждый такой эпизод внушал нам сильный восторг, а с ним и излишнюю самоуверенность с вытекающим отсюда послаблением защитных мер.

Когда погружаешься на большую глубину с автономным аппаратом, наступает наркотическое состояние, которое мы назвали «глубинным опьянением». Оно дает себя знать примерно с сорока метров, а глубже шестидесяти метров не только мешает работать, но даже становится опасным. «Опьянение» проявляется в своего рода эйфории: обостряется слух, а чувство реальности притупляется, и вместе с ним — инстинкт самосохранения. Во время всплытия все эти симптомы исчезают, как по мановению волшебной палочки. Естественно предположить, что глубина погружения, раз она так отражается на психике, может повлиять и на реакции аквалангиста, встретившего акул.

Однажды, идя посреди Атлантики на «Эли Монье», мы увидели большие стаи дельфинов. Застопорили мотор и нырнули к ним, на глубину до тридцати — сорока пяти метров. Дельфины через несколько минут ушли, но метрах в тридцати ниже нас мы видели желтоперых тунцов и больших океанских акул. Помню, как жутко было на душе во время этих безрассудных погружений. На глубине сорока пяти метров поверхности моря практически не было видно, вода кругом была какая-то сумрачная, иссиня-черная. Глубинное опьянение уже наступило, но мне, как наркоману после первой затяжки опиумом, казалось, что я еще владею собой. С дурманом в голове, невесомый, полностью отрешенный от мира, слушая в пелагической тишине биение собственного сердца, я был способен на любое безрассудство. Теперь я осознаю, что так оно и вышло.

Вдали от поверхности и солнечного света, более чем в двух милях от морского дна, в толще воды, которая была темна, как чернила, и вместе с тем удивительно прозрачна, потому что свет пронизывал ее без помех, я утратил всякое понятие о горизонтали и вертикали, не различал, где верх и где низ. У меня был только один указатель — пузырьки воздуха, вырывающиеся из аппарата на моей спине. Пожалуй, то, что я испытывал во время этих опрометчивых подводных вылазок, было еще более странным и необычным, чем впечатления космонавтов, которые первыми

вышли из своего корабля «прогуляться» в космосе. Ведь космонавт, покинувший капсулу, ясно видит знакомые звезды и планеты, я же чувствовал себя затерянным в бесконечности без каких-либо твердых ориентиров. Лишь мысль о лодке, которая находилась — должна была находиться! — где-то вверху, неотступно следя за моими пузырьками, как-то поддерживала меня в моем уединении. И в такой вот атмосфере состоялся драматический выход акул на сцену.

Тогда я еще очень мало знал об океанических акулах, и меня пленил их царственный вид. Большинство из них было намного крупнее рифовых акул. Некоторые виды я даже не сумел опознать. Более острое рыло и поджарое, что ли, тело отличало их, скажем, от тигровой акулы. Похоже было, что они сопровождали дельфинов, правда соблюдая почтительное расстояние. Возникнув словно из небытия, они не стали подходить близко, а метрах в пятнадцати от меня изменили курс, как будто решили последить за мной на расстоянии. Появление первой акулы потрясло меня до глубины души, ведь я впервые был свидетелем этого чуда. Обрамленная световым ореолом в темной толще воды, она выделялась очень четко и казалась до жути нереальной. Вдруг — вот вам эффект глубинного опьянения — восхищение и страх сменились нелепым ликованием. Вооруженный одной лишь камерой, я поплыл прямо на большую акулу, но она отступала, сохраняя между нами постоянную дистанцию. А я плыл все дальше сквозь иссиня-черную толщу, упорно преследуя таинственный силуэт, пока он не исчез, нырнув еще глубже.

И вот я опять один; дышу, как паровоз, в висках стук, в душе смятение, я смутно отдаю себе отчет в том, что вел себя по-дурацки, и в то же время горжусь тем, что обратил в бегство такое чудовище. Кругом была чужеродная среда, где меня на каждом шагу подстерегали ловушки, а я самонадеянно воображал себя завоевателем, хозяином. Как же, я заставил (мы заставили) отступить большую океаническую акулу! Человек непобедим не только на земле, но и под водой. Конец легенде об акулах-людоедах.

Правда, я недолго пыжился. Нелепое самодовольство улетучилось уже через несколько недель, при первой нашей встрече с *Carcharhinus longimanus* — акулой, которая является неоспоримым владыкой тропического океана. В одной из прежних книг я уже рассказал во всех подробностях об этой первой встрече, чуть не ставшей последней для Фредерика Дюма и меня. Находясь на «Эли Монье» в тропической Атлантике, поблизости от островов Зеленого Мыса, мы загарпунили гринду, или шароголового дельфина, весом около тонны. Наша жертва

билась на конце стометрового линя, и другие гринды кружили возле судна, не желая бросать еще живого товарища. И сразу начали появляться большие акулы. Машина была застопорена, и мы с Дюма пошли в воду с трехбаллонными аквалангами; я взял кинокамеру, чтобы поснимать гринд. Начало драмы не заставило себя ждать.

Не успели мы погрузиться, как на глубине пяти-шести метров увидели лорда Лонгимануса, или, как мы его потом назвали, князя Долгорукого. Он был не похож на акул, виденных нами ранее. Массивный коричневатосерый силуэт отчетливо проступал на ярком фоне голубой воды. Широкая округлая голова, огромные грудные плавники, закругленный на конце спинной плавник. На концах плавников — большие белые пятна. Впереди, у самого носа акулы, шла маленькая рыбка-лоцман; казалось, ее несет волна сжатия. Чрезмерно самонадеянные, мы выпустили связывающую нас с судном веревку и пошли прямо на акулу. Нам понадобилось какое-то время — слишком много времени! — чтобы сообразить, что Долгорукий уводит нас за собой, что он отнюдь не напуган нашим появлением. Поняв это, мы смертельно испугались. Теперь мы думали только о том, чтобы поскорее вернуться на судно. Поздно... «Эли Монье», по-прежнему связанный с гриндой, не мог следовать за нами, и наблюдатели перестали различать наши воздушные пузырьки среди пенных гребней.

Судно сносило все дальше от нас. Берега не видно, до дна около двух миль. Две синие акулы, очень стройные, несмотря на крупные размеры, присоединились к нашему лонгиманусу, и вместе вся тройка затеяла хоровод вокруг нас, постепенно сужая круги. Двадцать минут — они показались нам бесконечными — три акулы расчетливо, но достаточно упорно шли в атаку всякий раз, когда мы поворачивались к ним спиной или кто-то из нас всплывал к поверхности, чтобы подать нашим товарищам сигнал, которого на судне все равно не замечали. Каким-то чудом лодка, спущенная на воду капитаном «Эли Монье», отыскала нас и спасла от неминуемой гибели. Незадолго перед тем, как нас вытащили из воды, я разбил кинокамеру о голову лонгимануса в жалкой попытке отразить штурм и выиграть хоть немного времени.

Это происшествие — сегодня я расценил бы его как очень серьезное — было следствием непомерной самоуверенности, которая развилась у нас в предшествующие недели. Нрав князя Долгорукого тоже сыграл свою роль. С тех пор мы сотни раз встречали этих круглоголовых акул с закругленными плавниками и круглыми пятнами на плавниках. Это единственный представитель селахий, ни капли не боящийся подводных пловцов.

У нас и потом не раз бывали конфликты с акулами. Однажды у восточного берега вулканического острова Джебель-Таир в Красном море Фалько и Дюма пришлось прятаться в коралловом гроте от стаи акул, одержимых каким-то массовым остервенением. А южнее того же острова мы с Дюма как-то попали в окружение нескольких десятков мелких, около метра длиной, акул, которые явно были чем-то взбудоражены и вели себя точно стая молодых волков. Нам пришлось тотчас выходить из воды. Вообще мы убедились, что молодые акулы часто ведут себя агрессивнее старших. Иногда, охваченные коллективной паникой, они обращаются в бегство, но иногда от них просто спасу нет.

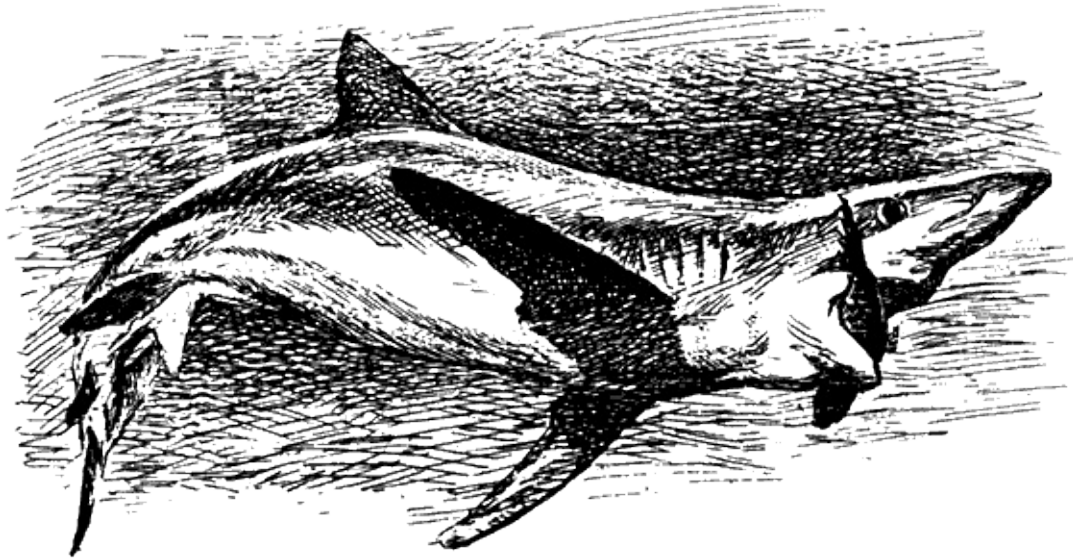
Здесь мне вспоминается случай, происшедший поблизости от острова Боавишта в Южной Атлантике. Мы поймали тигровую акулу, самку, которая была, что называется, на сносях. Доктор Лонже сделал обреченной мамаше кесарево сечение, и десятка два вполне сложившихся акулят выпустили в воду. Я в это время находился в воде, вооруженный деревянной палкой, которой разгонял морских ежей на участке, где работал. Один из новорожденных с хода впился зубами в палку и затряс ее, дергаясь всем телом: точная имитация движений взрослой акулы, когда она отхватывает куски мяса от тела раненого дельфина или кита.

Размышляя об акулёнке, атаковавшем палку, и о камере, которой я пытался отбить нападение *Carcharhinus longimanus*, я и решил снабдить наших аквалангистов так называемой акулёй дубинкой. Это всего-навсего метровая палка с тупыми шипами на конце, чтобы не скользила. Наряду с защитной клеткой дубинка по-прежнему остается единственным более или менее эффективным средством охраны от акул.

В наших коллекциях в Океанографическом музее в Монако есть окаменелые зубы вымершей акулы *Carcharodon megalodon*. Острые как бритва треугольные зубы напоминают вооружение большого белого «людоеда» *Carcharodon carcharias*, с той разницей, что они в десять раз больше зубов современной акулы. Воображение рисует нам «сверхлюдоедов» длиной около двадцати метров, которые, слава Богу, жили на земле задолго до появления человека. К сожалению, мы располагаем только зубами этого титана, ведь хрящевой скелет акулы не сохраняется. Так что нашим чучельникам надо было работать с предельной научной осторожностью, когда они делали модель в натуральную величину. Пасть этого вымершего гиганта могла бы проглотить небольшой грузовичок!

Глава третья **Идеальный убийца**

Раненый кашалот и свирепые акулы Индийского океана.

Восприятие акулой вибраций воды.

Обоняние акулы.

Акула и подводный охотник.

Острое зрение акулы

Вот уже двадцать лет мы сажаем людей в клетки, чтобы защитить их от акул; куда логичнее было бы делать наоборот, но это неосуществимо. Стальные или алюминиевые клетки подвешиваются под «Калипсо» или под каким-нибудь из катеров, чтобы аквалангистам было где укрыться. Если все идет гладко, убежищем не пользуются. Если отношения между

людьми и акулами становятся натянутыми, подводники отступают к клетке. И когда уж обстановка совсем накаляется, аквалангисты заходят в клетку и подают сигнал, чтобы их поднимали наверх. Именно клетки позволили нам наблюдать и снимать кровавые оргии акул, пожирающих добычу.

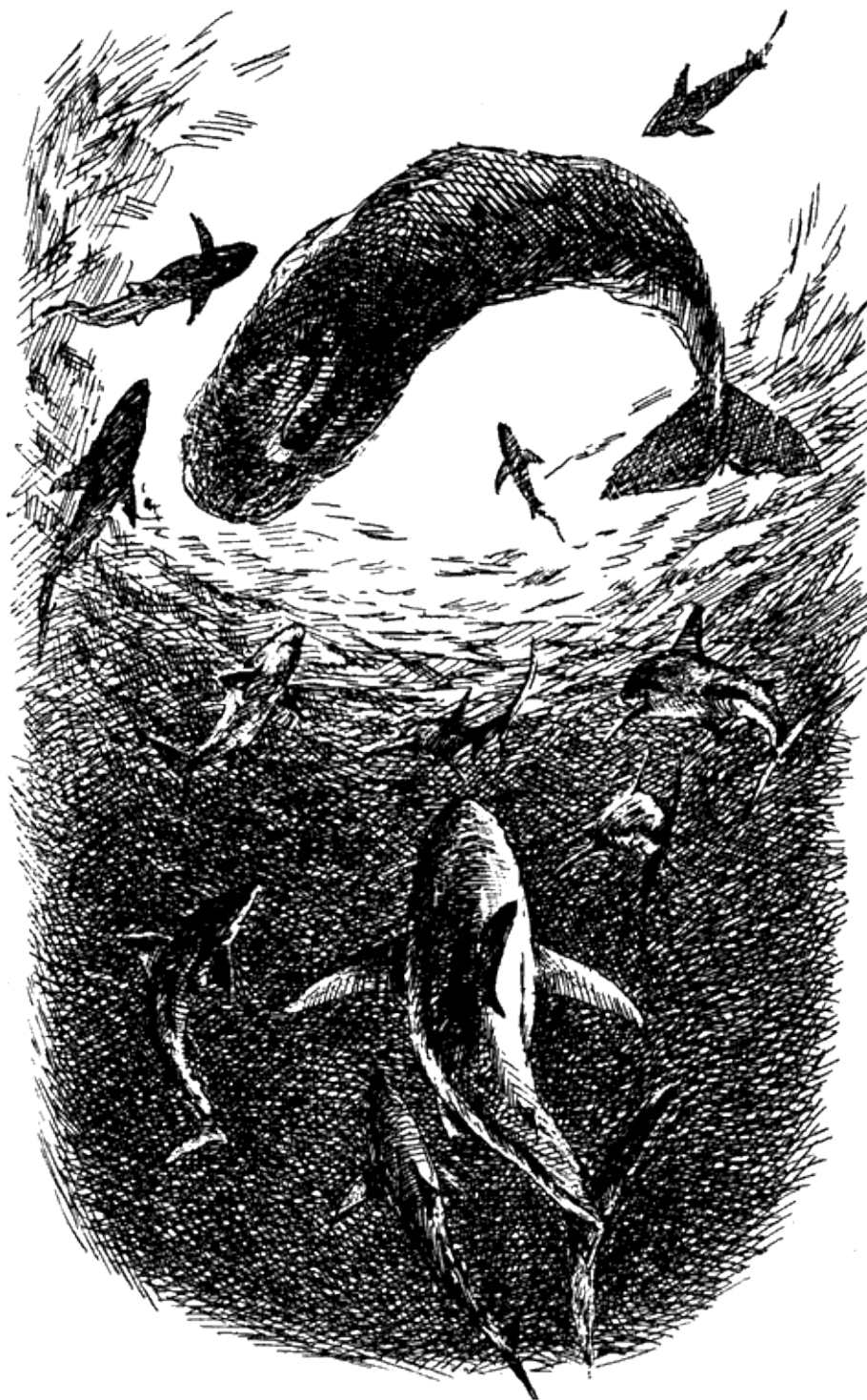
«Идеальный убийца» вооружен могучей пастью с невероятно острыми зубами, мощными и эффективными движителями и очень чувствительными органами восприятия. Однако железные мышцы опираются на сравнительно слабый хрящевой скелет, рот в нижней части головы отнесен назад, нижняя челюсть не очень-то прочно закреплена, и зубы, строго говоря, не часть челюсти. Как совмещаются эти противоречия?

Только пятнадцать лет назад, когда «Калипсо» оказалась втянутой в одну из драм океана, я смог проследить вблизи, как действует смертоносный механизм в лице акулы. В ста милях к северу от экватора, посреди Индийского океана «Калипсо» встретила кашалотов, которые шли группами от трех до семи штук довольно медленно, вероятно, потому, что среди них было много детенышей. Целое утро мы сопровождали их, подходя порой совсем близко — настолько близко, что, идя со скоростью всего восемь узлов, не сумели избежать столкновения и врезались носом в крупную китиху весом около двадцати тонн. Основной удар пришелся по нашей драгоценной подводной обсерватории, и Луи Маля, снимавшего из нее китов, основательно потрянуло. Только мы снова развили ход, как юный кит, меньше четырех метров длиной, попал под наш левый винт. Острые лопасти распорили тело злополучного китенка, словно машинка для резки ветчины, и хлынула кровь. Несмотря на раны, малыш, которому было от силы несколько недель, поплыл к родителям, и взрослые киты окружили беднягу, пытаясь как-то помочь ему. Вдруг здоровенный кит — очевидно, вожак стада, — сильно работая хвостом, на несколько секунд поднялся вертикально над водой на треть своей длины. При этом он повернулся в нашу сторону, и мы прочитали явный гнев в его маленьком сверкающем глазу. «Калипсо» серьезно ранила двух его подопечных, и теперь он словно присматривался к нам, взвешивая возможности для мести. Видно, он решил, что опасность чересчур велика. Кит нырнул, и все стадо ушло за ним в глубину, оставив смертельно раненного китенка. Пуля в голову положила конец страданиям животного, после чего мы зацепили его тросом с крана на юте.

Вскоре показалась первая акула, потом их стало две, десять, двадцать. Это все были *Carcharhinus longimanus*, длиннокрылые владыки глубин длиной от двух с половиной до четырех метров. К ним присоединилась великолепная голубая акула длиной около четырех с половиной метров,

стройная, с острым удлинённым рылом и огромными бессмысленными глазами. Почти у каждой акулы висело около рта с полдюжины прилипал, до смешного похожих на ордена, украшающие грудь генерала; кроме того, хищниц эскортировали лоцманы. Пока готовили клетки и снаряжение для погружения и съёмок, я наблюдал поведение шайки акул, окруживших истекающую кровью тушу. Откуда эти мародеры, эта орда, в полутора-двух милях от ближайшего острова, при глубине около трёх миль? Они явно сопровождали кашалотов, осторожно следовали за ними в кильватере, питаясь объёдками великанов, страшась их мощи, но готовые использовать малейший признак слабости.

Идя на сближение с жертвой, акулы строго соблюдали определённый ритуал. С величайшей осторожностью они ровно, как бы с лентой, кружили около ещё не остывшего китенка. Вместе с тем они держались очень уверенно, ничуть не боялись нас: отгонишь одну багром — через секунду уже вернулась. Время работало на них, и они это знали. Добыча не уйдёт.

Вот уже час, как продолжается этот маневр, а еще ни одна акула не подходила к китенку вплотную... Наконец они начали касаться его рылом, чуть-чуть, одна за другой, снова и снова, сотни раз, но зубы в ход не пускали. Точно так же они поступали с нашей защитной клеткой.

Вдруг голубая метнулась вперед. Одно движение могучих челюстей —

и будто огромная бритва отсекала несколько килограммов кожи, мяса и жира. Это послужило сигналом к началу оргии.

Без какого-либо видимого перехода плавное кружение мгновенно кончилось, остервенелые акулы спешили ухватить свою часть добычи, и каждый укус оставлял в туше яму величиной с ведро. Я не верил своим глазам. И с ужасом представлял себе, что творится после крушения корабля или самолета в океане.

Защищенные клеткой, которую без конца толкали и задевали эти хищницы, мы смогли снять эту сатурналию в упор, с расстояния одного-двух метров. Этот случай помог мне узнать, как именно действует грозное оружие акулы.

Хотя рот акулы отнесен назад, это не мешает ей с ходу вонзать зубы в тело жертвы. Когда акула разевает пасть, нижняя челюсть подается вперед, а рыло поднимается вверх так, что образует почти прямой угол с продольной осью тела, и раскрытая пасть оказывается в передней части головы. словно волчий капкан, усаженный множеством блестящих острых зубьев, впивается в жертву. Все силы, весь свой вес акула вкладывает в яростные рывки, и зубы работают точно пила. Мощь этой пилы такова, что акула в одно мгновение отрывает изрядный кусок мяса. И отходит, оставив в туше глубокое, четко очерченное отверстие. Отвратительное, жуткое зрелище...

Одна из тайн природы, чрезвычайно волнующих наше воображение, — как животные общаются между собой. Возьмем сушу: все обитатели леса тотчас узнают о появлении кровожадного хищника. Грифы и другие падальщики собираются около больного или раненого животного еще раньше, чем оно успеет умереть. В нашем мире света и воздуха сигналы распространяются посредством зрения, обоняния и слуха. Под водой зрение и обоняние играют такую же роль и действуют примерно так же, как на поверхности. То же можно сказать о слухе, но тут появляется новый фактор. Пожалуй, можно сказать, что все морские животные, как и их наземные собратья, могут издавать звуки, и в этом они схожи между собой, но жители моря наделены уникальной способностью перемещаться в жидкой среде без слышимых звуков. Отсюда выражение «мир безмолвия». И однако морские животные тоже как-то улавливают беззвучное появление, проход или атаку других обитателей подводного царства. Это свойство, присущее, насколько я могу судить, всем рыбам, я бы назвал «восприятием» или «ощущением» воды. Двигаясь в жидкой среде, тела — более или менее плотные — порождают вибрацию, или так

называемую волну сжатия. Эту волну можно сравнить с порывом ветра, который ощущает человек на улице, когда мимо на большой скорости проносится автомашина. В жидкостях с низким удельным весом волны или зоны сжатия распространяются недалеко, подобно тому как воздушная волна от автомашины не ощущается, если отступить назад на несколько шагов. Зато чем плотнее среда, тем лучше распространяются вибрации, тем большее расстояние проходят, тем выше их скорость. В море каждое движущееся тело окружено присущей ему системой волн сжатия, варьирующихся в зависимости от всех характеристик данного тела и его движения: скорости, плотности тканей, размеров, формы и прочих специфических данных. Естественно, разные животные по-разному улавливают и анализируют волны сжатия. Даже высокоразвитые морские млекопитающие, скажем дельфин, не могут определить происхождение и причину вибраций, воспринимаемых их чувствительной кожей. А вот костным рыбам волны сжатия сообщают всю информацию, необходимую для их выживания. То же можно сказать о хрящевых рыбах, в том числе об акулах, хотя тут действует несколько иной механизм.

Принято считать, что предназначенная для восприятия и анализа волн сжатия сенсорная система у сельхей сосредоточена в узкой полосе, протянувшейся вдоль боков от глаза до стебля хвоста. Это так называемая боковая линия, составленная из подкожных канальцев, которые сообщаются с внешней средой через множество маленьких пор, открывающихся прямо в воду. Наполняющее канальцы студенистое вещество проводит, а возможно, и усиливает вибрации; кроме того, они выстланы нервными клетками с миниатюрными крышечками. Смещаясь из положения покоя, крышечка раздражает нерв, и сигнал тотчас передается в мозг. Поступающая таким образом информация анализируется и определяет реакцию акулы. Я видел, как акулы стремительно появлялись из-за скалы или глыбы коралла, привлеченные вибрациями, которые были вызваны хлопками в ладони.

Некоторые биологи считают, что акула воспринимает волны сжатия на расстоянии не больше тридцати метров. А слух развит у нее несравненно лучше и позволяет уловить информацию на гораздо большем удалении. Я возвращаюсь к этому вопросу в предпоследней главе.

Среди органов чувств морских животных меня особенно поражает их обоняние. Трудно себе представить, как это можно различать запахи в такой нейтральной среде, как вода. А ведь акула способна идти в океане за запахом много миль и найти его источник. Вероятно, именно это свойство позволило хищникам обнаружить нашего злополучного китенка, из ран

которого попадало в море огромное количество крови.

Ноздри акулы устроены так, что сенсорные клетки постоянно омываются встречным потоком воды. Эти ноздри образуют как бы желобки на голове, обычно направленные продольно или диагонально, чтобы увеличилась площадь соприкосновения между слизистой оболочкой и средой. У тех акул, которые подолгу остаются неподвижными на дне, ноздри омываются током воды, проходящим через рот при дыхании. Обоняние селажий работает по тому же принципу, что наше, только оно во много раз острее. На воздухе запахи создаются летучими частицами, которые растворяются в жидкости на слизистой оболочке носа. Это химическое соединение раздражает обонятельные нервы.

В подводном царстве сама вода служит растворителем и переносит химические раздражители к нервным клеткам органа обоняния. Коренное отличие и замечательная особенность обоняния акул по сравнению с нашим заключается в острой направленности его действия. Чаще всего ноздри акулы расставлены очень широко, и, улавливая малейшие различия в концентрации запаха, акула направляется туда, где запах сильнее. К тому же акула на ходу водит головой из стороны в сторону, а это позволяет ноздрям исследовать более широкий сектор и еще точнее определять, где находится источник запаха. Понятно, чем шире расставлены ноздри, тем сильнее направленное действие органа обоняния; есть догадка, что это может быть одной из причин, почему эволюция снабдила такой странной головой рыбу-молот (*Sphyrnidae*). У молотоголовой акулы ноздри помещены на концах торчащих в разные стороны долей головы. У взрослого экземпляра расстояние между ноздрями достигает полуметра.

Мы провели на «Калипсо» опыт, чтобы проверить удивительную чувствительность и направленность акульего обоняния. На гладком песчаном дне возле одного рифа в Красном море, на глубине около двадцати метров, выпустили в воду зеленый раствор и несколько сот метров шли за струей. Направление струи не было прямым, потому что течение, огибая кораллы, образовало небольшие завихрения. Мы обозначили его метками на песке. А затем там же, где была выпущена краска, спустили в воду полиэтиленовый мешочек с почти бесцветной жидкостью, которую выжали из наловленной рыбы.

Нам не пришлось долго ждать. Почти одновременно появились две акулы, их разделяло не больше метра-двух. Шли они стремительно, с явным нетерпением, и быстро водили головой из стороны в сторону. Чуть не по пятам за ними плыли еще четыре акулы, не очень крупные, около метра в длину. Они шли, как на бреющем полете, над самым песком, и его

ребристая поверхность причудливо искажала их тени. Акулы были поглощены поиском и совершенно не замечали нас. В море, как и повсюду в природе, голод уступает только половому влечению. У каждой коралловой глыбы они слегка терялись, и возбуждение росло; очевидно, завихрения на миг сбивали их со следа. Весь поиск был завершен в восемь минут и закончился метрах в трех от конца размеченной нами трассы. Глядя на этих хищниц, которые вели себя в точности как свора охотничьих собак, я вспомнил имя, данное им греками, — «гончие морей».

Проводя этот опыт, мы моделировали достаточно обычную и крайне опасную ситуацию. Известно, что подводный охотник, подстрелив рыбу, как правило, снимает ее со стрелы, подвешивает к поясу и продолжает охоту. Теперь за ним тянется след крови и пахучих частиц, выделяемых раненой или убитой рыбой. Если поблизости есть акулы, они сразу примчатся, привлеченные вибрациями воды от судорожно бьющейся добычи. А затем, взяв след обонянием, они настигнут безрассудного пловца — и вот вам очередной случай «нападения акул». Правда, я еще не слышал, чтобы акулы атаковали подводника, защищенного гидрокостюмом.

Когда читаешь рассказы о нападениях акул на опрометчивых подводных охотников в разных концах света, бросается в глаза, что все или почти все ранения наносились на уровне поясницы, то есть там, где подвешивают убитую рыбу. Невольно склоняешься к выводу: если обычно подводный пловец является для акулы своего рода загадкой, побуждающей ее вести себя осторожно, так как она не получает позитивной информации, то подводный охотник, окруженный запахом своего улова, воспринимается хищницей как естественная добыча, и она уже не колеблется. Прекрасно сознавая, что им грозит в море, некоторые любители подводного избиения, которое они называют спортом, предусмотрительно привязывают улов на шнур длиной пять-шесть метров. Для них встречи с акулами, как правило, оканчиваются вполне благополучно.

В своей отличной книге «Акула нападает» Копплесон пишет: «Чаще всего подводных пловцов ранят акулы, отнимающие у них рыбу. Подводный охотник, плывущий с уловом, не должен удивляться, обнаружив, что его сопровождает акула».

Разумеется, никто из нашей команды не допустит такой опрометчивости. Если мы решили подстрелить рыбу для исследования или для того, чтобы внести разнообразие в наш стол, охотник тотчас всплывает к поверхности и передает добычу и ружье на сопровождающую лодку. Заметив поблизости акул, он немедленно выходит из воды.

К числу самых живучих легенд, связанных с акулой, относится

утверждение, будто она плохо видит. Как и всякая ложная информация, эта легенда опасна, потому что верящий в нее подводник может подпустить акулу близко, надеясь, что она его не заметит. Наш опыт работы на «Калипсо» учит совсем другому. Так, однажды я погружался на рифовом мелководье вблизи островов Зеленого Мыса у побережья Африки и заметил вдали акулу. Я с трудом ее различал, да и то лишь потому, что сероватое тело четко выделялось на фоне ослепительно белого песка. Я парил неподвижно на небольшой глубине, так что журчанье пузырьков воздуха из моего акваланга заглушалось плеском волн на поверхности. На несколько секунд я отвел глаза в сторону, привлеченный симметричными очертаниями огромного ската, который наполовину зарылся в песок как раз подо мной — обычный прием маскировки скатов. Не знаю, то ли инстинкт сработал, то ли я уловил какое-то движение, но я тут же резко повернулся в ту сторону, где видел акулу. И весь напрягся: акула находилась метрах в десяти, она шла прямо на меня со скоростью и неотвратимостью торпеды. Я погружался один, и у меня не было чем защищаться.

Когда акула мчится прямо на вас, это совсем не обычное зрелище; пожалуй, анфас она выглядит всего грознее. Глаз почти не видно из-за их бокового расположения, а щель полуоткрытой пасти и три симметрично расставленных плавника делают ее похожей на какого-нибудь устрашающего злого духа, вызванного ацтекским колдуном. В полуметре от резиновых ластов, которые я метнул в акулу, пытаюсь хоть как-то оборониться, она вдруг круто свернула в сторону и ушла на глубину. Откровенно говоря, мне было не до того, чтобы определять ее видовую принадлежность, я успел только заметить, что в ней около двух-трех метров длины.

Ни звуков, ни запахов не было, так что атакующая акула, несомненно, руководствовалась зрением.

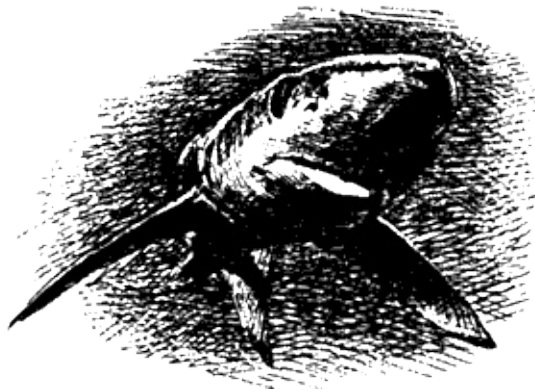
Профессор Перри Джильберт, изучив работу органов зрения двух десятков акул, пришел к такому выводу: в сетчатке акульего глаза очень много палочек и сравнительно мало колбочек, отсюда — высокая светочувствительность, но относительно слабая разрешающая способность и плохое восприятие цветов. Чувствительность системы усиливается за счет серебристых пластин — *tapetum lucidum*, — которые расположены позади сетчатки и отражают свет так, что каждый луч возбуждает ее дважды. Для защиты глаз от чрезмерно яркого света рефлекторы перекрываются шторкой в виде пигментированной пленки. Зрачок очень подвижен и смыкается до такой степени, что остается лишь маленькая точка или щелочка, смотря о каком виде акул идет речь. Хрусталик почти

сферический, и форма его не изменяется. У него очень высокий коэффициент преломления, и в состоянии покоя он дает четкое изображение далеких предметов. Чтобы сфокусировать зрение на близких предметах, мышцы хрусталика подают его вперед, не изменяя выпуклости. Таким образом, акула вполне способна видеть далеко и различать очертания предметов, особенно если они образуют световой контраст с окружением. Высокая чувствительность глаза акулы делает его достаточно восприимчивым даже при очень слабом освещении.

В описанном мной случае акула находилась гораздо ниже меня, и мой силуэт четко проступал на фоне светлой поверхности моря, то есть условия были самыми благоприятными для хищницы.

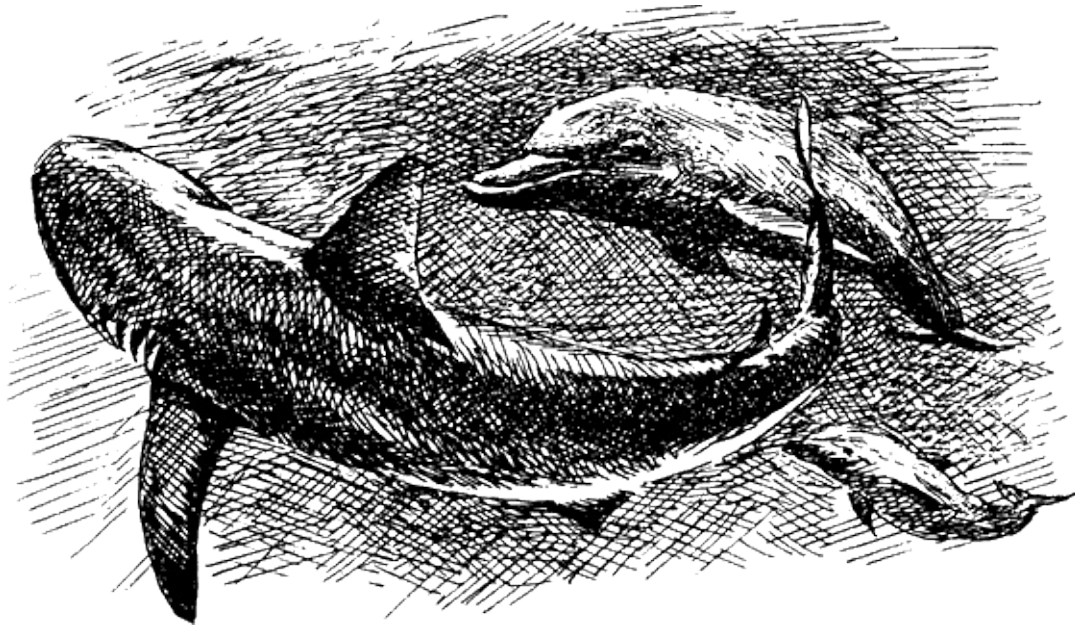
Все названные свойства и уникальные особенности плюс ряд других, о которых я буду говорить дальше, делают акулу чрезвычайно грозным хищником. В своем царстве она кажется непобедимой. Так оно, очевидно, и есть, во всяком случае так было миллионы лет, пока в ее мир не вторглись теплокровные животные — китообразные. Только эти, более совершенные создания смогли взять верх над акулой.

На суше огромные рептилии, весившие десятки тонн, были истреблены сравнительно небольшими млекопитающими. В подводном мире обошлось без истребления. Достаточно было просто появиться существам с более развитым мозгом и большей приспособляемостью, и акула лишилась ореола непобедимости.

Глава четвертая

Теплая кровь и холодная кровь

Что случилось в море с раненым дельфином.

Акулы идут за дельфинами и другими морскими млекопитающими.

Дельфины убивают акулу в аквариуме.

Как акулы поедают китов

Восход солнца. Вечно новый рисунок прибоя. Снегопад. Звездное небо. Все это повседневные картины, и однако я никогда не устаю ими любоваться. Созерцание и самая целеустремленная деятельность одинаково настраивают меня на размышление, и я постигаю волшебный хаос Вселенной, управляемой случаем и преходящими, изменчивыми законами. Мысли уходят в чудесные странствия, и суетное желание доискаться сути

вещей пропадает, остается только спонтанный восторг и радость. И ни одно зрелище не располагает меня так сильно к беспечным думам, как вид дельфинов, играющих в воде перед носом судна.

Если стая большая, кажется, что они мгновенно слетелись со всех сторон. Пришедшие с кормы напрягают все силы, чтобы не отстать от волн, расходящихся от форштевня. Они прыгают с гребня почти вертикально и возвращаются в воду там, где кривизна бегущей волны наиболее благоприятна для них. Дельфины, приближающиеся с носа, идут медленнее, выписывают изящные пируэты и ждут минуты, чтобы занять то место в нескольких дюймах от форштевня, где создаваемые судном волны сжатия будут лучше всего толкать их вперед. И начинается игра.

Они плывут легко, непринужденно, будто струятся в толще воды, время от времени поднимаясь к поверхности за воздухом. Подобно искусному пловцу-спортсмену, они предельно сокращают дыхательный цикл и выдох делают под водой, так что из дыхала в верхней части головы вырывается серебристая цепочка воздушных пузырьков. Подводные выдохи служат также признаком оживленной беседы играющих дельфинов, ведь прогоняемый через более или менее плотно сжатое дыхало воздух рождает модулированные вибрации, которыми животные сообщаются между собой. Лучшее место для игр — ложбина под волной у форштевня, но там тесновато, поэтому участники занимают его поочередно.

Из подводной обсерватории в носовой части «Калипсо» вам открывается какая-то фантастическая картина. Вода рассекается судном, а дельфины кажутся недвижимыми, будто их увлекает вперед некая магическая сила. Какие только акробатические трюки не входят в их репертуар: вращения и сальто, высокие прыжки над водой и вертикальное погружение. Иногда они предоставляют судну толкать себя, прижимая хвост к носовому обводу. Сам дельфин при этом не делает никаких усилий, он как бы сливается с осью движения судна, и его влекут вперед тысячи лошадиных сил, заключенных в наших дизелях.

Самым молодым разрешается только недолго играть в эту игру, и рядом непременно идет мамаша. Может быть, это простая предосторожность, а может быть, у малышей еще не хватает сил, чтобы долго сохранять трудное и утомительное положение. Я никогда не видел, чтобы дельфиненок один включался в эту игру: это явно запрещено.

Дельфины глядят на нас сквозь воду и стекло смеющимися глазами, как будто ждут ободряющих возгласов или аплодисментов. Меня больше всего привлекает тепло и буйная радость, выраженные в их взгляде.

Однажды мне пришлось наблюдать, как наш судовой врач производил

вскрытие самки дельфина, которую мы подобрали, умирающую, у берегов острова Стромболи в Средиземном море. Спасти ее не удалось, тогда доктор решил найти причину недуга и обнаружил прободение язвы. Во время этой операции он не произнес ни слова, но суровое лицо отражало его чувства. Анатомия дельфина оказалась настолько похожей на нашу, что ему даже стало не по себе.

Дельфины — млекопитающие, как и мы; и у них тоже теплая кровь. Размеры и вес мозга, а также число извилин близки к нашим; то же можно сказать о других органах. Из-за особенностей внутреннего строения дельфины куда более уязвимы, чем костные рыбы или селахии. Однако они не хуже рыб приспособлены к морской среде. Подобно акулам, они достигли почти идеальной обтекаемости. Те и другие развивают на короткие расстояния одинаково высокую скорость, те и другие широко распространены во всех морях земного шара. Питаются они одинаково, в основном рыбой. Но есть одна разница: дельфин не ест мяса, акула иногда ест. Отсюда их вражда. Два соперничающих сюзерена не могут ужиться в одном владении, кто-то из них должен подчиниться другому. Под водой коренное различие заключается в том, что акула, поскольку она питается мясом, представляет естественную угрозу дельфину, а тому мясо селахий не нужно, и он им никак не угрожает. Когда-то, за много миллионов лет до появления человека, голодная акула впервые атаковала дельфина. Можно представить себе, что акула вышла победителем из этого первого поединка и стала воплощением зла в подводном царстве. Сходные случаи известны в библейской истории, но аналогия на этом кончается, ведь акула, хотя она для большинства людей остается морским Каином, не преуспела в своих владениях так, как преуспели на суше потомки Авелева брата.

Как ни парадоксально, изменения, которые произошли в организме дельфина, когда он постепенно приспособился к водному образу жизни, его не ослабили. Напротив, унаследованный от наземных животных позвоночник позволяет ему лучше плавать в вертикальном направлении, что особенно важно для животного, поднимающегося к поверхности за воздухом. Гладкая кожа с жировой прослойкой способствует лучшей обтекаемости, даже управляет ею (ламинарное течение), сводя до минимума сопротивление среды движению дельфина. Наконец, как теплокровное животное, дельфин способен на гораздо более длительные мышечные усилия, чем любые рыбы, включая акул. У млекопитающих кровь обращается быстрее и под большим давлением, чем у холоднокровных рыб. Следовательно, больше приток обогащенной кислородом крови к мышцам теплокровного животного и выше

эффективность мышечной ткани. И хотя дельфин и акула развивают одинаковую скорость на небольшом отрезке, у дельфина скоростная выносливость намного выше. Отмечу кстати, что наибольшая зарегистрированная скорость дельфина приближается к тридцати узлам, но, возможно, он при опасности плывет еще быстрее. К тому же максимальная скорость может быть различной для разных видов дельфинов, а их больше шестидесяти.

Другое фундаментальное различие, уже в пользу акулы, — в устройстве рта. У нее огромная пасть, а челюсти оснащены грозным оружием — острейшими зубами, которые рассекают и мясо и кости. Маленькие наклоненные назад клыки дельфина годятся для того, чтобы поймать и удержать рыбу, но не для того, чтобы рассекать и рвать мясо. Тем не менее рыло дельфина — его главное наступательное и оборонительное оружие в борьбе с акулой. Несколько дальше мы остановимся на этом подробнее.

Наконец, главное преимущество дельфина — более развитый мозг и умение общаться со своими товарищами. Акула — одинокий зверь, вроде аляскинского волка. Ее контакт с другими представителями рода носит характер случайный и непреднамеренный. Акулы собираются вместе преимущественно для раздела добычи. А дельфины живут в высокоорганизованных коллективах, способных разработать и применить единую для всей группы линию поведения. И однако я много раз замечал, что в открытом океане за стаями дельфинов непременно — через несколько часов — следуют крупные акулы. Видимо, селахии находят искомое. Спрашивается: как? Вряд ли кто-нибудь знает точный ответ, но я могу представить себе такую картину.

С приходом сумерек в океане начинается таинственный балет, суровый и достоверный, как никакой другой спектакль. Происходит переоценка ценностей, настолько радикальная и полная, что все — и люди, и звери — чувствуют ее. В просторах гидрокосмоса, пронизанных неоднородными вибрациями, отряд дельфинов сбавляет ход и плотнее смыкает ряды, как и всякая орда кочевников при наступлении ночи. Гребни длинных ленивых волн розовеют — кровавое предвестие для дельфинов, ведь по следам ночи часто идет смерть. В пронзительном ритме трелей и чириканья угадываются возгласы предупреждения на дельфиньем языке. Ряды сомкнулись, детеныши заняли место около спинного плавника матерей. Чуть поодаль самцы образовали защитный круг. А в миле от дельфинов перестраиваются акулы. Предупрежденные меркнувшим светом, подчиняясь смутному древнему инстинкту, они тоже собираются вместе. Среди

пурпурных бликов тянутся длинные штрихи стального цвета от спинных и хвостовых плавников. Ночь. Дельфины спят в нескольких дюймах от поверхности воды, каждые полминуты всплывая во сне, чтобы вдохнуть прохладный, влажный ночной воздух. Детеныши принаравливают свои вдохи к дыханию матерей, ревностно сохраняя излюбленное место чуть позади материнского спинного плавника. Время от времени весь отряд открывает глаза и видит расшитый серебристыми стежками бархатный свод над океаном.

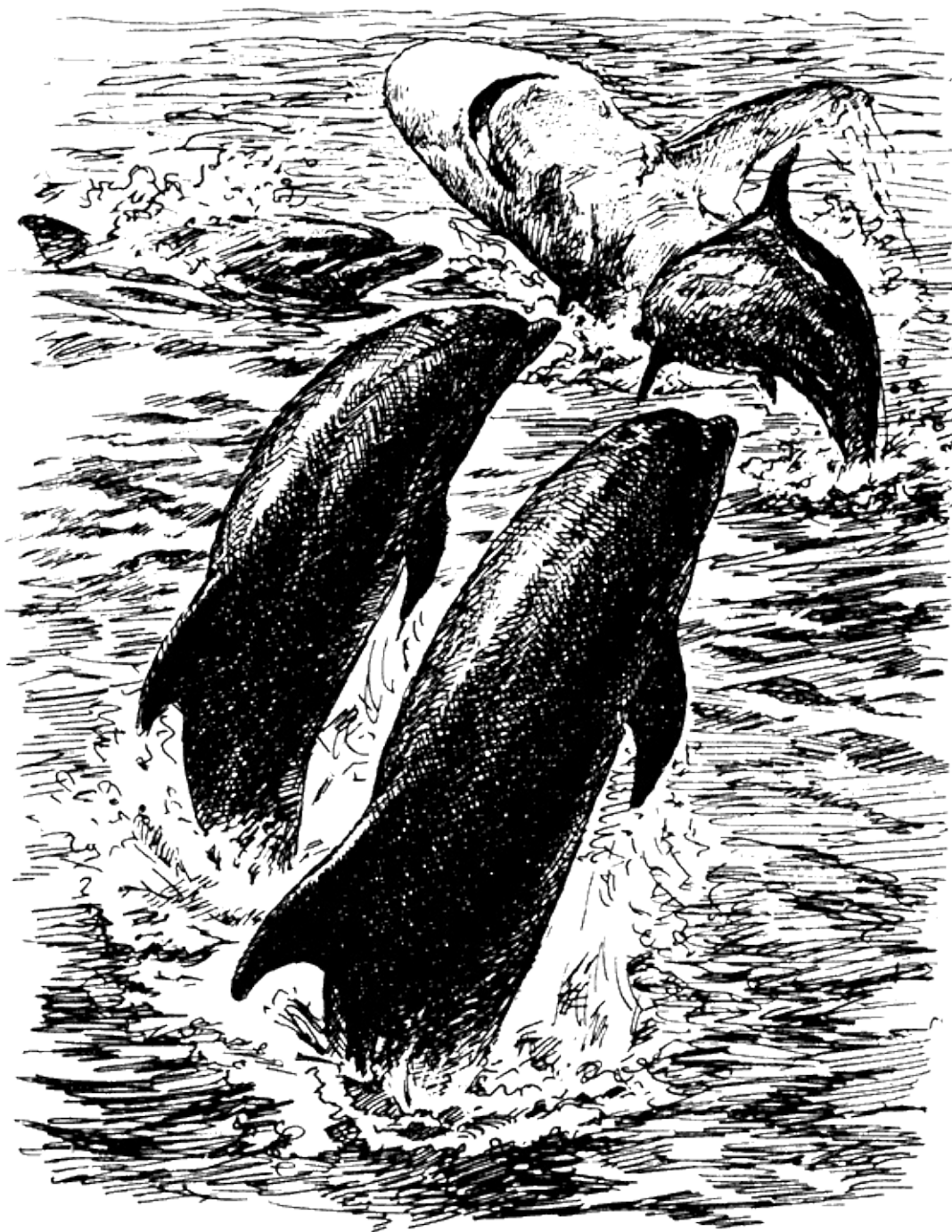
Из-за испарений, вызванных еще днем лучами солнца, ночью воздух над поверхностью моря кажется холодным, а вода — теплой и приятной. Какой-то дельфин позволил себе немного отстать от стаи. Ему положено просыпаться каждые несколько минут, но он спит крепче обычного. А ведь секунды бодрствования, необходимые, чтобы не потерять своего места в строю, нередко решают: жить или не жить? Может быть, это старый боец, сильнее прежнего утомленный долгим дневным переходом? Или беспечный юнец решил еще порезвиться на скатах ночной зыби? Или попросту больной дельфин, засыпающий вечным сном?

Серебристый глаз большой голубой акулы замечает неподвижный черный силуэт, а когда речь идет об одинокой жертве, акула не мешкает, акула атакует.

Из распоротой груди дельфина вырывается большой черный пузырь воздуха, унося с собой его жизнь. Одновременно этот пузырь — последний предсмертный сигнал тревоги и предупреждения товарищам. Отряд настораживается, но, ослепленный ночным мраком, может только слушать звуки, издаваемые акульей шайкой, которая неотступно сопровождает мертвого дельфина, медленно погружающегося в абиссаль в торжественном ореоле бледной фосфоресценции. В море отдаются короткие, резкие крики — это голоса дельфинов; лоя отраженное эхо, они узнают, где находится враг, где — добыча, где — друг. Звуковые локаторы, для которых тьма не препятствие, сообщают дельфинам, что опасность миновала, акуля свора далеко позади и утолила свою алчность. И снова покой ночи нарушается лишь неистовой пляской светящихся микроорганизмов, непрерывно плетущих паутину из эфемерных вспышек.

Не думаю, чтобы каждая ночь влекла за собой такие трагические последствия для дельфинов. Акулы идут за дельфиньей стаей прежде всего в расчете на отстающих больных или раненых животных, на мертворожденных детенышей, даже на куски пуповины или плаценты. Происшествия вроде описанного мной, наверное, редки, и я сам видел, как акулы бегут от дельфинов.

Это было в Красном море, у кораллового барьера, окаймляющего с запада острова Фарасан у Саудовской Аравии. В кристально чистой воде, тут и там пестрящей пятнами суетливых рыбок, я вдруг заметил какое-то резкое движение. Изрядной величины акула стрелой промчалась мимо меня, явно спасаясь от кого-то паническим бегством. Тут же показались два дельфина, преследующих ее. Они уже выходили из моего поля зрения, когда я увидел два других силуэта, они приближались с противоположной стороны и вынудили акулу свернуть влево под углом девяносто градусов. Она ушла в сторону моря, преследуемая объединившимися вместе четырьмя дельфинами. Похоже было, что мне довелось быть свидетелем одной из жестоких драм подводного царства, причем на сей раз козлом отпущения была акула. Не знаю, чем окончилась эта погоня, но, судя по наблюдениям, проведенным в большом калифорнийском океанарии, вряд ли акула вышла победительницей.

Случаи, о которых я сейчас расскажу, были отмечены в нескольких океанариях США и дают мне повод верить, что хотя акула и представляет постоянную опасность для дельфина, он может с ней справиться.

В большом бассейне, где держали дельфинов обоего пола, много недель с ними мирно сосуществовала акула. Дельфины играли по всему объему бассейна, не обращая на нее никакого внимания. Акула плавала над

дном, регулярно поедая корм, который ей давали люди. Но вот пришла пора одной из самок родить, и сразу налаженный порядок поломался. То ли дельфинам надоело присутствие чужака, то ли, что более вероятно, они понимали, какая опасность грозит новорожденному, когда рядом находится их исконный враг, столь чуткий к запаху крови. Так или иначе дельфины решили избавиться от акулы.

Стартуя в дальнем конце бассейна, они на всей скорости неслись прямо на ошеломленную рыбину и поочередно ударяли ее рылом в область брюха. Через несколько минут акула была мертва. Снаружи — никаких ран, но внутренности были искалечены так, словно ее колотили тараном.

В другом случае дельфины так яростно атаковали помещенную к ним акулу, что наутро ее тело нашли метрах в десяти от бассейна. Они ее буквально «вышвырнули за борт», и невозможно было определить, была ли она уже мертва тогда или задохнулась потом.

Используя свои эхолокаторы, свою скорость, острые «клювы», а главное — мозг, дельфины, как правило, могут справиться с акулами. Но этого не скажешь о всех китообразных. Китобои, возвращаясь с промысла, рассказывают жуткие истории о том, как акулы нападают на китов и разрывают их на части. Правда, такие случаи, наверное, все же редки, ведь крупные киты достаточно сильны, чтобы убить любую из селхий. Скорее всего речь идет о больных или ослабленных одиночках, а может быть, о китах, смертельно раненных самими китобоями или грозным врагом кита — косаткой.

Не известно ни одного достоверного случая обдуманных, согласованных действий акул: только запах пищи, крови или отбросов вызывает коллективную атаку. Конечно, против такой атаки вряд ли кто-нибудь устоит. Но вообще-то можно подумать, что сама природа, как бы устранившись от оружия, которым она снабдила акул, решила зато умерить их агрессивность и лишить способности к коллективному мышлению.

Правда, каждый год множество акул собирается у входа в лагуны Южной Калифорнии, ожидая миграции серого кита. В декабре серые киты из арктических вод приходят к берегам Мексики. Здесь они рожают и выращивают детенышей, а в марте возвращаются на север. Как и у всех диких животных, смертность потомства при рождении и в последующие несколько недель достигает в среднем 30 процентов. Серый кит не самый крупный представитель усатых китов, его максимальная длина — около пятнадцати метров. Самки рожают в глухих уголках лагуны одного, редко двух детенышей и кормят их молоком три-четыре месяца. Новорожденный весит почти тонну.

Участвуя в экспедиции в этом районе, наша исследовательская группа работала под руководством профессора Теодора Уокера из Скриппсова института в Сан-Диего. Годом раньше он видел здесь много акул, одну из них по снятой им фотографии опознали как белую акулу *Carcharodon carcharias*. Мы-то, исходя из своего опыта, считали, что акулы не заходят в относительно мелкие мутные воды лагун; я тут, сколько ни погружался, ни одной не видел. Тем не менее, исследуя один из заливов лагуны Скаммона, Мишель Делуар, профессор Уокер и я однажды обнаружили признаки их присутствия. Отступая во время отлива, море оставило на берегу молодого мертвого кита. С грустью смотрел я на животное, которое погибло, не успев даже пожить. Среди уходящих вдаль немых дюн лежало великолепное создание, коему суждено было стать всего лишь падалью, легкой добычей морских птиц. Видимо, его погубила какая-то болезнь, но на боках кита мы увидели четкие овальные метины от акульих челюстей.

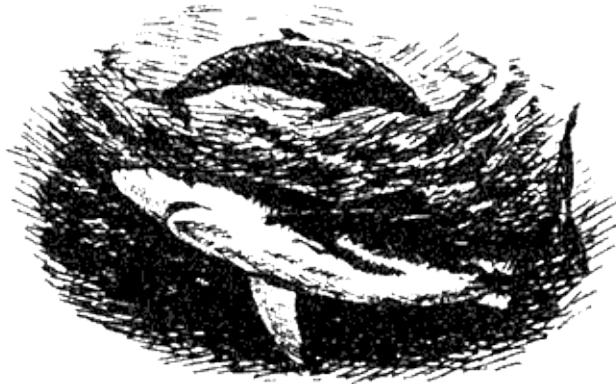
Поразительно, что акулы словно знают, когда мигрируют серые киты. В это время хищницы собираются и ждут их. Не думаю, однако, чтобы китовое мясо — как, впрочем, и дельфинье — составляло постоянную пищу акул. По-моему, к проливам у лагун их привлекает надежда перехватить какие-нибудь отбросы, выносимые течением, скажем плаценту. Чем-то это похоже на голодную собаку, которая терпеливо ждет у дверей кухни, когда повар вынесет объедки.

Есть среди китообразных один, соединяющий в себе все преимущества дельфина и челюсти страшнее акульих. Я говорю о косатке. Ее сила и способность действовать согласованно со своими сородичами так велики, что она может одолеть даже самых крупных китов, хотя взрослая косатка достигает в длину не больше десяти метров. Мощь косатки ярко подтверждается сценой, о которой рассказывает профессор Уокер. Наблюдая с вертолета береговой охраны миграцию серых китов, он заметил у берегов Южной Калифорнии косаток, по видимости занятых игрой у поверхности моря. В полумиле от них лениво плавала трехметровая акула. Вдруг профессор Уокер увидел, как одна из косаток нырнула вертикально и исчезла. Минуты через три она появилась как раз под акулой, миг — и выскочила из воды, держа добычу в пасти. На долю секунды охотник и жертва словно застыли в воздухе, потом скрылись в фонтане брызг. Профессор Уокер объясняет этот необычный случай тем, что косатка (*Orcinus orca*) издали обнаружила акулу своим эхолотом. Уйдя вертикально на большую глубину и так же вертикально ринувшись к поверхности, она застигла акулу врасплох. В самом деле, меньше всего на свете акула могла ожидать вертикальной атаки из пучины.

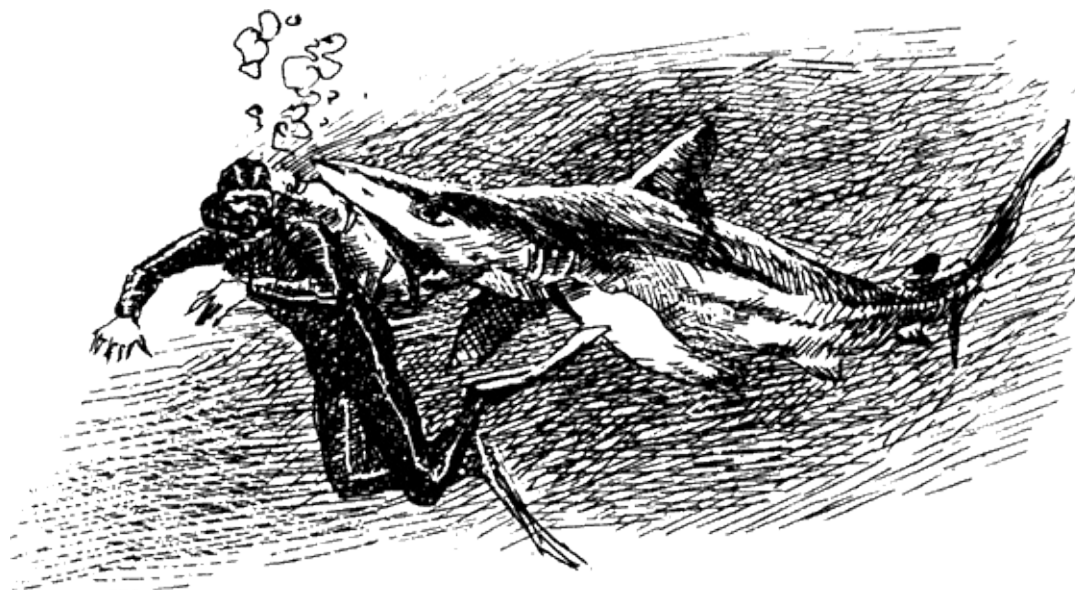
Словом, и акула не является неодолимой; в подводном мире, как и в нашем, ум и смекалка побеждают грубую силу, пусть не всегда, но достаточно часто. В поединке между теплой и холодной кровью млекопитающие побеждают рыб. Нет, акула не безраздельный властелин

морей, однако она остается самым многочисленным среди тех обитателей океана, которые представляют серьезнейшую опасность для другого из теплокровных млекопитающих — для человека.

Глава пятая

Акуля обсерватория

Абу-Марина.

Операция «ля Балу».

Отлов и изучение акул.

Действие анестезирующих средств: коньяк, МС-222.

Органы дыхания

Каное (это кличка Раймона Кьензи, одного из наших двух старших водолазов) разбудил меня рано утром. Мы находились в Красном море, в виду рифов Абу-Марина, составляющих часть архипелага Суакин у берегов Судана. Вдвоем мы поднялись на самую верхушку мачты, чтобы выбрать наилучшую якорную стоянку для «Калипсо». Панорама пространного

лабиринта рифов (большинство из них было почти вровень с поверхностью воды), глубоких проливов и белых песчаных островков навевала спокойствие и задумчивость. Она походила на огромную палитру со всеми оттенками синего и зеленого цветов. В этих водах нам предстояло провести различные эксперименты и наблюдения над акулами в неволе.

Разделенные глубокими протоками коралловые гряды раскинулись на площади в несколько квадратных миль. Средние глубины в этом районе — около шестидесяти метров. Мы уже убедились, что часто фауна богаче всего вдоль кромки рифа. Там, где крайний риф обрывается вертикально вниз на глубину семисот пятидесяти метров, к его обитателям добавляются животные открытого моря. Здесь — лучшая охота, это излюбленные уголья больших хищников. Тут постоянно ходят акулы, сопровождаемые барракудами, тунцами, стаями серебристых карангов. У карниза, отделяющего маленький красочный мир рифа от открытого моря, жизнь становится особенно активной и особенно буйной.

Мы решили бросить якорь поближе к рифу, с его восточной стороны, обращенной к морю. Сонар вычертил отлогую песчаную банку шириной около двадцати метров. Ее глубина под коралловой стеной — почти пятнадцать метров, по внешнему обводу — двадцать пять.

Как только машина была застопорена, звено аквалангистов — Каноэ и Серж Фулон — пошло в воду, чтобы осмотреть риф и подыскать самое подходящее место для наших установок. Через несколько минут они вернулись и повели нас к проходу между двумя коралловыми грядами. С обеих сторон к поверхности воды поднимались изумительные многоцветные глыбы, окруженные мерцающими стаями суетливых рыбок. И с обеих сторон склон полого уходил в голубую бездну. Через этот миниатюрный Гибралтар непрерывным потоком струились крупные каранги и стаи рыб-хирургов.

Место было бесподобное, и старший помощник Поль Зуэна развернул «Калипсо» бортом к оси пролива примерно в двадцати метрах от рифов. Устройство, которое мы собирались применить здесь, представляло собой клетку шириной около полутора метров, высотой около двух. Выпуклые стенки из прозрачного плексигласа не боялись сильных ударов. Множество отверстий в стенках обеспечивало свободный приток воды внутрь, где помещался аквалангист. Обитатель этого необычного аппарата — в первом эксперименте это был Марсель Судр — мог либо снимать через прозрачные стены происходящее снаружи, либо выйти наружу через люк в полу, либо просто наблюдать поведение акул, оставаясь в полной безопасности. Далее, эта клетка, сконструированная моим братом Мишелем и названная им «ля

Балю» в честь злополучного кардинала ля Балю, которого Луи XI будто бы заточил в огромную птичью клетку, должна была помочь нам выяснить, станут ли акулы прямо атаковать аквалангиста. И наконец, если положить ее на бок и открыть люк, получалась отличная ловушка для поимки и изучения небольших акул.

Наведя камеру снизу на поверхность моря, я снимал, как «ля Балю» входит в воду — она была до того прозрачной, что я хорошо просматривал весь корпус «Калипсо», все сорок метров. Как только клетка погрузилась, Марсель заплыл внутрь и отцепил трос, соединяющий ее с кораблем. И она медленно пошла вниз, будто огромный мыльный пузырь; только и видно что алюминиевый каркас. Течение, устремленное к проливу, медленно понесло клетку к верхней части склона. Несколько маленьких черноперых акул уже оторвались от дна и направились к ней. Они были не больше метра в длину и держались предельно осмотрительно. Описали около «ля Балю» один-два круга и возобновили свои ленивые эволюции над песком. Эти акулы редко удаляются от дна или коралловой гряды, однако могут стать опасными, так как легче возбуждаются и забывают об осторожности, чем представительницы других видов. Я не видел других акул, которые, как они, хватали бы добычу с первого же захода. Зная их повадки, Марсель теперь, оторвав взгляд от меня, сосредоточил все свое внимание на акулах.

Наконец «ля Балю» коснулась дна, и я пошел к ней, снимая наезд. Я сильно выдохнул и без всяких усилий погружался головой вниз, причем кинокамера образовала как бы продолжение моего тела. Тихо дыша, я в который раз упивался состоянием наслаждения, которое дает человеку полет в трех измерениях. Когда я поравнялся с клеткой, Марсель уже повернул ее так, что она легла на одну из своих выпуклых стенок. Люк был открыт, Марсель развязал мешочек с кусками свежей рыбы. Опираясь о кораллы, я приготовился снимать. Почти мгновенно подскочила маленькая акула, схватила голову каранга и умчалась с ней прочь. Две других акулы ринулись вдогонку, и завязалась короткая потасовка. Первая акула быстро решила проблему, проглотив всю добычу целиком. Соперницы ушли в сторону, а победительница удалилась; она резко дергала головой и никак не могла сомкнуть пасть. Тем временем со всех сторон слетелись в расчете на поживу другие. Инцидент привлек полтора десятка хищниц того же вида длиной чуть больше метра. Я забрался поглубже в свое коралловое укрытие, а Марселью приходилось то и дело закрывать люк, так как у акул заметно прибавилось прыти. Когда акула хватала кусок рыбы помягче, все обходилось мирно, без драк и погони, когда же добычей оказывался костистый кусок или голова, сразу начиналась потасовка. Видимо, скрип

зубов по костям или хруст разгрызаемой головы воспринимаются другими акулами как призывный сигнал.

Между тем акуля возня около клетки приняла совсем буйный и беспорядочный характер. То одна, то другая акула налетала на прозрачный плексиглас и растерянно сворачивала в сторону. Вряд ли они пытались добраться до аквалангиста, просто их привлекал мешочек с рыбой. И я видел, как Марсель каждый раз непроизвольно выставлял вперед руки и отступал в глубину клетки. Забавно, однако вполне естественно. Акула не различала преграды, отделяющей ее от добычи; в свою очередь и аквалангист еще не свыкся с тем, что охраняющий его плексиглас не виден в воде.

Невозможно без жути смотреть, когда акуля орда бешено рвется туда, где представительница их рода разжилась куском рыбы. Кажется, ничто не может остановить их, кажется — это конец. Однажды мы с Каноэ, плывая вдоль небольшого рифа в Красном море, едва не стали жертвой такой атаки. Мы подстрелили каранга, но рана была не смертельной, и рыба отчаянно билась на конце шнура. Тотчас появилась длинная белоперая акула и закружила перед маленькой нишей в кораллах, в которой мы кое-как укрылись. Надо было поскорее добить нашу жертву, пока ее корчи не раздразнили акулу. Каноэ взял свой водолазный нож и пронзил им костистую голову каранга, разрушая нервные центры. В ту же секунду акула развернулась, да так стремительно, что ее очертания буквально смазались. С немислимой скоростью она одолела разделяющий нас отрезок и врезалась в баллоны на спине моего товарища. Удар явно слегка оглушил ее, и она с такой же скоростью удалилась. Мы с Каноэ даже не успели пошевелинуться; к счастью, мой друг, защищенный аквалангом, остался невредим.

Мне кажется, эта молниеносная атака была вызвана скрежетом ножа о кость и предсмертными судорогами нашей злосчастной жертвы. Нет никакого сомнения в том, что у акул превосходный слух. Опыт показывает, что они реагируют на стук под водой, на звон колокола, на шум, производимый работающим подводным пловцом. Обычно такие звуки вызывают у акул усиленный интерес, так что советы вроде: «Увидев приближающуюся акулу, хлопайте по воде руками» или: «Чтобы отогнать акулу, кричите в воду» (как нередко наставляют начинающих аквалангистов) — я бы назвал чуть ли не преступными. Мне часто доводилось испытывать оба этих способа. В лучшем случае у меня потом оказывался сорванным голос или долго болели руки. Но чаще всего за криком или за ударом ладонью по воде следовала немедленная атака. Тем

не менее, погружаясь, чтобы изучать или снимать акул, мы нередко кричим в воде, однако не затем, чтобы отогнать их, а чтобы привлечь поближе к кинокамере.

Другой применяемый нами аппарат — «сквалоскоп» конструкции моего брата Жана-Мишеля, позволяющий наблюдать и изучать акул в замкнутом пространстве. Это прямоугольный ящик площадью 3,5 на 3 метра, высотой в метр. Стенки набраны из вертикальных прутьев с просветом около пятнадцати сантиметров. Крыша составлена из четырех прозрачных пластиковых куполов, через которые отлично видно акул внутри сквалоскопа. Пола нет, а одна из стенок делится на две секции с дверью в виде пластиковой плиты, которая ходит в пазах.

Сквалоскоп был установлен на дне в то же утро, а щедро разбросанная с корабля рыба помогла привлечь к месту нашей работы акул. Поль Зуэна, наш старпом, опустил сквалоскоп на воду рядом с «Калипсо». Воздух под пластиковыми куполами поддерживал аппарат на плаву, и ничего не стоило отбуксировать его к нужному участку. После этого оставалось только вынуть затычки из каждого купола, воздух вышел, вытесняемый водой, и сквалоскоп, падая, словно осенний лист, опустился на песчаное дно на глубине двадцати метров.

Мы работали с телохранителями, иначе говоря, погружались по двое, причем один из двойки должен был охранять со спины другого. Первое звено составили Каноз и Хосе Руис. Я занимался съемкой, меня охранял Серж Фулон. С первого же взгляда я насчитал добрых два десятка акул. Преобладали черноперые рифовые акулы длиной от силы полтора метра, но были и особи покрупнее, с белой кромкой на плавниках. *Carcharhinus albimarginatus* — с ними лучше держать ухо востро. Они напоминали мне тигров среди выводка домашних кошек.

Акулы уже описывали ленивые круги, изучая сквалоскоп бесстрастными глазами. Некоторые подались было кверху, словно хотели встретиться нас, но на полпути круто повернули и пошли обратно на дно. Иногда такой маневр может стать опасным для аквалангиста: ведь стоит одной акуле ускорить ход, как другие, словно подстегнутые этим, рвутся опередить ее. Для крупных акул это не характерно, но часто можно видеть, как четыре-пять мелких хищниц несутся к вам с немислимой скоростью, готовые без раздумья пустить в ход свои зубы.

Каноз приступил к поимке акул придуманным нами способом. Между прутьями напротив двери сквалоскопа он просунул веревку с гладким крючком, на который был насажен кусок свежей рыбы. Веревка тянулась через всю клетку так, что приманка оказалась снаружи перед входом. Как

только акула увидит рыбу и метнется к ней, Каноэ живо отдернет веревку. И когда акула войдет за приманкой в сквалоскоп, за ней закроют дверцу. Очень просто. Если ловишь кроликов или мышей. Но совсем иное дело, когда четверо аквалангистов применяют этот способ для отлова акул на глубине двадцати метров около рифа в Красном море, в окружении трех десятков хищниц.

События развивались так стремительно, что вскоре все смешалось. Каноэ и Хосе удалось заманить в сквалоскоп сразу двух акул, но запах свежей рыбы уже подействовал на остальных хищниц. На моих глазах, пока Хосе возвращал на место приманку, две небольшие акулы с ходу врезались в прутья клетки и отскочили, будто рикошетирующие пули. В воде вокруг нас словно носились серые стрелы. Стало трудно следить за происходящим. Двухметровая акула схватила приманку и так решительно воспротивилась попыткам Каноэ втолкнуть ее в клетку, что сквалоскоп заходил ходуном. Человек и акула тянули изо всех сил каждый в свою сторону. В конце концов акула, упираясь в угол клетки, сумела оборвать веревку. Краем глаза я заметил, как Хосе поспешно отбрасывает мешочек с рыбой, который держал в руке. Маленькая акула распахнула огромную пасть и проглотила все целиком. Каноэ отбилась кулаками от крупной белоперой и пошел вверх. В эту секунду кто-то толкнул мою левую ногу, и я увидел рядом акулу длиной побольше метра. Она задела меня рылом, но, к счастью, воздержалась от укуса. Сбившись в кучу, следя каждый за своим сектором и отбиваясь дубинками и камерами, мы возвратились к лодке. А вокруг нас вращалась карусель из серых стрел, страшных своей мощью, но совершенно неорганизованных.

Пожалуй, больше всего меня поражает иррациональность акульего бешенства. Я чувствую себя совершенно бессильным; ни в каких других обстоятельствах я не испытывал ничего подобного. Из всех живых существ, какие я знаю, акула — самое, что ли, механическое, ее атаки лишены всякого смысла. Иногда она бежит от невооруженного подводного пловца, а иногда бросается на стальную клетку и яростно кусает прутья.

О каком бы другом животном ни шла речь, я знаю, что мои действия и реакции прямо влияют на его поведение. Ворона улетит, увидев меня в поле с палкой в руке, так как примет палку за ружье. Собака сразу чует, если человек ее боится. Даже рыбы у берегов Франции ведут себя спокойнее, если видят подводного пловца без ружья. Акулу же я воспринимаю как марионетку, которой управляют совсем не те силы, что дергают мои веревочки. Она будто пришелец с другой планеты; и уж совершенно точно — акула пришелец из другого времени. Появившись на

земле больше ста миллионов лет назад, она с тех пор нисколько не эволюционировала и продолжает пребывать в состоянии первоначального хаоса. В ее действиях нет никакой логики, они даже противоестественны, и однако акула идеально приспособлена к своему образу жизни. А может быть, все не так, может быть, дело в том, что ее порядок, ее логика отличаются от наших. Ведь есть же рядом с нами формы разума, совсем отличные от нашего. Возьмите, к примеру, насекомых.

Мы поднялись на борт «Калипсо» потрясенные, притихшие, находясь во власти чувства, которого не назовешь ни страхом, ни тревогой. Мы не испытывали облегчения от мысли, что все благополучно ушли от грозной опасности, была только предельная усталость и смутное сознание того, что нами пережито нечто необычное. Вспомнив толчок в левое колено, я мысленно подивился, как это обошлось без укуса...

У акул заведено «бодать» плавающие на поверхности воды незнакомые предметы; это явление тщательно изучалось исследователями. Профессор Будкер считает, что селахии анализируют вкус объекта «сенсорными ячейками», которые укрыты под своеобразными чешуями, выстилающими кожу акулы. Эти сенсорные ячейки устроены подобно вкусовым луковицам во рту и зеве акулы, и нервные волокна связывают их с тем же нервом, который получает импульсы от луковиц. Таким образом, акула может получить информацию о вкусе, потершись кожей о предмет. То ли сама вода кругом содержит какие-то химические индикаторы, то ли шершавая кожа акулы соскабливает достаточно частиц вещества, чтобы произошла реакция в нервных окончаниях, — во всяком случае хищница тотчас составляет себе представление о характере предмета, которого коснулась. Не исключено, что только благодаря неприятному запаху моего неопренового скафандра я все еще хожу на двух ногах.

Во второй половине дня мы снова пошли под воду, но на этот раз к нам опустили большую стальную клетку. Теперь можно было не думать об опасностях медленного всплытия, когда ты не прикрыт снизу морским дном и атака может последовать с любой стороны. Добавлю, что чем ближе к поверхности, тем, похоже, сильнее возбуждение акул, поэтому главная опасность грозит человеку, когда он выходит из воды.

Сквалоскоп был пуст. Обе пойманные нами акулы ушли. Правда, прутья клетки были алюминиевые, но и то их разделял такой маленький просвет, что акулам, наверное, пришлось протискиваться боком. Я с содроганием подумал, какая силища для этого нужна. Бернар Местр, сопровождавший теперь Каноз, укрепил сквалоскоп, связав все прутья вместе посередине. В этот раз мы работали без крючка, просто привязали

куски рыбы к веревке, которую держал Каноэ. Мы надеялись, что такой способ поможет нам сбросить клетку, ведь утром разъяренная акула чуть не разнесла вдребезги наш сквалоскоп. Мой телохранитель Бернар Шовеллен держался рядом со мной, готовый защитить меня со спины и помочь двум другим товарищам.

Акул было больше, чем утром, и атмосфера показалась нам куда более нервной. Я употребляю слово «атмосфера» в переносном смысле; опытный подводник знает: что ни погружение, то другая атмосфера. А когда работаешь с акулами, атмосфера играет особенно важную роль. Сегодня ты чувствуешь, что можно их гладить руками или не обращать на них внимания, а завтра с первой же минуты улавливаешь угрозу. Бывало, всем нам одновременно вдруг становилось не по себе, хотя акулы вроде бы вели себя по-прежнему, продолжая свой хоровод. В таких случаях мы сразу настораживались и приводили себя в боевую готовность. Мы никогда не пренебрегаем сигналом тревоги, каким бы он ни был неопределенным. А в другой раз, казалось бы в такой же точно обстановке, чувствуешь себя абсолютно спокойно, инстинкт говорит тебе, что можно безнаказанно приближаться к акулам.

Три десятка черноперых рифовых акул и десять — пятнадцать белоперых *Carcharhinus albimarginatus* медленно кружили около сквалоскопа. Небольшой группер занял клетку и продолжал сидеть в ней, когда мы приступили к работе на песчаном дне вокруг его импровизированного убежища. На этот раз программа наших действий была тщательно разработана заранее, и все шло куда более гладко. Мы быстро отловили четырех черноперых акул и приступили к экспериментам. Нам предстояло испытать разные анестезирующие вещества, подобрать такое, чтобы можно было усмирять акул для исследований. Скажем, закрыть акуле глаза и проверить ее обоняние или поместить у нее на голове электроды для снятия энцефалограммы.

Начали мы с беловатой жидкости под названием МС-222, хорошо известной биологам, которые применяют ее для отлова живых рыб. Мы вооружились огромным шприцем. Его поршень приводится в движение сжатым воздухом, и так как давление воздуха в баллоне выше давления окружающей среды, достаточно открыть клапан, чтобы шприц исторг большое облако белой жидкости.

Бернар Местр схватил за грудной плавник одну из пойманных нами акул и подтянул ее к прутьям клетки. Хищница яростно отбивалась, но Каноэ сунул ей в пасть конец шприца и открыл клапан. Шприц опорожнился, вся вода вокруг головы акулы — перед рылом, позади жабр

— помутнела. После этого Бернар отпустил акулу, и она снова закружила по клетке, тараня носом прутья. Мы долго ждали, когда же проявятся признаки вялости, но пленница продолжала плавать как ни в чем не бывало. МС-222 явно не подействовало.

Мы испытывали разные снадобья, разные способы, однако никак не могли добиться удовлетворительных результатов. Решили наконец прибегнуть к чисто французскому средству: инъекция коньяка. Доктор Юджини Кларк посоветовала нам испытать подкожное вливание спирта, но у нас не было на борту спирта, и мы заменили его коньяком: в нем ведь тоже немало градусов. Помню, как доктор Франсуа, держа в руках мензурку и ветеринарный шприц, стоял на кормовой палубе в ожидании моего отца, который пошел за непочатой бутылкой «трех звездочек». Естественно, раньше чем наполнять шприц, полагалось проверить качество коньяка, и, конечно, в дегустации должны были участвовать все подводники. Но вот наконец шприц наполнен, мы спускаемся по водолазному трапу. Эксперимент проходил очень весело, никто не сомневался в его успехе. Уровень жидкости в бутылке красноречиво свидетельствовал, что бутылка не один раз прошла по кругу, прежде чем мы решились проверять на практике гипотезы ученых. На этот раз под водой царил весьма оптимистическая атмосфера. Увы, достигнув дна, мы увидели, что все акулы в клетке мертвы. И тотчас подсознание настроило нас на серьезный лад. Водная толща кругом опустела, акулья орда исчезла, остались только четыре неподвижных туши в сквалоскопе.

Каное отложил ненужный шприц, просунул руку между прутьями и подергал одну из акул за хвост. В самом деле мертва... И остальные три тоже. Где-то вдаль, на пределе видимости я смутно различал медленно кружащиеся силуэты. Акулы... Но они теперь стали куда осторожнее и сторонились нас. Забыв про коньяк, мы попытались их приманить. Тщетно. Куски свежей рыбы соблазнили только уже знакомого нам небольшого групера. Лишь после того как были убраны погибшие акулы, нам удалось возобновить эксперимент. Что за сигнал тревоги распространился в толще воды и насторожил акул?

Опыты, проведенные во Флориде и в Тихом океане, показали, что запах мертвой акулы отпугивает других селажий. Близкий друг моего отца, Конрад Лимбо (он потом погиб при несчастном случае в подводной пещере), описал один такой опыт. Вместе с группой ихтиологов он изучал акул, обитающих в районе острова Клиппертон в Тихом океане. Однажды на берегу было оставлено несколько мертвых акул. Дня через два их туши начали разлагаться, и трупная жидкость потекла ржавыми ручейками по

песку в море. Вскоре акулы — а их в этих водах было очень много — совершенно исчезли.

Заинтересованный этим фактом, Лимбо стал проводить систематические опыты, наживляя рыболовные крючки акульим мясом разной степени разложения. Акулы даже близко не подходили к крючкам. Правда, этот эксперимент не был повторен в более широком масштабе. По очень простой причине. Избранный метод исследования, при всей его эффективности, оказался слишком уж тяжелым для экспериментаторов, так как запах гниющего акульего мяса вызывал у них острые приступы морской болезни.

Профессиональные ловцы акул, будь то в Южной Африке или во Флориде, отлично знают, что ярус на акул нет смысла оставлять больше, чем на несколько дней. На каждом ярусе до двухсот крючков; пойманные в первый день хищницы умирают через несколько часов, и через три дня ни одна живая акула не подойдет к приманкам.

Мы не раз убеждались в этом на «Калипсо»: если оставить на дне мертвую акулу, через несколько часов все живые уйдут.

Не исключено, что более подробное изучение этих фактов поможет найти действенное средство для отпугивания акул и защиты подводных пловцов. Конрад Лимбо применял в своих экспериментах не только акулье мясо, но и мясо других рыб и опроверг тем самым широко распространенное мнение, будто селахии едят только порченное мясо. Возможно, очень голодная акула не откажется от подгнившего мяса, но такие случаи редки.

Акулы в нашем сквалоскопе погибли потому, что клетка была мала. Они попросту задохнулись. Большинство акул — большая белая (*Carcharodon carcharias*), синяя (*Prionace glauca*), черноперая рифовая (*Carcharhinus maculipinnis*), рыба-молот (*Sphyrna lewini*) и другие — день и ночь непрерывно плавают: во-первых, у них нет плавательного пузыря, и если акула остановится, она пойдет ко дну; другим рыбам плавательный пузырь, объем которого они произвольно изменяют, позволяет останавливаться на разных глубинах; во-вторых, у акул, исключая некоторые виды, нет механизма для прокачивания через жабры воды, из которой кровь получает кислород. Другие рыбы непрерывно работают ртом, и создается постоянный ток воды, хотя бы сама рыба при этом стояла на месте. Возьмите обыкновенную золотую рыбку — она прекрасно дышит, не меняя положения в аквариуме. А большинству акул для дыхания необходимо двигаться. Теснота в нашем сквалоскопе обрекла пленниц на удушье, так как не давала им плавать достаточно быстро.

Уже после этого печального эпизода доктор Кларк рассказала нам о многих сходных случаях. Подопытных акул в бассейнах можно оживить, заставляя их плавать: аквалангисты тянут или толкают рыбину в воде, пока она не очнется. Известны и обратные примеры. Так, при съемке приключенческого фильма «Тандерболл» акул «усмиряли», таская их хвостом вперед или попросту не давая им двигаться какое-то время.

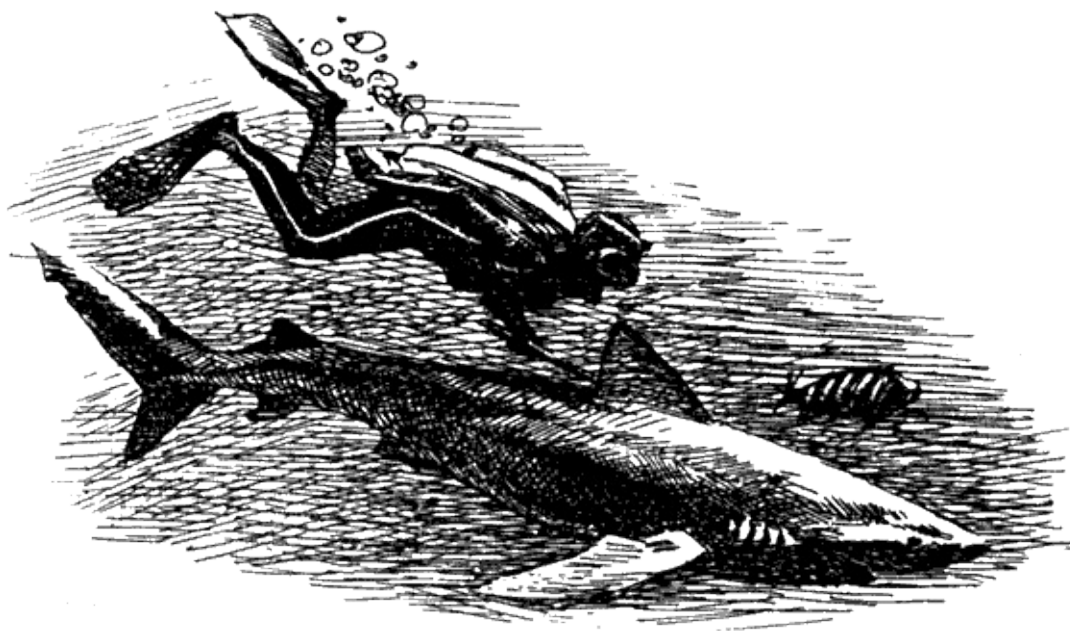
С тех пор мы разработали другие, более эффективные способы отлова, но я всегда буду помнить большую конструкцию из металла и пластика на песчаном дне у Абу-Марина. Тамошние акулы преподали нам полезный урок. Стоило нам зазнаться и ослабить меры предосторожности, и они показали нам, как изменчивы и превратны природа и море. Рискованное возвращение к поверхности явилось серьезным предупреждением для каждого из нас; после того случая наш отряд стал вести себя намного осторожнее.

И тем не менее, подводя итоги, я отнюдь не могу назвать эти эксперименты негативными. Мы получили ценные данные о поведении селхий и лучше разобрались в том, что надо, чтобы изучать акул в неволе. Но такие опыты требовали серьезной предварительной подготовки, а мы уже были в пути. Поэтому было ясно, что следующим этапом наших работ должно стать исследование акул на воле.

Глава шестая

Коррида в пучине

Метим акул бандерильями.

Трехметровая длиннокрылая.

Территориальные претензии акул

Моя камера направлена на Раймона Коля, он только что вышел из большой стальной клетки и не спеша плывет, держа наготове копьё. Уголком глаза вижу трехметровую синюю акулу, идущую на сближение с Раймоном. Акула никак не реагирует на подводного пловца, который, описывая плавную кривую, с каждым движением рук и резиновых ластов приближается к ней. Подходя к точке встречи, Раймон чуть ускоряет ход, учащая работу ног. Круглый глаз акулы ни на секунду не отрывается от него. Сейчас их разделяет меньше двух метров, и они продолжают сближаться. Нажимаю спуск камеры. Ее стрекотание действует как сигнал.

Рука Раймона выбрасывается вперед, и острое копьё вонзается в тело акулы у основания спинного плавника. Одно движение могучего хвоста — синяя отскакивает метров на двадцать и снова идет ленивым ходом. Пловец, едва не опрокинутый толчком воды, теперь предусмотрительно возвращается в клетку, сопровождаемый двумя серыми акулами с белыми плавниками. Оглядывается на меня и торжествующе поднимает вверх большой палец. Обычно бесстрастные глаза моего друга сейчас сверкают под маской: есть!

Поворачиваюсь к акуле и вижу, как она, заложив вираж поодаль, снова идет в нашу сторону. Идет медленно, не выказывая никакого интереса к нам, и когда она проходит передо мной, я вижу вихляющуюся желтую бирку на короткой бандерилье, которую Раймон воткнул ей у спинного плавника. Это четырнадцатая акула, помеченная нами сегодня. И последняя. Я подаю сигнал: пора возвращаться к поверхности, на корабль.

Это отнюдь не такой простой спорт, как может показаться. Далеко не все акулы ведут себя так смиренно, как большая *Galeocerdo cuvieri*; большинство из них реагирует куда быстрее, и реакция их может быть опасна. Чтобы пометить животное, Раймон должен подойти к нему на метр, вонзить наконечник копьё возможно ближе к спинному плавнику и быстро отдернуть древко. В итоге бандерилья из нержавеющей специальной стали останется в таком месте, где мясо акулы всего плотнее, и совсем не будет ей мешать. К бандерилье на плетеном нейлоновом шнуре привязана оранжевая пластмассовая бирка с номером и адресом Океанографического музея Монако.

Дважды сегодня акулы бросались с разинутой пастью на нашего импровизированного матадора, и Раймону приходилось поспешно удирать в клетку. К счастью, атаки были непродолжительными, акулы вскоре уходили. Эта подводная коррида производила на меня впечатление фантастического, волшебного зрелища. Даже краски парадные — золотисто-желтая, красная, синяя; наши легочные автоматы — словно трубы и тромбоны, и пузырьки воздуха создают музыкальное сопровождение праздника отваги. Всем нашим аквалангистам захотелось испытать себя в новом виде спорта, но лучше всех, несомненно, преуспевает Раймон Коль; возможно, тут играет роль его испанская кровь. И все-таки мне чуточку не по себе. Ведь перед ним не один бык, а целое стадо, которое к тому же располагает неограниченным простором для отступления и новой атаки. То, что я вижу, можно назвать корридой в трех измерениях.

Этот эксперимент должен помочь нам познакомиться с образом жизни

акул Красного моря. Мой отец уже подметил, что нередко на одном рифе бывает много акул, а на соседнем, всего в нескольких милях от первого, — ни одной. Больше того, узнавая акул по шрамам (шрамы есть почти у всех акул), можно было заключить, что та или иная популяция привязана к одному месту. О миграциях акул известно очень мало. Мы знаем только, что в определенное время года можно наблюдать крупные скопления того или иного вида акул на мелководье или в эстуариях больших рек. Многие исследовательские центры, особенно в Южной Африке и Австралии, изучают миграции акул. И все же до сих пор проблема эта остается темной; мы даже не знаем, точно ли акулы переходят из одного района в другой. Один из важнейших моментов в таком исследовании — найти надежный способ метить животных, подобрать пригодный для этого материал, ведь большинство меток довольно скоро выталкиваются организмом акулы. Так было и с нашими бирками. Кроме того, метку может сорвать или откусить другое животное, она может выскочить и от трения о камни и затонувшие корабли.

Мы не ставили перед собой масштабных задач, наша программа была куда скромнее. Мы знали, что наши бирки продержатся от силы несколько месяцев, и нам просто хотелось выяснить, является ли так называемая рифовая акула оседлой или она переходит с рифа на риф в поисках пищи. Кроме того, попробуем установить, можно ли сказать об акулах (если они оседлы), что они охраняют неприкосновенность своей территории, как это делают многие другие обитатели рифов или прибрежных областей. Естественно, если акулы ведут оседлый образ жизни, они к нам привыкнут и нам будет легче проводить любые другие опыты.

За неделю мы в архипелаге Суакин в Красном море поместили у восьми рифов и островов больше ста десяти акул. Кроме большой синей, встреченной нами в первый день, мы видели считанные единицы *Carcharhinus albimarginatus* и некоторое количество *Carcharhinus obscurus*, обитающих среди здешних рифов. Затем мы на три недели ушли из этого района на юг, чтобы поработать вблизи Джибути.

В пятницу 29 сентября, на другой день после нашего возвращения, Поль Зуэна забросил в воду большой крючок с приманкой — килограммовым куском мяса. Я находился под водой, и преломление света на поверхности моря как раз надо мной придавало странную гротескность движениям Поля. Его силуэт плясал и корчился на фоне голубого неба, и когда он стал подтягивать леску, это было словно некий пигмей с гигантскими руками бросал зерна в воду жестом сеятеля. Внизу показалась акула, она шла из темной пучины вертикально вверх, нацелясь на

приманку, которая качалась на воде в окружении маленьких концентрических волн. Ни дать ни взять управляемый снаряд, направленный точно в цель. И на этот раз нас первой встретила крупная *Carcharhinus albimarginatus* длиной два — два с половиной метра. Однако она, судя по округлости брюха, недавно поела; и в самом деле, хищница долго мешкала, прежде чем схватить мясо. С четверть часа она кружила, пока в хоровод не включились другие акулы, которые явно вознамерились присвоить себе добычу. Этого оказалось достаточно. Заложив последний вираж около моей клетки, причем я отчетливо увидел желтую бирку в основании спинного плавника, большая белоперая проглотила крючок.

Этот маневр акула проделывает удивительно ловко. Идя на добычу, она не ускоряет и не замедляет движение, а как бы походя вдыхает облюбованный кусок, и тот исчезает в ее открытой пасти. Но если этот кусок сидит на крючке, который вонзается ей в глотку, акула судорожно дергается и стремглав бросается вперед, отчего крючок впивается еще глубже.

Я отчетливо представлял себе, как Поль следит за бегом лесы под визгливый аккомпанемент хорошо смазанной катушки. Не ощутив никакого сопротивления, акула сбавила ход, и Поль начал выбирать лесу — медленно, осторожно, следя за тем, чтобы не было слабины. Акула яростно забила, она то колотила поверхность воды хвостом, то порывалась уйти ко дну. Остальные акулы следили за ней, держась в сторонке. Одна из них даже проглотила мясо, которое пленница отрыгнула, силясь избавиться от крючка. Они кружили словно стервятники в расчете на какую-нибудь поживу. Белоперая быстро теряла силы и все слабее сопротивлялась. Эта bestия оказалась малосильным противником. Во-первых, леса ограничивала ее подвижность и нарушала ток воды через жабры, отчего она задыхалась; вторая слабость акулы заключена в ее внутреннем строении. Внутренности акулы не поддерживаются ни связками, ни мышцами, опорой для них служит водная толща. Как только акулу извлекут из воды, тонкая кожа на брюхе растягивается и внутренние органы разрываются от собственного веса. Так что выловленная акула, даже если ее тотчас выпустят обратно в море и она уплывет прочь, обречена почти на верную смерть, потому что поврежденные органы уже не будут работать нормально. Но хотя акула быстро капитулирует (а это справедливо далеко не для всех видов), она достаточно живуча.

Возвратившись на палубу «Калипсо», я без особой радости смотрел, как расстается с жизнью наш старый враг. Куда подевалась его красота — он лежал обмякший, грязный, жалкий, по инерции отбивая привычный

ритм ободранным хвостом. Агония акулы может затянуться на час и больше, и не один моряк жестоко поплатился за то, что неосторожно приблизился к хищнице. Огромная пасть еще долго продолжала хватать пустоту, перепачканное тело билось и трепетало. Каноэ выдернул метку и отнес ее в каюту моего отца. Бросив последний взгляд на издыхающую жертву, я последовал за ним. Мы сверились с нашими журналами, где было записано, когда и где помечены акулы, и установили, что данный экземпляр был нами помечен месяц назад в этом самом месте.

Всего мы собрали шестьдесят пять бирок, и в пятидесяти семи случаях получили такой же результат. Меченный нами вид явно был оседлым, во всяком случае часть года. Однако это наблюдение нельзя считать полноценным, ведь у нас не было данных, чтобы судить о поведении тех же акул в другие времена года. Лаборатории и другие научные учреждения, занимающиеся этим вопросом, разработали определенную методику мечения. Но это достаточно сложная и обстоятельная процедура, и у нас не было ни времени, ни средств, чтобы одолеть все трудности.

Определив один характерный для этих акул фактор — их оседлость, — мы вскоре подметили и второй — территориальность. Когда говорят, что у акул есть своя территория, подразумевается, что какая-то часть рифа составляет ее единоличные угодья. Погружаясь в одном и том же месте, мы каждый день видели одних и тех же акул, которых обычно узнавали по шрамам. Впрочем, это не абсолютное правило, ведь ту же акулу можно видеть и на соседних участках рифа, а на ее территорию заходят другие акулы. Никаких конфликтов при этом не возникает, акула не изгоняет сородичей со своей территории, довольствуясь сознанием, что она здесь хозяйка. Мы установили то же самое для других рыб — группера, спинорога, мурены, некоторых крылаток. Крупная акула допускает на свою территорию других акул при условии, что они не выступают прямыми конкурентами. Им дозволяется добывать что сумеют подалее от глаз хозяйки, при ней они едят лишь остатки или все вместе расправляются с добычей, которая настолько велика, что хозяйке не под силу их отгонять. Если этот порядок нарушается, не миновать потасовки, о чем красноречиво свидетельствуют шрамы на коже акул. Правда, порядок, действующий на каком-то участке рифа, может быть поломан с появлением более сильного чужака. Подобно герцогу, умиряющему менее властительных вельмож, большая океанская акула иной раз набрасывается на своих менее дюжих или более робких вассалов.

Вскоре после второго визита на Суакин мы вернулись к рифам вокруг острова Даль-Габ (в западной части Красного моря, у берегов Судана),

чтобы продолжать опыты с мечением. Одновременно мы впервые применили систему связи, которая позволяла мне, находясь под водой, прямо разговаривать с моим отцом или любым другим человеком на мостике «Калипсо».

Сидя в большой клетке и держа наготове копьё для мечения, Марсель Судр приманивал акул, бросая им куски рыбы. Я укрылся с кинокамерой в одноместной клетке напротив него. Вокруг нас водило хоровод полтора десятка акул двух видов. Несколько крупных *Carcharhinus albimarginatus*, остальные — юркие серые акулы. Я тотчас опознал местного владыку: это была старая белоперая с зияющей яминой сбоку на челюсти — следом давней раны. Она плавала степенно, и другие акулы явно ее остерегались. Мы не впервые встречались с ней, считали ее чуть не старым другом. Она наведывалась каждый раз, когда мы тут погружались. Несколько дней назад мы пометили ее; она рассердилась и пыталась нас укусить. В ней было что-то от бдительного, опытного, закаленного старого воина. Стоило какой-нибудь другой акуле покуситься на нашу приманку, как ветеран набрасывался на виновницу со скоростью и точностью ракеты, вынуждая ее отступить. Правда, иной раз нарушительница успевала проглотить кусок и уйти; тогда большая белоперая прекращала преследование и снова принималась ходить по кругу, не тратя понапрасну время на бессмысленную погоню.

В этой обстановке налаженного порядка мы приступили к мечению последних акул данной группы. Отснята кассета, я передал на поверхность, чтобы мне прислали новую. Получив сто двадцать метров свежей пленки, я начал регулировать экспозицию и наводку и вдруг на пределе видимости, метрах в пятидесяти, заметил какую-то темную массу. Одновременно мне бросилось в глаза, что акулы, которые последние полчаса все смелее подходили к нам, насторожились. Сперва я не понял, в чем дело, так как не связал их изменившееся поведение с появлением смутного силуэта. Но через несколько минут все стало ясно. Причина внезапного переполоха приближалась.

Я узнал одну из самых грозных глубоководных акул, трехметровую *Carcharhinus longimanus*, представительницу хорошо известного моему отцу и всем нам вида. Ее сопровождали по меньшей мере восемнадцать здоровенных лоцманов, это из-за них я не сразу рассмотрел акулу в мутноватой воде.

Если впечатление грубой силы у других акул смягчается красотой сложения и элегантностью их движений, то представители этого вида попросту ужасны. Неровная бурая окраска с беспорядочными пятнами

смахивает на небрежный военный камуфляж. Тело более округлое, чем у других акул, огромные грудные плавники и закругленный спинной словно вымазаны по краям грязно-серой краской. Она плывет как-то порывисто, неровно, поворачивая туда и сюда широкое, словно обрубленное рыло. Маленькие глазки выражают жестокую непреклонность. Облачко лоцманов меняет очертания, они то разойдутся, то снова собьются в кучу в каком-то рваном, нервном ритме. Время от времени один из них отделяется от стаи, чтобы осмотреть какой-нибудь предмет, потом живо возвращается на место. На светлом брюхе акулы черными пятнами выделяются три прилипалы — две покрупнее, одна поменьше.

Неожиданно замечаю, что стало очень тихо. Собравшись с мыслями, понимаю, что просто я сам стал дышать медленнее, словно надумал притаиться. Марсель (нас разделяет полтора-два метра) тоже забыл про работу и следит за пришельцем. Большая белоперая акула исчезла, остальные мечутся, по-воровски сторонясь длиннокрылой. Акул, окруженных лоцманами, кто-то сравнил с «летающей крепостью», сопровождаемой истребителями; этот образ хорошо передает впечатление грозной силы, которой веет от зрелища, представшего нашим глазам.

Акула лениво кружила не меньше чем в пятнадцати метрах от наших клеток, но уже одно ее появление как бы отравило страхом этот уголок океана. Прошло еще несколько минут, прежде чем я наконец отреагировал. Я не собирался допускать, чтобы эта бестия сорвала нам работу, и сделал знак Марселю: продолжай. Появилась новая приманка, к ней метнулась небольшая акула, и Марсель сумел ее удачно пометить. Проверая, сколько у меня осталось пленки в камере, я снова заметил длиннокрылую. Она как будто не обращала на нас внимания, даже отошла еще дальше. У Марселя больше не осталось рыбы, чтобы приманивать акул, поэтому остаток пленки я израсходовал как попало на задержавшихся поблизости хищниц.

Я уже хотел дать сигнал, чтобы нас поднимали, как вдруг меня окружила суетливая стая бело-черных лоцманов. Они покинули акулу, словно повинувшись некоему таинственному сигналу, и заметались вокруг меня, как мотыльки над пламенем. Внезапно большая океанская повернулась и с невероятной скоростью ринулась вперед. В одно мгновение она одолела пятнадцать метров и очутилась под кормой «Калипсо», успев по пути схватить у самой поверхности приемопередатчик подводного телефона в блестящем боксе. Кабель был чисто разрезан, словно огромными ножницами. Акула скорчилась и отпрыгнула металлическую коробку, та быстро пошла ко дну, а длиннокрылая уже неслась на Марселя, который едва успел закрыть дверцу клетки. Хищница

отскочила от клетки, будто рикошетирующая пуля, бросилась ко мне, схватила челюстями прутья моей клетки в каких-нибудь пятнадцати сантиметрах от моего лица и принялась остервенело трясти их. Мысленно я уже видел, как связывающая меня с поверхностью веревка обрывается и клетка тонет. Тогда мне останется лишь выходить наружу и всплывать без всякой защиты от рассвирепевшего врага. Но тут акула оставила в покое несчастную клетку, развернулась и ушла так же стремительно, как напала, сопровождаемая едва поспевающим за ней эскортом лоцманов.

Мне казалось, что я целую вечность провел не двигаясь и почти не дыша. До этой секунды я даже не успел испугаться. Марсель смотрел на меня, мой взгляд остановился на пышном венце из пузырьков воздуха вокруг его головы. Наконец клетка пошла вверх, и меня ослепил солнечный свет. Я выбрался из клетки, ощущая странное спокойствие, меня занимали какие-то пустяки вроде шва на моем гидрокостюме, бухты каната на палубе. Появление отца вернуло меня к действительности. Он следил по телевизору за всем, что происходило под водой, и смех его звучал сердечнее обычного...

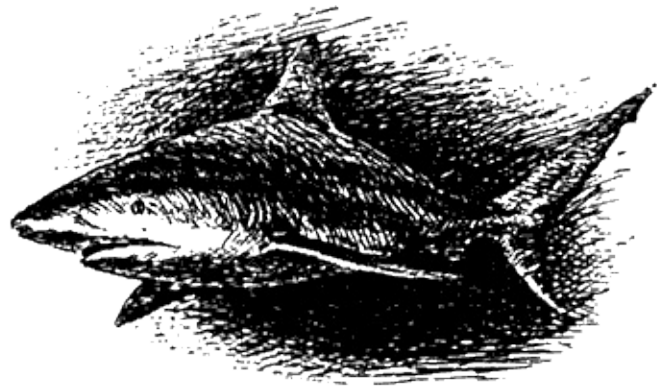
Попозже в тот же день я снова ушел под воду, чтобы продолжить

работу. Большая океанская акула на этот раз не показывалась. Я думал о ней с затаенной завистью. Одиноким охотником, молекула в необъятном океане, — но грозная молекула! — вернулся в свои владения. Другие акулы казались мне теперь мелюзгой, занятой какими-то пустяковыми дрызгами. Старина *Carcharhinus albimarginatus* вернулся, но и он уже не производил впечатления местного владыки, не больше чем отставной капрал, да еще с нашей биркой, напоминающей регистрационный номер на ошейнике.

Работая с акулами, мы снова и снова убеждались в том, что они делят между собой угоды. Нами установлено не только наличие местной иерархии, когда акулу, заправляющую, скажем, в южной части рифа, с трудом терпят в северной части, где властвует другая, — подтвердилось и то, что акулы предпочитают сохранять верность своей территории. Мы слышали про фирмы, которые специализировались на промысле акул: облюбовывают участок, изобилующий акулами, а через два-три года — всё, популяции конец, и фирма разоряется. Нас заинтересовала эта версия, и мы решили ее проверить. Два дня занимались ловом у острова Гарб-Муюн в Фарасанском архипелаге. Под конец здесь осталось лишь несколько мелких белоперых длиной около метра, а всех крупных акул мы выловили благодаря искусству Поля Зуэна. Всего каких-нибудь одна-две мили отделяют крохотный островок Гарб-Муюн от других рифов и островов архипелага. И однако, сколько мы потом к нему ни возвращались, нам попадались только те акулы, которым мы сохранили жизнь во время предыдущих стоянок (мы узнавали их по меткам).

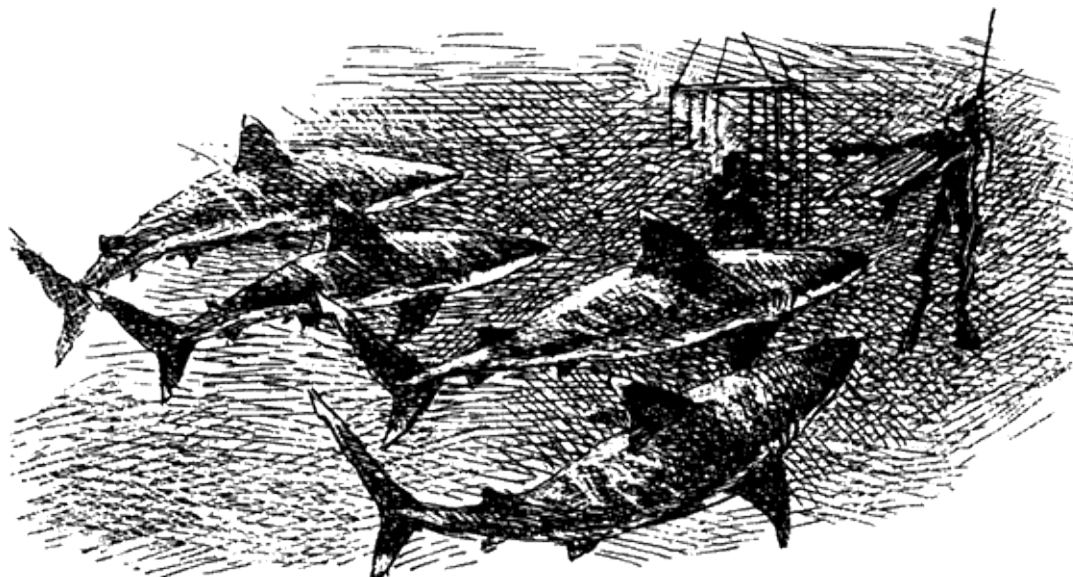
Из этого вовсе не следует, что сюда совсем не заходили другие акулы; они, конечно же, навевались, однако возвращались на свою территорию. Мы уверены, что уцелевшие мелкие акулы быстро подрастут и вступят во владение этим рифом, поскольку наши эксперименты ослабили конкуренцию и на их долю приходится гораздо больше корма.

Не одну неделю трудились мы, стараясь проникнуть в тайны повседневной жизни местных селухий, и наши познания заметно расширились. Но недостаток времени вынудил нас прервать это исследование, и мы занялись другой стороной жизни акулы, решив хоть что-нибудь узнать о том, как она реагирует на человека.

Глава седьмая

Встреча Артура с белоперой

Страшная участь Артура.

Что и как едят акулы.

Лучшая защита.

Эксперименты с «антиакулинами»

Сегодня я погружался вместе с Артуром, чтобы проверить, как поведет себя акула, встретив незащищенного подводного пловца. В прозрачной воде вокруг «Калипсо» ходило несколько белоперых акул. Они плавали как-то лениво, даже вяло, как будто намеренно скрывая свою силу под личиной миролюбия. Я первым спустился по трапу и сразу проплыл к «акулоубежищу», подвешенному на глубине около десяти метров под килем судна.

«Калипсо» бросила якорь метрах в тридцати от рифа Даль-Габ в юго-западной части Красного моря; глубина здесь достигает примерно полутора метра. День выдался страшно жаркий, ни малейшего ветерка, и я чувствовал себя куда лучше под водой, чем на палубе. А вот и Артур погрузился по соседству со мной и принялся неуклюже плавать взад-вперед около клетки. Когда я вошел в воду, это привлекло внимание лишь нескольких акул, находившихся поблизости; несуразные эволюции Артура сразу были замечены другими, от их вялости не осталось и следа.

Моя камера была наведена на Артура. Солнечные лучи высекали ослепительные блики из его маски. Совершенно незащищенный, он представлял собой идеальную добычу. Его порывистые движения, несомненно, воспринимались на значительном расстоянии чувствительным слухом селахий, отраженные маской лучи буквально провоцировали на убийство. Атмосфера сразу изменилась: мягкое, словно чувственное влияние бесцельно плавающих акул сменилось точными, вкрадчивыми движениями настроенных хищниц.

Среди окружавших нас семи-восемью акул было две крупных *Carcharhinus albimarginatus* длиной около двух метров, остальные — весьма стройные серые акулы с маленькими грудными плавниками, которых я не мог определить. Вдруг в их поведении что-то изменилось, я увидел, что они выстроились в шеренгу и идут прямо на нас. Одна из белоперых покинула строй и подскочила к Артуру. В последний миг она свернула и ушла прочь, сопровождаемая остальными. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что моя кинокамера продолжает работать; неожиданный маневр акул так меня ошаршил, что я позабыл о ней. Артур по-прежнему как ни в чем не бывало плавал, освещенный солнцем, чуть выше меня. Отойдя вдаль, большая белоперая заложила изящный вираж и снова пошла на нас. Мне показалось, что она взяла прицел на спину Артура, однако на самом деле ее рот коснулся его правой ноги. Новый поворот с открытой пастью, и сквозь воду до меня донесся жуткий скрип чудовищных зубов, смыкающихся вокруг... стали. Акула яростно трянула головой и оторвала ногу куклы: осталась только стальная арматура, торчащая из резинового гидрокостюма, будто обломок берцовой кости.

Я прервал съемку и поспешил вернуться в клетку, так как теперь акулы атакуют все вокруг без разбора. Одна из них налетела на клетку, потом метнулась к Артуру, которого мои товарищи на палубе уже тащили вверх. Я подал сигнал, чтобы меня поднимали. Мне что-то не хотелось выходить из клетки наружу и преодолевать вплавь короткое расстояние до трапа после того, что произошло.

Ступив на палубу, я увидел серьезные лица. Мои товарищи окружили тесным кольцом искаленную куклу, лежащую на предназначенных для нее носилках. Я знал, о чем они думают. Каждому представлялось за маской живое лицо — свое собственное или еще чье-то... Пытаясь развеять мрачную атмосферу, я предложил несколько форсированным голосом выбросить в воду останки куклы. Но слово «останки» только усугубило общее хмурое настроение, к тому же бросить в воду Артура было бы слишком похоже на захоронение в море умершего моряка. Кто-то шутливо предложил прочесть молитву за упокой души Артура; ответом было ледяное молчание. Весь остаток дня мы ходили угрюмые, притихшие, ночью мне снились жуткие кошмары. После этого случая мы долго соблюдали под водой удвоенную осторожность и относились ко всем акулам с повышенной почтительностью.

Мы нарочно сконструировали Артура, чтобы проверить, пугает ли акул появление подводного пловца в гидрокостюме. У нас как-то принято было считать, что встреча с акулой ничем серьезным не грозит аквалангисту в полном снаряжении. Мы смастерили каркас из стальных прутьев, облачили его в один из гидрокостюмов Ива Омера и начинили пенопластом. В шлем взамен головы поместили небольшой арбуз и, наконец, пристроили на спине пластиковый макет акваланга. Внешне Артур был точной копией кого-нибудь из наших аквалангистов. Первые опыты с куклой ничего не дали. Нас это в общем-то и не удивило: странно было бы, если бы незнакомый объект из стали, пластика и резины привлек существо, привыкшее питаться мясом и рыбой. опыты проводились только тогда, когда акулы вели себя спокойно, так как мы отлично знали: если бросить Артура в гущу разъяренных хищниц, его в два счета разорвут на части, как и любой другой предмет. Однако наш эксперимент нельзя было считать идеальным, ведь мы не могли оживить куклу, а кто же будет оспаривать тот факт, что акула умеет отличать живое от мертвого. И мы решили снабдить Артура каким-нибудь заманчивым запахом.

Были испробованы всевозможные продукты — от мясного бульона, которым пропитывали облекающий стальные прутья поролон, до кусков рыбы, засовываемых в гидрокостюм. В только что описанном опыте в куклу засунули куски свежей рыбы. Но мы заметили при этом, что атака была далеко не такой стремительной, как если бы ту же рыбу просто бросили в воду. Видно, резиновый гидрокостюм все же представляет собой известную защиту, хотя и ни в коей мере не удовлетворительную. Не исключено также, что запах человеческого тела сам по себе мало заманчив для акул. И наконец, возможно, что наша фигура и рост, а также цвет

наших гидрокостюмов придают нам некоторое сходство с дельфинами, но ведь акула никогда не посягнет на дельфина, пока не удостоверится, что он либо ранен, либо ослаблен болезнью, либо еще по какой-нибудь причине не может дать отпора.

Одна из самых распространенных и самых живучих легенд об акуле — утверждение, будто она питается падалью и больше всего на свете любит испорченное или разлагающееся мясо. Мне не известны факты, которые подтверждали бы эту теорию. Я допускаю, что изголодавшаяся акула набросится на все что угодно; смотря по степени голода, это может быть и доска, и разлагающийся труп. Но ни первая отнюдь, ни второй не входят в ряд ее любимых блюд. Я видел, как акулы хватают крючок, наживленный мясом, но подлинной алчности они при этом не проявляли, и если они в конце концов все же заглатывали приманку, то после долгого колебания. Помню, в одном плавании нам пришлось выбросить четверть говяжьей туши, протухшей из-за поломки холодильника. Мясо завернули в мешковину и с тяжелым балластом отправили за борт. Оно легло на песок под коралловой стеной рифа, у которого мы стояли на якоре. Шли дни, а мясо лежало нетронутое, хотя акул здесь было предостаточно. Оно исчезло только через неделю, и мы смекнули, что произошло, когда тигровая акула, поразившая нас своими размерами и голодным, отощавшим видом, появилась вдруг с раздувшимся брюхом. Голод оказался сильнее присущего селажиям отвращения. Но подумать только: акула длиной всего около трех метров смогла заглотать говяжий бок!

Конечно, глубоководные акулы сопровождают стаи морских млекопитающих, иногда следуют и за кораблями, кормясь отбросами, но это еще ничего не значит, ведь отбросы, как правило, состоят из свежей пищи. И потребность акул в калориях, сдается нам, не так уж велика, ведь они предпочитают плавать в открытых водах, где нет никаких помех и малейшее движение позволяет им покрыть значительное расстояние. От холода акулы не страдают, расход калорий у них минимальный, так что одной сытной трапезы должно хватить надолго.

Изучение пищеварительного тракта акулы в общем-то подтверждает эту гипотезу. По сравнению с млекопитающими он чрезвычайно короток: длина кишечника взрослого мужчины около десяти метров, у трехметровой акулы — от силы два метра. Кроме того, похоже, что акула наделена удивительной способностью переваривать содержимое желудка по частям, сохраняя впрок другие порции. Возможно, это своего рода естественный резерв, позволяющий акуле жить какое-то время за счет прежних накоплений. Сэр Эдвард Оллстром, директор зоопарка Таранга под

Сиднеем в Австралии, рассказывает про 4,5-метровую тигровую акулу: ее держали в бассейне, и три недели она отказывалась от предлагаемой ей конины. Проглотит, а через несколько дней отрыгнет. Когда же акула умерла и ее вскрыли, то обнаружили в желудке двух отлично сохранившихся дельфинов. Очевидно, она их сожрала за несколько часов до того, как была поймана. Остается загадкой, как акула ухитрялась удерживать дельфинов в желудке, отрывивая другую пищу.

В том же зоопарке исследователи решили установить, сколько пищи потребляет акула. В своей книге «Акула нападает» Копплесон сообщает данные о двух акулах: одна длиной три с половиной метра, другая — около трех, примерный вес обеих — полтора-два килограмма. За год первая акула съела восемьдесят шесть килограммов рыбы, вторая — почти сто. Было также отмечено резкое сокращение потребления пищи акулами в зимние месяцы, с мая по август (напомню, что речь идет об Австралии). И выходит, что акула вовсе не такая ненасытная обжора, какой ее принято считать.

За много лет работы на борту «Калипсо» неистовость приступов акулей ярости, как это ни покажется страшным, поражала нас не так сильно, как ее быстротечность. Во время одного ночного погружения я видел, как четыре акулы напали на раненого дельфина и в несколько минут разорвали его в клочья, невзирая на наши жалкие попытки отогнать их острогами и дубинками. Ничто не могло бы остановить это пиршество демонов. Они впивались зубами в дельфина, отхватывали куски весом восемь-девять килограммов, возвращались за новой порцией и рвали мясо, дергаясь всем телом, окруженные мечущимися во все стороны лощманами. Красные лучи прожекторов, окрашенные кровью, серебристые блики лощманов, звук распарываемого клыками мяса, порывистые движения могучих серо-белых силуэтов — все это вместе создавало некую жуткую фантазмагорию, которой, казалось, не будет конца. И однако уже через пять минут воцарился мир и покой. Хотя дельфин был съеден только наполовину, акулы отошли и возобновили свое осторожное кружение. Некоторые и вовсе исчезли в черном безмолвии моря. И только одна хищница осталась возле добычи, отщипывая куски, которые минуту назад показались бы ничтожными.

Акулы очень быстро насыщаются, и, вероятно, трапезы вроде той, которую я сейчас описал, может хватить им не на одну неделю. Правда, большинству акул не часто доводится так пировать. Надо думать, один-два больных или погибших дельфина в месяц — основной источник пропитания для тех акул, которые следуют за стадами китообразных, в

остальное время им приходится довольствоваться последом и другими отбросами. Что же касается акул, обитающих возле рифов и лишенных такого источника, трудно ответить определенно, как они кормятся. Бывает, рыбе во время охоты не удается сразу убить свою жертву, и та уходит, истекая кровью. Я сам видел такие случаи, и каждый раз немедленно появлялась акула и пожирала раненую рыбу. Это довольно частое явление, ведь рифовые рыбы почти никогда не преследуют свою жертву, если первая атака не удалась. Большинство из них охотится примерно так, как человек охотится на уток: укроются в засаде среди кораллов и ждут, когда вблизи появится опрометчивый визитер. Но промахнувшийся охотник не пойдет за жертвой на глубину, предпочитая не удаляться от своего убежища. Этим-то и пользуются акулы и другие хищники открытого моря. Словом, мы вправе заключить, что основной корм и любимое блюдо акул — свежая рыба, а также, что они вполне способны охотиться самостоятельно. В конце концов случай перехватить упущенную кем-то добычу представляется не всегда, а между тем акул в море много, значит, они должны охотиться.

Наше заключение, что акула кормится преимущественно рыбой, ставит под сомнение гипотезы, основанные на том, что в желудках акул находят самые неожиданные предметы, начиная от консервных банок и кончая остатками человеческих рук и ног. Некоторые мелкие акулы приспособились кормиться моллюсками и ракообразными, кроша их плоскими зубами, расположенными на обеих челюстях. Большинство крупных акул — чрезвычайно активные хищники, они питаются тем, что дает им преследование стад китообразных, или же сами охотятся; например, лисья акула нападает на косяки мелкой рыбы. Мясо наземных существ, скажем говядину или человечину, нельзя назвать излюбленным кормом акул, но при случае они от него не откажутся.

Как бы то ни было, среди многочисленного племени акул лишь немногие по-настоящему опасны для человека. Помимо уже перечисленных мной видов корма известно, что акулы едят тюленину, черепах, некоторых морских птиц. Наиболее крупные акулы, китовая и гигантская, едят только планктон, мелкую рыбешку и ракообразных — креветок и крабиков. (Некоторые авторы полагают, что китовая и гигантская акулы лишь иногда всплывают на поверхность, поэтому их так редко видят моряки и рыбаки.)

За многие годы работы под водой одним из самых неприятных для меня переживаний всегда были встречи с акулой в такой момент, когда нечем от них отбиваться. Между тем, просматривая свои бортовые журналы, я постоянно наталкиваюсь на записи о таких встречах. «Среда, 7

декабря. Утром мы совершили рекогносцировочное погружение на маленьком рифе чуть севернее острова Малату (Фарасанский архипелаг). Кораллы здесь небольшие, куцые, чем-то напоминающие вереск на юге Франции. Войдя в воду, мы увидели много мелких, робких с виду акул. Вдруг в пучине внизу показались быстро идущие прямо на нас три крупных *Carcharhinus albimarginatus* длиной примерно от двух с половиной до трех метров. Они были слишком велики, чтобы я мог помериться с ними силами, тем более что я нырял без акваланга и с пустыми руками. Я немедленно сделал сопровождавшему меня доктору знак, чтобы он возвращался на „Зодиак“, и со всей возможной скоростью последовал за ним. Выбрался на катер как раз в ту минуту, когда акулы приготовились пойти в атаку».

Вот такие-то эпизоды и привели к появлению нашего первого оборонительного оружия — «акульей дубинки». Теперь мы всегда берем с собой под воду метровую дубинку из дерева или алюминия, с расположенными кольцом короткими шипами на конце, чтобы дубинка не скользила, а цеплялась за кожу акулы. На рукоятке — петля вроде ремешка на лыжной палке, чтобы резкий толчок не выбил дубинку из рук. «Акулья дубинка» удобна в обращении, и, хотя вид у нее не внушительный, она весьма эффективна, так как позволяет отгонять акул, не ранив и не раздражая их. Правда, стопроцентной гарантии она не дает: ведь отогнанная таким способом акула, как правило, возобновляет свое кружение, терпеливо выжидая момент для повторного выпада. Бывает и так, что обескураженная акула совсем уходит, но такие случаи относятся к исключениям.

По этой причине, а также потому, что всего опаснее при встречах с акулами — короткий промежуток времени, когда подводный пловец выходит из моря и временно как бы слеп, мы почти никогда не погружаемся без дополнительной защиты в виде «акулоубежища». Чаще всего клетка служит просто лифтом для аквалангистов, возвращающихся на поверхность, но в минуту опасности она надежно защищает от любых атак. Мы конструировали клетки всевозможных форм и размеров, пока в конечном счете не остановились на двух моделях. Одна, рассчитанная на четверых подводников, — приблизительно кубической формы, ширина — около двух метров, высота чуть побольше. Дверь состоит из двух створок, верхней и нижней; их можно открывать по отдельности, можно обе сразу, если это нужно для работы. Форма второй клетки близка к сферической; внизу у нее люк, вверху прутья изогнуты полукругом. Она рассчитана на одного человека, ее можно ставить на дно или подвешивать под кораблем;

можно и плыть с ней, высунув ноги наружу через открытый люк.

Сколько раз нам приходилось поспешно уходить в клетку во избежание крупных неприятностей! И только благодаря клеткам мы могли, находясь в полной безопасности, наблюдать и снимать страшные сцены акульего бешенства. Плексигласовая клетка «ля Балю», о которой говорилось выше, предназначалась прежде всего для съемок, но хотя эта модель идеальна для кинооператора, ее сопротивление водным потокам чересчур велико, и она слишком хрупка.

В годы Второй мировой войны проблемой акул всерьез заинтересовались генеральные штабы многих армий. Ведь сотни моряков с торпедированных кораблей, а также экипажи подбитых самолетов были обречены на страшную смерть из-за акул. Мысль об этом не давала покоя военным специалистам и инженерам, и не без основания. Приведу только один пример.

В 9.15 утра, 28 ноября 1942 года, английский транспорт «Нова Скотия» был потоплен торпедами немецкой подводной лодки. Судно пошло ко дну в тридцати милях от Сент-Люсии — так называется мыс в провинции Натал в Южно-Африканской Республике. Кроме команды на борту находилось семьсот шестьдесят пять итальянских военнопленных и сто тридцать четыре южноафриканских солдата, возвращавшихся в Дурбан с театра военных действий на Ближнем Востоке. Большинство спасательных лодок было разрушено взрывами торпед, и на долю сотен уцелевших моряков остались только спасательные пояса да деревянные или надувные плоты. Один из немногих, кто остался жив, рассказал:

«Внезапно судно потрясли два страшных взрыва, и мы поняли, что в нас попали торпеды. Я пытался добраться до своего спасательного пояса, но судно уже так сильно накренилось, что я поскользнулся на забрызганной мазутом палубе и скатился за борт в одних трусах. Вода была покрыта пленкой нефти, но я плавал, пока не нашел кусок реи, и ухватился за нее. Кругом сотни других людей ловили плоты и обломки снастей. Подплыл солдат из моего полка и уцепился за другой конец реи. На нем был спасательный пояс. Так мы продержались всю ночь. На рассвете течение унесло пленку нефти. Кругом плавали другие уцелевшие. Немного погодя мой товарищ сказал, что лучше умереть, чем цепляться за кусок дерева без надежды на спасение. Сказал, что не хочет больше тянуть, и никакие мои уговоры на него не действовали. Когда я понял, что зря стараюсь, то попросил его оставить мне спасательный пояс. Он стал его снимать, вдруг дико закричал, и весь его корпус приподнялся над водой. Когда он опять упал на воду, море окрасилось кровью, и тут я увидел, что у него нет одной

ноги. В ту же секунду я заметил серый силуэт акулы, она носилась вокруг него, и я поспешил уплыть подальше от этого места. А тут и меня окружили акулы длиной около двух метров, и то одна, то другая из них шла прямо на меня. Я изо всех сил хлопал по воде руками, это их как будто отпугивало. Наконец мне удалось добраться до одного из плотов и влезть на него».

Через шестьдесят часов после торпедной атаки выжившие были подобраны португальским судном. Удалось спасти всего сто девяносто два человека, и многие из погибших были жертвами акул.

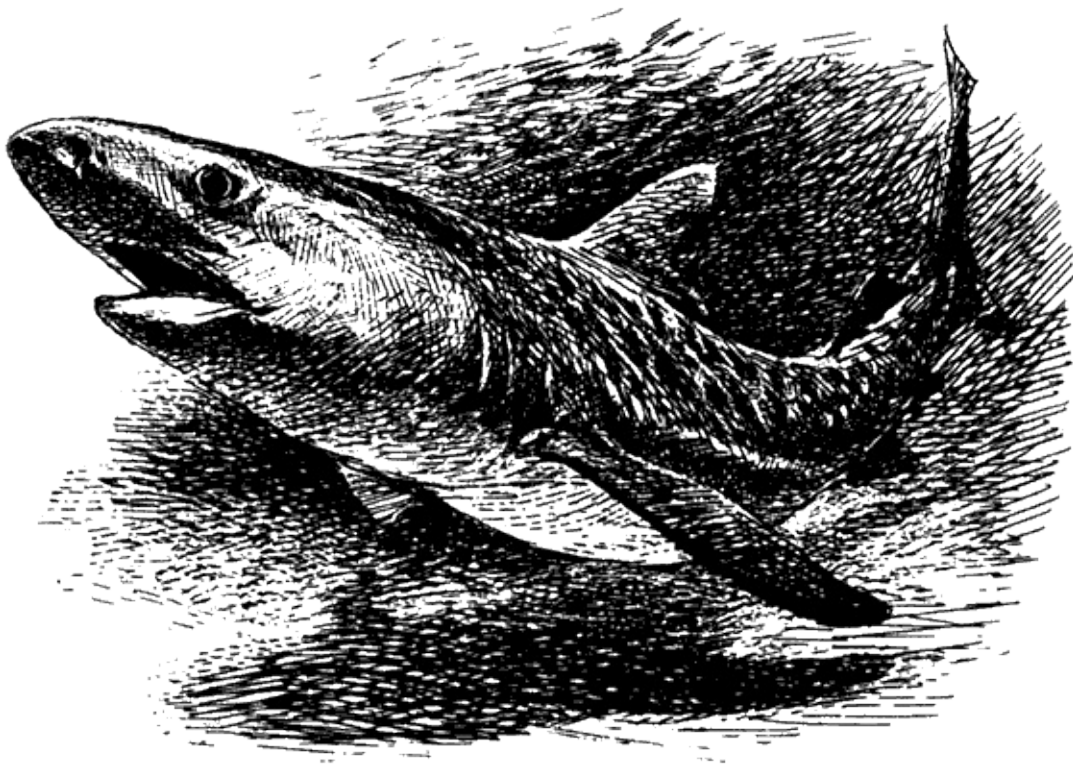
Естественно, такие истории основательно подрывали дух тех, кто сражался в воздухе или на море. Вот почему военные лаборатории разных стран усердно принялись искать действенные средства защиты от акул. В конце концов исследовательская лаборатория военно-морских сил США предложила небольшую квадратную таблетку из 20 процентов уксуснокислой меди и 80 процентов сильного темно-пурпурного красителя в смеси с веществом, которое легко растворялось в воде. Такие таблетки раздавали всем участникам военных действий на море и над морем, и они, несомненно, придавали людям бодрости. Мы испытали этот «антиакулин», работая на глубине около тридцати метров около рифа Шаб-Араб в заливе Таджура, где встречаются Красное море и Аденский залив. Под воду опускали две клетки, лицом друг к другу, так что кинооператор, находясь в одной клетке, мог наблюдать за действиями двух аквалангистов в другой. В первое утро акул было немного: течение несло муть со скоростью около четверти узла. Фулон развязал мешочек со свежей рыбой и пустил несколько кусков по течению. Почти тотчас в молочной толще возникли силуэты *Carcharhinus obscurus*, черноперых акул длиной побольше метра. Как только они подошли ближе, Хосе Руис развязал свой мешочек и отпустил привязанную на ленте таблетку «антиакулина». Течение отнесло ее метра на полтора, дальше как бы развевалась плотная, черноватая дымовая завеса.

Растворяясь в воде, краска образовала вращающиеся клубы, которые течение тихо уносило вдаль.

Через несколько минут я увидел шесть длинных силуэтов, которые шли по следу из красителя и уксуснокислой меди, как собака идет на запах жарящегося мяса. Это были крупные песчаные акулы. Они извивались в толще воды словно змеи; одна из них достигала в длину почти пяти метров — самая большая песчаная акула, какую я когда-либо видел. Зная, что они совершенно безобидны, я при виде их все же невольно отпрянул назад. А Серж как ни в чем не бывало протянул нашим новым гостям хвост

барракуды. Пятиметровая повернула голову направо, потом налево, принюхиваясь, наконец подошла вплотную к Сержу и начала осторожно щипать барракудин хвост, который он все еще держал в руке. «Антиакулин» стоял в воде вокруг нас густым иссиня-черным туманом, но явно ничуть не мешал акулам. Мы не могли довольствоваться одним опытом и поставили второй.

Прежде чем уйти под воду, я смотрел, как Каноэ (он же Кьензи) готовит «сэндвич». Вскрыв брюхо несколькими только что пойманным рыбам, он засунул внутрь по таблетке «антиакулина» без обертки, потом обмотал их бечевкой и привязал к длинному шнуру. На этот раз я с великой осторожностью спускался по трапу в море, так как мы заметили, что вокруг судна возбужденно кружат две двухметровые *Carcharhinus albimarginatus*. Едва я вошел в воду, как они повернули в мою сторону. Я уже говорил, какое жуткое впечатление производит эта акула, когда глядишь на нее анфас. Ничего не остается от ее красоты и щенячьей грации. Видно только острое рыло, широко расставленные глаза, причудливые, даже чем-то потешные телодвижения, симметричные грудные плавники да черную щель рта на фоне светло-серого брюха.

Я повернулся, живо проплыл под прикрытием судовых винтов к

клетке, вошел в нее и прикрыл дверь наполовину. По моему знаку Каноз бросил в море «сэндвич», и тот повис в воде в трех с половиной метрах от меня. Сразу же от таблетки во все стороны расплылось чернильное облако, закрыв от меня рыбу. Меньшая из двух акул прибавила ходу, отпрянула, сторонясь иссиня-черного облака краски, потом вернулась, прошла завесу насквозь и вынырнула с другой стороны с «сэндвичем» в пасти. Правда, проглотить его ей никак не удавалось, — очевидно, мешал шнур, который Каноз крепко держал в руках. Акула сердито мотала головой, воюя с упрямой приманкой, и при каждом ее рывке из жабр вырывались большие фиолетовые облака. Наконец хищнице удалось перекусить шнур, и она ушла, а за ней тянулись два длинных шлейфа пурпурной краски. Я не смог сдержать истерического смеха, и камера в моих руках запрыгала вверх-вниз. Придется начинать все сначала... Но что поделаешь, уж очень смешная картина: вещество, призванное отпугивать грозную хищницу, чтобы она не пустила в ход свои челюсти, темными шлейфами вырывается из жабр хищницы, как дым из плохо отрегулированного мотора.

Мы повторили попытку. Второй «сэндвич» — тот же результат. Однако, хоть наши эксперименты и не удались, я уверен, что уксуснокислая медь отнюдь не улучшает пищеварение акулы.

Самые различные химические соединения испытывались в разных лабораториях, а также на борту «Калипсо», и ни одно из них не дало подлинного эффекта. Возможно, то или иное вещество в отдельных случаях действует на определенный вид акул, но проведенные опыты не позволяют сделать окончательных выводов. Что до американского «антиакулина», то его мы проверяли не раз, проверяли во всех наших плаваниях, в самых различных условиях, пока без успеха. Правда, есть химические соединения, безотказно действующие на акул, но они настолько едки, что одинаково опасны для всех других организмов, в том числе и для человека.

Испытаны два вида ограждений для защиты купальщиков на пляжах. Один барьер (его проверяли в Австралии) образуется электрическим полем между двумя проводниками, первый из которых подвешивается на буях у самой поверхности воды, второй прижимается грузами ко дну. Этот способ как будто действовал неплохо: было отмечено, как электричество либо парализовало акул, либо заставляло их отступить. Однако власти не сочли его приемлемым. Во-первых, такая установка очень дорога, во-вторых, она отнюдь не дает полной гарантии.

Успехом пользовалось одно время другое ограждение — из мелких пузырьков воздуха. Много лет даже считали, что найдено окончательное

решение. Однако опыты доктора Перри Джильберта (США) показали ненадежность и этого способа. В Южной Африке тоже проводились сходные эксперименты. На дне цистерны длиной шесть метров, шириной два с половиной и глубиной около двух метров уложили поперек трубу с маленькими отверстиями. В трубу нагнетался сжатый воздух, и вырывающиеся из дыр пузырьки создавали сплошную завесу, которая делила объем цистерны на две секции. Было проведено две серии опытов с двухметровой *Carcharias taurus* и с несколько меньшей *Carcharhinus obscurus*. В обеих сериях барьер создавали тогда, когда обе акулы находились в одном конце бассейна. *Carcharhinus obscurus* не стала нарушать «демаркационную линию», зато вторая акула сразу ускорила ход и несколько раз прошла сквозь завесу. В других экспериментах, когда по ту сторону завесы из воздушных пузырьков помещали раненую рыбу, обе акулы уже через несколько секунд пересекли барьер и набросились на добычу.

От аквалангистов можно услышать, будто приближающаяся акула обращается в бегство, если сильно выдохнуть воздух в ее сторону. Этот способ и впрямь пригоден для большинства неагрессивных акул, но такие акулы вообще избегают встречи с подводным пловцом, так что средство это по меньшей мере сомнительно. Я сам проверял его на опасных акулах, например тигровых и синих. Никакого эффекта. Больше того, работая под водой, я много раз видел, как акулы невозмутимо проходят сквозь пузыри воздуха, в изобилии вырывающиеся из легочных автоматов моих товарищей.

Какие только способы самозащиты не были испробованы в разное время: и динамитные патроны, и пневматические гарпуны, и ультразвуковые генераторы, и экстракт гниющего мяса, и электрические разряды. Мы сами испытали многие из них и убедились, что большинство совсем не эффективны, некоторые весьма сомнительны, а с другими подводному пловцу попросту тяжело управляться. И все-таки есть одно средство, заслуживающее внимания; речь идет об «акулоубежище» Джонсона, которое мы прозвали «ведром Джонсона» — из-за его формы. Эксперименты с этой конструкцией мы провели у кольцевого рифа, окружающего остров Даль-Габ.

Сперва она показалась нам комичной. Представьте себе этакий оранжевый спасательный буй из трех уложенных друг на друга надувных колец, к которым внизу подвешен широкий пластиковый мешок длиной около двух метров. Когда кольца надуты, жертва кораблекрушения (или, в нашем случае, экспериментатор) забирается в «ведро» и наполняет его

водой. Таким образом, человек плавает в открытом только сверху цилиндрическом сосуде, изолированный от окружающей его воды. Это гораздо более дельное устройство, чем может показаться. Во-первых, когда «акулоубежище» Джонсона сложено, оно ничего не весит и занимает совсем мало места, и, во-вторых, что еще важнее, пластик не пропускает никаких соблазнительных для акулы запахов, и хищница не видит бьющих по воде рук и ног.

«Калипсо» стояла на якоре, а кругом ходило несколько акул, когда я в первый раз осторожно забрался в плавающий на воде буй. Я быстро наполнил водой темно-зеленый мешок, держась одной рукой за крюк нашего гидравлического крана: в случае атаки меня быстро извлекут из моря. Странное и, я бы сказал, неприятное ощущение — стоишь, высунув голову, над водой, и рябь на поверхности не позволяет следить за передвижением акул... Да, это тебе не то, что смеяться над акулой, хватающей рыбу с начинкой из «антиакулина».

Ближайшая ко мне хищница представлялась моему взгляду как расплывчатое, колышущееся серое пятно. Она свернула к «акулоубежищу», явно заинтересованная странным вместилищем и его содержимым. Я попытался подняться повыше, чтобы лучше видеть происходящее. Почувствовал, как шершавая кожа акулы задевает пластиковый мешок, и тут же последовал удар хвостом. Несколько раз акула проходила так близко, что я мог бы коснуться ее спинного плавника правой рукой; левая сжимала крюк крана так крепко, что суставы побелели.

За опытом наблюдал Каноз (Кьензи). Он сидел в лодке поблизости, вооруженный винтовкой, но меня это мало утешало. Тонкий, как бумага, пластиковый мешок колебался вместе с волнами, и мне было очень трудно принаравливаться к ним.

Чтобы довести эксперимент до конца, надо было попытаться привлечь к себе акулу. Я похлопал по воде ладонью, одновременно с судна бросили в море куски свежей рыбы. Наконец хищница быстро и решительно пошла прямо на меня. Я не мешкая сделал знак, чтобы меня поднимали. Вися на тросе, я посмотрел вниз и увидел, как акула проходит в двух метрах под моими болтающимися ногами, но в стороне от пустого «акулоубежища». Ложная тревога: атака была направлена не на меня, а на приманку.

В другой раз мы спустили на воду целую флотилию «ведер» Джонсона. Доктор Милле, Жак Ренуар, Серж Фулон, Клод Тамплье и Марсель Судр заняли каждый по «ведру», а Рене Арон на «Зодиак» стоял наготове с винтовкой, страхуя их. Мы с Каноз приготовились снимать под водой реакцию акул. Их было две — большие серые акулы длиной около двух метров, с маленькими грудными плавниками, отороченными снизу узкой черной кромкой. Голодные, судя по тощему брюху. Они плавали

медленно, вкрадчиво, вихляясь всем телом. Глубоко под нами можно было различить еще пару акул. Я высунулся из воды, услышал, как наши «морские свинки» обмениваются ехидными замечаниями, и снова погрузился.

Под водой моим глазам опять представилась поразительная картина. В сказочном мире морской синевы, пронизанной солнечным серебром, казалось, что две акулы надо мной идут прямо в центр фигуры, образованной зелеными мешками. Лениво похаживая туда-сюда среди безжизненных, лишенных запаха предметов, обе дружно повернули и, не раздумывая, пошли на Каноз, который отогнал их энергичными взмахами своей «акульей дубинки». Акулы тотчас изобразили полное безразличие, оставили в покое моего телохранителя и направились ко мне, вероятно рассчитывая, что я окажусь более легкой добычей.

Выбравшись на «Зодиак», я в уме проиграл заново весь эпизод и пришел к выводу, что «акулоубежище» мистера Джонсона вправе рассчитывать на успех. Не думаю, правда, чтобы это средство могло надежно предохранить человека от одержимых бешенством голодных хищниц, но ведь не так уж велика вероятность, что жертвы кораблекрушения или воздушной аварии над морем непременно нарвутся на таких свирепых акул.

По-моему, буй мистера Джонсона намного повышает вероятность выживания человека, очутившегося в открытом море. Только надо помнить, что пластик очень непрочный, его ничего не стоит порвать и надлежит внимательно следить за такими предметами, как пряжка на поясе, обувь, часы.

Убедившись на собственном опыте, что от обычных способов самозащиты, применяемых подводными пловцами, мало проку, мы остановились на приеме, который часто выручал нас в трудную минуту. Вместо того чтобы кричать под водой, или выпускать пузыри воздуха, или делать выпады в сторону агрессивных акул — все эти способы себя не оправдывают, — мы занимаем оборонительную позицию спиной к спине. У нас уже давно стало правилом никогда не погружаться в одиночку, поэтому под водой работает не меньше двух человек, и, когда опасность застает нас вдали от клетки, мы становимся спиной к спине и держимся одной рукой за гидрокостюм товарища. В таком положении каждый может надежно оборонять сектор, заключенный в его поле зрения. И конечно, мы всегда берем с собой под воду какое-нибудь защитное приспособление. Когда следует ожидать встречи с акулами, мы вооружаемся либо дубинкой, либо кинокамерой.

Единственный существенный вывод, который можно сделать из нашего краткого обзора разных способов защиты от акул, заключается в том, что, кроме громоздкой стальной клетки, ни одно из применяемых ныне средств нельзя считать совершенно надежным. Чем больше мы узнаем об акулах, тем очевиднее становится бесплодность всяких попыток познать их до конца. Реакции акул непредсказуемы, и обыкновенные статистические методы наблюдения тут ничего не дают. Во всяком случае я сотни раз наблюдал одну и ту же технику нападения и укуса, а потом вдруг какая-нибудь акула поражала меня, атакуя совсем не обычным способом. Нужно ли говорить, что во всех случаях надо соблюдать крайнюю осторожность. И осторожность эта должна основываться на уважении к акулам, а не на пренебрежении к ним.

Глава восьмая

Остров Деррака

Опасное приключение доктора Франсуа.

Индивидуальные клетки.

Схватка со стайей мелких акул

Наступила тяжелая неделя. Что ни день, на судно обрушивался хабуб. Сильный ветер нес раскаленный песок, не давая работать.

Часам к двум небо на западе приобретало красновато-золотистый оттенок, а море замирало, и его поверхность делалась совершенно гладкой, как бы превратившись в твердь. И без того гнетущий зной делался совсем невыносимым, мы обливались потом, каждое движение было мукой, тем более что нас преследовали тропические лишаи. А затем разразилась буря. Завывающий ветер нес брызги воды, смешанной с песком, и покрывал все разрушительной желтоватой пленкой. При первых же намеках на шторм мы снимались с якоря, поэтому, когда он начинал бушевать, судно, как правило, уже стояло под прикрытием какого-нибудь островка. Как только опять

становилось возможно работать, нам приходилось тратить бесконечные часы на тщательнейшую уборку, чтобы сберечь наше драгоценное и уязвимое снаряжение. С красными, опухшими глазами мы двигались будто роботы в царстве песка, которое уже стало нам поперек горла.

Настроение людей падало, оборудование портилось, и в конце концов нам пришлось уйти для внеочередного ремонта в город Массаву. Отец решил, что мы только понапрасну теряем время в этих водах. Мне и Канозе удалось уговорить его высадить нас на пустынном островке подальше от берега с запасами на неделю и снаряжением для работы. Очень уж мало времени оставалось до завершения наших исследований и фильма об акулах, и мне хотелось наверстать то, что было упущено из-за злополучных песчаных бурь.

После беглого осмотра полудюжины уединенных клочков песка мы остановились на острове Деррака в архипелаге Суакин. Сперва выбрали место для лагеря, потом принялись разведывать более или менее приличный проход для наших лодок в окружающем Дерраку коралловом барьере. Окончательный состав нашего отряда, не считая меня, выглядел так: Канозе, доктор Франсуа, Серж Фулон и Раймон Делуар — фотограф, брат нашего превосходного главного кинооператора Мишеля Делуара.

Свезя на берег снаряжение и поставив палатку, мы вернулись на «Калипсо», где Жан Морган приготовил для нас небольшой «прощальный» обед. За обедом мы составили точный перечень работ, которые намечались выполнить на острове. Во-первых, будем изучать мелких акул на песчаных отмелях; во-вторых, выполним наблюдения на определенном участке кораллов и проведем своего рода перепись — какие гости приходят с моря сюда кормиться. И конечно, предметом нашего изучения будут также все обитатели самого островка.

Обмениваемся рукопожатиями с теми, кто уходит на «Калипсо». Наше прощание несколько торжественнее обычного. Теоретически нам не грозят никакие опасности, и все-таки пребывание такого маленького отряда на необитаемом острове в Красном море не простая экскурсия. Случись какая-нибудь беда — до лазарета далеко. И если вдруг (правда, это маловероятно) наведуются жители материка, мы будем всецело в их власти. Я обещал, что не допущу никаких авантюр, особенно связанных с акулами. «Калипсо» снялась с якоря и вскоре пропала в сгущающемся мраке. Только рокот машины доносился до нас над притихшим морем, но и он тут же смолк.

В первый вечер мои товарищи думали только о том, чтобы отоспаться. Не успела «Калипсо» уйти, как они уже завернулись в простыни и уснули, утомленные трудами и переживаниями минувшего дня. Оставшись в

одиночестве, я медленно побрел к воде. У меня было странное чувство, будто я шел на тайное свидание со своими заветными мечтами. Хотя луны не было, все кругом светилось таинственным светом, и казалось, его источает сам ландшафт. Меня не тянуло ни размышлять, ни созерцать; я просто смотрел и слушал, ни о чем не думая, как, наверное, смотрят и слушают животные. Теплая лагуна кишела живностью, она буквально бурлила от движения тысяч клешней и ножек, от лилипутских схваток, от непрерывной суетни. В толще воды, как это часто бывает в тропических морях, родился внезапный сполох — рыба пронеслась. Каждая волна чертила на пляже свой узор, который тут же стирался новой волной, не оставив даже следа в памяти. Вдоль кромки воды, подчиняясь какой-то неведомой логике, маневрировали легионы «стыдливых крабов». Я стоял неподвижно, и они проползали совсем рядом со мной. Вот семенит мимо краб, волоча еще живого птенчика, явно украденного в гнезде одной из морских ласточек, заполонивших островок. Проследовав в нескольких сантиметрах от моей ноги, краб исчез в норке, которой я прежде не заметил. Маленькая, с четверть метра, песчаная акула ходила у самого берега; она охотилась на моллюсков или крабиков, преграждая им выход из воды собственным телом.

Звук голосов нарушил мое безмолвное общение с природой, и я поспешил к товарищам. Полчища раков-отшельников вторглись в наш лагерь и теперь ползали по людям, которые отнюдь не обрадовались такому пробуждению. Целый час мы простояли, наблюдая, как из сухого кустарника за лагерем шли к морю орды этой мелюзги. Час, а то и больше требовался ракам, чтобы одолеть каких-нибудь шестьдесят метров. Каждое препятствие надо было либо с великим трудом одолеть в лоб, либо обойти кругом, а препятствий тут хватало. Это массовое ночное шествие не ограничивалось нашей площадкой, оно происходило вдоль всего берега. Катящаяся по песку к морю волна маленьких юрких животных представляла собой совершенно необычное зрелище. И я никогда не видел такого же мощного потока в обратную сторону, от моря к кустам.

В последующие дни мы выжидали, пока схлынет эта скрипучая, шуршащая волна, и только потом ложились спать. У меня осталось впечатление, что раки-отшельники намеренно дожидаются сумерек, чтобы идти в море. Как только вечер, глядишь — собираются отряды в колючих зарослях на середине острова. Раки ждут, когда начнет смеркаться, и стоит сплошной шорох от трения панцирей друг о друга. А назад они, судя по всему, идут в разное время, по мере того как управятся с делом, которое влечет их в море, будь то размножение или просто кормление. Естественно,

возвращение одиночных раков проходило незаметно.

На другой день после первого знакомства с раками мы, выйдя с утра пораньше, пока еще не воцарился нестерпимый зной, тщательно обследовали весь островок. Деррака по форме продолговатый, примерное направление оси — с северо-востока на юго-запад, посередине он несколько уже, чем с концов; окружающая его песчаная отмель образует лагуну, которая во много раз больше самого острова. На нем растут колючие кусты с крохотными темно-зелеными листьями; в центре есть мелкая ложбина, где почва не такая сухая, — эту ложбину мы прозвали Счастливой долиной. На всем острове не сыщешь ни капли пресной воды, и тем не менее он изобилует живностью. Мы посещали десятки таких островков, мои товарищи сыты ими по горло, а для меня остается вечным чудом, что эти клочки песка, затерянные в солесварне Красного моря, могли стать прибежищем скрытной, но достаточно интенсивной жизни. Преобладают в фауне птицы, наполняющие островки своими криками, порханием, в отдельных случаях и яркими красками. А среди птиц роль властелина, несомненно, принадлежит орлану. Из прутиков и кусочков плавника орланы сооружают холмики высотой от одного до трех метров. Венчающие такие сооружения гнезда всегда наполнены перьями и костями, а больше всего остатками рыбы.

Раз я видел, как орлан охотился на песчаной отмели острова Мармар в северной части Фарасанского архипелага. Вот он неподвижно парит над водой... А вот уже — камнем падает вниз, вытянув когти в сторону добычи, как и положено пернатому хищнику. Но жертва орлана нередко находится на глубине до полуметра, и охотник на миг весь исчезает под водой, чтобы тут же снова с трудом взлететь. Преодолев сопротивление воды, богатырская птица медленно поднимается метров на тридцать, там делает передышку, чтобы отряхнуться от воды, на секунду исчезает в радужном облаке брызг, затем опускается на песок отдохнуть. Тело и ноги орлана совсем не приспособлены для плавания, тем удивительнее смотреть, как он с помощью одних только крыльев вырывается из объятий моря. Островное царство дает ему все необходимое, чтобы кормиться самому и растить птенцов, пока не придет пора изгнать их, чтобы сохранить естественный баланс и собственное верховенство.

Впрочем, орлан здесь не единственный пернатый хищник, есть еще небольшой серо-голубой сокол. Я впервые встретился с ним на Дерраке; по другую сторону Красного моря он мне ни разу не попадался. По-моему, дело в том, что на Суакинских островах водятся мелкие грызуны, которыми кормится этот сокол, напоминающий удлинненными крыльями и

акробатическим полетом огромную ласточку.

Весной на Дерраку прилетают морские ласточки, чтобы отложить яйца и высидеть птенцов; в ноябре и декабре для той же цели островом завладевают олуши. В эти сезоны остров буквально усеян яйцами и серыми пушистыми комочками вылупившихся птенцов. В воздухе стоит звон от пронзительных криков, идут несчетные потасовки. Красноклювые чайки пристально осматривают эти огромные ясли, рассчитывая ухватить яйцо или незащитного птенца. Яйца они бросают на камни, чтобы разбить скорлупу и добраться до содержимого.

На Дерраке я наглядно убедился, как вторжение человека нарушает зыбкое природное равновесие. Высадившись на остров, мы спугнули морских ласточек вокруг лагеря, они на время покинули свои гнезда и, очевидно, не смогли отыскать их вновь в темноте. Этим воспользовались крабы, они совершили грабительский набег на гнезда и унесли многих птенцов, которые были еще слишком малы, чтобы постоять за себя. Это происходило на моих глазах: рассвет застиг врасплох множество крабов, поспешно улепетывавших со своей добычей.

В другой раз, осторожно ступая между яйцами и птенчиками морских ласточек, я заметил, что родители боятся меня куда больше, чем чайки, которые следовали за мной, что называется, по пятам. В итоге вокруг меня образовалась зона, где птенцов уже не защищали взрослые птицы. Чайки лучше моего разобрались в этой ситуации и воспользовались случаем утащить несколько малышей, невзирая на яростные крики круживших в небе морских ласточек. Я невольно удивился, почему чайки ждали столь уникального случая. Ведь они куда крупнее и сильнее морских ласточек — казалось бы, нападай, когда вздумается, хватай добычу. А дело в том, что чайки тут немногочисленны, и стоит одной появиться над «яслями», как целые тучи морских ласточек атакуют ее и обращают в бегство. Я испугал ласточек сильнее, чем чаек, и тем самым нарушил естественное соотношение сил. Впрочем, чайкам все равно оказалось не так-то просто выйти из нечаянно созданной мной охранной зоны, и большинству удалось прорвать кольцо разгневанных морских ласточек только ценой отказа от своей добычи.

Мне никогда не приходило в голову заступаться за какое-нибудь животное и защищать его от другого, так что наше появление в принципе внесло в этот микрокосм не больше нового, чем любой природный катаклизм. Когда мне случалось ловить себя на том, что я воспринимаю одно животное как «хорошее», а другое — как «плохое», мне становилось смешно. На моих глазах шторм в несколько часов истреблял всех

обитателей острова, полностью уничтожая всю жизнь. Мы на «Калипсо» мечтаем лишь об одном: чтобы присутствие людей не нарушало естественный порядок. В частности, мы решительно против бессмысленного, ничем не оправданного избиения, именуемого морской охотой. Когда нам нужна для стола свежая рыба, мы обычно добываем ее рыбной ловлей, лишь в исключительных случаях — подводной охотой. А наземная охота для членов экипажа и вовсе дело чуждое.

На северной оконечности острова мы набрали на груды раковин и красных мадрепоровых кораллов, явно выложенных чьей-то рукой. Это была мусульманская могила, ориентированная на северо-восток, в сторону Мекки и могилы Пророка. Могильный холм был сложен в виде корабля; на его концах стояли торчком две большие коралловые глыбы, изображающие корму и нос. Товарищи человека, который ушел на этом корабле в вечное плавание, убрали могилу всеми цветами моря.

Усердие могильщиков проявилось очень наглядно. Насыпав и выровняв холмик из чистейшего песка, они обложили его ветвями коралла, которые выгорели на солнце до костяной белизны. Из раковин, возможно игравших роль жертвоприношений, был сооружен барьер высотой около метра, украшенный осколками разноцветных бутылок, да кое-где красными обломками кораллов органчиков. Возможно, здесь покоился паломник из Африки, не выдержавший плавания на борту набитой битком скорлупки. Или же старик находа — так называют здесь заправил местных суденышек, восседающих подчас до самой смерти в центре своей дау и командующих молодыми рыбаками, которые собирают жемчужниц и ловят немного рыбы себе на пропитание.

Куда бы мы ни пошли, всюду поверхность острова была словно испещрена рябинами, под нашими ногами обрушивались подземные ходы и открывались норки величиной с большой палец. Мы подумали было, что это одно из следствий адского зноя, но потом разобрались в сути этого подземного лабиринта. Однажды ночью, после очередного прохода раковотшельников, наш лагерь подвергся нашествию мышей. Малютки, не больше дюйма длиной, но их было страшно много, и они атаковали все подряд. От неожиданности мы в первую минуту совсем опешили, потом спохватились и начали спасать наиболее уязвимое имущество. Что подвесили на шесты, что убрали в герметичные ящики. Кстати, это нашествие объяснило мне присутствие на Дерраке серо-голубых соколов. Правда, я до сих пор не знаю, как эти крохотные мыши утоляют жажду: может быть, за счет листвы на кустах? Так или иначе наутро все наши бутылки с водой были наполнены мертвыми грызунами. Они ухитрились

пролезть через горлышко, а вот выбраться из стеклянной тюрьмы им уже не удалось, и они утонули. Нам остался на все наши нужды всего один бочонок воды, меньше двадцати галлонов.

Первый осмотр острова занял все утро, и часов около одиннадцати, когда зной стал совсем невыносимым, мы живо управились с жареным тунцом и пошли в воду. До половины четвертого, когда поумерилась адская жара, плескались мы в море.

И все последующие дни мы проводили самые жаркие часы в освежающих водах лагуны, защищая лицо от солнца широкополыми шляпами. Доктор Франсуа без устали развлекал нас забавными историями, которых у него неисчерпаемый запас, так что середина дня проходила под знаком веселья и вынужденной праздности. В эти часы температура воздуха достигала тридцати семи градусов в тени, — вернее, достигала бы, будь на острове тень. Но тени не было — только ослепительно белый песок, и его радиация вместе с солнечной в несколько часов превратила бы нас в шкварки.

Во время одного такого купания на доктора Франсуа напали акулы. Наш рабочий день обычно начинался в четыре утра. Управившись с делами и наскоро перекусив, мы отправлялись на пляж. У нас было облюбовано местечко с глубиной всего около метра. Правда, вода здесь была довольно теплая, но все-таки освежала, а ближе к барьерному рифу она и вовсе казалась приятно прохладной. На второй день Жо, как мы прозвали доктора, пошел вброд через лагуну к рифу и вдруг пропал из виду. Вода забурлила, вспенилась, и среди брызг мы различили хвост крупной акулы. Мы ринулись на помощь, но в это время снова показался Жо. Он преспокойно встал на ноги, а под водой вдоль рифа промчался какой-то силуэт и исчез вдали.

С необычной для него лаконичностью Жо рассказал, что произошло. Он не торопясь шел по песку, вдруг дно словно взорвалось, и доктор почувствовал себя, как человек, у которого выдернули из-под ног ковер. Несмотря на полную неожиданность случившегося, он рассмотрел в взбаламученной воде акулу, которая метнулась было в его сторону, но тут, неведь почему, снова повернулась и умчалась прочь.

В этой истории нет ничего необычного, многим доводилось встречаться с песчаной акулой в такой обстановке. И кое для кого неожиданное столкновение кончалось серьезным ранением. Ведь даже у метровой песчаной акулы такая пасть, что она способна своими пусть мелкими, но достаточно острыми зубами отхватить изрядный кусок от жертвы.

Поздно вечером того же дня мы совершили ночное погружение, чтобы испытать наши подводные светильники и, если удастся, добыть на ужин лангустов. Днем их не увидишь, они прячутся от врагов в глубоких норах в коралле. Ночь лишает хищников их преимуществ и становится днем для лангустов; они покидают свои укрытия и добывают себе пропитание на песке и среди кораллов. На острове Абу-Латт в Фарасанском архипелаге я видел лангустов даже на суше, они выходили из моря, чтобы пересечь торчащую из воды коралловую глыбу, которая преграждала им путь.

На глубине около двух метров лучи светильников скользили по кораллам, высекая из них фейерверк поразительных красок. Рыбы с огромными, вытаращенными глазами на миг окаменевали, словно парализованные икс-лучами из научно-фантастического романа, затем не спеша отходили в сторону, так медленно, что можно было протянуть руку и погладить радужную чешую. Во время таких ночных вылазок я чувствую себя таким слегка помешанным чародеем. Мой фонарь — волшебная палочка, которая то вызывает к жизни фантастические видения, то стирает их. Выключив его, я какое-то время ничего не вижу, меня облекает черная пустота. Включаю — опять кругом причудливая фантазмагория созданий, над которыми я не властен. Я плыву то быстрее, то медленнее, часто поворачиваюсь на спину и смотрюсь в зеркало, образованное поверхностью воды, а в тонком луче то возникнут, то пропадут ослепительные сказочные картины...

Неподалеку доктор Жо купался в ореоле своего светильника; казалось, он застрял в огромной многоцветной паутине. Он тоже, как и я, тянулся рукой к оцепеневшим рыбам, и в его движениях чувствовалось, как он поражен необычностью такого общения с животными, которые всегда обращались в бегство при виде нас. Своего рода сказание о «Святом Франциске и рыбах».

Внезапно все чудеса кончились. Луч моего фонаря утратил свою волшебную силу и терялся в пустоте. Мы дошли до кромки барьерного рифа, здесь скала обрывалась отвесно вниз на глубину около двухсот метров. Дальше вода казалась черной и безжизненной. Держась за коралловые выступы, мы направили лучи наших светильников в пучину, которая быстро поглощала их мощь.

Неожиданно в моем луче появилась рифовая акула, довольно крупная, метра на четыре. Она медленно пошла вверх по световой дорожке. Приблизившись к источнику света на безопасное, на ее взгляд, расстояние, акула лениво повернулась и не спеша заскользила ко мне. Тело ее переливалось серебристыми бликами, глаза с малюсенькими зрачками

казались черными точками. В узком луче моего фонаря очень четко проступали все ее шрамы, напоминающие боевую татуировку грозного воина. В углу рта лоскутки кожи обрамляли свежую ранку. И однако весь облик акулы, как и все ее движения, производили какое-то неожиданное впечатление олицетворенной чистоты — настоящая гравюра на серебре в обрамлении ночного мрака. Несколько секунд следовала она вдоль кромки рифа, потом пошла круто вниз и исчезла.

У меня было тревожно на душе, я чувствовал, что акула не ушла совсем, что она ходит где-то там внизу и ее маленькие бесстрастные глаза устремлены на нас. Нам повсюду чудились подозрительные силуэты, и, стремясь все рассмотреть, мы светили в разные стороны, так что лучи тускнеющих светильников плясали вразнобой. Я вдруг почувствовал себя предельно немощным: только что вода казалась такой ласковой, а сейчас она превратилась во врага, вооруженного неведомыми и коварными тварями. Наши светильники и воплощенный в них технический прогресс были всего-навсего жалкими игрушками, которыми мы кичливо размахивали, словно какие-нибудь дерзкие Прометеи. Мнили, будто сможем этими искорками разогнать ночь. А ночь никуда не ушла, она окружала нас могучей, плотной стеной.

Если вы в таком ночном погружении на рифе начнете метаться и суетиться, если перестанете собой управлять, ничего не стоит напороться на острые как бритва кораллы и заработать сотни, тысячи маленьких, но достаточно болезненных ранок. В конце концов луч моего фонаря нащупал в ночи еще один силуэт. Опять акула, но не та, которую мы только что видели, длиной поменьше, впрочем, от того не менее грозная. Однако я уже освободился от гипнотических чар подводной ночи и вполне отдавал себе отчет в степени грозящей нам опасности. Тщательно страхуя друг друга, мы с Жо пошли обратно к пляжу. На полпути нам встретился «Зодиак». Каноз посчитал за лучшее выйти за нами, чтобы мы могли, если что, сразу покинуть воду.

Мы поспешили влезть в лодку, повалились на дно и до самого берега лежали, не говоря ни слова, только слушая ночные голоса.

Всю ночь меня преследовало видение большой серебристой акулы. Вообще-то для меня не было новостью, что хищницы и с наступлением темноты не прекращают своих бдительных обходов. Я уже говорил, что у акул в отличие от большинства других рыб нет плавательного пузыря, который позволял бы им оставаться в равновесии на разных глубинах. Если акула остановится, она медленно пойдет ко дну. Всю жизнь она вынуждена непрерывно двигаться. В некоторых районах, изобилующих акулами,

рыбаки иногда пробовали глушить их динамитом. Но это пустая затея, ведь убитая таким способом акула никогда не всплывет. Отсутствие плавательного пузыря, а также дыхательной мускулатуры вынуждает акулу плавать безостановочно день и ночь в погоне за пищей и за живительным кислородом. Эта погоня может длиться свыше тридцати лет.

Ложась спать на пляже, я еще долго думал об этом создании, обреченном на непрерывные скитания, на постоянные ласки моря, любовно глядящего тело акулы...

Прежде чем мы расстались с нашим островком, возвратившаяся «Калипсо» приняла участие в заключительном эксперименте. С помощью нашего старпома Поля Зуэна мы разместили в одном из проходов в барьерном рифе целый комплекс для мечения акул. На белый песок, выстилающий дно широкой впадины, опустили большую клетку для кинооператора. Перед входом в нее, чуть глубже, встали по обе стороны две маленькие клетки для аквалангистов с бандерильями. В центре между клетками находились прозрачные сферические ловушки из полиэтилена, содержащие куски свежей рыбы. Кроме того, в каждой из двух меньших клеток тоже были мешочки с приманкой. Мой отец руководил операцией, находясь на поверхности в лодке; в другой лодке сидел с кинокамерой Раймон Делуар, он должен был снимать сверху.

К двум часам все клетки были расставлены, можно приступать. Для начала мы щедро разбросали кругом приманку. Серж Фулон занял маленькую клетку, слева от входа в большую, я — вторую, справа. Мишель Делуар поместился с кинокамерой в главной клетке; его охранял Каноз, вооруженный длинной, крепкой «акульей дубинкой». Звено, ходившее с утра на разведку, обнаружило в этом районе изрядное количество сравнительно крупных песчаных и рифовых акул, и я ждал, что они тотчас покажутся из-за скалы, привлеченные запахом свежей рыбы и производимым нами шумом. Так что я был несколько разочарован, когда увидел только одну, потом двух, потом еще двух совсем маленьких — длиной в мою руку — акул, которые шли очень быстро, явно нервничая. Впрочем, мое разочарование продлилось недолго. Одна за другой появились полтора десятка акул, они были заметно возбуждены и напоминали идущую по следу волчью стаю.

Многие аквалангисты пренебрежительно отзываются о мелких акулах, дескать, они пугливые и с ними нечего считаться. Это в общем-то верно, пока акулы ходят поодиночке или маленькими группами. От упомянутых аквалангистов можно еще услышать, что встреча со злой собакой грозит-де куда большими неприятностями. Что до меня, то я предпочитаю собаку, с

ней всегда можно так или иначе управиться, если только она не человеком обучена нападать. Акула, хотя бы в ней и метра не было, вполне может оставить самонадеянного подводного пловца без ступни или без кисти. Челюсти у нее побольше, чем у любой собаки, и острейшие клыки отлично приспособлены для того, чтобы перегрызть конечность.

Я поглядел в сторону большой клетки, на Мишеля. Он явно был разочарован не менее моего и приготовился возвращаться на поверхность, но я сделал ему знак, чтобы он подождал. Невозмутимый, как всегда, Серж готовил свое копьё для мечения. В несколько минут налетевшая стая разорвала полиэтиленовые ловушки и сожрала помещенную в них рыбу. Я опознал черноперых акул и несколько извивающихся песчаных. Вся наша маленькая арена была заполнена акулами. Они плавали очень быстро, отскакивая от разноцветных коралловых стен, будто рикошетирующие пули. Очевидно, запах рыбы разошелся по всему окружающему нас пространству, которое можно было назвать относительно замкнутым, поэтому обнаружить источник было почти невозможно, и это еще больше возбудило акул.

Вдруг я сообразил, что такие маленькие акулы вполне могут пройти между прутьями наших клеток. Так оно и вышло. Две чертовки забрались в мою клетку и заметались у меня под ногами, добираясь до вожделенного мешочка с рыбой, который им наконец удалось выследить. Несколько секунд я плясал, словно паяц на веревочке, отбиваясь от них ногами. Выдворив акул из клетки, я решил немедленно избавиться от мешочка и принялся отвязывать его, то и дело отрываясь от этого занятия, чтобы хлопнуть ладонью по прутьям, в которые снова и снова тыкались акулы рыла. Полиэтиленовый мешочек не поддавался. Проклиная Жозе, который от души постарался привязать его покрепче, я извлек нож, образующий рукоятку «акульей дубинки», но его забыли наточить, и он никак не мог перепилить нейлоновую бечевку. Хоровод акул вокруг меня исполнял неистовую сарабанду. Они хватили зубами все без разбора, впивались в прутья клетки и трясли их, словно остервенелые псы. Сержу явно приходилось не легче моего, а Мишель, как я заметил уголком глаза, знай себе спокойно снимал происходящее.

Одна акула ухитрилась все же проникнуть в клетку сверху и, пока я сражался с ней, ударом хвоста сдвинула мою маску, так что я ничего не видел. Мной овладела бессильная ярость. Да что же это, неужели я допущу, чтобы какая-то мелкая дрянь разорвала меня на части в этой дурацкой клетке! Я сумел поправить маску, сильным выдохом освободил ее от воды, затем открыл верхнюю дверцу. Отталкиваясь ногами и колотя во все

стороны руками, я в конце концов выбрался наружу, подплыл к большому «акулоубежщцу» и стал спиной к нему, лицом к противнику. Но как только я вышел из своей клетки, акулы тотчас оставили меня в покое и сосредоточили свое внимание на мешочке с рыбой. Вырвавшись из окружения, я смотрел, как они расправляются с ним и с его содержимым. Сержу удалось почти сразу избавиться от своего мешочка, поэтому он остался в клетке и даже ухитрился удачно пометить нескольких акул.

У входа в наш узкий пролив снаружи ходили взад и вперед здоровенные бестии, однако они не пытались проникнуть внутрь. Накрытый нами стол с рыбными блюдами не соблазнил больших акул, мы не учли их отвращения к тесноте. Наверху отец медленно плавал вокруг своей лодки. Это он помог мне прорвать осаду, бросая куски рыбы в сторону от клетки и отвлекая акул более легкой добычей.

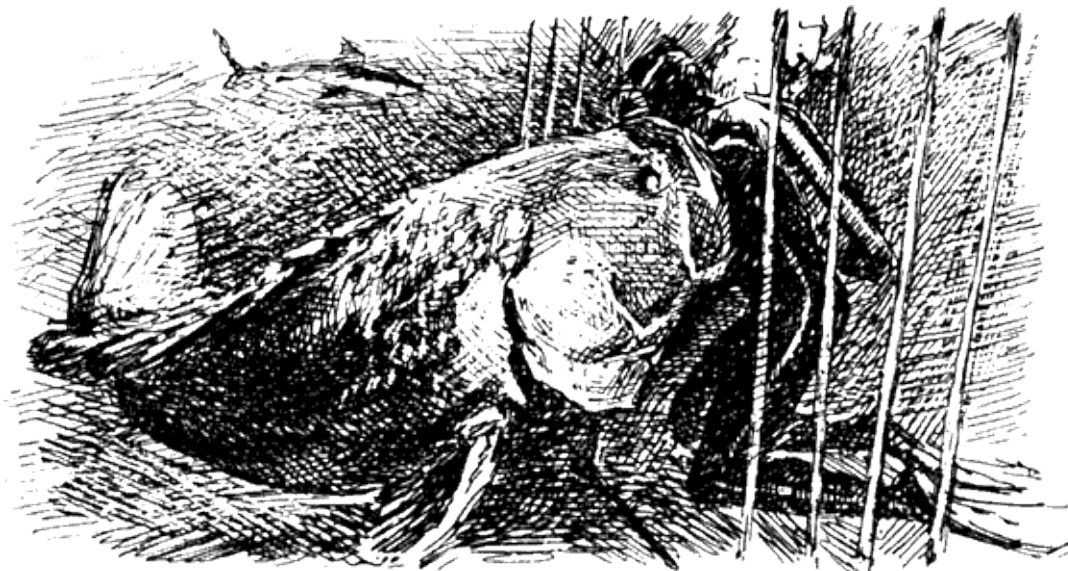
Я даже разозлился, уж очень глупо все получилось. Но остальные так хохотали, что я не выдержал и тоже рассмеялся. И еще долго ребята допытывались у меня, как это я полюбил акул настолько, что затеял обниматься с ними в клетке.

Надо сказать, что это была не первая наша опасная стычка с мелкими акулами. И не последняя, как об этом свидетельствует кошмарная потасовка у рифа Шаб-Араб.

Глава девятая

Бурный инцидент у Шаб-Араба

Прибытие к рифу Шаб-Араб.

Массовое бешенство.

Гибель акулы — и что было потом

Морское дно вырисовывалось черной линией на светочувствительной бумаге нашего мощного эхолота. Обступив моего отца, мы следили за тем, как изящная кривая ползет вверх. Тишина на мостике «Калипсо» нарушалась только спокойным голосом Жика^[1], отдающего команды, и отзовами рулевого.

Штурман Жан-Поль Бассаже наносил на карту наш извилистый курс. Стояла ночь, и лицо Каноз, склонившегося над плечом моего отца, отражало красноватый свет приборов на пульте управления.

— Пять градусов право по компасу!

— Есть пять градусов.

В палубе отдалась легкая дрожь, и судно повернулось чуть вправо. Мы впервые шли в этом секторе рифа Шаб-Араб.

— Так держать!

— Есть, так держать, капитан.

— Курс?

— Один три ноль, капитан.

— Держать курс один три ноль.

— Есть, капитан.

И снова тишина. Отец переключил эхолот на более крупную шкалу, чтобы показания были поточнее. Самописец задергался чаще, издавая слабый скрип. Я отчетливо представлял себе, как щелчки уходящих импульсов и отраженного дном эха смешиваются в наушниках с плеском волн вокруг судна. Линия, которую выводил самописец, показывала, что у нас всего восемь метров под килем.

— На пятый квадрат, Жан-Поль!

— Есть, на пятый квадрат.

Снова дрожь в палубе, на этот раз явственнее. Судно сбавило ход. Кривая глубины продолжала ползти вверх.

— Стоп машина. Готовиться к отдаче якоря!

Отзыв Жана-Поля прозвучал почти в одно время с голосом старпома.

— Есть, стоп машина.

— Якорь изготовлен, капитан.

Еще несколько секунд «Калипсо» продолжала скользить своим курсом. Дно находилось меньше чем в пяти метрах от киля, и эхолот отметил несколько темных пятен как раз над дном. Прямо под нами проходили косяки рыбы. Атмосфера на мостике была слегка напряженной.

— Отдать якорь!

Лязг якорной цепи в клюзе словно развеял сковавшие нас чары. Вдруг все заговорили, вспыхнуло палубное освещение, завязалась общая беседа. Машины остановились, а судно в целом будто ожило, предвкушая новые увлекательные дела.

Снова, как это уже не раз бывало, мой отец проявил свое глубокое знание моря и всего, что с ним связано. Я восхищался и гордился им. Мне доводилось видеть многих опытных моряков, которые искусно использовали эхолот как очень точное неодоушевленное приспособление, но для отца, убежден, эхолот не просто механический прибор. Он привел нас в нужную точку так уверенно, будто ступал по морскому дну, без малейшего колебания, владея судном и стихиями так, как только музыкант-виртуоз владеет своим любимым инструментом. Право же, в этом была какая-то

совершенная благозвучная гармония.

Судно стало на якорь у самой кромки кораллового плато, было отдано около десяти метров якорной цепи, и преобладающее течение держало корму над участком с глубиной тридцать — тридцать пять метров — самая подходящая глубина для нашей работы.

На карте Восточной Африки, в заливе Таджура, что находится в сорока милях к северо-северо-западу от Джибути, обозначен штриховкой маленький участок с надписью «риф Шаб-Араб»; правда, тут не обошлось без тавтологии, ведь арабское слово «шаб» означает «риф». Как и все затерянные в море рифы, Шаб-Араб — пристанище всякой морской живности. Понятно, что рифы, предоставляя стол и кров мелким особям, служат, так сказать, продовольственными складами и для хищников из пучины. Мы выбрали для якорной стоянки Шаб-Араб как раз в расчете на то, что найдем здесь множество всяких животных, особенно акул.

Но вот окончательно смолкли моторы, все маневры завершены, и экипаж собрался в кают-компанию, чтобы выслушать установку на следующий день. После отца взял слово я, чтобы перевести его наметки на технический язык кинематографии и уточнить роль каждого участника.

Когда мы приходим в новое место, тем более ночью, у меня в душе всегда рождается какой-то нетерпеливый детский восторг. В омывающей судно гладкой черной воде кипит жизнь. То и дело какая-нибудь рыбешка выскакивает на воздух в отчаянной попытке уйти от незримого преследователя, спинной плавник которого молниеносно чертит на воде короткую борозду, прямую и острую, как стрела. От резкого взмаха хвостового плавника рождаются и тут же гаснут крохотные созвездия светящихся частиц — это там, внизу, решился вопрос чьей-то жизни, чьей-то смерти. Вдруг — громкий всплеск, я всматриваюсь в даль, но вижу только пересекающие лунную дорожку дуги серебристой ряби. В такие минуты хочется быть всеведущим и всевидящим, как боги...

В четыре утра началась подготовка к выполнению первого пункта нашей программы на день. Мы задумали снять акулу, атакующую рыбу на крючке. Для экспериментов с акулами нам нужна приманка, и мы всегда ловим впрок изрядное количество рыбы. При этом сплошь и рядом бывает, что вытаскиваешь из воды одну голову, а все остальное чистенько срезано. Больше того, иной раз и вовсе ничего не удастся поймать. Помню, как лодка под начальством нашего старпома, искуснейшего рыболова Поля Зуэна, однажды возвратилась к «Калипсо» с какими-то жалкими остатками рыб, над которыми поработали не то барракуды, не то акулы.

Вот почему мы на этот раз, приступая к лову, установили на одном из

наших алюминиевых плоскодонных катеров агрегат из двух кинокамер, погруженных в воду за кормой. Между ними была укреплена еще и телевизионная камера, перекрывающая тот же сектор и соединенная с монитором в лодке. Следя за происходящим по монитору, Мишель Делуар мог в нужную минуту пускать кинокамеры. Естественно, на этой лодке мотор не дал бы ничего снять; поэтому ее буксировал другой катер, с сорокакаильным подвесным мотором. Длина буксирного конца была рассчитана так, чтобы киносъёмочной лодке не мешали ни волны, ни кильватерная струя от буксировщика. В поле зрения камер, на глубине трех — трех с половиной метров за кормой буксируемой лодки волочилась серебристая блесна.

На рассвете обе лодки были спущены на воду, и через два часа можно было начинать. Эти часы ушли на то, чтобы отрегулировать камеры и натянуть на второй лодке тент, позволяющий Мишелю лучше видеть изображение на экране. Раму для камер придумал и смастерил на борту «Калипсо» наш старший механик Роже Дюфреш, и мы быстро убедились, что она отлично выполняет свою функцию, крепко держит камеры и гасит любую вибрацию.

В первые же минуты Поль Зуэн без труда наловил полсотни килограммов рыбы, в том числе одного тунца, две-три барракуды и несколько лакедр. Мишель снимал, как рыбы гонятся за блесной и хватают ее, и весь последующий поединок между ловцом и добычей. Но вот появилась первая акула. Атака развилась совсем не так, как мы предполагали, основываясь на нашем опыте. На леске уже минуты две или три билась скумбрия весом восемь-девять килограммов, когда Мишель увидел на экране монитора акулу, идущую следом за нашей отчаянно сопротивляющейся добычей. Почти одновременно Поль заметил треугольный плавник, рассекающий воду за кормой лодки. Мишель приготовился нажать тумблер, соединенный со спуском камеры, однако акула явно не спешила. Она просто скользила за скумбрией без видимого усилия, выдерживая дистанцию в один метр. Атака состоялась лишь после того, как Поль начал выбирать леску. Акула стрелой метнулась вперед, промчалась рядом со скумбрией, вроде бы и не коснувшись ее, на миг заслонила поле зрения телекамеры и исчезла. Все произошло так неожиданно, что никто не успел отреагировать, хотя все были начеку. И только окровавленная рыбка голова, которую Поль извлек из воды, неопровержимо свидетельствовала о том, что атака состоялась. Зубы акулы рассекли скумбрию на две части сразу за жабрами. Вся казнь, оставившая след в виде безупречного, четкого полукруга, заняла какую-то долю

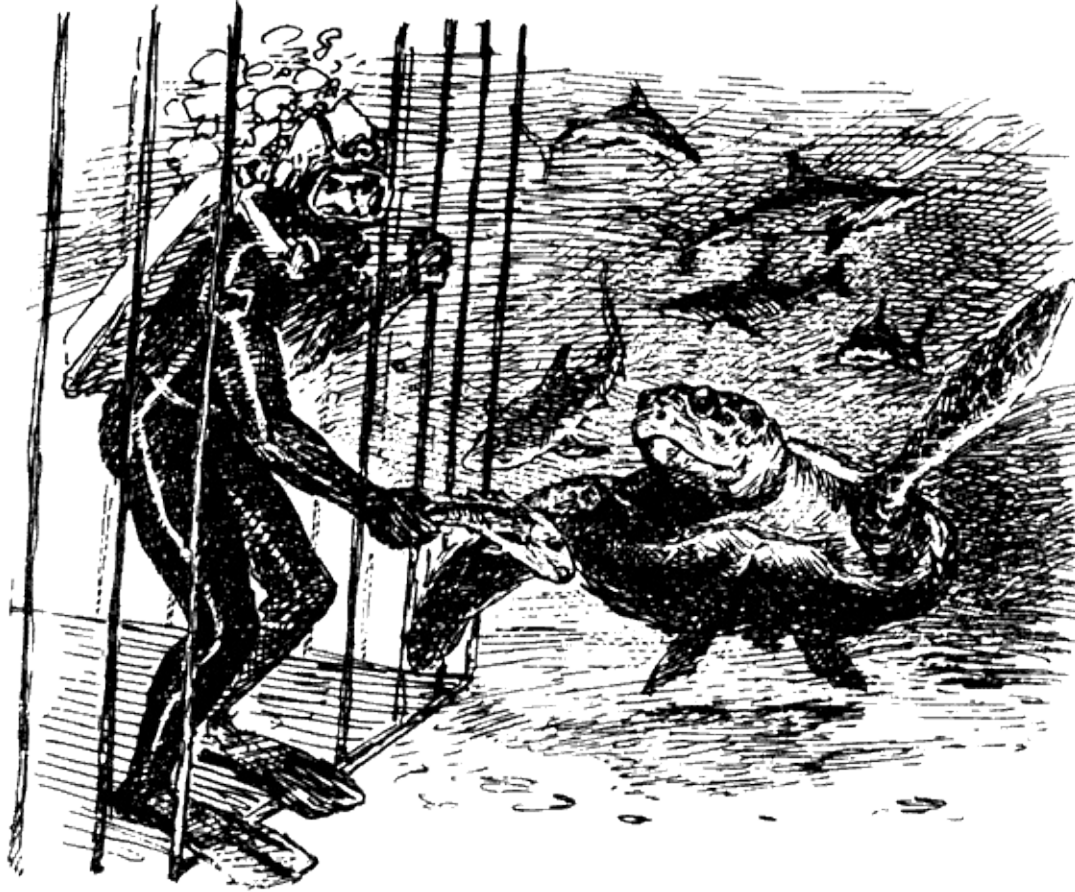
секунды.

Целое утро Мишель снимал атаки, то медленные и осмотрительные, то грозные и молниеносные. Один раз акула, заглотав всю рыбу, сама оказалась на крючке. Но леска не была рассчитана на такой вес, и хищница сразу ее оборвала. Около полудня Мишель и Поль с помощниками вернулись на «Калипсо», утомленные жарой и нервным напряжением, но очень довольные тем, что успешно справились с заданием. Взятых ими улова было вполне достаточно для работы, намеченной на вторую половину дня.

Для первого погружения мы поставили такую задачу: Серж метит возможно больше акул и подстреливает какую-нибудь рыбу в окружении акульей стаи, чтобы мы могли проследить за реакцией хищниц. Он займет большую стальную клетку, я — маленькую алюминиевую; чугунные чушки-якоря удерживали ее примерно в двух метрах над дном. Две телекамеры (по одной в каждой клетке) позволяли моему отцу и доктору Юджини Кларк следить за нами, находясь на мостике «Калипсо». Я взял с собой две кинокамеры, чтобы снимать все, что будет происходить вокруг Сержа и большой клетки.

Опалового оттенка вода была такой прозрачной, что я чуть не от поверхности различил дно на глубине около двадцати пяти метров. Вдоль красного корпуса «Калипсо» медленно ходило взад-вперед не меньше дюжины акул. Они не показались мне ни особенно крупными, ни очень агрессивными, но уже то, что их было так много, сулило известные неприятности. Над самым дном скользили еще силуэты, но искаженные бороздами на дне тени не позволяли определить их размеры или количество. Сверху акулы, бесцельно ходившие вокруг удлиненной тени «Калипсо», выглядели особенно ловкими и юркими.

Клетка Сержа мягко легла на дно в облачке взмученного песка, которое тут же развеялось. Мой товарищ двигался грациозно, как солист балета. Вот он отворил дверцу, выскользнул наружу и развернул клетку к солнцу. Здоровенная морская черепаха, которой не было никакого дела до акул, медленно подгробла к клетке и уставилась на нее в упор, словно близорукий старик. Серж предложил ей кусок рыбы, но черепаха пренебрегла его даром, повернула и удалилась, размеренно работая передними лапами, похожими на весла. Чем-то она напомнила мне стариков, что сидят и греются на солнце в какой-нибудь испанской деревушке, лишь изредка собираясь с духом сделать несколько шагов и навестить соседа.

Акул становилось все больше, их уже собралось, наверное, около полусотни, но они по-прежнему двигались как-то медленно и апатично.

Я не сразу заметил огромного групера, который прошел справа от меня и опустился на песок примерно в метре от Сержа. Он был иссиня-черный, длиной не меньше двух метров и почти такой же окружности. Рот его размеренно открывался и закрывался, гоня воду через жабры. Голову пересекал страшный белый шрам, один грудной плавник был почти напроць оторван. Групперы выглядят очень грозно, от них буквально веет грубой силой. Маленькие глаза всегда насторожены, и мне доводилось видеть, как их обладатель с места развивает страшную скорость.

Серж бросил груперу рыбу, отвергнутую черепахой. Приманка опустилась на песок сантиметрах в тридцати перед великаном, а тот, не трогаясь с места, только чуть шире разинул пасть, и рыба исчезла, увлеченная потоком воды. Поразительное зрелище — настолько поразительное, что я даже забыл про акул, а между тем они явно начали нервничать. Серж продолжал бросать угощение груперу, тот снова и снова втягивал ртом воду, и куски рыбы словно сами прыгали в пасть и исчезали

в глотке. (Впоследствии, когда мы с Каноэ встретились с групером, который был вдвое больше этого, мне сразу вспомнилась эта сцена...) Под конец Серж швырнул груперу барракуду килограммов на девять. Она была проглочена так же легко и молниеносно, как и маленькие куски, после чего групер соизволил зашевелиться и удалился так же невозмутимо, как пришел.

Тем временем акулы бойко ходили между нашими клетками туда-сюда; правда, они казались чуть более нервными, и движения их стали чуть порывистее, чем прежде. Серж принялся разбрасывать крошки рыбы, чтобы запах пропитал воду и привлек акул поближе к его копью для мечения. Тотчас акулы образовали тесный круг, и началась обычная карусель. Отовсюду сходились еще акулы, мне уже казалось, что их сотни. Здесь были представлены по меньшей мере четыре различных вида и все размеры, от совсем маленьких до двухметровых. В трехметровом просвете между клетками я насчитывал одновременно до семи акул. Они почти совсем заслонили мне Сержа. Движения их стали стремительными, иные вдруг поворачивали на сто восемьдесят градусов, чтобы схватить несколько крошек рыбы. Серж безостановочно работал копьем, вонзая маленькие бандерильи у спинного плавника хищниц, и всеобщее возбуждение достигло такой степени, что на моих глазах одна акула бросилась на другую и сорвала с нее оранжевую бирку.

Казалось, само море обезумело, нас окружало сплошное месиво беспорядочно мечущихся тел. Я отступил в дальний угол своей клетки, потому что дверца была распахнута, а я не мог ее затворить. Серж выкинул голову колючей скумбрии величиной с футбольный мяч, и акулами овладело полное исступление. Десять хищниц вместе спикировали на приманку и затеяли яростную драку из-за нее. Чтобы снять их, мне пришлось высунуть из клетки голову и плечи, в это время одна акула ухитрилась наполовину протиснуться между прутьями внутрь. Бросив камеру, я уперся в бестию обеими руками и вытолкнул ее наружу. При этом я оцарапал руки о шершавую кожу вокруг ее челюстей; к счастью для меня, она не воспользовалась случаем отхватить мне пальцы. Используя минутную передышку, я снова взял камеру, но только занял более безопасную позицию в клетке, как другая акула с лету боднула рефлектор светильника.

Положение становилось критическим. Акулы яростно хватали зубами все подряд и в бешенстве дергали головой, вырывая друг у друга куски рыбы. Одной из них удалось забраться в клетку Сержа, и ему пришлось выдворять ее ударами копья. Тем временем другая акула стащила у него

мешок с рыбой и бросилась наутек, преследуемая всей шайкой. Можно сказать, нам повезло, потому что теперь мы смогли прийти в себя и навести порядок в клетках. В воде повисла муть, и видимость заметно ухудшилась. Я поглядел на счетчик кинокамеры, проверяя, сколько пленки осталось, и решил поснимать еще. Светильник продолжал действовать, и я кое-как вернул рефлектору его первоначальную форму. Серж в это время усердно выпрямлял погнувшееся копьё.

Управившись с этим делом, он поглядел на меня. Я кивнул ему, тогда он снял со стенки ружье для подводной охоты, прицелился в небольшую акулу и с первого выстрела пронзил ее насквозь. Я ожидал, что вся стая набросится на жертву, но вышло как раз наоборот. Остальные акулы сразу поумерили свой пыл и отошли от клеток подальше. Это меня поразило. Я столько слышал о каннибализме акул: откуда у них вдруг такая робость и подозрительность? Можно подумать, они уразумели, что мы опасные существа и нас надо остерегаться. Серж рванул линь и выдернул стрелу; раненая акула поплыла прочь, за ней расплывалось в воде облако крови. Остальные акулы расступились, пропуская ее, но затем пошли за ней следом, соблюдая некоторую дистанцию. Может быть, решили подождать с расправой, пока она уйдет подальше от опасного места? Не знаю. Во всяком случае, как только она удалилась, акулы снова настроились на воинственный лад, и закружился грозный хоровод.

Серж выстрелил снова, но теперь уже в красного окуня. Рыба была крупная, сильная, и ее отчаянное сопротивление вызвало новый взрыв бешенства у акул. Мощным рывком злополучный морской окунь освободился от стрелы, но в ту же секунду одна из акул выхватила зубами кусок мяса из его спины. Обреченного беглеца каким-то образом занесло в мою клетку, и я прижался к прутьям, отбиваясь от его разъяренных преследовательниц. Клетка буквально гудела, казалось, она сейчас разлетится вдребезги под бешеными ударами остервеневших бестий. В конце концов окунь вырвался наружу и тут же был разорван в клочья.

В облаках темно-зеленой крови вокруг меня металась одержимые слепой яростью свирепые хищницы... Я представил себе, как отец, наклонившись над телевизионными экранами, наблюдает эту безумную свистопляску.

Да, телевизионная установка (по одной подводной камере в каждой клетке и два приемника ограниченной сети в штурманской рубке «Калипсо») позволяла нам видеть все, что происходило с Филиппом и Сержем или с Каноз и Хосе Руисом. И надо сказать, эта программа

пользовалась большим успехом... Механики, кок, врач, матросы — все собирались на мостике и толпились за моей спиной, жадно глядя на два экрана, которые одновременно отражали происходящее под разным углом зрения. Обернувшись, я видел сверкающие глаза моих товарищей и мог судить, как сильно действует на воображение людей акула. Наэлектризованная атмосфера, возникающая вокруг телевизионных экранов всякий раз, когда мы погружаемся в районе, где водятся акулы, в точности напоминает обстановку на арене в ту минуту, когда матадор наносит быку смертельный удар. Я не знаю другого подводного эксперимента или эпизода, в котором так обнажалась бы душа членов нашей команды, а ведь они больше пятнадцати лет сталкиваются с акулами.

Для меня телевизионный экран — несравненное средство наблюдения. Сжимая в руке самопишущую ручку, я от начала до конца каждого погружения клеток пристально слежу за двумя мерцающими, подрагивающими картинками и стараюсь записывать каждую мелочь, все, что может помочь нам узнать еще хоть что-то о мотивах, которые направляют поведение акул. У работающего под водой кинооператора и у меня есть радиотелефон, так что я непрерывно поддерживаю связь с клетками. Все, что говорится в микрофон на корабле, отчетливо слышно на дне моря, а вот то, что нам сообщают из клеток, подчас не так-то просто разобрать. От сжатого воздуха на глубине двадцати метров голоса аквалангистов становятся слегка гнусавыми, да и бульканье пузырьков воздуха, вырывающихся из легочного автомата, заглушает отдельные слова. Вот почему я даже предложил вызывать нас только в тех случаях, когда нужно передвинуть клетки или вообще прекратить эксперимент из соображений безопасности.

После того как клетки подняты на борт, аквалангисты непременно приходят ко мне и делятся своими личными впечатлениями. Потому что люди, очевидцы происходящего — самый чуткий прибор во всех наших опытах. Живой участник, испытавший на себе весь ход эксперимента, — основной источник нужной нам информации. Он отмечает целый ряд деталей, которые могут показаться незначительными, но я тщательно все записываю, и потом для каждой детали находится место в общей картине. Подводное телевидение никак не может заменить прямого наблюдения человеком, но оно обеспечивает мне непрерывную связь с группами, сменяющимися друг друга под водой. И это тоже помогает мне обобщать доклады всех аквалангистов.

Погружения с использованием клеток требуют долгой подготовки и сами по себе достаточно сложны. В ходе нашей экспедиции состоялось

двадцать три таких погружения средней продолжительностью по тридцать пять минут, на глубину от восьми до тридцати метров, в разное время дня и ночи. Пока на «Калипсо» работала доктор Юджини Кларк, она часто приходила в штурманскую рубку, чтобы вместе со мной наблюдать за телевизионными экранами, и очень помогала нам разобраться в том, что происходило под водой.

Шаб-Араб, который Филипп уже так наглядно описал, буквально кишит жизнью. На то, чтобы наловить сто килограммов рыбы (столько мы скармливаем каждый день акулам), уходит от силы полчаса. И акул в этом районе предостаточно, однако их не всегда удается обнаружить, поэтому я склонен думать, что они ходят стаями, как волки. Вместе с тем проведенное нами у Шаб-Араба мечение показывает, что здешние акулы относительно оседлы. Размеры всякие, есть настоящие чудовища, но средняя величина — она отражает и средний возраст — меньше, чем у рифовых акул района Суакин в Красном море.

Шабарабские акулы быстро свыклись с нашим присутствием и как будто поняли, что от нас можно ждать корма. Несколько раз мы видели, как они проникают в клетки, и нас, наблюдавших сверху, это зрелище пугало сильнее, чем самих аквалангистов. Впрочем, акулы в таких случаях никогда не бросались на человека, все их усилия были направлены только на то, чтобы поскорее вырваться из заточения. Возбуждение длится лишь до тех пор, пока есть корм. Как только наши полиэтиленовые мешки пустеют, акулы поворачиваются и уходят.

Крупная акула не любит, чтобы какая-то мелюзга раньше нее схватила лакомую рыбу. Она гонится за соперницей с оскаленными зубами, только что не рычит, так и кажется — сейчас убьет, а на самом деле даже не укусит. Огромные акулы-няньки способны есть из рук аквалангиста, но стоит им получить особенно заманчивый кусок, как тотчас является какая-нибудь белоперая и буквально вырывает у них добычу изо рта; с более крупной представительницей своего собственного вида белоперая никогда не посмела бы так поступить. Все акулы предпочитают свежую рыбу мороженой, однако сразу надуваются, если мы предложим им вчерашний улов.

Казалось бы — успокоительные наблюдения, но все они теряют силу, когда акулами овладевает бешенство, о котором говорил Филипп. В таких случаях мы, сидящие в безопасности в рубке, невольно ощущаем тревогу, которая переходит в ужас. Дважды дело доходило до того, что я вмешивался и прекращал эксперимент, отдавая команду, чтобы клетки подняли на борт.

Я всегда с удивлением вспоминаю эпизод, о котором рассказывал выше, ведь мне самому довелось наблюдать по меньшей мере один случай с совершенно иным исходом, когда раненая акула вызвала у других акул не робость и не подозрительность, а каннибальское исступление.

Стоя на якоре около рифа в Красном море, мы решили взорвать в барьере проход, чтобы наши лодки могли войти в лагуну. Эжен Лагорио, которому была поручена эта операция, решил проверить герметичность электрического запала, не подвергая опасности никого из людей на борту, и бросил его в воду, соединив проводами с взрывной машинкой. В ту самую секунду, когда Эжен включил контакт, запал проглотила невесть откуда вынырнувшая небольшая акула; должно быть, ее привлекла блестящая латунная оболочка. Не успели мы опомниться, как послышался глухой взрыв, и акула медленно пошла ко дну, оставляя за собой кровавый след. Чуть ли не в ту же секунду внезапно появилась здоровенная *Carcharhinus albimarginatus*, метнулась к нашей злосчастной жертве и одним движением челюстей рассекла ее на две части. Развернулась на сто восемьдесят градусов, проглотила остатки и удалилась с полным брюхом. Так мы еще раз убедились в непостоянстве реакции акул. Видно, их поведение определяется факторами, которых человек с его притупленным восприятием просто не улавливает.

В этой связи хочется отметить еще одну вещь, связанную с индивидуальностью акулы — да-да, у акулы, при всей ее видимой примитивности, есть своя индивидуальность.

Когда вы приступаете к работе в новом районе, без труда удастся в короткий срок пометить определенное количество акул. Но потом начинаешь замечать, что все акулы, которые подходят за приманкой, уже мечены. И вот тебя окружают сплошь одни акулы с бандерильями на спине, а о других, которые упорно держатся поодаль, ты так ничего и не узнаешь. И это отнюдь не особенность одного какого-то вида, мое наблюдение относится абсолютно ко всем видам.

Я вижу только одно разумное объяснение: среди акул одного вида и одинакового размера есть и более и менее смелые. Для меня это важное открытие, ведь именно через него я пришел к тому, чтобы изучать акул и восхищаться ими, а не просто воспринимать их как красивые, но потенциально опасные существа.

Накопленный опыт позволяет нам в большинстве случаев оценивать атмосферу при погружениях в районе, где водятся акулы. Войдешь в воду, и уже можешь примерно предугадать, насколько бурной будет коррида,

понадобится ли нам защита или можно обойтись совсем без клеток. Правда, слишком полагаться на свои оценки тоже опасно, очень уж часто мы убеждались, что реакции акул непредсказуемы и порой идут вразрез со здравым смыслом.

После бурного инцидента у Шаб-Араба мы вечером того же дня решили совершить ночное погружение. Клетки на этот раз поставили не рядом, а друг на друга, чтобы кинооператор мог сверху снимать происходящее крупным планом.

Не успела нижняя клетка коснуться воды, как на нее со скоростью ракет налетела шайка акул. Они кусали стальные прутья, оборвали электрические провода и разбили несколько подводных светильников. Возвращавшаяся с рекогносцировки алюминиевая плоскодонка подверглась яростной атаке, акулы даже покусились на винт подвесного мотора. Однако, судя по расплывшимся в воде облачкам крови, эта мощная бормашина рассекла не одну челюсть. Тем не менее кое-чего они добились: сорокасильный мотор заглох, полетела шпонка винта. Каноэ предусмотрительно велел немедленно поднять клетки, и эксперимент был отложен на следующий день.

На другое утро около «Калипсо» ходила лишь одна маленькая акула, и до самого вечера она так и оставалась в одиночестве. Что за таинственная причина заставила акул уйти? Мы узнаем это лишь после того, как научимся анализировать всевозможные вибрации и еще неведомые нам запахи и звуки, составляющие секретный код обитателей моря.

Немало интересных встреч с акулами было у нас во время эксперимента с «Коншельфом-Два» в Красном море. Давайте же посмотрим, что они дают для понимания нрава акул.

Глава десятая

Акулы и подводные колонисты

О «Коншельфе-Два» и акулах.

Встреча «ныряющего блюдца» с глубоководной акулой.

Подводные колонисты

Я затянул потуже петлю на щиколотках отца, легонько тронул его за плечо, отплыл назад метра на два и выбрал слабинку. Он дернул ногами веревку, что означало «пошел», и в ту же секунду тихо застрекотала камера. Я поплыл прямо, постепенно наращивая скорость в меру своих сил. Оглянувшись через плечо, я совсем близко увидел два ярко освещенных иллюминатора и на их фоне — четкий силуэт моего отца, которого я буксировал ногами вперед в гущу подводной ночи. Темная вода была совсем теплой и полной светящихся частиц, которые прорезали мрак, словно падающие звезды. Часто и энергично дыша, я плыл с предельной скоростью, и когда оглянулся вторично, окна подводного дома были уже

далеко. Но я еще различал движущиеся фигуры перед иллюминаторами. Новый рывок за веревку — я остановился; под маской у меня по лбу и носу сбегали капельки пота. Я повернулся, быстро снял петлю с ног отца, и мы поплыли обратно, к подводному селению «Коншельф-Два».

Ночью наша база издали напоминала космическую станцию из научно-фантастического романа. Разноцветные вращающиеся маячки справа обозначали контуры ангара для «ныряющего блюдца», в центре — главный комплекс «Морская звезда» с двумя обсервационными окнами, и внизу — глубоководную кабину. Кругом были разбросаны будки, в которых хранилось снаряжение для повседневных работ. Подводный дом покоился на песке на глубине одиннадцати метров, под коралловой стеной барьерного рифа в атолле Шаб-Руми, в южной части Средиземного моря. Нижняя кабина была подвешена в пятнадцати метрах ниже у вертикальной коралловой стенки в основании рифа. Продолговатое днище «Калипсо» над нами отражало зеленые и красные всплывки маячков. Мы поспешили вернуться под надежный кров главного дома.

Эксперимент «Коншельф-Два» был задуман для того, чтобы показать возможность работы обитаемых подводных станций. Он состоялся в 1963 году. Мы выбрали место с предельно суровыми условиями, подальше от всех центров снабжения. Если здесь, у пустынного суданского побережья, опыт удастся, можно будет достичь того же самого в любом уголке земного шара. Отряд из шести аквалангистов прожил месяц в главном подводном доме, а два океанавта провели две недели в нижней кабине. Профессиональные и непрофессиональные подводные пловцы, вошедшие в состав отряда, испытывали новые газовые смеси и целый день выполняли ту или иную работу под водой. В «Морской звезде» биологическая лаборатория под руководством профессора Весьера изучала экологию рифа и микроорганизмы. Исследования по программе «Коншельф-Два» включали также взаимоотношения между обитаемой станцией и естественной подводной средой.

Все подробности эксперимента фиксировались на киноплёнке; из отснятого материала потом был смонтирован фильм «Мир без солнца». Как раз для съемки одного из эпизодов будущего фильма мы с отцом и ходили в описанную только что ночную вылазку. Первые кадры — окна дома крупным планом, а затем отход в темноту. Отец держал камеру, и я протащил его около ста метров ногами вперед. Эффект был таким фантастическим, что многие, видя эти кадры на экране, посчитали их инсценировкой. Нет, они были сняты на натуре, и я до сих пор помню, что я чувствовал, плывя в крошечном мраке, где — об этом расскажет отец —

таились многочисленные акулы.

Месяц работы на морском дне помог нам лучше представить себе, как будут складываться отношения подводных колонистов с окружающей их средой, когда человек всерьез приступит к освоению шельфа. Естественно, нас больше всего занимала проблема взаимоотношений между будущими колонистами и акулами.

Проблема акул играла важнейшую роль в наших приготовлениях, и, как всегда, когда имеешь дело с акулами, все вышло иначе, чем мы предполагали. Недаром акулы были одной из самых популярных тем на борту обоих судов и в подводных обителях у Шаб-Руми.

— Куда подевались все здешние акулы? — спросил однажды Альбер (Бебер) Фалько во время подводного обеда в «Морской звезде». — Я обследовал рифы у суданского побережья на восемьдесят с лишним миль и всюду видел акул. Особенно много их было здесь, у Шаб-Руми. Я даже сомневался, стоит ли предлагать это место для эксперимента. И в первые недели, пока мы ставили дома, акулы нас без конца беспокоили. Куда же они подевались теперь?

— Они здесь, Бебер, никуда не ушли, — ответил я. — Ты сам вчера видел несколько штук у Южного мыса. Кьензи передает, что видит их каждый раз, когда идет на погружение из «Нижней кабины». И когда я с катера слежу за ночными погружениями, я всегда беспокоюсь, потому что вижу акульки плавники в какой-нибудь полусотне метров от фонарей аквалангистов.

— Здесь та же история, что на всех акульих промыслах, — заметил Дюма. — Все, кто рассчитывали сколотить себе состояние на акулах, будь то в Южной Африке или Австралии, в Таджурском заливе или у Дакара, рано или поздно вынуждены были сдаваться. Месяц-другой берут сказочные уловы, а потом вдруг акулы исчезают. И в Джибути было так же. В 1930 году море там кишело акулами, но как только порт начал расширяться, все они ушли куда-то...

Мне доводилось лично встречаться со знаменитым охотником на акул капитаном Янгом, написавшим классическую книгу об акулах, и с двумя замечательными женщинами — Анитой Конти и ее подругой Пакереттой, которые организовали крупную фирму по промыслу акул в Конакри. Все они говорили мне, что акулы быстро смекают, в чем дело, и уходят из районов промысла.

Правда, здесь, у Шаб-Руми, мы с самого начала старались возможно меньше нарушать естественный ритм жизни рифа. Я запретил подводную

охоту, мы даже лов рыбы с поверхности свели к минимуму. Когда нам нужна была рыба, отправляли лодки за пять миль от рифа. Часто мы подкармливали мурен, окуней, спинорогов и даже барракуд. Мурены ели у нас из рук. Спинороги метали икру у самого входа в наши подводные дома; одного из них наш подводный кок Пьер Жильбер совсем приручил. Несмотря на то что мы все время плавали туда и обратно, в каких-нибудь десяти метрах от нашего поселка, в трещинах, продолжал ночевать злющий касабе (*Chloroscombrus chrysurus*). Нас признала даже огромная барракуда, которую мы прозвали Жюлем. Мы рассчитывали, что акулы тоже останутся на месте, и запаслись всем необходимым, чтобы изучать их поведение без риска для себя и опасности для них.

Но акулы, как говорится, не клевали ни на какие приманки. Даже соблазнительное зрелище живой рыбы в хрупких полиэтиленовых садках не прельщало их. Они предпочитали держаться на почтительном расстоянии. Конечно, мы знали, что они где-то тут, недалеко, просто круги, которые они описывали, огибая дома, стали шире. На нашу территорию акулы заходили только украдкой, да и то по ночам.

В полукилометре от подводного селения, возле южной оконечности атолла Шаб-Руми, по-прежнему можно было увидеть много пелагических рыб и акул. Одна из них, крупная тигровая акула, явно была старожилем. Она считала Шаб-Руми своим домом и ходила вокруг нас каждый раз, когда мы вторгались в ее владения. (Филипп уже рассказывал о ней: это она несколько дней не решалась проглотить испорченное мясо, которое мы выбросили на ее участке.)

На третьей неделе эксперимента «Коншельф-Два» мы решили собрать геологические образцы на рифе с разной глубины.

Арман Давсо вооружился маленькой кувалдой и зубилом, я взял подводную кинокамеру, чтобы снимать его, Филипп захватил две запасные камеры, и мы пошли. Редко приходилось нам идти вниз так быстро, как в этот раз, ведь надо было не отставать от Давсо, который погружался как топор из-за тяжелого молота. Слева промелькнула «Морская звезда», затем справа — «Нижняя кабина». На глубине сорока пяти метров отвесная коралловая стенка упиралась в серый песчаный откос, который тянулся около тридцати метров до второго обрыва. Здесь, на самом краю подводной ступени, стояло одно из наших пяти малых «акулоубежищ» для океанавтов, связанное сигнальной системой со штабом в «Морской звезде». Мы очень тщательно устанавливали и испытывали эти «акулоубежища», но воспользоваться ими так и не пришлось.

На глубине семидесяти метров мы остановились. Наведя объектив на

большую коралловую глыбу, я нажал спуск, и Давсо принялся долбить глыбу кувалдой. Глухой звон нарушил безмолвие пучины. И чуть ли не в ту же секунду я увидел в видоискателе двух больших белоперых акул. Они появились из голубой толщи и ринулись прямо на стоявшего к ним спиной Давсо. Я крикнул в загубник, но Давсо не услышал меня и продолжал стучать кувалдой. Тогда Филипп, выполняя роль телохранителя, поплыл навстречу акулам. Они медленно изменили курс, прошли мимо Давсо, покружили около нас и исчезли так же внезапно, как появились. При всем желании мы просто не успели бы укрыться в «акулоубежище». Громкий стук привлек акул так же, как их привлекают взрывы, но решительные действия Филиппа смутили бестий.

Как только были взяты нужные образцы, мы пошли обратно, не спуская глаз с массивной фигуры Давсо, который карабкался вверх по скале, словно альпинист. И только на борту «Калипсо» Арман услышал от нас, какое зрелище он упустил из-за своего усердия.

Похоже, что акулы избегают тех мест, где развивает свою деятельность человек, подобно тому как тигры в Индии сторонятся городов и деревень. Из этого следует, что обитаемым подводным станциям, которых, несомненно, будет все больше, нечего опасаться акул. Но почему же, спрашивается, акулы уходят, ведь человек — новичок в океане и они его совсем не знают? Мне видится тут связь с явлением, которое мы часто наблюдали в открытом море, — я подразумеваю стаи грозных океанических акул, идущих на почтительном расстоянии за китами и дельфинами. Может быть, акулы как-то отождествляют нас с этими морскими млекопитающими? Если моя догадка верна, акулы без колебаний нападут на человека, который плывет один или попал в беду, однако предпочтут держаться на почтительном расстоянии от наших коллективных установок.

...Было уже 9 часов вечера, пора заканчивать обмен мнениями об акулах, прощаться с океанавтами — хозяевами «Морской звезды» и возвращаться на «Калипсо». В кабине для переодевания Дюма, Фалько и я облачились в гидрокостюмы. Я предложил моим товарищам сделать обход нашего подводного поселка, прежде чем подниматься на поверхность.

Вода во входном люке плескалась, словно в маленьком бассейне. Один за другим мы опустились в люк и оказались висящими во мраке. Нас окружали стальные прутья — ограждения против акул; включив герметичные фонари, мы выплыли из этой большой клетки, которая в общем-то оказалась ни к чему, поскольку акулы ушли.

Сначала мы не спеша подплыли к ангару «ныряющего блюдца».

Проникнув внутрь нашего подводного гаража, я высунул голову из воды. Маленькая подводная лодка была на месте, и красный сигнал на пульте говорил о том, что идет зарядка аккумуляторов. Закончив осмотр ангара, мы вернулись в море. Коралловый шельф обрывался крутой ступенькой, и вот мы уже различаем вертикальный цилиндр «Нижней кабины», стоящей на глубине двадцати шести метров. Подойдя к ней, я заглянул в иллюминаторы. Кьензи и Портлатен выключили свет — очевидно, решили поспать, несмотря на жару и высокую влажность внутри кабины.

Я немного поколебался, прежде чем идти дальше вниз. В это время ночи от узких лучей наших фонариков было мало проку, и чернота под нами казалась средоточием всяческих ужасов. Мы погрузились до подножия скалы и пошли вдоль следующей ступени на глубине сорока пяти метров до глыбы черного коралла, где стояло, напоминая огромную ловушку для лангустов, «акулоубежище» номер один. Кажется, там впереди чей-то длинный силуэт и отливающий зеленью глаз? Мы повернули обратно и начали восхождение по скале. Около наших четырех кубических садков парила стайка ярких рыб. Над нами, несколько мористее, виднелся тусклый огонек. Он привел нас к «Калипсо». Под кормой, подле трапа, по которому мы поднимались на борт, висел натянутый железным грузом десятиметровый конец. Во избежание кессонной болезни нам полагалось выждать здесь сорок минут, держась в темноте за веревку, в обществе барракуды Жюля, который отнюдь не отличался тихим нравом.

...«Калипсо» стоит на якорю чуть юго-западнее острова Сокотра, расположенного в северной части Индийского океана, недалеко от Аденского залива. Глубина здесь около ста метров. Вахтенный офицер Анри Пле докладывает мне, что «блюдец» готово. Несмотря на жару, надеваю свитер: внизу будет прохладно. «Блюдце» покоится в своей люльке на корме. Мы с Фалько взвешиваемся на медицинских весах, полученные цифры записывают мелом на черной доске. Арман Давсо подводит итог и решает добавить немного воды в балластную цистерну «блюдца». Эта добавка обеспечит маленькой подводной лодке приблизительное равновесие.

Мы с Фалько втискиваемся в «блюдец». Пока он тщательно задраивает люк, я налаживаю подачу кислорода, включаю воздухоочистительную систему, проверяю аккумуляторы и давление масла, снимаю показания гироскопического компаса. Затем я сверяю наши часы, и Фалько включает магнитофон. После этого он докладывает механику Жаку Ру, что все в порядке. Мы вытягиваемся ничком на поролоновых матрасах, длина которых рассчитана так, что голова наблюдателя оказывается как раз перед

иллюминатором. Внутри «блюдца» стоит негромкий, ровный гул, как на заводе. Одни моторы работают непрерывно, другие автоматически включаются и выключаются под щелканье реле. Управляемый Морисом Леандри гидравлический кран извлекает «блюдце» из люльки. Несколько секунд мы плавно качаемся в воздухе, но вот «блюдце», подчиняясь опытной руке Мориса, мягко, с чуть слышным всплеском, словно шелк прошелестел, ложится на воду.

Почти сразу замечаю двух акул, которые кружат неподалеку от нас. Христиан Бонничи, провожающий «блюдце» под воду, выполняет обычные операции, не спуская глаз с акул. Сперва протирает плексигласовые иллюминаторы, потом по сигналу Фалько забирается на крышу «блюдца», чтобы отключить телефон и отцепить последний нейлоновый линь, соединяющий нас с внешним миром. Медленно начинаем погружаться. Эхолот четко рисует кромку рифа на глубине девяноста метров. Несколько минут, и мы уже приземляемся на серой площадке, высланной илом и щебнем. Фалько сбрасывает 25-килограммовую чушку, обеспечившую погружение, и для полного равновесия откачивает несколько литров воды. Затем он пускает наш главный движитель — двойной водомет, сопла которого выбрасывают назад мощные струи воды, — и мы идем на юг, где склон всего круче.

Глубина сто метров, здесь проходит четко обозначенный рубеж между склоном и обрывом. Как и в Красном море, видим нависающий над обрывом «тротуар». До наших работ никто не знал об этом «тротуаре», его не обнаруживали никакие приборы, никакие, даже самые чувствительные эхолоты. Речь идет о строго горизонтальном карнизе шириной от двух до десяти метров, который окаймляет все гряды, все рифы, все острова и затопленные вулканы на глубине сто десять — сто двадцать метров. Наше открытие, сделанное исключительно благодаря «блюдцу», позволяет предположить, что таким был уровень моря во время одного из великих ледниковых периодов много тысяч лет назад.

Вплоть до этого места нас сопровождают две акулы, но, когда мы начинаем медленно идти вниз вдоль отвесной стены, они отстают. На голой каменной стене все меньше признаков органической жизни. Кое-где видим горгонии, известные также под названием веерных кораллов, попадаются мшанки и мелкие ракообразные, но рыб почти нет.

На глубине около ста сорока метров погружение прекращается, «блюдце» застывает на границе между двумя слоями воды, словно оно легло на дно.

— Термоклин, — замечает Фалько.

Здесь проходит рубеж между теплым поверхностным слоем и более холодной глубинной водой, а чем вода холоднее, тем она плотнее, вот она нас и держит. Можно сразу продолжить погружение, добавив немного воды к нашему внутреннему балласту, но мы предоставляем самой природе внести поправку за счет охлаждения корпуса «блюдца». Температура понижается с тридцати двух до двадцати пяти градусов. Фалько надевает свитер. И вот уже сила тяжести снова увлекает нас вниз.

На глубине двухсот шестидесяти метров пустынная вертикаль кончается. Скала изборождена широкими трещинами, они кишат красными рыбинами весом до двух с половиной — трех килограммов, попадаются и здоровенные груперы. Приземлившись на уступе шириной около десяти метров, делаем остановку, чтобы рассмотреть окружающую нас фауну. Камни усеяны причудливыми ракообразными длиной около двадцати сантиметров, которые помахивают клешнями почти такой же длины. За стаями креветок и не рассмотришь стенки обрыва. Незнакомые нам рыбы выходят из несчетных нор, словно желая рассмотреть нас поближе. Одни ярко-красные, другие — в розовато-лиловую и желтую крапинку, третьи — в коричневую и белую вертикальную полоску. А ровное дно — ил и детрит, — насколько хватает глаз, покрыто тысячами, миллионами крабов.

Снова пустив водометы, идем вдоль подножия скалы на восток. Куда ни погляди, грунт устилают копошащиеся, брыкающиеся, переплетенные между собой крабы величиной с кулак. Это массовое скопление явно связано с брачной порой. Почти целый час мы с Фалько скользим над этим живым ковром, иногда ненадолго останавливаясь, чтобы понаблюдать за повадками крабов.

Вдруг Фалько восклицает:

— Смотрите, капитан! Налево! Вон там, вдали!

Прильнув к иллюминатору, напрягаю зрение. Из пучины в нашу сторону медленно поднимается какой-то неясный силуэт... Акула, но какая акула — огромная до неправдоподобия.

Идет прямо на «блюдец», как будто ослепленная нашими фарами. Пораженный чудовищными размерами, в первую минуту не могу даже ее опознать. Она, наверное, вдвое длинней нашей маленькой подводной лодки и весит не меньше полутора тонн. Чудовище закладывает широкий вираж вокруг нашего «блюдца». Но оно неточно рассчитало курс, и нас сотрясает мощный удар хвоста. Конечно, нам за стальной броней ничего не грозит, и все-таки не очень-то приятно, когда тебя на глубине почти трехсот метров тербит такой исполин.

Огромная bestия продолжает кружить в свете наших прожекторов.

Невольно люблю её мощью и грацией — сила быка в соединении с гибкостью змеи. Различаю по бокам головы по шести жаберных щелей, это помогает мне опознать *Hexanchus griseus*, которую иногда называют коровой акулой. Шестижаберную акулу наблюдали очень редко, очевидно потому, что она держится на большой глубине, лишь иногда поднимаясь к поверхности. Глядя на этого исполина, невольно сопоставляю его с двумя другими великанами, которые превосходят его размерами, — китовой акулой и гигантской акулой. Они тоже редко появляются на поверхности, а остальное время проводят в неведомых глубинах, и об этой стороне их жизни практически ничего не известно. Не исключено, что загадочные ямы в донном иле, много раз зафиксированные нашими глубоководными автоматическими фотокамерами на дне Средиземноморья, на глубине двух с половиной тысяч метров, — след их деятельности.

Шестижаберная довольно долго ходит вокруг нас, это позволяет нам снять её. Вот она опять толкает «блюдец» — должно быть, нечаянно; во всяком случае после этого столкновения акула, словно испугавшись, сильно взмахивает хвостом и исчезает в темной пучине. Увы, её глубоководное царство пока что недостижимо для «ныряющего блюдца». Задержавшись на краю второго уступа, мы с Фалько направляем лучи фар в пустоту внизу, надеясь ещё раз приманить исполина. Полчаса тщетного ожидания, и Фалько сбрасывает 25-килограммовый груз, и мы идем вверх. Через двадцать минут «Калипсо» извлекает нас из воды.

Но ещё много недель мы с Фалько вспоминаем и грезим об этом необычном погружении и о нашей встрече с шестижаберной акулой, властелином пучин, в которые нам пока доступа нет.

Не всегда сосуществование акул и подводных колонистов протекает так уж мирно. Это наглядно подтвердил один драматический эпизод, который произошел около рифа Шаб-Араб в Аденском заливе.

«Калипсо» стояла на якоре у крайней северной оконечности рифа, он здесь отвесно обрывается на глубину около трехсот метров. Мы с Фалько решили совершить ночное погружение в «ныряющем блюдец». Как только его спустили на воду, мы увидели в лучах наших фар крупных акул. Чем глубже, тем больше их становилось, и вскоре вокруг «блюдца» собралось не меньше четырех десятков хищниц. В их поведении была заметна повышенная активность. Мы посадили «блюдец» на илистый грунт на глубине около ста двадцати метров, чтобы провести положенный контроль приборов и отрегулировать плавучесть, прежде чем продолжать рекогносцировку. Надежно защищенные металлическим корпусом, мы видели через иллюминаторы кружившие совсем рядом зловещие силуэты.

Волшебный и редкостный спектакль! К сожалению, кинокамеры «блюдца» могли запечатлеть лишь маленькие фрагменты этого безумного хоровода. Мы решили вернуться на поверхность и организовать погружение кинооператора с «акулоубежищем», чтобы он снял вместе эту небывало многочисленную акулю орду и наших подводных пловцов.

Через полчаса, укрепив на клетке мощные светильники, ее опустили на воду — как обычно, без людей — и погрузили на глубину тридцать метров. Кинооператор Пьер Гупиль, его ассистент Пьер Дюхальд и два аквалангиста — Христиан Бонничи и Раймон Коль — пошли следом, вооруженные камерами и дубинками. Ярко освещенная клетка служила отличным ориентиром, и они быстро направились к ней, не испытывая особого страха. На полпути в лучах своих светильников они увидели зеленые блики — глаза полутора десятков акул. Подводники спокойно приступили к съемкам, но орда тотчас затеяла хоровод вокруг них. Кольцо акул становилось все уже, а численность их возрастала. Скоро на небольшом участке их собралось не меньше семи десятков. И аквалангисты вдруг поняли, что сейчас надо думать не о съемках, а о самообороне.

Перед Гупилем стояла непростая задача. «Акулоубежище» вмещало только троих, значит, четвертый останется один во власти хищной орды. Гупиль несколько раз посигналил наверх, чтобы клетку поднимали на «Калипсо», потом схватил своего ассистента, наименее опытного аквалангиста, и толкнул его внутрь «акулоубежища». После этого Гупиль, Бонничи и Коль примостились на клетке сверху и сели спина к спине, готовые отбивать атаки.

Акулы тотчас прекратили хоровод и, явно сознавая свое численное превосходство, совсем по-волчьи ринулись вперед, прямо на людей. Подводники отбивались чем попало — дубинками, камерами, светильниками. Между тем на «Калипсо» еще не поняли, какая опасная возникла ситуация.

После сигналов Гупиля аквалангист, управлявший лебедкой, решил поднимать клетку не спеша, чтобы лучше проходила декомпрессия. Чем ближе к поверхности, тем яростнее атаковали акулы, но все же тройке каким-то образом удавалось их отгонять. Вся группа вернулась на борт невредимой. А расвирепевшие убийцы затеяли такую пляску, что поверхность моря казалась изрытой штормом.

Не успел Гупиль прийти в себя после шока, как тут же предложил совершить новое погружение, но вдвоем, и забраться в клетку еще над водой. Мол, «ныряющему блюдцу» акулы не страшны, так лучше снять среди хищниц сам аппарат, чем рисковать жизнью людей. Его идея нам

понравилась, мы переставили светильники на клетке, и Пьер Гупиль вместе с Даниелем Томаси заняли места в «акулоубежище», где им ничто не угрожало. Мы с Фалько погрузились в «блюдец» на глубину около двадцати пяти метров, прямо в гущу акул. Естественно, на этот маневр понадобилось некоторое время, и когда «блюдец» наконец подошло к «акулоубежищу», мы с удивлением увидели, что Гупиль и Томаси, бросив кинокамеры, затеяли в клетке какой-то нелепый танец. Они скакали, прыгали и били себя ладонями по лодыжкам. А вокруг них, отчетливо видимые в ярком свете прожекторов, металась тысячи белых комочков — ну прямо стая комаров или мотыльков, окруживших фонарь в саду летней ночью. Силуэты людей в «акулоубежище» судорожно извивались во все стороны, словно наши друзья вдруг потеряли рассудок. Кинокамеры и акулы были забыты. Ни Фалько, ни я не могли понять, что происходит. Но вот клетка пошла вверх, и стало очевидно, что на палубе второй раз за эту ночь прозвучал сигнал тревоги.

Через полчаса «блюдец» вернулось в свою люльку на борту «Калипсо». На корме — никого, но на палубе заметны следы крови. Я ринулся в офицерскую кают-компанию: Гупиль и Томаси с искаженными болью лицами лежали на столах, и их лодыжки были обмотаны бинтами. На полу, на столах, даже на переборках атели пятна крови. Доктор был озадачен и сильно встревожен. Мы услышали, что наши друзья, едва войдя в воду, были атакованы полчищами «морских москитов» — совсем крохотных, почти не видимых простым глазом равноногих ракообразных, которые свирепостью вполне могут сравниться со знаменитой амазонской пираньей. Клешни этих малюток отщипывают маленькие кусочки кожи. Наши товарищи потеряли по четверти литра крови каждый.

Неопреновые гидрокостюмы в общем-то надежно защищали Гупиля и Томаси, оставалась открытой лишь узкая полоска кожи между резиновыми лапами и штанами. Пока клетку поднимали наверх, друзья были настолько поглощены схваткой с мини-чудовищами, что им было совсем не до ходивших кругом акул. А тут еще Морис Леандри, дежуривший на лебедке, остановил клетки в нескольких метрах от поверхности для обязательной пятиминутной декомпрессии.

Гупиль рассказывал мне:

— Во время этой остановки «москиты» меня так извели, что я готов был открыть дверцу и выйти наружу к акулам...

После эксперимента «Коншельф-Два» в Красном море мы вернулись в родную гавань, накопив немало данных об акулах и обитаемых подводных станциях. Можно было более конкретно думать о будущих поселениях на

дне моря и о том, как будут складываться отношения между людьми и акулами.

Не откладывая в долгий ящик, мы начали готовить эксперимент «Коншельф-Три», в котором океанавты должны были провести двадцать семь дней на глубине ста десяти метров в Средиземном море. Опыт должен был начаться только через два года, но мы сразу же приступили к разработке долгосрочной программы, занимались конструктивной частью, физиологией, прикидывали, какие подводные работы можно осуществлять.

В Марселе были созданы установки, позволяющие моделировать погружение до глубины полутора тысяч метров. В таких камерах можно определить разумные пределы погружения с газовой смесью гелий — кислород, а также проверить сложные комплексы приборов, необходимые для глубоководных шельфовых станций будущего.

Был разработан проект совершенно автономной 300-тонной подводной лодки на десять человек, способной служить кочующей базой для четырех океанавтов, работающих на глубинах до шестисот метров. Этот передвижной подводный дом, получивший название «Аргиронет», уже строится.

Мы представили в ЮНЕСКО проект Международного центра подготовки ученых-океанавтов, который был одобрен Межправительственной океанографической конференцией.

Рассматривались возможности применить подводные дома для таких дел, как разведение рыбы, добыча руды, разведка и добыча нефти, геологические и биологические наблюдения и исследования. Даже для отдыха и развлечения.

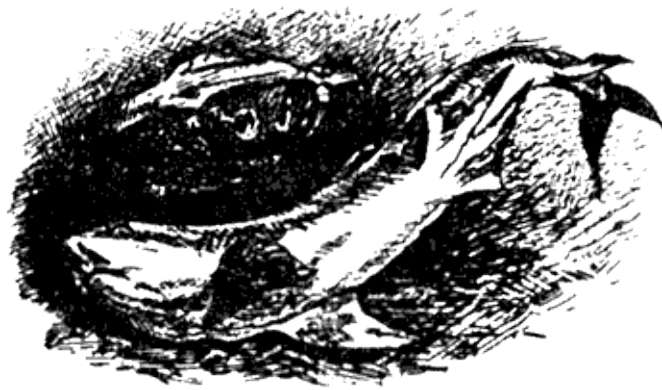
Выработана долгосрочная программа формирования человека-амфибии — Гомо акватикус.

Перспективы обитаемых станций на шельфе и глубже почти неограниченны. Разумеется, я отнюдь не думаю, что люди когда-нибудь вообще переселятся на дно моря; мы слишком зависимы от своей естественной среды, и вряд ли возникнут веские причины, чтобы отказаться от всего, что нам так дорого: от солнечного света, свежего воздуха, лесов и полей.

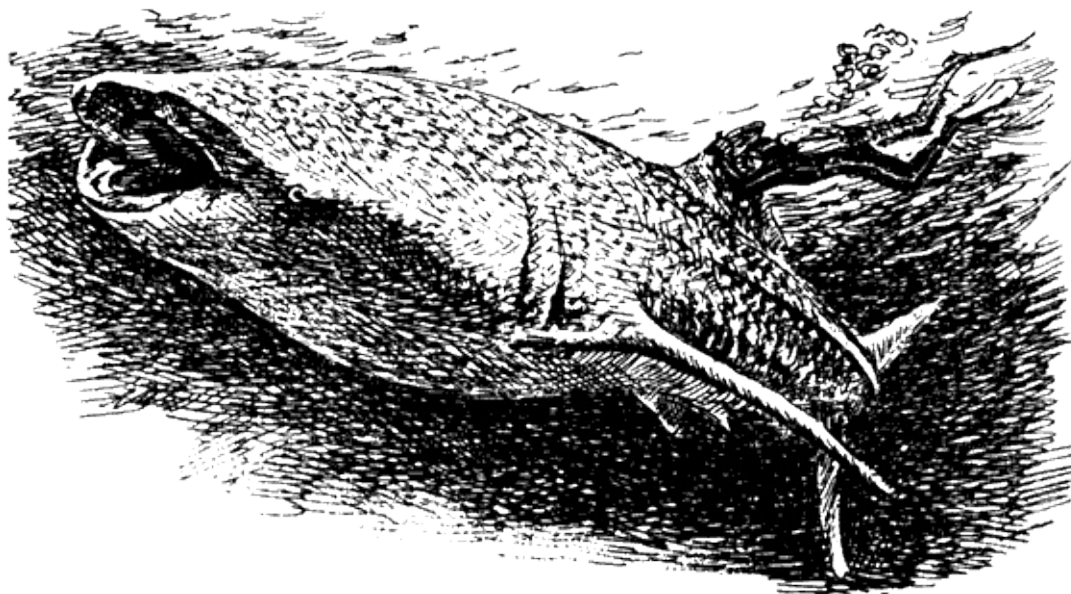
Однако в науке и в промышленности неизбежно будет множиться число важных проблем, требующих временного пребывания больших коллективов под водой для многомесячной работы на морском дне. Обреченные декомпрессией на долгое заточение, подводники нуждаются и в медицинском обслуживании, и в развлечениях, как это бывает, скажем, с разведчиками нефти, которые на полгода уходят в пустыню. Понадобятся

мощные сооружения и огромные капиталовложения. Но до тех пор надо еще разрешить целый ряд проблем. И одна из них — защита от акул.

У нас сложилось впечатление, что акулы предпочитают уходить из районов, где сооружаются подводные дома. Но мы уверены, что они уходят недалеко. Взрывы и другие звуки — лязг, звон — могут привлечь их обратно в обитаемый район. К тому же нельзя поручиться, что акулы, преодолев свой страх, через некоторое время не пойдут большими стаями в атаку на изолированные малочисленные группы подводников. Нужны еще исследования и исследования. При этом полезно принять в качестве рабочей гипотезы, что мир рыб вообще и акул в частности — не столько зрительный мир, сколько мир звуков и волн сжатия. Смотришь, окажется, что в малоизученном диапазоне частот найдутся не только такие, которые привлекают акул, но и такие, которые будут отгонять их от подводных поселений.

Глава одиннадцатая **Миролюбивый исполин**

Встреча с китовой акулой.

Легенды об акулах

Только в мае 1967 года мы наконец встретились с китовой акулой. Неделю подряд «Калипсо» шла в Индийском океане курсом норд-норд-вест, от Диего-Суареса в сторону Гаджурского залива. С февраля, когда началось плавание, стоянка в Диего-Суаресе, этом важном порту Мальгашской Республики, была нашим первым большим заходом, и нас, как всегда, чудесно принимали. «Калипсо» на время перешла в руки рабочих военной верфи, и они целую неделю трудились, приводя судно в порядок после почти четырех месяцев непрерывного плавания и напряженной работы.

После долгих вечеров, когда мы беседовали на террасе отеля, мечтая о будущих проектах, слушая шорохи леса и отдыхая от непрерывного колыхания палубы под ногами, от неумолчного плеска волн и рокота

всевозможных корабельных механизмов, нас опять неудержимо манили новые дали и новые дела. И хотя мы с тоской смотрели, как земля уходит за горизонт далеко за кормой, в душе уже рождалась тихая радость, которая всегда сопутствует новому начинанию.

Всю эту неделю после выхода из Диего-Суареса мы конструировали всевозможные новые ловушки и разрабатывали планы новых экспериментов, надеясь с их помощью лучше узнать акул. Но эта удивительная встреча застигла нас врасплох.

Китовая акула, несомненно, самая крупная рыба в мире. Она достигает в длину двадцати с лишним метров, а десятиметровые экземпляры вполне обычны. Люди редко наблюдали этого исполина, и нам не известно, мигрирует ли китовая акула, подчиняясь каким-то своим закономерностям, или ведет оседлый образ жизни. Питается она, как киты, планктоном и мелкой рыбешкой: вполне возможно, что это заставляет акулу держаться глубоководных океанских течений, в которых сосредоточен ее корм. За все годы, проведенные в море моим отцом, он только дважды видел это могучее животное.

Китовая акула относится к селахиям, у нее пять жаберных щелей, латинское наименование — *Rhincodon typus*. Спина и бока бурые; тело и хвост покрывают круглые белые или желтоватые пятна, на голове они поменьше и расположены гуще. Через спину идут поперек тонкие, извилистые полосы желтого или белого цвета. Брюхо белое или желтоватое. Рот почти всегда открыт, ширина пасти около двух метров, высота от 30 до 50 сантиметров: челюсти окаймлены твердыми пластинами, вероятно предназначенными для того, чтобы крошить излишне крупную добычу.

Несмотря на чудовищные размеры, китовая акула считается безопасной для человека. Плышет она неторопливо, скорость не больше трех узлов. Часто она обвешана множеством прилипал и окружена полчищами лоцманов: одни толщиной с большой палец человека, другие — с рукоятку теннисной ракетки. Мы очень много слышали про этого исполина морей, но до сих пор никто на борту не встречался с ним близко.

Как это у нас заведено, когда «Калипсо» идет по курсу, два человека непрерывно ведут наблюдение и докладывают обо всем, заслуживающем внимания. Будь то фонтанирующий кит или просто кусок плавающего дерева — мы ничем не пренебрегали. Неутолимое любопытство моего отца ко всему, что происходит в море, передалось команде. Достаточно малейшего загадочного пятнышка на поверхности моря, чтобы мы отклонились с курса.

Воскресенье. 7 мая. 11.30. «Калипсо» идет со скоростью десяти узлов между Момбасой и Джибути. В это время года Индийский океан в части, прилегающей к африканскому побережью, еще спокоен. Знаменитый юго-западный муссон пока только собирается с силами. Поверхность воды отражает зловещие тропические тучи, но никаких признаков жизни, которые заслуживали бы нашего внимания, со вчерашнего дня не видно. Ни бонит, ни летучих рыб, ни фонтанирующего кита. Море словно пустыня, однако вода не совсем прозрачная. Поверхностный слой насыщен планктоном, настолько крупным, что его видно с палубы. Утром мы долго рассматривали через иллюминаторы подводной обсерватории на носу поток этих беспорядочно движущихся крохотных созданий. С виду — белые комочки, тонкие нити и хрустальные кубки, а на самом деле — целый мир веслоногих, медуз и сальп. Естественно, вся эта мелюзга борется за существование, подчиняясь тем же простым и жестоким законам, что рыбы на рифах или звери в джунглях. Правда, планктон лишь в очень малой степени властен над своей судьбой, он подчинен воле течений, которые носят его по свету. Он в изобилии размножается и в изобилии погибает, в зависимости от колебаний температуры или солености. В это утро тропическое море настолько загустело от взвешенной живой массы, что напоминало гигантскую миску с горячим супом, приготовленным для неведомого Гаргантюа. Это сравнение родилось как шутка в нашем разговоре, но совершенно неожиданно оно оправдалось.

В 11.35 Пьер Ли, наблюдавший с левого борта, заметил что-то на воде и доложил на мостик. Через несколько секунд капитан Роже Маритано скомандовал «лево руля», и «Калипсо» направилась к загадочному предмету. Издали можно было различить только два больших плавника на изрядном расстоянии друг от друга, но мы понимали, что речь идет об очень крупном животном. Вскоре стало ясно, что это не млекопитающее, а огромная акула, дремлющая у поверхности воды. Но какая — гигантская или китовая? Мы одинаково мало знали о той и о другой. Гигантская акула — внушительная тварь, достигающая в длину десяти и больше метров. Она появляется в Средиземном море весной, чаще всего в апреле. Маленькие группы гигантских акул лениво плавают у поверхности. Потом гости исчезают, и никто не знает точно, где и как они проводят остальную часть года. Но конечно, китовая акула и длиной и весом превосходит всех живущих ныне рыб. (Напомним, что кит не рыба, а млекопитающее, тогда как китовая акула — самая настоящая рыба, а китовой ее назвали только за

величину.) Этот великан любит теплые моря и предпочитает держаться глубоко, лишь очень редко всплывая к поверхности, так что встреча с ним — из ряда вон выходящее событие.

На борту «Калипсо» царил ажиотаж. В два счета был спущен на воду «Зодиак», в него прыгнули два кинооператора — Барски и Делуар, и два аквалангиста — Фалько и Коль. Лодка бесшумно подошла к сонной рыбине, и аквалангисты скользнули за борт. Длинный-предлинный хвост с высоченным плавником, мощный, округлый спинной плавник — точно, китовая акула! «Зодиак», видимо, заинтересовал ее, и она принялась медленно описывать круги под ним. В ней было около одиннадцати метров. Делуар подплыл к акуле поближе, задумав снять ее широкоугольным объективом. Чудовище сперва позировало в профиль, затем пошло на камеру. Его разинутая пасть напоминала сопло реактивного двигателя на самолете. Метрах в полтора от Делуара акула вдруг нырнула и прошла как раз под оператором. Коль захватил свое знаменитое копьё, которым уже пометил столько других акул. Он нырнул и поплыл вдогонку за исполином. Но как он ни напрягался, акула легко его опережала, и ему приходилось снова и снова взбираться на «Зодиак», чтобы догнать ее. Поднявшись из воды в последний раз, Коль с присущим ему лаконизмом так описал увиденное:

— Полный размах хвостового плавника два метра. Спинной плавник — около полутора метров в основании и почти столько же в высоту. Глаза круглые, чуть скошенные, очень живые. Зрение отличное. Дважды акула возвращалась, чтобы взглянуть на «Зодиак», и каждый раз, как мы подходили к ней в лоб, она слегка наклоняла голову и проходила под нами. Несколько раз мы видели, как она ныряет: плавно наклонится вниз и идет вглубь наподобие подводной лодки, но уже через несколько минут опять всплывает чуть поодаль. Когда ей надоело играть с нами, она повернулась вертикально и ушла отвесно вниз, как кит ныряет. Я несколько раз брал ее за хвост, а она никак не реагировала, не пыталась ни атаковать, ни защищаться. Кожа у нее жесткая, вся в круглых пятнах, их плохо видно. Со всех сторон акулу облепили прилипалы, особенно густо позади жаберных щелей. Там есть ямка, они то зайдут в нее, то опять выйдут. А лоцман был только один, полосатый такой. Метку воткнуть около спинного плавника было очень трудно, кожа страшно жесткая, я даже погнул острие копья.

Через несколько минут появился второй экземпляр, еще более крупный, метров двенадцать — пятнадцать. «Номер два», как мы его окрестили, пробыл с нами не так долго, но Колю удалось его пометить. Потом китовая акула ушла в пучину, и Коль, держась за спинной плавник,

сопровождал ее до глубины около пятидесяти метров.

— Она ничего не делала, чтобы уйти или избавиться от меня, — рассказывал он мне после. — Вообще она реагировала только тогда, когда мы оказывались в ее поле зрения. Тут она проявляла любопытство...

Увидеть и снять двух китовых акул — это было, несомненно, большой удачей. Почему их так редко встречают? Очевидно, потому, что они поднимаются к поверхности лишь в особых случаях — например, когда при благоприятной погоде течение выносит в поверхностные слои планктон определенного, особенно ценимого ими состава. Недаром, когда нам посчастливилось наблюдать под водой двух представителей этого племени великанов, в их разверстых пастьях исчезали огромные порции планктона. Усатые киты тоже кормятся только планктоном и мелкими морскими животными, причем они способны погружаться за кормом ночью на глубину до двадцати пяти, а днем и до ста метров. Ведь глубина, на которой держится планктон, зависит от освещенности. Киты поднимаются к поверхности лишь за воздухом. Китовые акулы, не нуждающиеся в воздухе, всплывают куда реже, можно сказать, ненароком.

Может быть, одинаковый способ кормления обусловил еще одну общую черту в поведении китовой акулы (холоднокровной рыбы) и кита (теплокровного млекопитающего). Мы своими глазами смогли убедиться, что китовая акула уходит в пучину не отлого — в отличие от всех других акул она ныряет вертикально вниз.

Больше всего наших аквалангистов поразила могучая пасть китовой акулы, которую они, как вы помните, сравнили с соплом реактивного двигателя. У этой акулы совсем маленькие зубы, но они могут быть опасными. Наш американский друг Конрад Лимбо получил однажды серьезное повреждение, нечаянно угодив рукой в пасть китовой акулы. Хотя рыбина не сомкнула челюсти, у Конрада осталась памятка в виде множества ссадин и кровоподтеков.

Вполне естественно, что такое фантастическое существо, как акула, дало пищу для всевозможных легенд и суеверий среди народов, населявших морские берега. Куда менее естественно, что во многих преданиях акула выступает в роли благодетеля. То она Кама-Хоа-Лии — живое воплощение какого-нибудь горячо любимого предка, то бог изобилия, то покровитель рыбаков, потерявшихся в море. В далеких, глухих уголках океана, где жизнь людей тесно связана с морем, я ни разу не слышал, чтобы в местных преданиях говорилось об акуле как о злокозненном существе. Это тем поразительнее, что у большинства

народов приморья сравнительно безобидные киты обычно сльвут злодеями. Есть и другие представители морской фауны, дурная слава которых вовсе незаслуженна, так как они просто неспособны причинить вред человеку, если не считать какой-нибудь маловероятной случайности. Наглядным примером может служить гигантская манта: ее еще называют морским дьяволом. Франсуа Поли рассказывает в своей книге «Акул ловят ночью» о суеверном страхе, который манта внушает кубинским рыбакам. Некоторые из них даже уверяют, будто гигантский скат их гипнотизирует. Хорошо известны рассказы о том, как манти будто бы увлекали в пучину шхуны вместе со всей командой или же подпрыгивали высоко в воздух и падали сверху на рыбацье судно, сокрушая его своим чудовищным весом.

Средневековые книги о путешествиях и отчеты морских экспедиций полны рассказов о грозных морских чудовищах, которые оплетали корабли своими щупальцами и давили их, как ореховую скорлупу. Эти небылицы, естественно, помогали морякам выглядеть героями в глазах окружающих, впрочем, героический ореол был ими вполне заслужен, если вспомнить, какими хрупкими были тогдашние суда. Очень может быть, что люди моря именно в погоне за популярностью распространяли такие версии. Конечно, гигантский кальмар и впрямь достигает больше пятнадцати метров, но встречи с такими монстрами исключительно редки. В течении Гумбольдта члены экспедиции «Кон-Тики» много ночей подряд наблюдали кальмаров, но, к счастью, все обошлось благополучно.

Самый яркий из известных мне примеров незаслуженно дурной славы — тридакна. Легенды сообщают об этом огромном двустворчатом моллюске тропических вод, будто он способен зажать руку или ногу ныряльщика и держать, пока жертва не захлебнется или не отсечет себе пойманную конечность. Что ж, известны тридакны весом в сто с лишним килограммов, однако просвет между открытыми створками так мал, что просунуть между ними хотя бы кисть может разве что циркач.

А вот акулы в самом деле представляют собой вполне реальную угрозу, и ведь они водятся практически во всех морях мира. Тем не менее — возможно, для поднятия собственного духа — там, где акул особенно много, люди предпочитают считать их добрыми божествами.

Капитан Янг и другие авторы сообщают, что на Гавайских островах акула была в ряду самых могущественных богов. Король акул Кама-Хоа-Лии, которому были подчинены все прочие акулы, мог по желанию принимать человеческий облик. Согласно преданию, он обитал в огромном, под стать его размерам, гроте где-то под Гонолулу. Вместе с могущественной акулой Калахики он вырубал рыбаков, терпящих

бедствие. Кама-Хоа-Ли предвидел все опасности и готов был прийти на помощь мореплавателям в случае урагана, встречного ветра или штиля. Попав в беду, команда лодки зажигала большой факел и выливали в море сок растения ава. Как только призыв доходил до Кама-Хоа-Ли, он немедленно посылал акулу из числа своих подданных (сам король не показывался), чтобы она провела рыбаков в родную гавань.

Кроме того, — для этого требовались определенные заклинания и соответствующие жертвоприношения — Кама-Хоа-Ли выступал также в роли защитника угнетенных и карателя тиранов и ревнивых мужей.

Способность акульих богов принимать человеческий облик, естественно, легла в основу многих фантастических историй. Некоторые из этих всемогущих существ пользовались своим волшебным даром, чтобы обольстить и взять себе в жены юных красавиц на островах. Рожденные от такого союза мальчики наследовали от отца его волшебные свойства, но единственной видимой приметой их божественного происхождения был знак акульей челюсти на спине, между лопатками. Отец предупреждал всех родных, чтобы ни в коем случае не давали молодому богу мяса, не то он к нему пристрастится и начнутся всякие ужасы. Разумеется, какой-нибудь сердобольный дедушка нарушал этот запрет, после чего мальчик, отправившись вместе с другими жителями деревни к морю, прыгал в воду, обретал облик акулы и тотчас принимался пожирать своих товарищей. Если молодой бог почему-либо терял плащ — «капу», закрывавший грозную метину на спине, ему надлежало плыть на какой-нибудь другой остров поблизости, где его никто не знал и он мог продолжать свои кровавые акции.

Несмотря на такие страшные предания, возродиться в последующей жизни в облике акулы считалось такой высокой честью, что ее удостаивались только мудрейшие из всех гавайских мудрецов. Они пользовались великим уважением; главный жрец острова самолично наносил им на спину татуировкой изображение челюсти акулы. Простолюдины обязаны были кормить этих будущих богов, которые поселялись обособленно, на берегу моря, у рубежей своего будущего царства.

Впрочем, на этих островах акулы играли важную роль не только в легендах. Археологи обнаружили следы древних обычаев, в которых акула выступала как вполне реальное действующее лицо. Недалеко от Пирл-Харбора найдены остатки морских арен. Из камней выкладывался круг с выходом в море, и в таком театре, напоминающем древнеримский, местные гладиаторы сражались с акулами. На глазах у критических зрителей —

короля и простых смертных — обнаженный пловец с одним только коротким кинжалом в руке вступал в единоборство с океанической акулой. Сделанное специально для таких поединков оружие представляло собой всего-навсего деревяшку, к которой крепился акулий зуб. Остроумнейшее решение, ведь у акул очень жесткая кожа, ее не так-то просто пропороть. И на Гавайских островах в ту пору еще не знали металла. Правда, археологи не могут нам сказать, чем кончались такие поединки, кто чаще побеждал — человек или акула и какими празднествами в честь всемогущего и милостивого Кама-Хоа-Ли сопровождалась эти игры.

Но если наше любопытство насчет исхода гавайских подводных коррид не может быть удовлетворено археологами, то в другой точке земного шара мы сами можем найти ответ. Островитяне Вест-Индии, как и жители тихоокеанских островов, с морем «на ты», здесь искони много превосходных моряков и рыболовов. Вестиндские воды тоже изобилуют весьма активными акулами, о которых сложено немало легенд, хотя они не стали предметом такого поклонения, как в Тихом океане. На острове Санто-Доминго мне рассказывали про двух негров, регулярно выходивших на поединки с акулами. Никакой особой арены у них не было, просто мелкая лагуна, соединенная с морем проливом, который перегораживали камнями и ветвями. И негры пользовались не акульим зубом, а настоящими кинжалами из лучшей стали. Запрут в лагуне крупную акулу, затем гладиатор получает условленную сумму денег, входит с кинжалом в руке в воду, и начинается смертельный бой. Как правило, уже через несколько секунд кинжал вонзался в бок животного. Судя по тому, что опасный спорт был главным источником существования этих двух негров, можно заключить, что поединки устраивались часто и счастье было на стороне гладиаторов. Что ни говори, для того чтобы в мутных водах лагуны сражаться с акулой, нужно либо обладать редкой отвагой, либо быть в полном неведении о том, чем грозит встреча с хищницей.

В Центральной Америке мы опять встречаем веру в акулу как в доброжелательное существо: местами она даже считается неприкосновенной. В уже упомянутой книге «Акул ловят ночью» Франсуа Поли рассказывает, что индейцы, живущие на берегах озера Никарагуа, когда им предлагали принять участие в ловле акул, воспринимали это чуть

ли не как святотатство. Пресноводные акулы в этом озере — потомки морских селахий, постепенно приспособившиеся к новым условиям. По одной из гипотез, здесь в далеком прошлом образовалась горная гряда, она отрезала морской залив — так возникло озеро. За много веков вода опреснялась, и акулы к ней прижились.

В таком предположении нет ничего противоестественного, достаточно вспомнить про некоторых акул Южной Африки, которые часть своей жизни проводят в солоноватых водах эстуариев. Акулы даже поднялись на сотни километров вверх по реке Замбези и обитают там в пресной воде. Установлено родство акул озера Никарагуа с замбезийскими.

Франсуа Поли рассказывает также о древнем обычае индейцев приозерья приносить в жертву акулам тела покойных, украшенные драгоценностями. Узнав про этот обычай, один голландский авантюрист задумал нажиться на суеверии местных жителей. Обосновавшись рядом с тем местом, где происходило жертвоприношение, он после каждой погребальной церемонии отправлялся ловить акул. И будто бы накопил целое состояние, но затем индейцы его разоблачили, и сам голландец был убит, а дом его сожжен дотла.

Отношения индейцев с озерными акулами обостряются только в том случае, когда кто-нибудь из них в неудачном столкновении с акулой лишается руки или ноги. Тогда виновницу нещадно преследуют, ведь потерянную конечность непременно надо найти и похоронить рядом с погибшим, без этого он не попадет в рай.

Зимой 1967 года мой брат Жан-Мишель прибыл в порт Тулеар на юге Мадагаскара, чтобы подготовить все для захода «Калипсо». Прибыл он заблаговременно, и, пока ожидал нас, ему представился случай поговорить со многими местными жителями. Одна маленькая девочка рассказала ему, что люди ее племени совсем не боятся акулы, так как считают ее земным воплощением своих предков.

— А ведь дедушка не станет причинять мне вред, правда же? — заключила девочка.

Недаром эти люди относятся к тем, кто верит, что акулы указывают путь к берегу своим «родичам», терпящим бедствие в море. Естественно, никто здесь не охотится на акул, за исключением нескольких «васа» — белых чужеземцев, на которых смотрят как на святотатцев.

Во всем районе Мадагаскара только на крохотном островке в Мозамбикском проливе, к северо-западу от главного острова, ведется акульи промысел. Один старый араб, не разделяющий суеверий мальгашей, ставит на ночь ярусы около берега и регулярно берет неплохой улов. Еще

несколько лет назад он брал также ремор (одно из названий прилипалы, присасывающейся к акулам), которых продавал живыми рыбакам на других островках пролива. А рыбаки привязывали ремор за хвост на длинную лесу и пускали в воду около рифа. Глядишь, присосется к другой рыбе покрупнее, а то и к морской черепахе (их в этих водах очень много), после чего остается только извлечь из воды облюбованного прилипалой нового «хозяина» и тащить его на рынок. Но теперь этот восхитительный способ почти не применяется, и ловец акул лишился славного источника дохода. Что же до акул, то араб дубит их кожи, а из печени выжимает жир. Эти занятия, хотя и далеко не столь романтические, обеспечивают ему жизнь спокойную и безбедную, несмотря на тяжелый запах от дубильни и косые взгляды соседей, считающих его чуть ли не колдуном.

В Полинезии отношение к акулам меняется от острова к острову, даже от племени к племени. Отнюдь не везде их считают богами, а кое-где акул и вовсе ни во что не ставят. В некоторых племенах все меры предосторожности сводятся к тому, что старшие отлавливают некоторое количество бестий и пускают их в широкие мелкие лагуны, где каждый день играют дети. И юные островитяне с малых лет познают ухватки акулы и учатся справляться с ней. Когда они, став взрослыми, встретятся с акулой во время рыбной ловли, они уже будут знать, как себя вести, не потеряют голову со страха. Надо ли говорить, как это важно для людей, питание которых больше чем наполовину состоит из продуктов моря.

По собственным наблюдениям я знаю, что на очень мелкой воде акула передвигается с трудом, а полинезийские дети отличаются поразительным проворством, так что риск несчастных случаев в лагуне сведен до минимума. Словом, мудрость древнего обычая очевидна, ведь он устраняет столь типичный для встреч человека с акулой фактор паники и опрометчивых поступков. Американский ученый Уильям Мерфи собирается провести углубленное исследование психологических факторов, которые заявляют о себе, когда человека атакует акула; его цель — увеличить безопасность купальщиков и подводных пловцов. Мерфи считает — по-моему, справедливо, — что безрассудный страх при встрече с акулой превращает человека из достойного соперника в легкую добычу. Если это исследование в самом деле позволит лучше разобраться в психологии взаимоотношений человека и акулы, оно, вероятно, поможет разработать действенные способы защиты.

В основе многих религий на Филиппинских островах лежит сочетание анимизма и веры в переселение душ, и нередко диких животных, вместо того чтобы убивать их и употреблять в пищу, одомашнивают и

откармливают. Любые животные, от птиц до речных угрей, могут оказаться в роли любимцев, потому что их считают земным воплощением предков.

К счастью, запретными для каждой филиппинской семьи являются только один-два вида. Кто-то поклоняется змеям, кто-то — дикой свинье, кто-то — попугаю, а животных, являющихся священными для соседа, можно со спокойной совестью убивать и есть. Иными словами, ешь на здоровье земное воплощение предка, только бы это был не твой предок.

Я уже называл некоторые из ролей, которые приписывались акульему богу на Гавайских островах, когда они еще назывались Сэндвичевыми. Хочу остановиться на той из них, которую, пожалуй, можно считать первостепенной. Во всех деревнях каждый род выбирал себе тотем, и одним из самых почитаемых был тотем акулы. Если женщина из рода акулы рожала мертвого ребенка, отец прибегал к магическому ритуалу, стараясь переселить душу бедняжки в тело акулы. Он заворачивал в ритуальную циновку вместе с тельцем ребенка жертвоприношения в виде плодов и священных корней, произносил положенные молитвы и заклинания и, наконец, опускал драгоценный дар в море, уповая на то, что он будет благосклонно принят Богом. Потому что в этом случае Бог потом не разрешал своим слугам нападать на членов этого рода.

В горном храме, посвященном акульему божеству, обитали жрецы-прорицатели, которые обливались раствором каменной соли, чтобы казалось, что кожа их покрыта чешуей. От них можно было узнать, когда именно Бог принял жертву и превратил младенца в акулу. И когда они возвещали, что долгожданное событие состоялось, ошастливленный род ликовал и устраивал для жрецов пир.

Многие обычаи и суеверия первобытных народов отражают их страх и бессилие перед лицом явлений природы и опасных животных. Вулканы и землетрясения, тигры и змеи — наверное, всюду к ним относились с благоговением и страхом. Точнее, перед ними благоговели, потому что боялись их. Но грозные, неодолимые силы природы воплощались в облике недобрых богов. А вот акула, одно из самых опасных животных на земле, похоже, являет собой исключение из этого правила. Люди, преклоняющиеся перед могущественным акульим богом, обычно считают его добрым божеством, своим защитником и покровителем. И только современный цивилизованный человек видит в акуле отвратительное чудовище, внушающее омерзение и безрассудный страх.

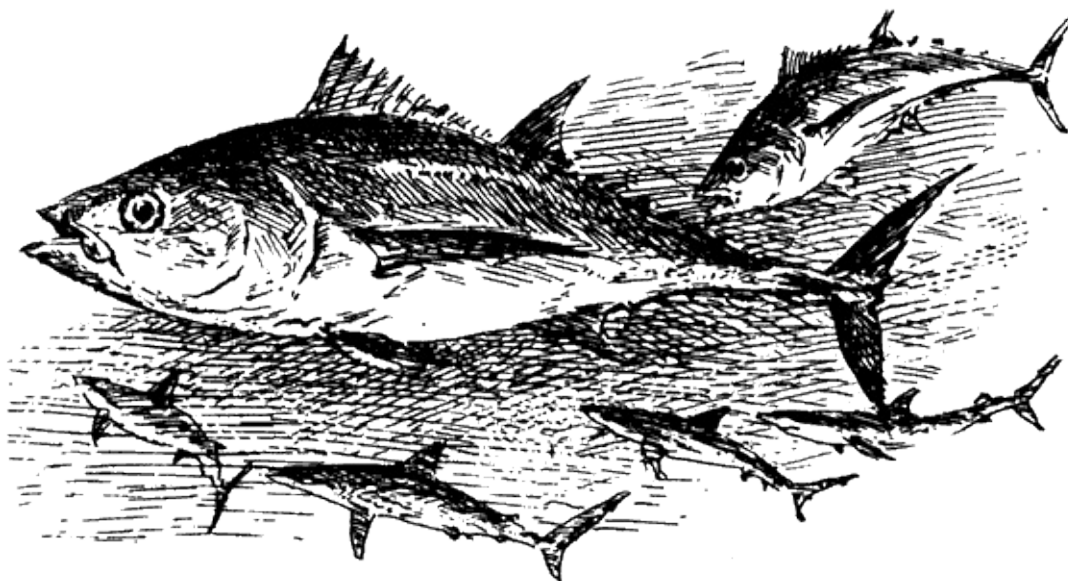
Оба взгляда, надо думать, одинаково неверны. И преклонение и страх вредны, когда они выливаются в самоуничужение; это тем более справедливо, если предмет страха или преклонения — животное. Снова и

снова я думаю о мудрости тех полинезийцев, которые не прививают своим детям слепое преклонение или слепой ужас, а учат их понимать опасность, чтобы они могли ее избежать и, если понадобится, одолеть.

Глава двенадцатая

Изучение акулы

Акуля школа.

В открытом море

В морской лаборатории на мысе Хейз во Флориде доктор Юджини Кларк провела опыт, чтобы выяснить, можно ли приучить акул реагировать на сложные стимулы. (Почти десять лет спустя, находясь на борту «Калипсо», доктор Кларк осуществила следующую фазу экспериментов.)

В первом опыте изучались представители двух видов — две лимонные акулы *Negaprion brevirostris* (самец и самка длиной около метра) и три акулы-няньки (все самцы, такого же размера). Лимонных акул поймали в мае 1958 года, за пять месяцев до эксперимента, они хорошо освоились в заточении, были вполне здоровы, вели себя активно. Остальные, хотя и не такие подвижные от природы, тоже были здоровы. Эксперимент проводился в загоне из деревянных брусков, вбитых через каждые пятнадцать сантиметров в грунт на мелководье. Площадь огороженного

участка составляла примерно 12 на 21 метр; кроме акул здесь же содержалось несколько крупных морских черепах.

Пока шел опыт, акул кормили пять раз в неделю, с понедельника по пятницу включительно, в одно и то же время — 15.15. Прежние опыты показали, как важно кормить животных регулярно. Поэтому в течение полутора месяцев, что продолжался эксперимент, точно в установленный час в бассейн погружали белый квадрат из фанеры со стороной 37,5 сантиметра. После кормления квадрат вынимали, никогда не оставляя его в воде. Он крепился на деревянном бруске так, что его можно было поместить в нужной позиции у самой поверхности, при любом уровне воды. За квадратом, в пяти сантиметрах под водой, помещался звонок. Если нажать на фанерную мишень, звонок срабатывал, и сигнал продолжался все время, пока мишень оставалась в этом положении. Как только давление на белый квадрат прекращалось, упругие ленты возвращали его в исходное положение.

В первые два дня опыта — 22 и 23 сентября 1958 года — корм бросали в воду все ближе и ближе к квадрату. На третий день корм подвесили на короткой, слабой леске в центре мишени. Теперь, чтобы взять его, акулы должны были нажимать рылом на белый квадрат. В первую неделю сигнал звучал очень тихо, зато на вторую неделю раздавался так громко, что его было слышно даже над водой. Корм был уже на месте, когда квадрат опускали в воду загона; как только акула съедала его, сверху к центру мишени спускали на проволоке другой кусок рыбы.

В течение второй недели длительность кормления сократили с сорока до двадцати минут; этот срок затем выдерживался до конца тренировки или, вернее, обучения.

Чтобы оценить эффективность системы и проверить результаты, в начале седьмой недели квадрат опустили без приманки, а когда акула нажимала на него достаточно сильно, чтобы сработал звонок, сверху к белой мишени опускали кусок рыбы. Акуле давалось десять секунд на то, чтобы взять награду. Если она за это время не успевала схватить рыбу, корм извлекали из воды. Это делалось, чтобы в памяти акулы звонок сочетался с кормлением. С каждым днем корм опускали чуть дальше от мишени.

Что же показал эксперимент? Если первое время акулы пугались, когда в воду опускали квадрат, то вскоре они к нему привыкли. За полтора месяца лимонные акулы брали корм и нажимали звонок пятьсот двадцать два раза, нажимали звонок и не взяли приманку сто шестнадцать раз. Всего лимонные нажали звонок шестьсот тридцать восемь раз. Акулы-няньки взяли рыбу и нажали звонок семьдесят девять раз, не сумели взять

приманку десять раз. Благодаря тому что они лучше умеют стоять в воде на одном месте, акулы-няньки ухитрились семьдесят пять раз схватить рыбу, не нажимая звонка.

К концу обучения, 3 ноября 1958 года, квадрат опустили в воду без приманки. Меньше чем через тридцать секунд лимонная акула (самец) пошла к мишени с открытой пастью. Подойдя к квадрату, она замедлила ход, сомкнула челюсти и коснулась рылом мишени, однако недостаточно сильно, чтобы сработал сигнал. После десяти попыток она наконец надела на фанеру так, что раздался звонок. Тотчас в воду был брошен кусок рыбы. В конце первой недели этого цикла обе лимонные акулы научились включать сигнал нажатием рыла на пустой квадрат и подходить за наградой. Акулы-няньки устремлялись к белому квадрату после того, как появлялась приманка; со второго раза они стали красть вознаграждение у лимонного самца. В ходе первого такого опыта, длившегося сорок минут, акулы-няньки присвоили три порции рыбы, и даже удары по голове сверху их не останавливали.

Весь ноябрь и первые две недели декабря, как только в воде появлялась мишень, лимонные подходили и нажимали на квадрат. Потом температура воды упала ниже двадцати градусов, и они отказались от еды. Это продолжалось два с половиной месяца.

Подводя итог, можно сказать, что в описанном эксперименте акулы-няньки не проявили склонности связывать мишень с кормом. Самец лимонной стремился первым подойти к мишени; часто самка, даже находясь вблизи от белого квадрата, не прикасалась к нему, пока самец не съедал три-четыре куска рыбы. Более чем в девяноста процентах случаев акулы уходили от мишени по часовой стрелке. Поскольку корм опускали слева от квадрата, быстрее всего схватить его можно было бы, повернув влево, против часовой стрелки. А пока акула заходила с противоположной стороны, другие часто успевали перехватить корм. Самцу поворот влево как будто давался легче.

9 февраля 1959 года температура воды поднялась до двадцати двух градусов, и 18 февраля акулы снова начали брать корм. 19 и 20 февраля опыты были возобновлены, и акулы сразу же вспомнили старые навыки. За два дня лимонный самец надавил на белый квадрат двенадцать раз, самка — четыре. После краткого похолодания, когда они опять отказались от пищи, эксперимент продолжался до середины лета. Когда доктор Кларк разъединила мишень и звонок, акулы после некоторого замешательства снова стали нажимать белый квадрат и получать привычное вознаграждение. Это позволяло заключить, что отсутствие звукового

стимула не влияло на их реакции, можно было обойтись без него.

Эксперимент показал, что при описанных выше условиях можно научить лимонных акул связывать нажатие на мишень с получением корма. В очень редких случаях первый звонок немедленно привлекал лимонную акулу, плавающую в другом конце бассейна. Иногда лимонный самец, нажав на мишень недостаточно сильно, разворачивался и снова шел прямо на квадрат. На этот раз, конечно, звонок срабатывал, после чего акула спешила туда, где опускали в воду корм.

Тот факт, что самка, прежде чем самой подходить к мишени, выжидала, пока самец несколько раз возьмет корм, позволяет предположить, что они общаются между собой каким-то неизвестным нам способом.

Обычай некоторых акул во время охоты тереться головой о плавающие предметы — причем таким предметом может быть и человек — можно объяснить описанной мной выше удивительной способностью акул воспринимать вкус объекта через прикосновение к нему. Не исключено, что именно поэтому подопытные акулы сравнительно легко научились связывать мишень с кормом.

Приведу, наконец, один факт, который вроде бы плохо согласуется с легендами, посвященными этим морским чудовищам. Похоже, что акулам не чуждо понятие игры. Насытившись, подопытные экземпляры порой принимались плавать туда и обратно, нажимая на мишень, но вовсе не стараясь схватить брошенный им кусок рыбы. В ряде случаев самец нажимал квадрат, а вознаграждение оставлял самке. Мне это кажется самым поразительным во всем эксперименте: у такого убийцы и вдруг джентльменские повадки.

Следующий цикл опытов доктора Кларк был призван выявить, позволяет ли зрение акулы различать неоднородные мишени. Этот эксперимент мы и собирались провести на «Калипсо», причем на свободно плавающих акулах.

И когда мы 23 сентября 1967 года вышли из Джибути, Юджини Кларк находилась на борту «Калипсо». Мы взяли курс на север, к островам Суакин у берегов Судана; тамошние акулы нам уже были знакомы.

Судно бросило якорь посередине пролива между островком Даль-Гхаб и маленьким, не помеченным на картах рифом, которому мы присвоили имя Калипсо. Открыли мы его чисто случайно, и это открытие могло скверно кончиться для нас, ведь мы чуть не пропороли себе днище, но в итоге все обернулось как нельзя лучше. Риф Калипсо служил естественной преградой против сильного наката с юго-востока, получилась зона почти

полного затишья: и стоянка хорошая, и можно использовать все лодки, и даже самую хрупкую технику. Предстоящий эксперимент должен был стать заключительным и самым важным на этом этапе экспедиции. Обстановка для работы была почти идеальная. Последние несколько дней стояла исключительно благоприятная погода; отсутствие ветра и волнения на море позволило воде достичь чуть ли не кристальной прозрачности.

Я часто замечал: чем чище вода и чем дольше держится штиль, тем интенсивнее и ярче жизнь рифа. Можно подумать, что волны относят несметные полчища робких рыбок прочь от их коралловых убежищ. Почти всем обитателям рифа нужна, чтобы выжить, какая-нибудь норка, щелка, трещина или ветка в этом каменном лесу. Мелкие твари, не столь быстрые и не так хорошо вооруженные, как более крупные хищники, всецело зависят от расстояния, которое отделяет их, с одной стороны, от пасти преследователя, с другой — от убежища среди камней или кораллов. Когда враг приближается, мелюзга жметя к своим норкам, чтобы успеть юркнуть внутрь раньше, чем ее схватят.

Когда море беспокойно, каждая волна рождает какие-то неожиданные течения, и мелкие рыбки предпочитают не уходить далеко от укрытий, поэтому риф не производит такого оживленного, красочного, яркого впечатления, как в штиль. Несомненно, рыбы отлично приспособились к среде, они знают, что в плохую погоду с их запасом силенок лучше не рисковать, и по-настоящему активно ищут себе корм на склонах рифа, лишь когда царит полное затишье. Правда, действие волн сильно сказывается только на глубинах до десяти — двенадцати метров, а глубже этот фактор уже не играет такой роли.

Намеченный нами эксперимент как раз и должен был происходить в десятиметровой зоне. Благодаря устойчивой хорошей погоде жизнь в коралловом царстве была ключом. Из более глубоких вод поднялись хищники и занялись обычным промыслом. Естественно, акулы были тут как тут, готовые в любую секунду молниеносно схватить раненую или зазевавшуюся рыбу.

Доктор Кларк подготовила снаряжение для экспериментов, которые так удались с акулами в неволе. Но теперь ей предстояло работать с вольными акулами в их родной среде; совершенно отпадали такие факторы, как поимка, непривычное заточение, принужденное голодание, которые могут отразиться на поведении. Мы тщательно продумали каждую деталь, и нам не терпелось приступить к делу.

Из пластика вырезали два жестких квадрата, которые раскрасили желтыми и черными полосами шириной два с половиной сантиметра.

Получились одинаковые мишени, но одну из них мы собирались повернуть так, чтобы полосы шли горизонтально, другую — вертикально. Квадраты прикрепили на концах двухметровой деревянной рейки. Посередине горизонтальной мишени поместили маленький шкив и соединили его прозрачным нейлоновым шнуром с поплавком на поверхности. Шнур, невидимый в воде, предназначался для того, чтобы подавать вниз приманку в виде кусков свежей рыбы на кольцо из гальванизированной проволоки. Это устройство позволяло нам опускать приманку точно в центр мишени. Рейку с квадратами мы намеревались прочно закрепить в подводной части кораллового барьера — ее еще называют основанием рифа, — которая представляет собой стену, обрывающуюся отвесно вниз на глубину до трехсот метров. У внешней стороны рифа обитают глубинные хищники, они поедают организмы, населяющие коралловое плато, которое простирается вровень с поверхностью моря.

Похоже было, что акулы, ходившие вблизи рифа, оседлые. Если так, наши шансы на успех намного возрастают. Работая изо дня в день с одними и теми же особями, можно будет обучить их и подтвердить гипотезу доктора Кларк. Большой стальной болт со скобой и короткий железный прут — приспособление для звукового сигнала. Как только акула схватит приманку в центре горизонтальной мишени, аквалангист ударит прутом по болту; этот звук должен сочетаться в мозгу акулы с представлением о пище.

Но на сей раз эксперимент отличался от проведенного во Флориде наличием двух мишеней; мы хотели определить, смогут ли акулы различать их. Прежде акулу обучали только нажимать на квадрат, чтобы получить корм, и выяснилось, что некоторые виды без труда усваивают урок. Теперь же акулам надо было научиться не просто нажимать на горизонтальную мишень, но и выбирать между двумя квадратами: ведь если они нажмут на вертикальную мишень, никакого вознаграждения не последует.

Первый этап опыта должен был проходить так: в центре горизонтальной мишени помещаются куски свежей рыбы, после чего аквалангист звонит в импровизированный звонок. Мы рассчитывали, что акула научится связывать с кормом рисунок на квадрате и звуковой сигнал. Второй этап: горизонтальная мишень без приманки. Акула должна нажать на квадрат, после этого аквалангист ударит по звонку, и она будет вознаграждена куском рыбы. Если акула нажмет не тот квадрат (то есть с вертикальными полосами), звукового сигнала не последует и награды не будет. Словом, был задуман довольно сложный эксперимент с двумя стадиями обучения.

Через два дня после прибытия «Калипсо» к рифу все было

подготовлено, мы с Каноэ погрузили снаряжение в одну из лодок и отправились искать наиболее подходящее место для опыта. Требования были довольно жесткие: во-первых, нужен такой участок рифа, чтобы можно было как следует закрепить мишени, во-вторых, рядом должно быть надежное укрытие в виде расщелины. Мы пошли на разведку без аквалангов; нас страховал Хосе Руис на «Зодиаке».

Под водой нам открылась удивительно прекрасная и внушительная картина. Кромка плато, вдоль которой я шел, воспринималась мной как рубеж между двумя мирами. Слева простиралась тревожная, загадочная пучина, со всеми оттенками синевы, от голубого до почти черного. Там ходили очерченные серебром силуэты, одни побыстрее, другие совсем медленно. Это были тунцы, здоровенные, могучие, все в метинах от былых схваток. Подгоняемые любопытством, они из глубины направлялись к нам. Приблизятся, остановятся в нерешительности и снова уходят. Не знаю почему, но это сочетание мощи и безмолвия неизменно чарует меня. В уме возникает давняя и, я бы сказал, ребяческая мысль о том, что волей природы эти великолепные рыбы годами непринужденно плавают и яростно сражаются в этом мире, где я только временный неуклюжий гость. Меня кольнула не то зависть, не то ревность, и я свернул в сторону, чувствуя себя этаким косолапой лягушкой.

Справа была совсем иная картина. Лучезарный мир, полный жизни и красок. От полчищ копошащейся мелюзги в воде стоял непрерывный шум, подобно тому как насекомые наполняют леса Амазонки своим вездесущим стрекотанием. Поглядишь — мир света и безмятежных мистерий, а ведь на самом деле здесь идут схватки не менее жестокие и яростные, чем те, которые развертываются в пучине. Край головокругительного обрыва прямо передо мной был окаймлен коралловой бахромой, и казалось, над пучиной из массива плато торчат огромные окаменелые цветы. Снующие над каждым выступом стайки робких рыбок напоминали марево над дорогой в жаркий день.

Каноэ сделал мне знак, и я тотчас подошел к нему. Он медленно кружил над вертикальной впадиной в ровной поверхности скалы. Глубина этого желоба не превышала трех, ширина — двух метров, а сверху его словно окаймляли две толстые каменные губы. Изборожденный внутри извилистыми трещинами, этот желоб мог служить отличным укрытием для человека. Упруго изогнувшись, Каноэ нырнул и быстро пошел вниз вдоль уступа. Около торчащей ветви коралла остановился, показал мне знаком, что это место вполне подойдет, и не торопясь вернулся к поверхности.

Участок в самом деле отлично подходил для наших целей, и мы тотчас

приступили к работе. На глубине около восьми метров прочно укрепили мишени, а выше и правее мишеней приготовили укрытие для Каноз, которому предстояло непосредственно вести эксперимент. Я должен был снимать и не мог себя связывать каким-то одним убежищем. В крайнем случае что-нибудь найду.

Как только все было сделано, Каноз подстрелил чересчур любопытного каранга. И тотчас явились акулы, словно материализовались из пустоты. Как всегда, это было похоже на чудо: внезапно в воде рядом с нами стремительно пронесся сперва один, потом второй зловещий силуэт. Эта кажущаяся игра природы в какой-то мере объясняется серо-голубой окраской акул, которая совершенно сливается с цветом воды. Вероятно, они давно незримо для нас ходили поблизости, наблюдая за нами, а подошли только после того, как уловили вибрации от предсмертных судорог каранга. Это были две белоперые *Carcharhinus albimarginatus*, быстрые и дерзкие. Одна длиной около трех метров, другая намного меньше, от силы полтора метра, зато куда более нервная. Им явно не стоило большого труда отыскать рыбу, которую мы поместили в центре мишени, но прошло три часа, прежде чем они взяли приманку. Древний инстинкт предписывал им осторожность, наше присутствие еще больше их настораживало, наконец, сервировка отнюдь не свидетельствовала об изысканности нашего вкуса. Им не нравились краски, не нравилась вся обстановка.

Все время, пока они примерялись, мы с Каноз не покидали своих постов. Акулы уходили и пропадали из виду, иногда надолго, но все же возвращались и снова принимались ходить перед мишенью. Внезапно на сцене появилась третья акула, чуть побольше второй. Это заставило самую крупную решиться. Она круто развернулась и пошла прямо на мишень. Я нажал спуск камеры, но явно поторопился: в метре от квадрата акула опять свернула в сторону, на миг словно призадумалась, потом снова начала лениво плавать туда и обратно перед нами. Сдается мне, акул сбивал еще с толку запах других кусков рыбы, которые мы поленились убрать в плотный мешочек; он мешал им взять точный прицел на приманку. Как бы то ни было, вскоре ожидание кончилось. Самая большая акула, которую легко было опознать также и по плавнику, разорванному чуть ли не пополам в какой-то давней потасовке, пошла на цель и на этот раз почти с ходу схватила приманку. Звук нашего самодельного «колокола», в который Каноз принялся бить, как только хищница схватила добычу, явно никак не повлиял ни на эту акулу, ни на двух других, подошедших вплотную к мишени, едва первая взяла приманку.

Дальше за два часа та же акула четыре раза схватила рыбу и столько

же раз промахнулась. Самая маленькая акула взяла только одну порцию, третья — ни одной. После шести часов утомительного наблюдения мы вышли из воды усталые, но довольные. Начало положено!

На следующее утро операция была повторена, но с меньшим успехом. Правда, сеанс начался довольно бурной сценой. Когда Каноэ подстрелил намеченную нами для приманки рыбу, большая акула с рваным плавником тотчас явилась из пучины и торпедой пошла на моего товарища. Он отступил в разведанное нами укрытие. Тогда чудовище рывком изменило курс и с открытой пастью ринулось ко мне. Здоровенная акула шла на уровне моей головы, а я не мог ни отступить назад, ни отойти в сторону. Сжавшись в комок, я попробовал отбиться кинокамерой. Последовал сильный толчок, внезапным завихрением воды у меня сорвало маску с лица, и камера выскочила из рук. Прижатый к коралловой стене, без маски, я силился различить могучую тушу, которая должна была находиться где-то передо мной. Я чувствовал, что акула повторит атаку. И только когда размазанный силуэт впереди приблизился ко мне вплотную, я узнал Каноэ. Он подобрал мою камеру и принял на себя вторую атаку. Ему удалось увернуться, затем он нашел мою маску и подал ее мне. Я мигом надел маску и выдохом освободил ее от воды. Теперь я снова видел все отчетливо. Акула неторопливо ходила в метре-двух от нас, играя роль равнодушного наблюдателя.

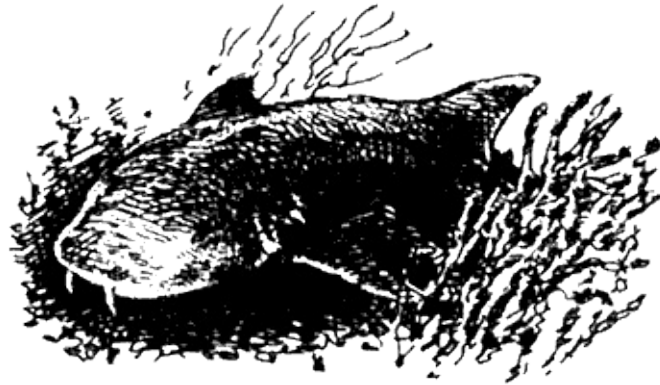
Каноэ вернулся на свой пост около мишеней, я проверил камеру. Только бленда пострадала, так что можно было продолжать эксперимент.

Нас удивило поведение этой акулы, уж очень оно было непохоже на то, к чему мы привыкли. Я ни разу не видел, чтобы акула тотчас повторно атаковала цель, по которой только что промахнулась. К тому же ей как-никак достался сильный удар камерой. И мне снова вспомнились слова моего отца в книге «В мире безмолвия»: «...чем ближе мы знакомимся с акулами, тем меньше знаем о них... никогда нельзя предугадать заранее, как поведет себя акула».

Эксперимент продолжался несколько дней, и хотя первые результаты показались нам очень многообещающими, пришлось все-таки его прервать. Радиограмма из Парижа сообщила, что прибывает новый врач и еще два члена команды, поэтому мы вынуждены были сняться с якоря и взять курс на порт Массавы на берегу Эритреи.

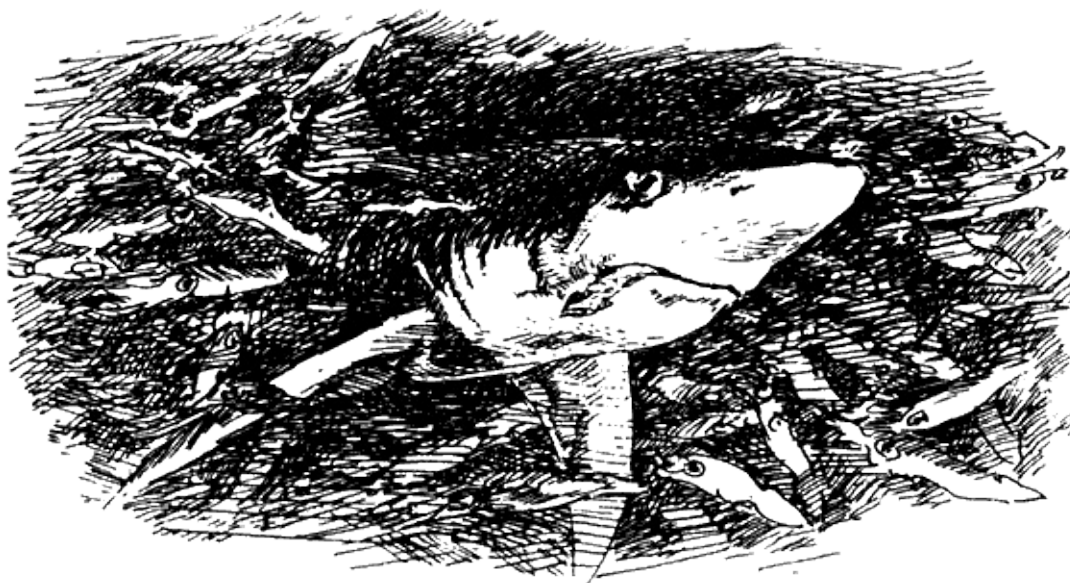
Подводя итоги, следует сказать, что в конце опыта акулы регулярно подходили за кормом к мишени с горизонтальными полосами. За все время я ни разу не видел, чтобы акула касалась вертикальной мишени. Если сравнить эти итоги с результатами прежних экспериментов доктора

Юджини Кларк, похоже, что акулы на воле — во всяком случае *Carcharhinus albimarginatus* — обучаются быстрее, чем их сородичи в неволе.

Глава тринадцатая

Выводы о поведении акул

Акулы среди кальмаров.

Что мы поняли.

Заключение для пессимистов и оптимистов

Океан разведан человеком на смехотворно маленькую глубину, мы только-только пересекли магический рубеж. Пленники воздуха, мы прикованы к поверхности моря и можем лишь ненадолго прорваться в его толщу. Марсель, Мессина, Порт-Саид, Массав, Мальдивские острова, Диего-Суарес, Дар-эс-Салам, Джибути, мыс Доброй Надежды, Гваделупа, Нассау, Панама, Кальяо, Седрос — где только мы не побывали. Словно сказочный великан с чудовищным аппетитом, мы не успеваем даже, как говорится, оценить вкус наших открытий. Слишком много впечатлений поражало наш взор, ошеломляло душу. Остались одни лишь воспоминания, трепетные и зыбкие, как мираж, неопределенные, как сон. Странная вещь

знание — руками его не пощупаешь, но завтра я применю все, что постиг, применю, как делаю это каждый день, инстинктивно, не отдавая себе в этом отчета. Так что же мне известно об акуле? Несравненная красота изящного силуэта... Ощущение затаенной угрозы... Упоение битвой, которой управляют неведомые мне законы... А что еще? Я ничего не узнал о себе: страх нельзя измерить, а действие безотчетно.

И все-таки через год с лишним после моей последней встречи с акулой новый случай еще раз показал мне, что опыт — вещь стойкая и полезная. В конце марта 1969 года «Калипсо» стояла на якоре у западного берега Калифорнийского залива. Тихая, прозрачная вода, глубина — почти пятьдесят метров, ночь. Позади был напряженный день: мы снимали серых китов, даже прыгали с наших катеров прямо на белесые от морской пены спины. Утомленный обилием впечатлений, я спал как убитый.

Часов около одиннадцати вахтенный офицер, наш штурман Бернар Шовеллен, разбудил меня и сказал, что судно окружили миллионы кальмаров. Казалось, со всех сторон лежит снег; свет судовых огней падал на живой ковер; беспорядочные на первый взгляд движения животных рождали сложный узор ряби, от которой в воздухе стоял шелест, как от листьев на ветру. Вода многократно отражала каждую из льнущих друг к другу особей, и эта масса колыхалась туда и обратно, словно некая исполинская гидра, переливаясь всеми цветами радуги. Как будто «Калипсо» вмерзла в ожившую льдину. Но в толще этой льдины стремительно металась в разные стороны темные силуэты, оставляя за собой борозды, напоминающие трещины в теле горы.

Этот рисунок смерти в живом сиянии вокруг судна чертили десятка полтора синих акул разной величины; распахнув пасть, они пронизывали толщу кальмаров. Набьют рот, остановятся, чтобы судорожным движением всего тела протолкнуть через глотку густое желе, и плывут дальше, спеша воспользоваться неслыханным угощением.

В этой живописной и жестокой ночной сцене было что-то от сокровенного ритуала. Мы чувствовали себя чужаками, которые ненароком оказались причастными к великой тайне, недостижимой для их разума. Мы молча стояли на мостике «Калипсо», боясь единым словом нарушить очарование величественного зрелища.

Но оцепенение не могло длиться вечно. И вот уже мы готовим камеры, налаживаем подводные светильники. Как назло, наиболее опытные аквалангисты на борту были простужены, поэтому было решено, что я пойду под воду вместе с Бернаром Шовелленом и Жаком Делькутером. Они возьмут прожектора, чтобы освещать сцены, которые я рассчитывал снять.

Бернар участвовал в нашей «акульей» экспедиции, но его еще нельзя было считать опытным подводным пловцом, а Жак и вовсе присоединился к нам совсем недавно, по сути дела это была его первая экспедиция. Бернар несколько раз погружался среди акул в Красном море, но только днем; Жак, хотя мы с ним дружили уже пятнадцать лет, лишь теперь окончил курсы аквалангистов.

В этой холодной мерцающей каше даже самый опытный аквалангист мог ожидать любых сюрпризов от акул, тем не менее мои товарищи облачились в подводное снаряжение молча, не выказывая никаких чувств. И вот, как всегда, подводники неуклюже шествуют через палубу. На минуту-другую мы уподобились ковыляющим по суше уткам.

Вода приняла меня в свои объятия, и я ощутил дрожь во всем теле: сквозь резиновую оболочку мою кожу обожгло холодом, от которого у меня на миг перехватило дыхание. Бернар, а за ним и Жак последовали за мной. Верно ли я поступил, взяв их с собой на такую встречу? Глядя на акул, плавающих туда-сюда через густое облако кальмаров, я ощутил тревогу. Но тут внезапно как бы включился инстинкт, проснулась память, и что-то сказало мне: акулы не нападут, во всяком случае нападут не сразу. Совсем как во время наших погружений в Красном море год назад, я не столько умом, сколько чутьем уловил окружающую нас атмосферу. Акулы поглощены охотой на кальмаров. Они сейчас, как говорится, настроены лишь на одно. Только реакция на вкус, вид, прикосновение кальмаров может заставить сомкнуться эти грозные челюсти. Это уже не стая волков, выслеживающая добычу. Цель достигнута, корма много, он дается легко, и акулам больше ничего не нужно.

Мы вошли в зону, освещенную прожекторами корабля, и нам стал понятен смысл такого чудовищного скопления кальмаров. У них была брачная пора. Пары медленно плавали вместе «лицом» друг к другу, по прозрачным телам пробегало мерцающее свечение, щупальца свивались в многократном объятии. Иногда за одного кальмара цеплялись двое-трое других, как утопающие за плот. Отдельные, более прыткие экземпляры металась во все стороны между группами, ловя щупальцами наши маски и руки, камеры и светильники. Кальмары сбились так плотно, что видимость ограничивалась каким-нибудь полуметром, и мы то и дело встречались с акулами нос к носу. Натолкнувшись нечаянно на кого-нибудь из нас, акула тотчас сворачивала в сторону, не переставая пожирать головоногих, которыми кишело море.

Мы погрузились на глубину около пятнадцати метров. Здесь вода была темная и прозрачная, а белая масса кальмаров над нами напоминала

курчавые облака. Светильники Бернара привлекли к нам нескольких кальмаров, то ли движимых любопытством, то ли попросту ослепленных ярким светом. Брюхо синих акул выглядело снизу неожиданно белым, кожа казалась очень тонкой и слабой. Я доснял ленту и решил вернуться на судно. И на пути к поверхности вдруг ощутил, что атмосфера изменилась. Похоже было, что акулы наконец-то, когда прошло больше часа, заметили нас и начали реагировать. Толчки рылом стали сильнее, теперь акулы ходили вокруг нас и все чаще касались наших гидрокостюмов, словно надеясь определить сквозь резину наш подлинный вкус. Вот уже поверхность близко, видно лицо ожидающего нас Бернара Делемотта, он нагнулся через борт лодки и всматривается в воду. Одна из акул прошла напролом через тучу кальмаров и с ходу боднула камеру. Отступила, собралась было повторить атаку, но передумала и скрылась. Вовремя мы вышли из воды! Пока Шовеллен и Делькутер снимали акваланги, Делемотт деловито сообщил мне, что мы всплыли в ту самую минуту, когда дело начало принимать серьезный оборот.

Ведь сколько месяцев прошло после наших приключений в Красном море, многое забылось, а вот опыт не забылся. Несколько секунд мной владело смутное чувство, что я что-то постиг, но чувство это тут же исчезло. Многие аквалангисты, пловцы и просто пытливые люди расспрашивали нас про акул. Правда ли они опасны? Какие виды всего опаснее? Что может сделать человек против акулы? Какие способы защиты лучше всего?

Могу сказать, что для нас при встречах с акулами лучшей защитой были предельная осмотрительность и подлинное уважение к этому хищнику и его вооружению. Позже добавился еще опыт и инстинктивная оценка опасности при каждом погружении.

Сами понимаете, такое знание, такое чутье нельзя передать, это чисто личное. И все-таки даже отрывочная информация может помочь подводному пловцу или хотя бы подготовить его к встрече с акулой, если встреча окажется неизбежной.

До сих пор большинство научных опытов производилось с акулами, которых держали в неволе. Они помогли получить кое-какие интересные данные о поведении акул, но мало что говорят о том, как себя ведут акулы на воле.

Статистика несчастных случаев, в которых повинны акулы, по-прежнему очень ненадежна. Чаще всего в беду попадают купальщики, а в роли не очень-то надежных источников информации выступают рыбаки

или люди, знающие о случившемся понаслышке.

Наблюдения аквалангистов более интересны, но их мало и они подчас противоречивы. К тому же авторы сообщений нередко стремятся выставить себя героями. Вот почему и эксперименты, и статистику, и наблюдения надо оценивать осторожно. Я убежден, что сейчас еще преждевременно делать какие-либо выводы об опасностях, грозящих подводному пловцу при встрече с акулой.

Но если в этой книге нельзя сообщить окончательные выводы, то можно во всяком случае поделиться личными соображениями.

Любые акулы, даже самые смирные, в силу своего анатомического строения представляют грозную потенциальную опасность. Если судить по литературе, всего страшнее большая белая акула (*Carcharodon carcharias*), оснащенная огромными челюстями и большими треугольными зубами. Но ведь она встречается очень редко. Гораздо большую опасность представляет акула *Carcharhinus longimanus*, огромные закругленные плавники которой украшены белым пятном на краю. «Князя Долгорукие» встречаются повсюду в теплых водах, правда, только в открытом море. Это единственная акула, которая никогда не пугается аквалангистов, и ее надо считать самой опасной.

Молодые — а значит, самые мелкие — акулы всего нахальнее. Даже совсем маленькая акула, длиной с полметра, может серьезно ранить человека.

Акула издали чует раненую рыбу и спешит с ней расправиться. В-первых, конвульсии рыбы вызывают особые вибрации, которые доходят до акул. На близком расстоянии акулы, кроме того, исключительно восприимчивы к запахам, особенно запаху крови. По этим двум причинам подводному рыболову не следует привязывать свой улов к поясу.

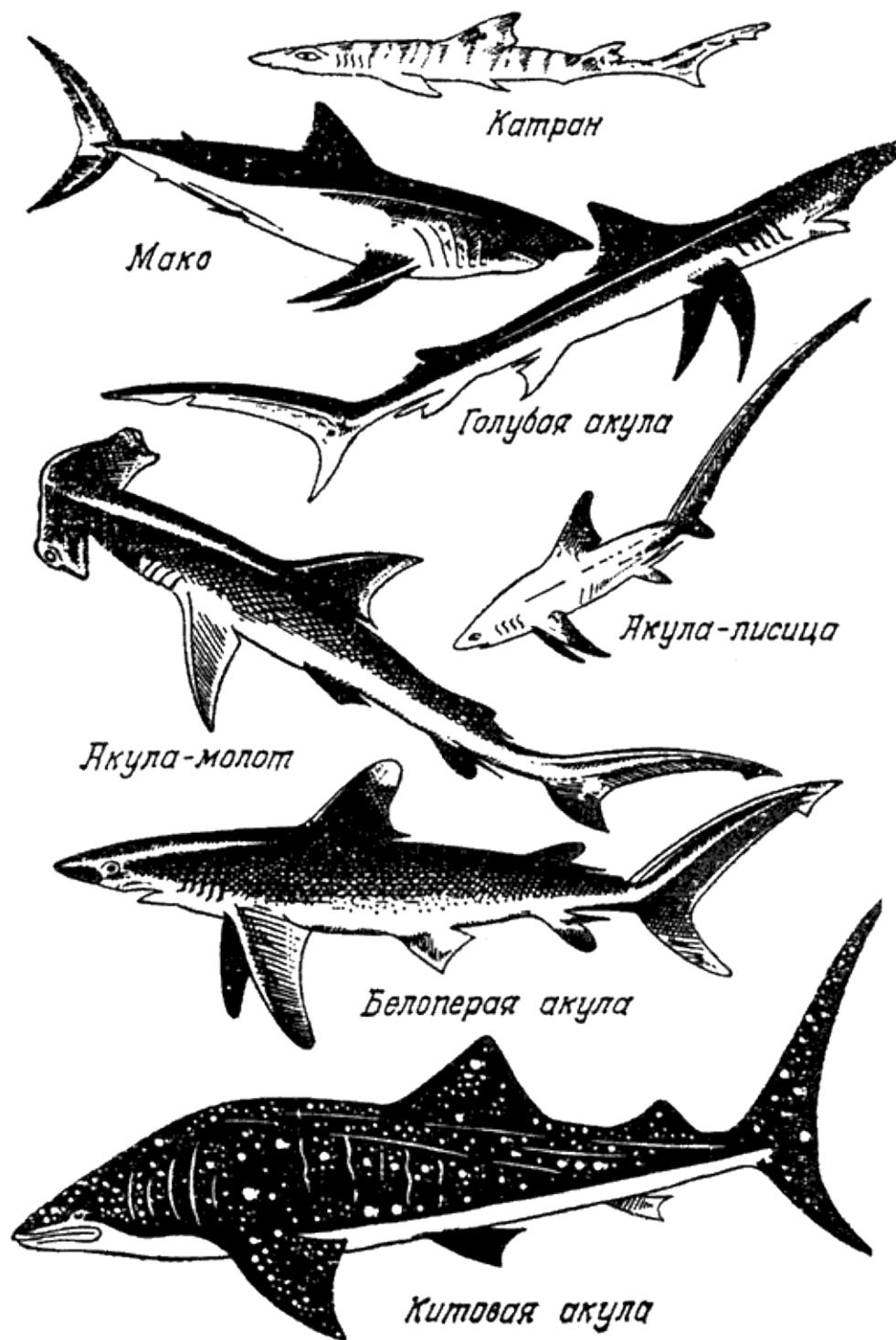
Акулы бесстрашно атакуют все, что плавает на поверхности моря. Они способны наброситься на винт подвесного мотора. Эта черта акульего нрава делает их опасными для пловцов, тем более если человек плывет с плеском и шумом. Подводный пловец подвергается наибольшей опасности, когда входит в воду и выходит из нее. Даже самый маленький укус акулы очень опасен и может стать роковым, ведь хищница отрывает изрядный кусок мяса. Добавьте сюда действие шока, пропорциональное размерам раны. Человек, на которого напала акула, может умереть от шока, хотя бы укус не задел жизненно важных органов.

До сих пор нет действенных способов отгонять акул от участков, где вы погружаетесь, — ни химия, ни звуковые волны, ни электрическое поле

не дают гарантии.

Ночью и в мутной воде опасно погружаться без мощных средств защиты, скажем, без прочной клетки, особенно если акулы ходят в пределах видимости.

Опасно проявлять страх при встрече с акулой: она инстинктивно чувствует его и может воспользоваться вашим страхом.

Опасно провоцировать акулу на оборонительные действия, атакуя (подводным ружьем, винтовкой, взрывчаткой, электрическим разрядом) или хотя бы пугая ее (например, загоняя ее в такое место, откуда нет выхода).

Когда акулы собираются в стаю, предсказать их поведение невозможно. Неведомые нам причины могут внезапно вызвать у них

приступ коллективного бешенства.

Настоящие «людоеды» всегда водятся «где-то в другом месте». В Европе считают опасными воды у берегов Сенегала (Западная Африка). А в Дакаре вам посоветуют остерегаться Красного моря и Джибути. В Джибути с гордостью расскажут, что здесь не было ни одного несчастного случая, а вот у Мадагаскара-де море кишит кровожадными акулами. На острове Мадагаскар на западном побережье считают самыми грозными «восточных» акул, на востоке — «западных». По какому-то странному совпадению, самыми опасными слывут наиболее редкие виды. Это как-то нелогично. Будь белая акула и впрямь такой грозной, она, наверное, была бы более широко распространена, и мы гораздо чаще встречались бы с ней. Белые акулы, которых мы изредка встречали, обращались в бегство, явно испуганные нашим появлением.

Акулы никогда не атакуют подводного пловца немедленно. Некоторое время, более или менее продолжительное, они ходят вокруг человека, то отступят, то опять осторожно приблизятся. У вас есть время спокойно решить, оставаться ли под водой или выходить. Днем в прозрачной воде подводный пловец при встрече с акулой не подвергается прямой угрозе. Звено из двух аквалангистов без труда может уследить за двумя акулами. Но сколько бы ни было под водой пловцов, если акул три или больше, лучше позаботиться о том или ином укрытии.

Твердый предмет длиной от полуметра до метра — скажем, кинокамера или «акуля дубинка» — надежно защитит от одной-двух акул. Конец дубинки должен быть оснащен короткими шипами или гвоздиками, чтобы он не скользил по акульей коже. Дубинка позволяет оттолкнуть акулу и сохранять безопасную дистанцию. Но чтобы не вызвать у акулы оборонительной реакции, нельзя ударять дубинкой противника и тем более ранить его.

Многие пловцы и жертвы кораблекрушений были укушены или убиты акулами — это неоспоримый факт. Однако я не знаю ни одного документально подтвержденного случая, чтобы аквалангисты без всякого повода подверглись нападению акул; другое дело, что подводные пловцы иной раз сами ведут себя неосмотрительно. Лучшая защита заключается в том, чтобы мягко входить в воду, плавать осторожно, не спеша, не делать резких движений под водой. Почаще оглядывайтесь на свои ноги, ведь они обычно находятся вне вашего поля зрения. Если на вас идет акула, не пытайтесь спастись бегством. Встречайте ее спокойно, выставив вперед дубинку. Акула свернет и начнет описывать круги, прежде чем снова

подойти к вам. Теперь благодаря испытанным нами в Красном море «ведрам» Джонсона даже жертвам кораблекрушений акулы уже не так страшны.

Итак, я рассказал об уроках, которые мы извлекли за двадцать лет работы среди акул в разных морях земного шара. А теперь можно поделиться и своими личными ощущениями. Акулы — неотъемлемая часть подводной среды. Они относятся к самым совершенным и самым красивым творениям природы. Мы всегда предвкушаем встречу с ними у коралловых рифов или в открытом море, хотя они и внушают нам тревогу. Нет акул — аквалангист разочарован, есть акулы — аквалангист настороже. Когда вдоль кипящих жизнью кораллов скользит грозный силуэт акулы, это не вызывает паники среди рыб, они просто освобождают дорогу господину и внимательно следят за ним. И мы так делаем.

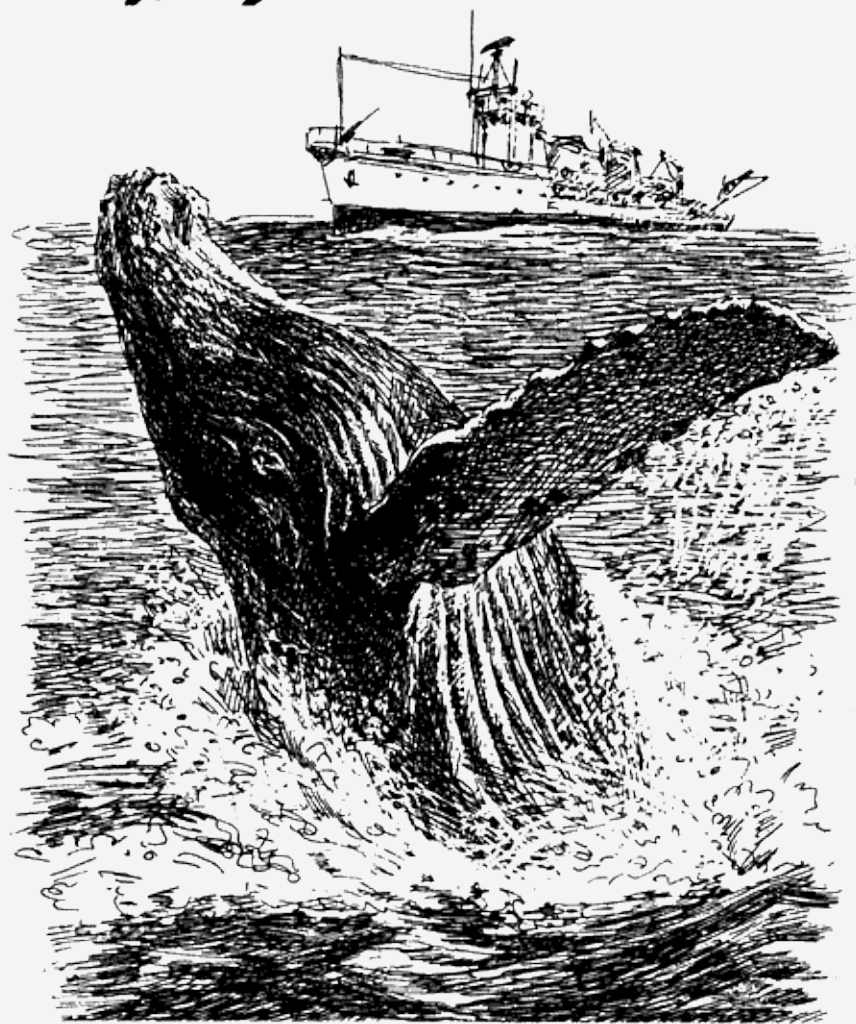

**Жак-Ив Кусто,
Филипп Диоле**

Могучий властелин морей

ЖАК-ИВ КУСТО,
ФИЛИПП ДИОЛЕ

*Могутный
владыка морей*

Jacques-Yves Cousteau and Philippe Diolé

Mighty Monarch of the Sea

New York, 1972

© *Перевод, Елисеев Н., 1977*

Глава первая

Встреча с китом

Необозримы океанские просторы. И все же, как ни странно, на этих просторах редки случайные встречи. Воды морей, подобно суше, испещрены сетью троп и больших магистралей. У каждого вида морской фауны свои маршруты, причем они меняются вместе с временами года. В этой замысловатой сети ничто не предоставлено воле случая. Все до мелочей предусмотрено, все строго регулируется биологическими факторами. А это очень кстати для мореплавателей вроде нас, ставящих себе целью наблюдать и понять обитателей океана.

В марте 1967 года «Калипсо» шла вдоль одной такой подводной магистрали. Много лет назад мы в Индийском океане, вблизи экватора, весной наблюдали кашалотов. И теперь, выйдя для исследований в Красное море и Индийский океан, мы один раз уже видели их. Так что я знал, что в это время года мы вполне можем встретить их снова.

Каждая встреча с большими морскими млекопитающими — кашалотами, косатками, гриндами и другими — событие для всего экипажа «Калипсо». Конечно, нам приходилось сталкиваться со всякими обитателями моря, мы изучали множество видов, всевозможных рыб, крупных и мелких, кормили груперов, угрей, осьминогов, даже акул. И конечно, эти контакты, наши попытки ближе узнать морских животных,

приручить их, наладить с ними общение много нам дали. Но контакт с китами, огромными теплокровными существами, удивительно похожими на человека своим дыхательным аппаратом, своим умом и развитыми формами общения, исключительно интересен.

И его исключительно трудно осуществить. Рыб можно приманить сколько угодно, только предложи им корм. А вот попробуй приманить таким способом кита весом этак в сто тонн. Да, верного способа наладить отношения с китом пока нет, мы можем только полагаться на опыт, добытый методом проб и ошибок. Тридцать лет работы на воде и под водой, тридцать лет изучения морских животных, но опыт наш, увы, так еще небогат!

Странно все-таки: китобойный промысел ведется не одну сотню лет, а люди так мало знают об этих исполинах моря. (Правда, некоторые китобои — например, В. Скорезби^[2] — собрали немалую информацию о китообразных.) Человек лишь недавно сумел пересечь рубеж, отделяющий его от мира морских животных. Мало кто наблюдал полосатиков, кашалотов, косаток в их родной стихии. Нам первым предстоит встретиться с ними в глубинах под знаком любознательности и дружелюбия.

Чудо природы

Отношения между человеком и животными всегда окрашены таинственностью. Разделяющая их пропасть кажется непреодолимой. В море особенно трудно найти подход к большим млекопитающим.

Сам вид кита, этой горы мяса, десятков тонн живой плоти, производил на человека потрясающее впечатление, и в разное время он реагировал по-разному.

Вначале, естественно, преобладает страх. А страх всегда дает пищу легендам. Библейский Левиафан, проглотивший Иону, очень ярко олицетворяет ужас человека перед существом, гигантские размеры которого не укладывались в его сознание. И еще долго после времен Ионы явления природы описывались категориями мифов, религии, поэзии.

На смену этой сравнительно безобидной эпохе пришла другая, не столь невинная, — эпоха охоты. А затем наступил и вовсе жестокий век избиения. Теперь о китах стали думать как о хозяйственном факторе, как о

промышленном сырье. И преследовали их так нещадно, что с развитием современного оружия, когда чаша весов окончательно склонилась в пользу охотника, над многими видами нависла угроза полного истребления. Гарпунная пушка не только сокрушила миф, легенду, романтику и белого кита Моби Дика, она поставила под вопрос само существование крупнейшего животного на свете.

В XX веке китобойный промысел ограничили, его регулируют национальные законы и международные соглашения. Это было сделано прежде всего из экономических соображений, по настоянию самих промысловиков. Затем общественное мнение, руководствуясь более гуманными побуждениями, начало настаивать на охране китов.

Но хотя китобойный промысел — экономически вряд ли оправданный — еще продолжается, отношение человека к киту переменялось. Наступил перелом прежде всего психологического свойства, и он необратим. Теперь уже не считается достойным охотиться на кита. Он перестал быть в глазах человека всего-навсего огромным — самым огромным и самым роскошным охотничьим трофеем. В наше время свалить слона разрывной пулей — не доблесть, и поразить гранатой кита тоже не подвиг. Потому что человек убедился (и мы надеемся упрочить это убеждение), что кит — величайшее и увлекательнейшее из чудес подводного царства, самый поразительный представитель морской фауны.

Во времена Мелвилла было в моде расписывать «свирепость» китов. Сегодня нас поражает их миролюбие, удивительное умение нырять, способность общаться между собой. И нас глубоко трогает их высокоразвитый материнский инстинкт.

Калипсяне уже кое-что почерпнули из своих встреч с китами. Так, мы убедились, что возможность контакта с китами отнюдь не исключена. Мы не отделены неодолимой преградой от наших братьев — млекопитающих, которые в незапамятные времена променяли сушу на море. Правда, чтобы узнать это, надо было пойти на риск, искушать судьбу — и мы не убоились риска. Пожалуй, наиболее примечательно такое наблюдение: китообразные очень редко проявляют агрессивность, даже если мы вторгаемся в их жизнь, преследуем и окружаем их. Разумеется, все зависит от вида и от обстоятельств, но, как бы то ни было, до сих пор никто из калипсян не пострадал при наших довольно рискованных подчас встречах с китами. Более того, киты показали себя очень смиренными животными, они старались не причинить вреда человеку, будь то на воде или под водой.

Вообще я должен подчеркнуть, что несомненное почтение кита по отношению к человеку представляет собой немалую загадку. Впрочем, во

взаимоотношениях властелина морей и господина суши все выглядит достаточно сложно.

В 1967 году «Калипсо» отправилась в экспедицию, рассчитанную на три с половиной года. Как только мы из Красного моря вышли в Индийский океан и миновали мыс Гвардафуй, я наладил специальное наблюдение. С высокого мостика на носу два человека постоянно следили за горизонтом — не покажутся ли кашалоты. Как всегда, одним из самых ревностных наблюдателей была моя жена Симона. Участница всех моих экспедиций, она готова часами стоять на солнце и на ветру, наблюдая, размышляя и стараясь проникнуть в тайны океана.

Нас ожидали интереснейшие встречи с китообразными, и, пожалуй, лучше всего расскажут о них выдержки из моего дневника. Вот что я записал в Индийском океане после того, как мы покинули гористый остров Сокотра.

Первый аврал

Вторник, 14 марта 1967. В 5.30 звучит рында, одновременно раздается возглас: «Киты! Киты!» Первая встреча в этом рейсе! Почти мгновенно все высыпают на палубу. И мы видим китов — кашалоты, это видно по вырывающемуся из дыхала фонтану.

В считанные минуты все готово. Мы собирались использовать катер, но ведь он слишком тихоходен, киты в два счета уйдут от него. Может быть, не надо спускать на воду лодки, подойдем достаточно близко на «Калипсо»? Осторожно, следуя указаниям наблюдателей на мостике, идем вперед, в самую гущу стада. (В этот час дежурили Фредерик Дюма, Альбер Фалько и Симона — кстати, никто лучше Симоны не умеет прокладывать курс в таких ситуациях.)

Посылаю кинооператора Рене Барского вниз, в подводную обсерваторию в носовой части «Калипсо». Там он может через иллюминаторы снимать китов под водой.

Снова и снова пытаемся подойти поближе к кашалотам. Нам это удается только три или четыре раза. Зато какие кадры получены! В первом случае два кита плыли рядом с «Калипсо», буквально прижимаясь к корпусу. Затем Барский снял мамашу и детеныша, которые шли всего в нескольких ярдах перед форштевнем. И наконец — наш ход в это время

составлял всего около двух узлов, — «Калипсо» задела корпусом морского исполина! Барский изрядно испугался. Лежит в тесной подводной кабине, снимает, за иллюминаторами проплывают огромные туши, и вдруг — полная темнота! Киты так плотно окружили «Калипсо», что заслонили свет с поверхности. Что же случилось? А вот что: в стадо замешались косатки, и один кашалот, отступая от них, столкнулся с судном...

Словом, в этот день мы и порадовались и поволновались, а вот пленка в целом не очень удалась. Хотя вода была чище, чем в предшествующие дни, она все-таки оказалась недостаточно прозрачной, кадры нельзя было назвать первоклассными. Обидно, да что поделаешь, остается лишь следовать дальше и не терять надежду. Сейчас царит почти полный штиль.

Среда, 15 марта. Снова утром «китовый аврал», он длился с 08.00 до полудня. Видим пять или шесть стад, да еще несколько кашалотов ходят попарно или по одному. Условия для съемки неблагоприятные. Вода-то наконец очистилась, а вот киты капризничают, ведут себя нервно, настороженно. Вчера они то кружили на одном месте, то направлялись со скоростью пять-шесть узлов ^[3] на юго-восток и вроде бы ничего против нас не имели. Может быть, они сегодня заняты охотой? Во всяком случае, стоит нам подойти поближе, как они ныряют почти отвесно и бесследно исчезают. По словам наших аквалангистов, за ними тянется какой-то маслянистый след, но мне кажется, что это просто завихрения, которые возникают, когда кит бьет хвостом по воде.

Нырнут — и идут под водой на глубине 8–10 метров (вообще они способны погружаться на тысячу метров), лишь иногда всплывая за воздухом. Один раз 20 минут не всплывали — вот это дыхание!

Несмотря на все сложности, нам удастся снять несколько кадров. Спустив на воду «Зодиак» (так называется надувная лодка, у нее скорость и маневренность выше, чем у катера), Альбер Фалько, он же Бебер, дважды ухитряется обогнать стадо. Его сопровождают Делуар со своей кинокамерой и наш фотограф Сильнер, они стараются поймать в объектив кита, и при второй попытке обоим удастся снять несколько хороших кадров.

Но чтобы получить приличный киноматериал, нам надо найти менее пугливых китов. Что же все-таки произошло? Мы не видим причин, которые могли бы объяснить, почему киты сегодня ведут себя иначе, чем вчера. Почему вчера не обращали на нас внимания, а сегодня к ним не подойти?

Весь день, до самых сумерек, мы продолжаем наблюдение, но стадо

больше не показывается.

Четверг, 16 марта. Пустой день. Нас задел краем шторм. Дует норд-ост, волнение — 4 балла, ничего опасного, но наблюдать китов в такую погоду нельзя: слишком легко спутать фонтан кита с гребнем высокой волны.

Я составил план съемок и раздал Барскому, Делуару, Марселлену, Дюма, Беберу и Диди. Попросил их поразмыслить над ним и поделиться со мной своими соображениями.

Пора обрабатывать уже снятые эпизоды и готовиться к съемке следующих. Впрочем, за эту сторону нашей работы я не особенно тревожусь. Барский — подлинный мастер, на него вполне можно положиться. А Делуар — вообще чудо. У него всегда все продумано до мельчайших подробностей, но вместе с тем он настолько гибок, что никакие непредвиденные обстоятельства не могут застичь его врасплох. Вчера, например, выйдя на «Зодиаке» вместе с Бебером и Сильнером, он лег с камерой в руках на носу лодки и, как только Бебер крикнул: «Пошел!», скатился в воду чуть не на спину кита и немедля принялся снимать. Делуар обожает такие штуки. Он весь веселье, всегда в хорошем настроении.

18 марта. Волны поумерились, и мы снова высматриваем кашалотов. К Мальдивским островам — следующий пункт захода — подойдем не раньше 20 марта.

Последние два дня были всецело заполнены поиском китов. Их заметно меньше, чем было в апреле 1954 и 1955 годов, когда мы ходили вдоль экватора севернее Сейшельских островов. Но мы не теряем надежду встретить еще китов до Мальдивов. Я нарочно проложил курс так, чтобы продлить этот рейс на десять дней, да только нет уверенности, что моя уловка оправдается.

Как всегда, меня поражает плодородие морей. Киты водятся буквально во всех частях океана. Что до рыбы, то японские рыбаки, похоже, способны где угодно забросить ярусы и вытянуть меч-рыб и тунцов длиннее собственного роста. Киты, тунцы, меч-рыба — представляете себе, какие ресурсы нужны, чтобы прокормить таких крупных (и прожорливых) животных! Да, морская фауна удивительно разнообразна и богата.

Мы приняли меры, чтобы не упустить китов при следующей встрече. Известно, что кашалоты развивают скорость до 20 узлов. А предел «Калипсо» — 11 узлов, поэтому я распорядился установить на одном из наших катеров два 40-сильных подвесных мотора, так что теперь морские исполины не должны уйти от калипсян. Правда, на катере даже при

небольшом волнении опасно развивать такую скорость. Аквалангистов, операторов, рулевого бросает так, что того и гляди окажутся за бортом.

Подойти близко к киту в принципе не так уж трудно — факт, который меня всегда удивлял. А вот запечатлеть его на пленке — задача посложнее. Только прицелишься камерой и наведешь резкость, как кит нырнул и нет его. Раз за разом Делуар в обнимку с камерой и еще один аквалангист прыгали в воду перед носом кашалота. Стоило киту их заметить, как он тотчас исчезал.

— При очень большом терпении можно снять хвост кита, — говорит Андре Лабан.

Говорит совсем без горечи и почти не преувеличивает. Кстати, на мой взгляд, и хвост кита вполне заслуживает внимания. Во всяком случае, с борта «Калипсо» именно его мы видим лучше всего, когда кит, так сказать, группируется, чтобы мощным рывком уйти вглубь. Плоский треугольник живой плоти как бы иронически приветствует нас перед тем, как исчезнуть в недоступной человеку пучине. Внушительное зрелище! Даже грозное подчас! А иногда мы невольно разражаемся смехом.

6 апреля. Стоим на якоре у Фуниду в Мальдивском архипелаге, зашли сюда запастись пресной водой. Вечером несколько калипсян решили побродить по острову и привезли на борт интересные сувениры — барабаны и великолепный кинжал с рукояткой из китового зуба. Лишнее подтверждение, что киты здесь водятся. И местные жители ухитряются их убивать, но как?

9 апреля. Утром, после завтрака, Бонничи, Бебер и Барский вышли на «Зодиак» и отменно позабавились с отрядом дельфинов. Дельфины полным ходом мчались прямо на лодку и в последнюю секунду, когда столкновение казалось неотвратимым, ныряли. Они обожают такие игры. Мы попытались снять на кинопленку великолепный эпизод, когда около сотни дельфинов резвились впереди «Зодиака». Казалось, они запряжены в лодку; на самом деле Бебер никак не мог их настичь, хотя выжимал из мотора 18 узлов.

Трудная задача

Чувствуя, что главное — все время быть начеку, ввожу четкий распорядок: держать наготове снаряжение, аквалангисты дежурят на носу,

гарпуны, нейлоновый линь и буи — все под рукой, «Зодиак» и катер тоже в полной готовности, моторы не снимать. Две камеры для подводной съемки постоянно заряжены. И один кинооператор должен быть в любую минуту готовым спуститься в подводную обсерваторию.

Объясню, зачем аквалангистам гарпуны. Очень трудно наблюдать за одним определенным китом, когда он то нырнет, то снова всплывет за воздухом. Для человека все кашалоты одинаковы, вот и угадай, что за кит сейчас всплыл — тот самый, который ушел под воду 15–20 минут назад, или совсем другой? И попробуй определить скорость кита по расстоянию от точки погружения до точки всплытия, если ты не уверен, что перед тобой в обоих случаях один и тот же кит.

(Конечно, китобои могли засечь и длительность пребывания китообразных под водой, и скорость их движения, но ведь они наблюдали поведение животных в ненормальных условиях, когда те уходили от погони.)

Я вижу только одно решение — метить животное. Метод тот же, какой мы применяли с акулами в Красном море. А именно попытаемся прикрепить метку к спинному плавнику хотя бы одного кита, если вообще сумеем подойти достаточно близко к бултыхающимся вокруг «Калипсо» могучим цилиндрам лоснящейся черной плоти.

Прикреплять метки будет Альбер Фалько. Задача непростая, следует ожидать всяких осложнений, но на Альбера можно положиться. Он пришел к нам 15-летним парнишкой, 20 лет делит с нами все трудности, все опасности. Притом Фалько не только крепыш и аквалангист высочайшей квалификации — он, что не менее важно, знает подход к животным, каким-то образом ухитряется с ними ладить. Другие калипсяне — Делемотт, Раймон Коль, Кьензи, мой сын Филипп — тоже кое-чему научились, но Альбер Фалько первым стал налаживать дружбу с обитателями открытого моря, и в этом сложном искусстве ему нет равных.

Сейчас эта сторона таланта Фалько особенно важна. Взаимоотношения человека и кита — дело тонкое и зыбкое. Конечно, китобойный промысел теперь сильно сокращен, и на китов больше не смотрят как на «свирепых чудовищ». Однако новый взгляд еще не устоялся, еще не найден новый подход к вчерашнему Левиафану, на которого смотрели просто: если ты его не прикончишь, он тебя убьет. Человеку трудно сразу перейти от беспардонного избиения к симпатии.

10 апреля. С рассветом я на палубе, проверяю, готовы ли к работе телекамера и автоматическая кинокамера в подводной обсерватории. В 7.30 Барский стоит со своей камерой на спущенной к самой воде водолазной

платформе, задумал поснимать летучих рыб. Симона внимательно наблюдает с мостика, не покажутся ли кашалоты. И в ту самую минуту, когда ей на смену поднимается Рене Хаон, звучит возглас:

— Киты!

«Калипсо» изменяет курс, калипсяне развивают кипучую деятельность. Вот уже спущен на воду «Зодиак» с новым 33-сильным мотором, а также катер с двумя 40-сильными. Бебер и Бонничи выходят на «Зодиаке», взяв с собой гарпун. Он устроен так, чтобы не причинить киту вреда при мечении: острое короткое и легкое, дальше жирового слоя не пойдет. Морис Леандри и Рене Хаон садятся на катер.

В первой группе кашалотов четыре особи; поблизости ходят еще две группы, по три кита в каждой. И когда всего каких-нибудь 50 метров отделяет от них «Калипсо», киты ныряют. Мы опоздали.

Через полчаса все три группы появляются вновь, но теперь они рассеялись. На этот раз Бебер начеку. Выстрел — есть попадание! Кит озадаченно замирает на глубине двух-трех метров, его спутники ждут. Кажется, удача? Но тут же в воздухе мелькают три могучих хвоста, киты пропадают, и Бебер уныло сматывает лить. Видимо, гарпун запутался в лине, острое коснулось кита под углом и соскользнуло. Близок локоть, да не укусишь... Все расстроены. Кроме кита, разумеется.

И все же мы продолжаем погоню, пока в половине первого киты не исчезают окончательно. В опустевшем океане я снова беру курс на очередной пункт захода — Маэ в Сейшельском архипелаге. Калипсяне пользуются случаем отдохнуть. Разумеется, кроме тех, кто несет вахту на мостике.

Похоже, с рассвета примерно до 10–11 часов кашалоты сонные или просто вялые; в это время их нетрудно выследить и догнать. А около полудня они оживляются, приходят в движение, и тут мы их теряем. Даже фонтаны трудно заметить — может быть, потому, что в полдень пары конденсируются не так, как рано утром?

Не связана ли эта черта в поведении кашалотов с тем, что в часы между закатом и восходом большинство морских организмов поднимается к поверхности? Если допустить, что киты предпочитают охотиться ночью, когда не надо нырять глубоко за кормом, можно понять, почему они утром сонные и вялые. А мы пока умеем наблюдать китов только днем.

11 апреля. Веду корабль зигзагами, чтобы у нас было больше шансов встретить китов.

Ребята понимают, что перед ними стоит задача, за которую еще никто не брался, и решение ее сопряжено с опасностью, но нам такие задачи по

душе. Одного лишь опыта тут мало, нужны особые качества и особое настроение. Даже молчаливый каталонец Раймон Коль, из которого слова клещами не вытянешь, вдруг оживился и стал необычайно разговорчивым. И превосходно, ведь у Раймона уже налажен контакт с крупными морскими животными — как-никак он первым в мире катался верхом на китовой акуле.

В ловушке

16 апреля. Рано утром приходим в точку, где уже побывали много лет назад, — это «место сбора кашалотов». Наши надежды оправдываются. Около семи утра Фредерик Дюма замечает на горизонте какой-то бугор, он похож на то, что мы видели здесь в 1955 году. Еще четверть часа, и прямо по курсу, примерно в полумиле, я отчетливо различаю огромного кашалота. Чтобы ничего не упустить, высылаю «Зодиак» с Бебером, Бонничи и Барским, они пойдут в двух милях левее «Калипсо». Катер с Морисом, Омером и Делуаром пойдет на таком же расстоянии справа. Восемь миль по фронту — теперь от нас никто не уйдет! Однако жизнь показала, что мы еще не все умеем...

Опираясь на группу опытнейших аквалангистов, я задумал осуществить то, чего еще никто не пробовал: ходить в открытом море вместе с китами, встречаться с ними, что называется, лицом к лицу, как мы это делали с акулами, угрями, груперами. Ведь это факт, что встречи с рыбами под водой позволили нам узнать их ближе, чем было возможно до сих пор. Но мы забыли, что даже самые большие виденные нами акулы достигали в длину около 4–5 метров (вообще это не так уж и мало!), угри — около 3, груперы — 2 метров. И никто из них не шел ни в какое сравнение с 20-метровым китом. Как налаживать отношения с тушей, которая весит больше 60 тонн? Нашей экспедиции предстоит искать ответ на этот вопрос.

Звучит сигнальный колокол. Диди — Фредерик Дюма, наш самый старый друг и товарищ по подводным приключениям, — заметил с мостика фонтан. Похоже, кит дремлет. Еще два мощных выдоха, затем он исчезает на восемь минут, даже не показав нам спину. «Зодиак» идет вдогонку, но его тормозит барахлящий мотор. Около получаса уходит на то, чтобы снова выследить кита и осторожно приблизиться к нему. Под конец «Зодиак»

делает рывок, однако кит уже проснулся и довольно быстро плывет на восток, преследуемый нашими ребятами. Теперь видно его спину, она обтекаемая и гладкая, словно корпус атомной подводной лодки, если не считать смехотворно маленького, скошенного спинного плавника. Скорость кита 12–15 узлов, и Беберу на «Зодиак» удастся сократить разрыв до 7–8 метров. Еще несколько секунд, и можно стрелять из гарпунного ружья... Ну!

Мотор «Зодиака» чихает и останавливается.

Бебер вне себя от ярости. Я тоже.

Через четверть часа мотор заменен и погоня возобновляется. Но прежнего задора нет, и хотя мы продолжаем преследование, чувствуем, что толка не будет.

Сегодняшняя неудача вызвана тремя обстоятельствами: во-первых, подвел новый 33-сильный подвесной мотор, во-вторых, море не так уж гладко, чтобы «Зодиак» и катер могли свободно маневрировать, в-третьих, ход «Калипсо» замедляется из-за отсутствия правого винта.

Вечером обращаюсь к карте, прикидываю, какие у нас возможности. Да, ничего не поделаешь, пора идти в Маэ. Похоже, что сегодняшней неудачей кончится наш эксперимент по изучению китов.

Сегодня мы, скорее всего, видели финвала. Обнаружили его по фонтану, но ни спину, ни маленький спинной плавник не рассмотрели. Сначала он почти не двигался, и частота дыхания была два выдоха в восемь минут. Но когда «Зодиак» начал преследовать кита, он явно напугался и стал уходить со скоростью 12–15 узлов, держась у самой поверхности. Тут он дышал уже чаще, и следить за ним было нетрудно. Когда он начал нырять, мы смогли убедиться, что его защитная система работает неплохо. Около часа кит демонстрировал нам эффективность своего звукового локатора. Он точно определял положение «Калипсо», «Зодиака» и катера и каждый раз всплывал там, где никого не было.

У меня сложилось впечатление, что финвал превосходит кашалота в сообразительности и единственный шанс подойти к нему близко — каким-то образом застать его врасплох в первые 15 минут преследования.

Должен признаться, что сегодняшние события меня обескуражили. Кажется, мечта об охоте нового рода, в духе XX века, так и останется мечтой. Хочется побыть одному, и я не иду обедать. Нет желания никого видеть, ни с кем говорить. Но куда денешься на судне, переполненном людьми? На носу меня будет видно с мостика, там сейчас дежурят Сильнер и Сумиан. И вообще «Калипсо» — сплошной огромный резонатор для вентиляторов и дизелей. Запираюсь в своей каюте. Пишу, читаю. Наконец,

пытаюсь отвлечься кроссвордом.

18 апреля. Проснувшись в 5 утра, выхожу на палубу встречать восход. И застаю там весь экипаж — всем не терпится увидеть землю, острова, деревья. Настроение приподнятое, но я не могу его разделять, вчерашнее поражение не дает мне покоя.

Тем более что сегодня море такое, каким мы желали видеть его вчера, — гладкое, словно пруд. А мы стоим между островами Берда и Денизы, три дня будем торчать здесь, как в ловушке, и возможно, это последние три штилевых дня в этом сезоне. Вот ведь досада! Я готов на три дня погрузиться в забытие. Нет, в самом деле, я не смогу дышать полной грудью, пока мы не покинем эти злополучные прекрасные острова.

Сегодня два месяца, как «Калипсо» вышла из Монако.

Гарпуны, гарпуны

20 апреля. Покинули Маэ в 07.30 и едва очутились в открытом море, как рулевой заметил приближающийся шквал и воскликнул:

— Пассаты начинаются, теперь на полгода зарядят!

То самое, чего я боялся. Ведь как подует — конец нашей охоте за китами.

Беру курс на юго-запад, собираюсь обследовать воды в северной части Амирантских островов. Но не успел Маэ скрыться за горизонтом, как звучит сигнальный колокол. Забыты все промахи, все огорчения, снова в душе ожила надежда. Потому что впереди я вижу фонтан... еще и еще! Чем ближе мы подходим, тем больше тонких колонн из пара на фоне голубого неба. И что особенно меня радует — это, несомненно, кашалоты, об этом говорит характерная форма фонтанов, наклоненных под углом 45 градусов. К тому же среди крупных китов только у кашалота не два дыхательных отверстия, а одно.

Приказываю сбавить ход. Мы не можем рисковать, чтобы «Калипсо» столкнулась с кем-нибудь из наших исполинских друзей и поранила их.

Медленно, осторожно сближаемся с китами. Видим могучие спины среди океанских волн.

Кашалоты никуда не торопятся. По-видимому, гул наших моторов — а они его, несомненно, слышат, у китов великолепный слух — не пугает и даже не тревожит их, хотя у кашалотов есть все причины остерегаться

человека и его судов.

Мысленно проверяю нашу готовность. Вроде бы все начеку: аквалангисты, кинооператоры, а также звукооператор, задача которого — записать звучания китов над водой и под водой.

Мы совсем рядом с китами, фактически «Калипсо» теперь окружена стадом. Спускаем на воду «Зодиаки» — осторожно-осторожно, только бы не напугать кашалотов! На одной из лодок операторы, они попытаются снимать в воде. Стоя на мостике и провожая их взглядом, спрашиваю себя, не безрассудство ли то, что мы затеяли? Отсюда, сверху, люди такие маленькие и лодка крохотная... А неподалеку киты-гиганты — могучая спина, широченный плоский хвост, приводящий в движение всю огромную тушу. Эти темные силуэты под водой похожи скорее на горы, чем на животных. Но ребят на «Зодиаках» явно не мучают никакие сомнения. Фалько держит наготове гарпунное ружье; аккуратно смотанный кольцами в ведерке нейлоновый линь соединяет гарпун с бумом. Особая сбруя позволяет Беберу стоять на самом носу так, что он может стрелять даже на полном ходу.

Но рокот подвесных моторов явно беспокоит кашалотов — они начинают удаляться. «Зодиаки» делают рывок, Фалько подходит совсем близко, прицеливается, стреляет...

На борту «Калипсо» все затаили дыхание. Что же там происходит? Видим, что второй «Зодиак» закладывает вираж около кита и сбрасывает ход. Раймон Коль прыгает в воду. Он пробует ухватиться за один из плавников кашалота! Значит, выстрел Фалько был удачным! Ну конечно, теперь и нам видно торчащий гарпун. И кит тянет за собой красный буй.

Похоже, кашалот озадачен возникшей вокруг него суматохой. И так как на поверхности он не может оторваться от преследователей, он прибегает к последнему средству — ныряет. На мгновение из воды высовывается огромный треугольник его хвоста... Пропал! Очевидно, наш приятель решил погрузиться вертикально на большую глубину. Красный буй с поразительной скоростью уходит в пучину. Наступает критический момент. Длина линя — 1000 метров; в принципе этого вполне достаточно. Но у кашалота могут быть свои принципы. Линь разматывается, разматывается... Весь размотался — и лопнул, словно нитка.

Нет ни кита, ни буя, ни линя. Придется начинать все сначала.

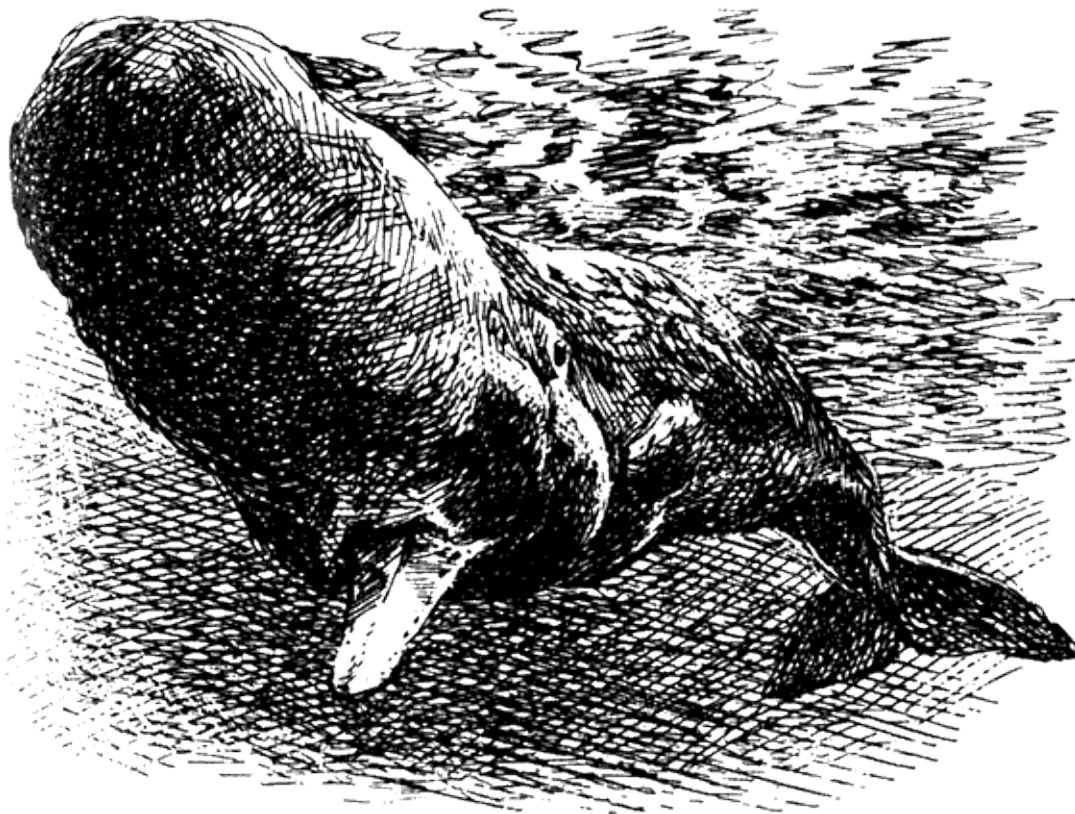
Проблема в том, чтобы вонзить кусок железа — наконечник гарпуна — в жировой слой кита. Но этот слой настолько упруг, что гарпун из пружинного, даже из порохового ружья лишь с трудом в него проникает. И чаще всего проникает неглубоко, так что зубец не держит. Мы стреляем с

такого же расстояния, как стреляли первые китобои, почти в упор. Почему же у них получалось, а у нас нет? Все дело в оружии. Перед их гарпунами наш «гарпун» смехотворно легок и мал. А сделать его больше или тяжелее мы не решаемся, боясь причинить вред киту.

Сегодняшний случай нас кое-чему научил. Мы убедились, что мало заставить кашалота плыть медленнее, чтобы можно было снимать его спереди, — надо еще угадать, в какую сторону он пойдет. Да только вся беда в том, что поведение кашалота, пораженного гарпуном, нельзя предугадать. Вернее, предугадать можно, но от этого не легче — кит нырнет, а тогда прощай и гарпун, и буй, и линь. И наша надежда что-либо снять.

Погрузившись в пучину, кашалот появится вновь лишь через 5, а то и 15 минут. Все это время он плывет под водой. Идя за ним полным ходом, мы можем рассчитывать, что увидим его, когда он всплывет за воздухом. Но пока подойдешь к нему достаточно близко, кит уже сделает вдох и снова нырнет.

На первый взгляд кашалот двигается совсем не быстро. Но это превратное впечатление. Все его движения, когда он ныряет, особенно движения хвоста, кажутся ленивыми, даже вялыми. Но мы не всегда помним о мощи, заключенной в этом хвосте, о замечательной координации и изяществе его движений.

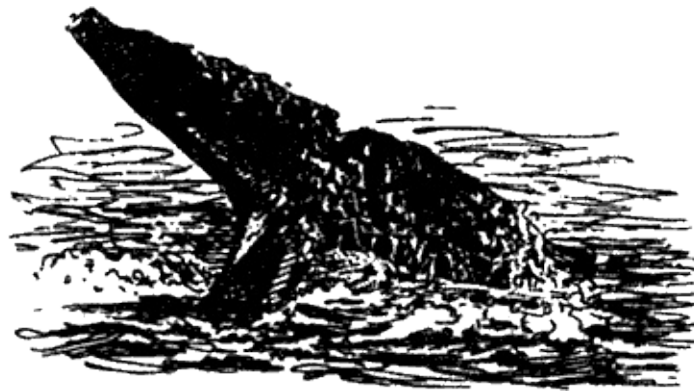
Когда кит задумал уйти или нырнуть, нам остается только, прикинув его скорость, распределить свои силы на его предполагаемом пути. Наши операторы ждут в воде с камерами наготове, чтобы снять хоть что-нибудь, хоть профиль, хоть анфас, если объект вообще покажется. Потом «Зодиак» подбирает их, старается обогнать кита, люди снова прыгают в воду, операция начинается сначала. Дело отнюдь не простое, но оно всех увлекло, даже рулевых, которые маневрируют «Зодиаками», подчиняясь команде операторов.

В целом эта операция больше смахивает на бой быков, чем на обычные киносъёмки. Жалко только, что искусство и отвага наших матадоров чаще всего расходуются впустую. Ведь они охотятся не за очками, начисляемыми за отвагу и ловкость, их задача — получить толковые кадры, показывающие кита в его родной стихии. Должен сказать, что в этом смысле с китами все намного сложнее, чем было с акулами. Конечно, устраивать корриду с акулами чрезвычайно опасно, зато там риск оправдывался снятыми кадрами.

Так сложилось наше первое знакомство с кашалотами в Индийском океане. Впереди нас ждали новые встречи, еще более крупные животные,

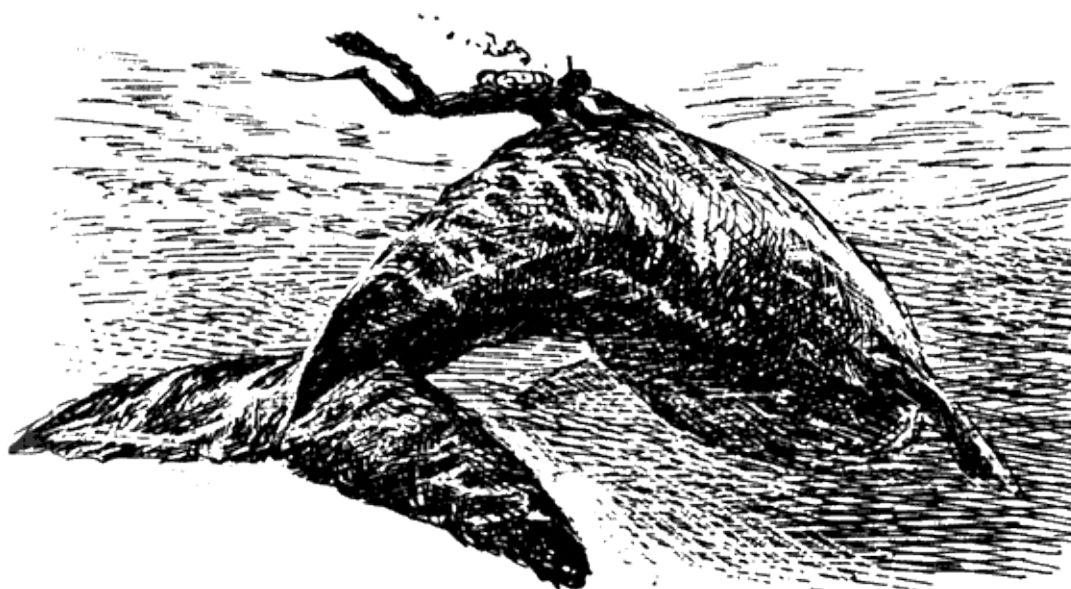
ведь мы отнюдь не собирались ограничиваться наблюдениями особей, которые случайно оказывались на пути «Калипсо». Мы поставили перед собой четкую цель — систематически изучать китов во всех уголках океана. Нам предстояло наблюдать их миграции, их половое поведение, наблюдать, как китиха кормит детеныша. Предстояло записать крики, слова, песни китов — все звучания, издаваемые этими на диво речистыми животными.

Первая фаза исследований теперь закончена. Она длилась не один год, и работали мы в самых разных местах — у Багамских островов, у Аляски, в Калифорнийском заливе. Позвольте отчитаться перед вами об этой экспедиции.

Глава вторая

Уязвимый морской исполин

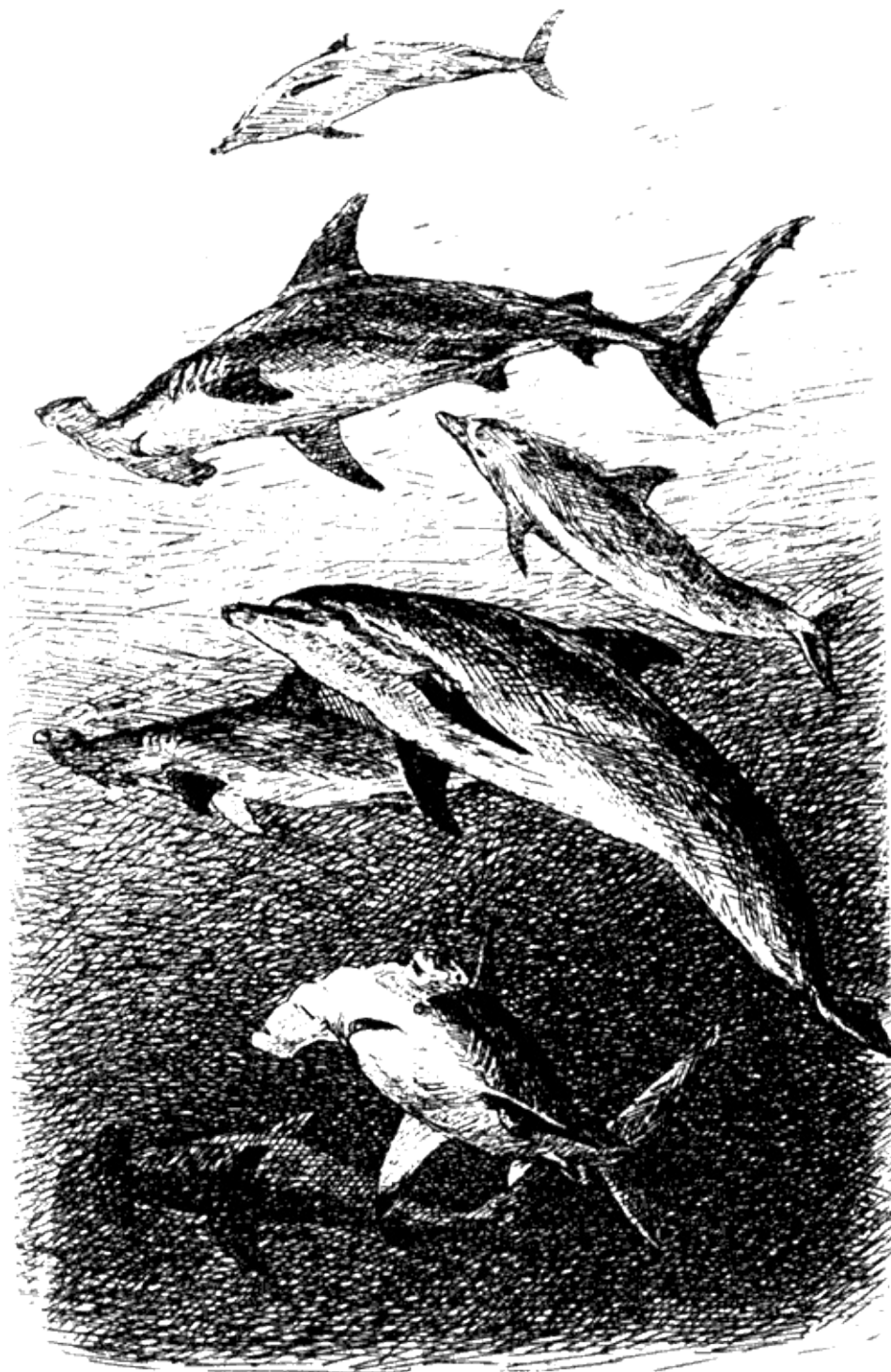
Два дня, что мы провели в гуще китового стада в Индийском океане, позволили нам получить некоторое представление о жизни гигантов. Речь идет о масштабах, возможных лишь в океане с его просторами и пучинами, — только в океане могли развиваться такие чудовищные туши, и только там могут они существовать. Огромная разница в размерах между человеком и китом пропастью разделяет нас, из-за нее киты представляются нам не просто необычными, но как бы из другого мира.

Кашалоты, которые плавали вокруг «Калипсо», отнюдь не производили впечатления тупых, безмозглых тварей. Их связывали друг с другом вполне осмысленные взаимоотношения. Можно было даже выделить индивидуальные черты характера: кто-то из них был смелее, кто-то опасливее, кто-то смышленнее остальных. Что лежит в основе — интуиция? Инстинкт? Возможно. Но как докопаться до истины, когда перед тобой десятки существ весом от 30 до 60 тонн, бесформенные горы мышц, костей и жира?

Вокруг «Калипсо», отделенный от нас всего лишь несколькими досками, в воде разыгрывался фантастический балет. Вернее, развивалась целесообразная активность, казавшаяся нам фантастической потому, что

осуществляли ее левиафаны. Мы видели лоснящиеся спины, видели хвосты величиной с добрый парус, изредка — могучие головы. Умей мы толковать их язык, наверно, выяснилось бы, что все эти повороты и вращения отнюдь не случайны, что перед нами пример вполне осмысленного поведения. В самом деле, гидрофоны, через которые мы записывали звучания китов, свидетельствовали, что кашалоты «говорят», «беседуют» сериями щелчков и других звучаний.

Странно, как ни интересно было наблюдать китов, у меня было подавленное настроение. Конечно, мы нашли искомое, нас со всех сторон окружали киты. Но, глядя на них, я особенно остро чувствовал, что разделяющая нас пропасть неодолима, слишком велика диспропорция. В воде резвились существа чуть меньше нашего судна, и рядом с ними мы напоминали облепивших доску муравьев...

При всей нашей технике, подвесных моторах, «Зодиаках», катерах, при всем искусстве и опыте калипсян мы ведь все равно оставались букашками перед этими плавучими островами. На поверхности еще куда ни шло, видно только часть туши. Но под водой кит до того огромный, и движется он подчас так стремительно, что с одного раза не охватишь взглядом

громадину.

Сколько раз испытывал я чувство горечи, а точнее, бессилия при мысли о том, что киты, это чудо природы, недоступны для нас, непостижимы. Не потому, что они обитают в море, а потому, что представляют племя исполинов и от человека требуется особая гибкость ума и эмоций, особая проницательность и готовность отрешиться от привычных представлений — может быть, нам это попросту не дано...

Все наши ресурсы — катера, «Зодиаки», аквалангисты — обращены на то, чтобы наладить контакт, взаимопонимание с морским дивом. Но ведь работать приходится в океане с его необозримыми просторами и огромными глубинами, а это не наша естественная среда. Это среда изучаемых нами исполинов. Она под стать их размерам, их физической силе.

Трудно описать ощущения человека, который впервые встречается в воде с китом, с этим могучим, блестящим, черно-серым движущимся живым цилиндром. Прежде всего вас ошеломляют размеры кита. Они превосходят все, что человек привык видеть в мире животных, превосходят все, что он себе представлял. Вы не просто удивлены, вы не верите своим глазам. Разум бунтует, аквалангист спрашивает себя, что это — сон, галлюцинация? Об этом говорят все калипсяне. При первой встрече кит наводит на вас ужас. Его не сравнишь ни с каким наземным животным. И еще один момент, в котором сходятся все наши аквалангисты: когда смотришь сверху, кит вроде двигается не так уж быстро. А попробуйте в воде коснуться его, поймать за плавник, и вы скажете, что перед вами чудо. Или кошмар.

Пока что нам удалось разработать только один способ работы с этими феноменальными существами. Как я уже упоминал, этот способ подразумевает участие двух «Зодиаков». Один «Зодиак» старается зайти спереди кита и заставить его плыть медленнее. Второй «Зодиак» подвозит кинооператоров и аквалангистов; они прыгают в воду и наблюдают, а также, если удастся, снимают плывущее мимо них, или под ними, или над ними животное. Но ничто не может остановить продвижение кашалота. Они могут оседлать его, ухватиться за плавник — ему хоть бы что, знай плывет дальше, словно не замечает их. «Зодиак» возвращается, подбирает людей, и забава начинается сначала. К сожалению, другого метода наблюдения у нас нет. При всей его эмпиричности, при всем несовершенстве он все-таки кое-что дал. Точнее, преподал нам кое-какие уроки.

Во всяком случае, мы убедились, как важно заставить кита сбавить

ход, чтобы подольше наблюдать его, не говоря уже о том, чтобы снять на пленку.

— Мчишься за китом, прыгаешь в воду, ждешь секунду-другую, пока сориентируешься, и нажимаешь спуск, — рассказывает Андре Лабан. — А когда смотришь готовую ленту, в лучшем случае видишь хвост кита. Ведь пока вода успокоится после твоего прыжка, кит уже успевает уйти.

Какие только приемы мы ни испытывали, чтобы заставить стадо идти медленнее или хотя бы отбить от стада одного кашалота. Но рядом с китом наши лодки так малы, что одно это обрекает нас на провал. Право, в море нет силы, способной противостоять этим движущимся горам мяса...

И еще одна трудность: не может человек уверенно истолковать реакции кита, его повороты, движения ластов, хвоста. Поди угадай, как настроен сейчас кашалот — благодушно или свирепо? Когда собака рычит, лев рыкает, гремучая змея трясет хвостом, вы знаете, что это значит. А как с китом? Может быть, кашалот, прежде чем решить, что пришло время прихлопнуть вас одним ударом своего могучего хвоста, целый час копит бешенство, а мы об этом даже и не подозреваем. В самом деле, как определишь, что мы зашли чересчур далеко? Только вид чудовищной пасти с рядами поблескивающих зубов напоминает аквалангисту, что ему грозит... Но мы этим пренебрегли и 36 часов безнаказанно испытывали терпение добродушных исполинов.

Пока мы можем утешать себя тем, что наш метод мечения китов оказался успешным. Как мы и думали, самым отважным и искусным в этом деле показал себя Альбер Фалько. И рулевые на малютках «Зодиаках» проявили новые чудеса отваги. Чтобы выйти на удобную позицию для кинооператоров, они наловчились проноситься над самой спиной плывущего у поверхности кита. Здесь важно вовремя поднять подвесной мотор, чтобы не поранить кита винтом.

К счастью, море вело себя смирно, держалась отличная погода. Шквал после Маэ оказался ложной тревогой, пассаты еще не начались. Мы продолжали искать китов и пытались метить их уже описанным способом. И не без успеха. Наши аквалангисты ухитрялись прыгать в воду прямо перед самым китом. (А то ведь кит заранее сворачивает в сторону — то ли видит человека, то ли эхолокация ему помогает.) И операторы тоже облачились в акваланги. Правда, лишний груз тормозит, но без акваланга просто нельзя, ведь меченый кит часто уходил на глубину от 5 до 15, даже 20 метров, а операторы и их помощники, естественно, следовали за ним. Во всем этом деле было что-то от цирка, и, как во всяком номере с животными, не обошлось без риска...

Один раз нам после удачного мечения удалось сутки следовать на «Калипсо» за одним и тем же кашалотом — рекорд! Все это время остальные члены стада — около десяти китов — держались по соседству, не хотели бросать товарища, и наши гидрофоны ловили непрерывный обмен сигналами. Стадо шло впереди «Калипсо», чуть правее нашего курса. Время от времени мы видели фонтаны.

Несколько раз Лабану удалось снять голову кашалота в упор, и ему показалось, что кит, эта огромная машина, оробел. Несомненно, какую-то роль сыграл тут рокот мотора на «Зодиак».

И за все время, что мы снимали кашалотов, ни малейших признаков агрессивности. Правда, какие-то черты поведения можно было истолковать как проявление нервозности: то резко мотнет головой, то дернет хвостом, то вдруг уйдет в глубину.

Когда мы пытаемся притормозить кашалота, он обычно стремится продолжать движение и соединиться со стадом. Предпочитает уйти, вместо того чтобы дать отпор, хотя ему ничего не стоит расправиться с утлой лодчонкой.

Новый прием — «виразу»

Бебер Фалько нашел способ добиться того, к чему мы стремились с самого начала рейса, — задержать кита на одном месте достаточно долго, чтобы его можно было наблюдать и снимать. Он же придумал для этого способа название — «виразу». Сам он это провансальское слово толкует просто: крутись-вертись. Как бы то ни было, благодаря этому «виразу» я воспрянул духом. Способ нехитрый, Бебер уже испытывал его на дельфинах и косатках. Он садится на «Зодиак» и на полном ходу кружит около кашалота. Все кружит и кружит, так что кит оказывается в кольце рокота и пузырей от кильватерной струи. Сначала кашалот раздражается, потом успокаивается, как будто обалдевает от шума.

У кашалотов, как у всех китообразных, очень сильно развит слух. По-видимому, звуковая завеса, которой Фалько окружает кита, сбивает его с толку. Бурлящая кильватерная струя помогает этому. Так или иначе, кит замедляет ход и почти останавливается; наконец-то нам удается приблизиться к морскому исполину.

Конечно, кит вполне мог бы нырнуть, уйти в пучину от мучителей. Но

«виразу» словно парализует его. Вот именно — «словно». Мы убедились в относительности «паралича» в первый же раз, когда Фалько решил испытать свой прием. Сначала все шло хорошо.

«Зодиак» кружит, мотор рокочет, кильватерная струя бурлит, кашалот лежит почти неподвижно у самой поверхности. Вдруг мощнейший всплеск — и «Зодиак» вместе с людьми взлетает в воздух, а камеры, мотор и прочее снаряжение падают за борт.

«Зодиак» упал днищем на воду, и от сильного толчка Морис Леандри, сидевший на корме, вывалился из лодки, но тотчас вскарабкался обратно.

Вот так, мы думали, что кит находится в «обморочном состоянии», а ему осточертел весь этот шум, и он одним движением хвоста заставил «Зодиак» с людьми совершить небольшой полет. Могло быть гораздо хуже: у кашалота огромные челюсти, а хвостом он вполне способен прихлопнуть

лодчонку и людей. Он ограничился легким, но вполне эффективным внушением, после чего преспокойно продолжал свой путь, тут же предав забвению весь инцидент.

Сила, уверенная в себе и не имеющая ничего общего со злобной агрессивностью Моби Дика, — несомненное преимущество великана. В самом деле, если в тебе 20 метров и сверхъестественный запас сил, чего тебе опасаться? Сдается мне, так называемая свирепость китов вообще и кашалотов в частности — выдумка человека, призванная оправдать избиение безобидных животных. В нашей работе с китами мы ни разу не видели даже намека на агрессию.

Чувствительный великан

Нас поражает уязвимость этих исполинов. Вся их мощь и сама жизнь, существование вида всецело зависят от морской среды. Вне моря они не могут жить. Кит, выброшенный на берег или застрявший на мели, обречен на смерть. Вернуться в спасительную воду ему не под силу, тем более что у него нет конечностей. Кит задыхается, его губят собственные размеры, огромная масса. Всей его мощи не хватает на то, чтобы поднять тонны жирового слоя и наполнить легкие воздухом, — и наступает удушье.

Корни такой уязвимости, такой зависимости от моря уходят далеко в геологическое прошлое Земли, в миоцен. Впервые киты появились в третичном периоде, около 30 миллионов лет назад, но предки их намного старше. Первоначально они были наземными животными — факт, который палеонтологи больше не оспаривают. Прежде чем стать властителями морей, они занимали более скромное положение на суше. К сожалению, в палеонтологическом материале пока не обнаружен непосредственный предок китов, который ходил по земле на четырех ногах. Зато найдено много полных скелетов кита, очень близких по своему строению к наземным млекопитающим. В то время киты были намного меньше нынешних кашалотов и финвалов, в длину достигали всего 6–7 метров.

Скелет современного кита сохранил следы его сухопутного происхождения. Есть рудиментарные бедренные кости, элементы голени и тазового пояса — все они окружены мышцами и не связаны прямо с позвоночником. Больше того, скелет грудных плавников свидетельствует, что передние конечности, ставшие ластами, имеют пять пальцев.

Хвостовой плавник отличается от хвостового плавника ластоногих (настоящих тюленей, моржей, котиков и родственных форм), происшедших от менее развитых наземных предков. Такое устройство мы находим только у китообразных и сиреновых^[4] (то есть у ламантина и дюгоней).

В далеком прошлом, особенно в мезозое, на Земле обитали исполинские существа; по континентам бродили огромные рептилии — диплодоки, бронтозавры, брахиозавры, гигантозавры. Это были самые крупные животные, когда-либо населявшие сушу. Но ни одно из них не идет в сравнение со 130-тонным голубым китом. Вес этих гигантских рептилий вряд ли превосходил 30–35 тонн, ведь немалая часть общей длины приходилась на шею и хвост.

Наземные исполины были рептилиями, а не млекопитающими. Они доминировали в фауне позвоночных мезозоя, который недаром называют еще эрой рептилий, однако размеры и вес принуждали их проводить жизнь в воде или у кромки воды; ведь на то, чтобы передвигать по суше 30-тонную махину, требовалось огромное количество энергии. Только вода, видимо, избавляла такого гиганта от необходимости расходовать всю наличную энергию на передвижение с места на место.

Среди огромных ящеров юрского периода некоторые, по-видимому, длиной могли сравниться с современным китом, достигая 20–25 метров. Но у этих наземных форм туловище было вчетверо тоньше, чем у кита; однако и они предпочитали жить в воде (например, бронтозавр), недаром ноздри у них находились в верхней части головы, подобно дыхательным отверстиям нынешних китов.

Разумеется, чтобы передвигаться, исполинским четвероногим требовались могучие конечности. Подсчитано: если бы слон весил вдвое больше, чем теперь весит, ноги его толщиной превзошли бы туловище нынешних слонов. Но ведь слон весит всего от 3 до 6 тонн — столько весит язык некоторых китов. Вот и представьте себе, какие ноги были, скажем, у бронтозавра.

Быстрота, с какой исчезли с лица Земли динозавры, до сих пор ставит в тупик палеонтологов. Не исключено, что именно гигантизм их погубил, ведь у больших размеров есть свои серьезные минусы. Так или иначе, великанов мезозоя можно назвать ошибкой природы, и ошибка была исправлена, великаны переселились в океан, а кто не смог переселиться — вымер.

В самом деле, на суше перед гигантами вставали неразрешимые проблемы. Передвижение — только одна из них, дыхание тоже требовало

огромных усилий. При такой грудной клетке для вдоха нужны исключительно мощные мышцы и особое устройство скелета. Вот почему кит, хотя дышит воздухом, быстро погибает вне воды. Даже его чудовищных сил не хватает для дыхания: на суше скелет кита не выдерживает веса мышц и жирового слоя, между тем как в плотной водной среде он отлично служит киту. Однажды мы извлекли из воды китенка, чтобы выкармливать, так пришлось поместить его на особые носилки, иначе его сокрушил бы собственный вес, а ведь китенок был относительно невелик.

Еще одна проблема, стоявшая перед великими рептилиями мезозоя, — пища. Для такого гиганта, как бронтозавр, требовалось огромное количество корма. Даже слон поедает в день 300–400 килограммов. Бронтозавру было трудно прокормиться уже потому, что голова его была смехотворно мала для такого огромного туловища. Ведь это очевидно: чтобы не околесть с голоду, чудовище весом 30 тонн с головой не больше лошадиной должно есть непрерывно!

Усатые и зубатые киты не знают таких проблем, у них огромные головы и под стать им пасти. Усатые киты питаются, процеживая воду с миллионами крохотных морских организмов через прикрепленные в два ряда к верхней челюсти роговые пластины с бахромой. Такой способ не требует от кита заметных усилий. Он попросту плывет с открытой пастью и глотает отцеженную добычу, а вода выливается.

Труднее дается добыча пищи кашалоту. Это зубатый кит, причем в нижней челюсти у него зубов больше, чем в верхней. Добычу кашалота составляет, в частности, гигантский кальмар, обитающий на глубине 500 метров и больше. Тут размеры кита оказываются несомненным преимуществом. Нетрудно представить себе, какая затрата энергии нужна могучей туше, чтобы достичь морского дна и схватиться с десятиметровым кальмаром.

Размеры и мощь китов делают их властелинами морей. А есть ли у властелина враги? Это как посмотреть... Начать с того, что человек давно охотится на китов, в том числе на самых крупных, таких, как голубой и финвал. Баски, одни из первых китобоев, так рьяно истребляли гладких китов *Eubalaena glacialis* (этот вид особенно уязвим из-за малой скорости — всего три узла), что их совсем не осталось у северных берегов Испании.

Правда, вплоть до XIX века аппетиты китобоев обуздывались сравнительно примитивными средствами охоты — парусные и весельные суда, ручные лебедки, слабые канаты, ручные гарпуны. В то время большие размеры опять-таки были для кита плюсом, ведь человек мог справиться

лишь с менее крупными особями. В 1864 году, когда была изобретена гарпунная пушка, соотношение сил сразу изменилось. Отныне человек мог одолеть даже самого крупного кита, и гигантизм перестал быть преимуществом.

Но человек не единственный враг кита. Есть противники и в воде, и самый грозный из них — родич кита, косатка *Orcinus orca*. Косатка — зубатый кит, она меньше усатых китов и кашалотов, зато наделена огромной силой и свирепостью, не говоря уже о почти дьявольском уме. Стадо этих убийц смело нападает даже на самых больших усатых китов.

Идеальное решение: воздушный шар

13 апреля. В 7 утра, взяв курс на Шаб-Араб, идем в конец залива по широкой дуге. Однако вскоре курс меняется, потому что справа по борту, метрах в двадцати пяти, замечены три белых кита; можно подумать, что это белухи. «Калипсо» разворачивается — увы, китов уже след простыл. Но тут же опять звучит сигнальный колокол. Кашалоты! Поразительно, кого только нет в Аденском заливе в это время года.

Начало охоты не очень многообещающее. Боясь потерять китов из виду, решаю идти к ним, а «Зодиак» спускаем на ходу. Фалько стреляет издали, попадает в цель, но гарпун отскакивает от скользкого бока млекопитающего, лишь слегка поцарапав кожу.

Тем временем Бонничи на «Зодиаке» догоняет группу из трех китов. На несколько минут отделяет детеныша, но родителей это не устраивает, они подплывают к своему отпрыску с двух сторон и уводят его.

Безуспешно продолжаем поиск, наконец в 2 часа новый аврал. Замечены совсем юный кашалотик и его мамаша. «Калипсо» подходит ближе, детеныш видит судно и, бросив мать, направляется к нам! Отдаю команду «стоп-машина». И не зря — винты останавливаются за считанные секунды до того, как детеныш пристраивается к «Калипсо» с правого борта. Мамаша идет за ним и занимает позицию неподалеку от «Калипсо», чтобы вступить за свое дитя, если ему будет угрожать опасность.

Ребята выходят на «Зодиаке», хотят пометить мамашу, но она поспешно уходит, словно угадав их намерения. Детеныш возвращается к ней, вместе они присоединяются к стаду, и мы теряем их из виду.

Сразу после обеда приглашаю на совещание Бебера, Лабана, Дюма и

Марселлена. Все согласны, что стоит уделить побольше времени китам, мы отменяем предполагавшиеся исследования у Шаб-Араба и решаем посвятить еще три дня охоте на кашалотов. Друзья выходят, а я остаюсь в каюте, чтобы немного поразмыслить о наших проблемах. Внезапно меня осеняет — аэростат! Надо прикреплять к киту не буй, а аэростат. Ведь он будет держаться не на воде, а в воздухе над водой, за ним гораздо легче следить и с «Калипсо», и с «Зодиакон». Подвесим к нему алюминиевую фольгу — можно ночью засекаать радаром.

14 апреля. Симона не знает усталости, трудится как пчела. Мало того, что она отвечает за провизию и порядок в кают-компанин, ее все чаще можно увидеть на мостике, на «китовой вахте». Когда дежурит Симона, от ее глаза ничто не ускользнет. Надеюсь, фортуна ей не изменит — мне не терпится испытать аэростат.

Красавец финвал

Первым 14 апреля мы обнаружили не кашалота, а финвала (он самый крупный среди китообразных после голубого кита).

Предоставлю слово дневнику.

Рано утром поблизости от «Калипсо» появилась большая стая дельфинов, и среди них кружило много молотоголовых акул.

Затем мы обогнули мыс Гвардафуй у входа в Аденский залив. Наши «Зодиакон» носились наперегонки с тремя дельфиньими стаями, вдруг до нас донесся крик Бебера:

— Кит! Бросайте дельфинов, пошли за ним!

Море совсем гладкое, и «Зодиакон» развивают до 15 узлов. Два часа длится погоня за китом, его длина 12–15 метров; по-видимому, это финвал. Хорошая скорость необходима, потому что кит, сделав вдох, тотчас уходит вглубь и пропадает на 10–20 минут. В конце концов, утомленный гонкой, он замедляет ход и начинает всплывать чаще.

Опытный китобой сразу отличит финвала от кашалота по фонтану. Мы пользуемся еще более броской приметой — у финвала спинной плавник широкий, изогнутый, а у кашалота торчит на спине, ближе к хвосту, какой-то неровный гребешок. Их можно различать и по тому, как они ныряют. Кашалот уходит отвесно вниз, и напоследок видно торчащий из воды

хвост; финвал ныряет под углом. Затем, кашалоты обычно ходят стадами, а замеченный нами сегодня кит, по-видимому, один. Вообще финвалы ходят поодиночке или по двое, по трое.

«Зодиак» Бебера подошел уже почти вплотную к пепельно-синей туше. Фалько стреляет... Попал! Кит бросается прочь, и мы видим, как гарпунный линь разматывается со скоростью 15 узлов. Ушли 50 метров полипропилена, осталось еще 300 метров голубого нейлона. Скоро узнаем, хорошо ли зацепился гарпун.

Бебер уже вернулся к «Калипсо», пришвартовывается — в это время линь провисает. Гарпун выскочил...

Все огорчены, больше того, обескуражены. Но это не мешает нам тотчас приступить к работе. «Калипсо» и «Зодиак» с операторами возобновляют погоню, а Бебер сматывает 800 метров линя и снова заряжает гарпунное ружье. И к тому времени, когда мы настигаем кита, Фалько уже готов. Поднимает ружье... Выстрел! Гарпун поражает цель, но острие не может пробить жировой слой. Бебер хватает подводный арбалет — лопается стальная тетива! Тогда он берется за ручной гарпун.

Кит заметно утомлен, он сбавил ход до 8 узлов, идет на глубине 2–3 метров, и его ясно видно с «Зодиака». Вот всплыл за воздух, Бонничи на своем «Зодиаке» преграждает ему путь спереди, и Фалько быстро сокращает разрыв. (Задача Бонничи не так уж проста: когда он занял позицию перед китом, могучий треугольный хвост ударил по воде у самой лодки.)

Подойдя поближе, Фалько размахивается и вонзает гарпун финвалу в левый бок. Острие пробивает кожу, но рукоятка гнется, как только кит устремляется вглубь. Гнется, однако не ломается. Выпустив 500 метров линя, Фалько крепит к нему большой красный буй. Все, что происходило до сих пор, только начало. Теперь охота разворачивается всерьез: Лабан и Делуар снимают проплывающего мимо кита под водой, Барский — с поверхности, а мы на борту «Калипсо» старательно записываем все происходящее.

«Зодиак» явно раздражают финвала. Они жужжат у него над ухом, словно москиты, да и гарпун, учитывая его размеры, можно сравнить с жалом москита. Кит бросается то в одну, то в другую сторону. «Зодиак» стараются не отставать, операторы идут справа от кита, аквалангисты — слева. Прыгают в воду перед зверем и снимают его, когда он проплывает мимо. Дыхание кита еще больше участилось, каждые 15 секунд он пускает фонтан, и пар видно издалека, несмотря на зной и сухой воздух.

Под вечер операторы возвращаются на «Калипсо». Фалько уже на

судне, готовит маленький аэростат. Оболочку наполняют водородом, прикрепляют к ней алюминиевую «бабочку» — радарную мишень и длинным линем соединяют все устройство с бумом.

В это время к киту приближается другое судно, явно привлеченное видом парящего в воздухе аэростата. «Калипсо» совершает несколько отвлекающих маневров.

Марселлен и Дюма, захватив звукозаписывающую аппаратуру, идут за китом на «Зодиак», что называется, по пятам. Вот один из приемов звукозаписи — подвесив микрофон на конце длинного шеста, они подносят его к дыхательным отверстиям финвала. Потом, прокручивая запись, мы слышим что-то вроде приглушенной канонады.

Перед нами поистине редкостный экземпляр. Редкостный прежде всего по своим размерам, ведь он крупнее встреченных нами в том рейсе кашалотов. Кроме того, он красивее: у него великолепная голова (когда пасть закрыта, она смахивает на змеиную) и туловище не такое массивное, как у кашалота, с идеальными гидродинамическими обводами, даже элегантное на вид. И окраска более светлая, изящная, что ли.

Все калипсыне восхищаются «нашим» китом. И все сходятся в том, что с этим финвалом справиться куда проще, чем было с кашалотами. Несомненно, тут играет роль то, что финвал один, а не в стаде. Будь рядом сородичи, он не захотел бы от них отделяться.

— Кашалоты, похоже, только о том и думают, как бы уйти от нас и соединиться со своим стадом, — говорит Мишель Делуар. — Они даже готовы оттолкнуть нас, чтобы вернуться к сородичам. Этот кит ведет себя куда спокойнее. Ему не к спеху, он не торопится на свидание. И до чего же он хорош — в десять, в сто раз красивее любого кашалота. Поглядишь на эту плоскую голову, и можно поклясться, что он улыбается! Если смотреть на финвала анфас, он весь сплошная улыбка. То ли он такой добродушный, то ли юморист. Честное слово, из всех животных, которых мы видели, только этот финвал по-настоящему меня поражает.

Ночью несколько человек остаются на «Зодиак», следят за бумом и аэростатом. Наги укрепил на аэростате мигалку, это облегчает им задачу. Несмотря на темноту, мы представляли себе, чем занят кит. Иногда он стоял на месте, а иногда делал бросок, развивая скорость 6–7 узлов.

Суббота, 13 мая. Сегодня работа организована так, чтобы извлечь возможно больше из нашей встречи с финвалом. Рано утром Барский и Делуар снимают «Калипсо» и аэростат, потом начинается подводная съемка кита. «Зодиак» повторяют вчерашние маневры. Одна лодка преследует финвала, он уходит вглубь, снова всплывает чуть севернее и потом идет на

восток. Делуар снимает подводной камерой. Барский работает с другого «Зодиака» обычной камерой.

Все идет гладко. Слишком гладко, говорю я себе... И вот вмешательство случая. Финвал описывает дугу вокруг одного из «Зодиakov», и гарпунный линь наматывается на винт. Происходит нечто поразительное: кит ныряет и тянет лодку за собой. Представьте себе, какая силища нужна, чтобы увлечь под воду такую большую надувную лодку! Хорошо, Фалько не теряет присутствия духа. Он мгновенно передает камеры и прочее снаряжение на другой «Зодиак», затем обрубаёт линь. Финвал на свободе, а иначе мы потеряли бы «Зодиак».

Пожалуй, вчера, говоря о «добродушии» нашего кита, мы провинились в антропоморфизме. Несомненно, финвал к нам совершенно безразличен. И сейчас он как ни в чем не бывало плывет дальше по своим делам.

Зато Фалько присуще большее постоянство. Как только винт освобожден от лinya, он бросается вдогонку за китом. Ему снова удастся поразить зверя гарпуном. И опять, как вчера, «Калипсо» старается не отстать от финвала и «Зодиakov».

Боясь что-нибудь упустить, Делуар прыгает со своей камерой в воду. Небывалый случай — впервые человек наблюдает и снимает финвала под водой. Ай да Мишель! Впрочем, Бонничи не отстает от него — ухватился за спинной плавник кита, и зверь его тянет, словно какой-нибудь чудовищный паровоз. Тоже случай небывалый! Барский присоединяется к друзьям и снимает акробатические трюки Бонничи.

Тем временем Лабан и Бебер щелкают под водой фотоаппаратами. Пленка запечатлевает длинное изящное туловище. Один раз фотографы подплыли к финвалу так близко, что видели обращенный на них огромный глаз с одного метра.

Под вечер «Зодиак» Барского направляется к «Калипсо» — и опять винт захватывает гарпунный линь. Не желая рисковать, Фалько тотчас перерубает линь, и Барский уже с палубы «Калипсо» снимает наше прощание с бравым финвалом, который все так же безучастно (кажется нам) уплывает вдаль.

После обеда Бебер, Дюма, Лабан и кинооператоры собираются вместе, чтобы обсудить снятый материал и решить, чего им не хватает.

— Финвал, — говорит Лабан, — смотрится повнушительнее, чем кашалот. Он ведь крупнее, в нашем экземпляре, наверно, было метров пятнадцать. И еще, аквалангисту огромная квадратная голова кашалота кажется какой-то уродливой, что ли. На нее же приходится чуть не треть всей длины зверя. Как будто творец ошибся в пропорциях и бросил работу,

не довел ее до конца. А у финвала голова красивая, аккуратная, после кашалота ее воспринимаешь как приятный сюрприз.

В пользу финвала говорит также его смирный нрав. Возможно, на самом деле он и не такой уж кроткий, но все равно, укусить он не может, у него нет зубов. Зная это, аквалангисты смелее приближались к финвалу и обращались с ним куда более вольно, чем с кашалотом. Ведь при встрече с кашалотом поневоле вызывает оторопь зрелище поблескивающих в воде огромных зубов. Но и финвал отнюдь не беззащитен. У него есть свое оружие, грозное оружие, которое он пускает в ход против акул и косаток, — исполинский хвостовой плавник. Бебер называет его мухобойкой. Мухобойка финвала может одним ударом расплющить человека.

— Пока находишься впереди финвала, — говорит Делуар, — бояться нечего. Вообще в передней части туловища нет ничего страшного. А прошла мимо половина туловища, — тут самое время подумать об осторожности, вспомнить, что под водой ты вовсе не такой поворотливый, как на суше. И уж как завидишь извивающийся хвост, эту махинуцу, — лучше посторониться. Не то он обрушится на тебя, словно тонна кирпича.

Горбач и серый кит

Да, кит киту рознь. И у великанов есть различия. Финвал, как мы только что убедились, отличается огромными размерами и индифферентным нравом. Горбачи (мы снимали их у Бермудских островов) изяществом и грацией напоминают в одно и то же время ласточку и «Боинг-707». Их длинные белые ласты, которые служат для поворотов, похожи на крылья. В отличие от финвала горбач не плывет по прямой. А от кашалота его отличает то, что горбач охотно подпускает к себе человека, иной раз даже сам задевает аквалангиста, кружа под водой и покачивая длинной цилиндрической головой с покатым подбородком. Кстати, горба у горбачей нет, а названы они так потому, что показывают загривок и спину, когда ныряют.

Стоит ли удивляться, что у калипсян неодинаковые симпатии в мире китов. Они довольно близко познакомились с китами, и одни виды им не по душе, зато другими они восхищаются.

Больше всего пришлось нам по нраву серые киты, вместе с которыми мы провели не один месяц в калифорнийских водах.

— Когда я впервые увидел серого кита, — рассказывает Филипп Кусто, — я прыгнул в «Зодиак» и схватил кинокамеру. Зашел спереди и сразу же нырнул, впопыхах даже забыл надеть акваланг. Я чуть не сел на кита верхом, а ему хоть бы что, он и не подумал сворачивать. Сперва я смутно различил огромную пасть, это было что-то невероятное. Потом мимо меня проследовало туловище. Движения удивительно плавные, слитные, на элементы не разобьешь. Просто поразительное впечатление гидродинамического совершенства и неодолимой мощи. Как я ни старался, не смог поспеть за ним, хотя он вовсе не торопился. Так и пропал он вдали. Я вернулся на «Зодиак», надел акваланг и снова нырнул. Но чары были нарушены. Надо думать о камере, об углах съемки, об акваланге, где уж тут любоваться. И все же меня не покидало чувство, что на какой-то миг между мной и китом возникло полное взаимопонимание.

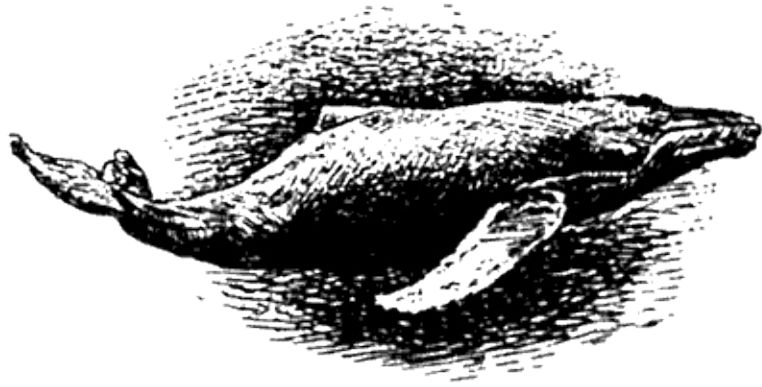
Да, встреча с китом в его стихии совсем не то, что общение с поверхностью! «Зодиак», подводные ружья, буи, конечно же, влияют на восприятие китом человека. Мы не знаем, как именно они влияют, зато знаем, что испытываем сочувствие, симпатию, что-то вроде взаимопонимания, общаясь с этим животным без посторонних предметов.

Филипп утверждает, что ни разу не встретил кита, который проявил бы даже намек на враждебность. Правда, Филипп не работал с китами, мечеными гарпуном, пусть даже совсем легким, каким пользовался Бебер. (Нужно ли говорить, что Филипп не одобряет мечения китов. Так, он решительно восстал против мечения горбачей у Бермудских островов.)

— Готов поклясться, — говорит Филипп, — они знают, какие мы малосильные. Ведь один удар хвостом, плавником, головой — и человека нет. Но киты никогда не нападают. Меня всегда поражает их миролюбие. Они уступают нам дорогу и не мечутся, как это делают рыбы, а отходят в сторону плавно, не спеша...

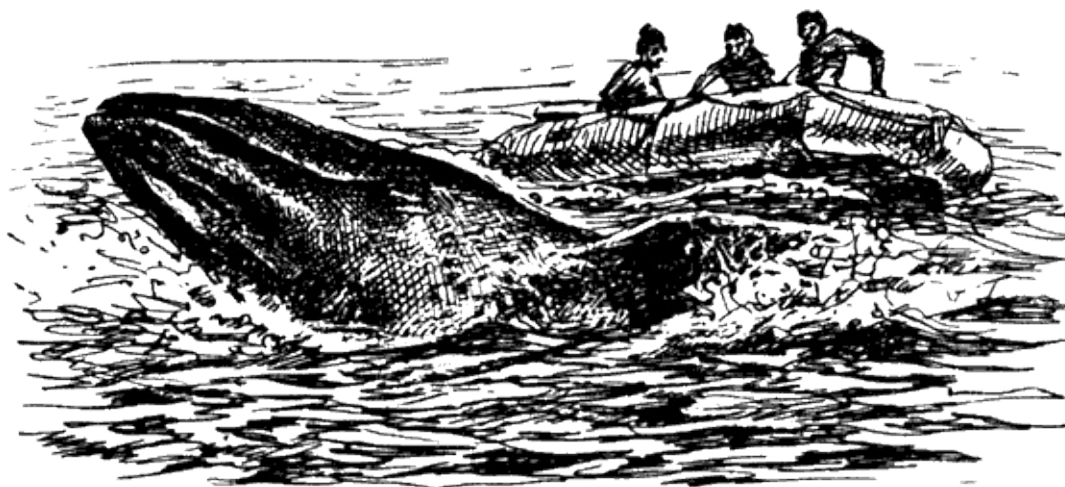
Известно, что многие черты поведения китов определяются сексуальным инстинктом. Одна серая китиха довольно странно повела себя, когда к ней подплыл Филипп: она ходила перед ним взад-вперед, и внешние признаки говорили о сексуальном возбуждении. Может быть, приняла наш «Зодиак» или аквалангиста за странных морских животных, которые могли бы стать ее партнерами? (Нечто похожее мы наблюдали у дельфинов.)

Так или иначе, для этих подводных встреч характерен несомненный взаимный интерес двух живых существ, двух млекопитающих. Как ни велика разница между человеком и китом, они друг другу не совсем чужие.

Глава третья

Когда кит странствует

Киты любят странствовать. Могучий инстинкт влечет их зимой в более теплые экваториальные воды, а летом — в арктические и антарктические области.

Китобои пользовались этим, они нападали на кочующие стада и безжалостно истребляли животных. И все же очень мало известно о подробностях китовых миграций, о поведении китообразных во время их тысячемильных странствий в океане.

Мы задумали сопровождать китов, и не просто сопровождать, а возможно ближе следить за ними и снимать их, используя наши «Зодиак» и акваланги.

Для таких наблюдений отлично подходил калифорнийский серый кит, который в январе направляется из Арктики на юг, к Калифорнийскому полуострову, — там происходит брачный ритуал, и там рождаются детеныши.

Приведу вкратце рассказ Бернара Делемотта об одном из самых драматичных эпизодов трехмесячной экспедиции в Тихом океане.

«23 января 1968 года. Два часа дня. „Зодиак“ спущен на воду, кинокамеры лежат на своих пенопластовых подушках. Оператор — Ив Омер. Он уже облачился в гидрокостюм и занял место у левого борта, готов в любую секунду схватить камеру и прыгать в воду. Фалько стоит на самом носу.

Начинаем преследовать нашего артиста — это крупный серый кит, и плывет он, увы, очень быстро, что осложняет нам работу. Но сдаваться нельзя, через два часа будет уже слишком мало света для подводной съемки.

Скорость 5–6 узлов позволяет нам не отставать от животного, а когда он всплывает за воздух, мы сокращаем просвет. Ив уже трижды прыгал в воду, но никак не может угадать в нужную точку. Чтобы удовлетворительно снять голову кита, надо рассчитать все чуть не до долей секунды. Войдет аквалангист слишком рано в воду — кит успеет свернуть в сторону; опоздает — на пленке будет только туловище и хвост.

Мы решили нырять лишь тогда, когда будем совершенно уверены в точном попадании, пусть даже из-за этого упустим несколько случаев.

Погоня продолжается. Увлекательное это дело, хотя при каждом ударе о волну впечатление такое, будто мы врезались в каменную стену. Каждый раз, когда кит всплывает, мы все ближе подбираемся к нему. Сейчас нас разделяет всего 50 метров. Всплыл! Прибавляю ход, идем почти вровень. Кит ныряет, но я вижу его, он ушел вглубь от силы на 8–10 метров, можно различить все движения могучего туловища.

Беберу Фалько на носу видно лучше, чем мне. Он жестами показывает мне, как рулить, чтобы держать „Зодиак“ прямо над зверем. Ив не выпускает из рук камеру, ведь кит может всплыть в любую секунду. И мы не должны его прозевать.

Рокот мотора явно досаждал киту, он поворачивает вправо, влево. Благодаря острому зрению Бебера мне удастся поспевать за животным. Вот он пошел вверх. Выключаю мотор, а Ив Омер, сжимая в руках кинокамеру, уже занес ногу над бортом.

Вдруг слышу крик Бебера:

— Берегись!

Поздно. Слышно гул, как от огромного водопада. Выдох кита? Или всплеск рассекаемой им воды?

В каких-нибудь 3–4 метрах от „Зодиака“ вздымается над водой чудовищная голова, выше, выше, рядом с лодкой появляется могучая черная туша, между тушей и мной мелькает нога Ива...

Я так и не успел разобрать, отчего был такой гул. Потому что в следующий миг зверь задел „Зодиак“ и нас с Омером вышвырнуло за борт. По давлению в ушах я понял, что мы погружаемся все глубже и глубже.

Я не терял сознания и погружался с открытыми глазами, но кругом был кромешный мрак. Попытался плыть, но руки-ноги почему-то не слушались. Меня прижало к живой стене. Левой щекой я ощущал

прикосновение мягкой кожи. Это было туловище кита, но только с одной стороны, а что же меня к ней прижало?

И тут мне все стало понятно. Я погрузился вместе с „Зодиак“, и теперь мы оба стремились к поверхности. Я попал в ловушку между лодкой и брюхом кита.

Первой моей реакцией была ярость. И правда, как не разозлиться: благополучно пережил столкновение со зверем, а теперь могу погибнуть потому, что надувная лодка держит меня под китом!

Вдруг я почувствовал, что руки и ноги освободились. Оттолкнулся ногами — пошел вверх, прямо вверх, будто по трапу. Казалось, подъем длится целую вечность, я задыхался...

Наконец высунул голову из воды. И услышал крик:

— Нога, моя нога!

Голос Ива. Он был пристегнут к „Зодиак“ страховочным концом и всплыл вместе с лодкой, но запутался в лине и теперь барахтался в воде метрах в десяти от лодки.

Я закричал в ответ:

— Держись, иду к тебе!

Поймал его за руку, забрался на „Зодиак“, потом помог влезть Омеру. А сам старался не глядеть на его ноги: вдруг одна из них раздавлена, а то и вовсе оторвана...

К счастью, обошлось без таких ужасов. При столкновении ногу Ива зажал между туловищем кита и надувной секцией „Зодиак“, и воздух смягчил удар. Конечно, ушиб был основательный, но кости уцелели.

Бебер отделался благополучнее, чем мы. Он успел прыгнуть за борт, но забыл про страховочную сбрую, и его протащило под водой около двадцати метров, пока не лопнул карабин.

Быстро подошел второй „Зодиак“ и отбуксировал нас к „Калипсо“. На палубе нас ждали слегка побледневшие друзья. В отличие от нас они отчетливо видели, как все произошло. Кит выскочил из воды и с грохотом шлепнулся обратно. А когда вода успокоилась, на поверхности ничего не было: ни кита, ни „Зодиак“, ни людей. Не меньше 15 секунд прошло, прежде чем „Зодиак“ появился снова в 50 метрах от того места, где пропал. Потом над водой показалась голова... Вторая... Третья.

Мы не склонны придавать большого значения этому инциденту, хотя, по чести говоря, встряска была изрядная.

Подводим итоги: у Ива Омера вывихнуто колено, у „Зодиак“ порвана одна надувная секция, сплюснен бензобак, деревянный настил разбит в щепки».

Спасение видов

Как видно из рассказа Бернара, гоняться за китом не всегда безопасно. До этого случая нам попадались сплошь миролюбивые киты; правда, здесь, в Тихом океане, мы работали с серыми китами *Eschrichtius gibbosis*.

Мой сын Филипп заинтересовался ими еще до 1968 года. В начале нашего века этому виду грозило полное истребление, теперь он охраняется международной конвенцией. Принятые меры оказались настолько действенными, что теперь вид процветает, и в последние годы было выдано разрешение на добычу 600 серых китов. Всего же их, по примерным оценкам, насчитывается 20 тысяч.

Лето серый кит проводит в холодных водах, кормится планктоном в Беринговом море, в Арктике, у берегов Северной Азии, Северной Америки. Зимой он приходит к берегам Мексики, в теплые калифорнийские воды.

Путь серого кита пролегает вблизи калифорнийских берегов, поэтому его странствия изучены лучше, чем миграции других видов. Толпы людей собираются на берегу, чтобы посмотреть на так называемый парад Моби Дика. За день на юг, к Калифорнийскому полуострову, проходят 40, 50, а то и 75 китов, и на западном побережье США, наверно, нет более увлекательного зрелища.

В Сан-Диего энтузиасты организовали общество для наблюдения и охраны серого кита. Защитники китов внимательно следят за ними с вышек, и если зверь нечаянно забредает в какую-нибудь гавань, люди помогают ему выбраться на волю.

Причина миграции серых китов очевидна: одни идут в теплые мелкие воды мексиканских бухт, чтобы совершить брачный ритуал, другие — чтобы произвести на свет потомство. В XIX веке их нещадно истребляли китобои, и особенно отличился некий капитан Чарлз Мелвилл Скаммон, которому удалось обнаружить место размножения серого кита. Но после того как вид взяли под охрану, в защищенных бухтах опять стало появляться много животных обоего пола. И мы надеялись, что сможем поближе исследовать их в этих водах.

Причем время свиданий можно было намечать чуть ли не заранее, ведь по миграциям серого кита можно часы проверять. Ежегодно в определенный день их можно видеть всегда в одном и том же месте. И в

один и тот же день они проходят через Берингов пролив.

Филипп на разведке

Чтобы разведать обстановку, Филипп в феврале 1967 года прибыл в Сан-Диего. «Калипсо» в это время была далеко, в Индийском океане, и Филипп арендовал для рекогносцировки небольшой самолет, после чего пригласил Уолли Грина и специалиста по серым китам профессора Теда Уокера пролететь вместе с ним над западным побережьем до Мексики.

Прежде всего Филипп хотел выяснить, где можно будет снимать серых китов. Он собрал много полезных данных. Правда, снаряжать экспедицию и следовать за мигрирующими китами было уже поздно, поэтому Филипп решил подыскать на полуострове Калифорния самую подходящую для наблюдений и съемок бухту.

Завершив рекогносцировку, Филипп присоединился к нам в Индийском океане. Его увлеченность могла кого угодно заразить, и он без особого труда убедил меня, что есть полный смысл в следующем году организовать экспедицию для съемок калифорнийских серых китов.

Сперва мы задумали идти за китами от Сан-Диего дальше на юг. Но плотный график работ не позволял «Калипсо» поспеть в Сан-Диего к январю. Поэтому я решил арендовать небольшое судно «Поларис III» и поручил Филиппу возглавить этот этап работ.

Начало

«Поларис III» вышел из Сан-Диего 16 января 1968 года. Кроме обычного экипажа на борту находился седобородый ученый Тед Уокер. Страстно увлеченный китами, он оказал нам неоценимую помощь.

Мигрирующие киты шли небольшими группами, держась преимущественно в водах, где глубина не превышала 220 метров. «Поларис III» поспел вовремя, и без труда удалось обнаружить группы китов — фонтаны сразу выдают их.

Стоило какой-нибудь группе заметить, что она обнаружена, как киты

дружно ныряли. И не просто ныряли! Один кит оставался на поверхности впереди «Полариса III», чтобы увести судно по ложному следу, а остальные делали под водой поворот на девяносто градусов.

Эта уловка (ни у кого из китобоев она не описана) говорит об удивительной степени взаимопонимания и общения в группе. В самом деле, откуда кит узнает, что именно ему надлежит отвлекать внимание преследователя, пока уходят его товарищи?

Еще более удивительно, что киты сразу же применили эту уловку так, словно репетировали ее или не раз прибегали к ней в прошлом.

И это не единственный трюк в их репертуаре. В одном случае оставленный на поверхности кит разыграл целый спектакль — ушел под воду и вынырнул уже за кормой «Полариса», явно рассчитывая сбить людей с толку. Иногда «дежурный» кит всплывал слева по борту, иногда — справа. Словом, вариантов много, киты не держатся жесткой схемы, а приспосабливаются к обстоятельствам.

Уже это, по-моему, признак того, что киты каким-то образом сообщают друг другу такие абстрактные понятия, как «влево», «вправо», «вверх», «вниз», вместе с командой о маневре.

Они спят, но недолго

Встретившись с новым для нас видом, к тому же таким своеобразным, отряд на «Поларисе» вынужден был начинать, как говорится, с азов, отрешившись от всего, что нам в 1967 году с великим трудом удалось узнать в Индийском океане о кашалотах.

Скажем сразу: снять под водой серого кита, идущего по миграционной трассе к Калифорнии, так и не удалось. Когда ни прыгнет оператор в воду, кит всегда оказывается от него метрах в двенадцати — пятнадцати. Ведь на то, чтобы сориентироваться и рассмотреть что-то под водой, уходит не меньше пяти секунд, а этого серому киту вполне достаточно. Вильнул хвостом и ушел, словно его и не было.

Рейс вдоль калифорнийского побережья продолжался довольно долго. И целый месяц понадобился экипажу «Полариса», чтобы пометить кита и проследить за его поведением во время миграции. Зато были получены некоторые важные данные, например:

серые киты спят урывками, по полчаса, 6–7 раз в день;

всю ночь напролет они плывут без остановки;
во время миграции они не постанут; прежде на этот счет были разные взгляды, теперь все сомнения отпали;
когда кит ходит по кругу на мелководье, где у поверхности скопился планктон, очевидно, он принимает пищу. Судя по всему, море у берегов Калифорнии изобилует излюбленным кормом китов.
Чтобы дать вам представление о проблемах, с которыми столкнулся отряд Бернара Местра во время первой экспедиции за серыми китами, приведу выдержки из экспедиционного дневника.

Опасный эпизод

23 января. В открытом море у Сан-Диего встретили огромные поля морской капусты — тихоокеанской водоросли, достигающей двадцати с лишним метров в длину. Мы уже заметили, что серые киты любят кувыряться в зарослях морской капусты; вот и сейчас два зверя предаются этому развлечению.

Нам хочется их снять, и наше желание исполняется. Море совсем гладкое. Неподалеку видим несколько фонтанов. «Поларис» сбавляет ход. Бесшумно спускаем на воду «Зодиак», идем на веслах среди водорослей. А киты все кувыркаются и ничуть не робеют. Будут отличные кадры!

24 января. В 9 утра прямо под «Поларисом» проходит кит, и все наши кинолюбители перевешиваются через поручни со своими камерами.

Около 10 утра начинаем преследовать одиночного кита, идущего на юг. Фалько поражает его гарпуном, к которому прикреплен мешочек с флуоресцеином. Это вещество поможет нам следить за зверем, мы заранее определим, где он всплывет. Еще одна новинка, ее надо опробовать и усовершенствовать.

Кит всплывает все чаще, теперь уже через каждые 35 секунд. Он встревожен, нервничает. Поравнявшись с Минсон-бич (так называется большой пляж под Сан-Диего), мы тоже начинаем нервничать, как бы кит не застрял на мели, ведь глубина всего около 7 метров.

И еще одна тревожная минута. «Зодиак» на полной скорости догоняет кита, затем мотор выключают, и последние метры лодка проходит по инерции. Ребята видят кита под собой, он замер на глубине 3–4 метров. Вдруг устремляется вверх, прямо к «Зодиаку». Делемтт и его товарищи

видят обращенный на них глаз. Похоже, что он выражает любопытство. Кит подходит еще ближе, словно хочет получше разглядеть людей. А затем левым ластом поддевает «Зодиак» вместе с аквалангистами, поднимает на метр над водой и внезапно отдергивает плавник. Лодка шлепается на воду, но ребята вовремя легли на дно, поэтому их не выбросило за борт. И снаряжение не пострадало.

Жак Ренуар снимал этот примечательный эпизод с другого «Зодиака».

25 января. Почти всю ночь продолжали идти на юг, а на рассвете оказалось, что «Поларис» окружен китами!

Примерно в миле к югу от нас кит вздумал порезвиться и один раз весь, целиком выскочил из воды.

Около 8 утра начинаем преследовать группу из четырех китов; как обычно, они бросаются наутек. Может быть, до полудня удастся хотя бы одного из них зацепить гарпуном.

Берег совсем другой, чем был накануне. Вчера мы шли вдоль населенных мест, сегодня побережье пустынное, безлюдное, но места красивые. Очевидно, мы вошли в мексиканские воды. Берег плоский, зато островки прямо по курсу высокие, нам предстоит маневрировать между ними, следуя за китами.

В 10 утра замечаем группу из пяти китов, они ходят туда-сюда, часто всплывают и довольно высоко высовывают ласты из воды. Тед Уокер, поглаживая седеющую бороду, объясняет, что они, вероятно, делают попытки спариваться. Именно попытки, потому что у китов брачный ритуал сопряжен с немалыми затруднениями.

Пытаемся подойти поближе и поразить гарпуном одну самку, но она в 10 секунд избавляется от гарпуна, согнув его крючком.

И почему это наши гарпуны постоянно выскакивают? Зубцы слишком короткие? Или чересчур длинные? Но ведь острие проникает в жировой слой...

В этом случае гарпун пробил кожу под углом и, вероятно, выскочил под напором воды. После короткой дискуссии решаем повторить попытку с тем же ружьем, не меняя гарпуна.

Филипп хочет сам попробовать, и мы преследуем очередную группу. (Выбирать есть из чего!)

Небо нахмурилось, море притихло. Наверно, ночью пойдет дождь. Мы идем всего в четверти мили от берега, и нас сопровождает стая дельфинов.

В 4 часа дня Филиппу представляется возможность испытать себя в роли гарпунера. Кажется, промах: кит уходит. Однако, выловив гарпун, мы убеждаемся, что Филипп не промахнулся. Наконечник пробил кожу зверя,

но выскочил: зубья не зацепились в жировом слое. Может быть, они недостаточно широко раздвинуты? Нам упорно не везет.

Часом позже видим еще одну группу в четыре кита и спешим вдогонку. Но эти киты, похоже, уже встречались с нами. (Поди отличи одну группу от другой!) Во всяком случае, они не подпускают нас близко.

Здесь мелко, дно каменистое. Идем с включенным сонаром^[5] медленно, осторожно, чтобы не напороться на камни.

В 17.20 с идущего неподалеку «Зодиака» сообщают по радио на «Поларис», что Каноз поразил кита гарпуном, но линь намотался на винт и его пришлось обрубить. Тед Уокер считает, что сорокасильный мотор слишком мощный, выключишь — не сразу остановишься, оттого и вышло так.

26 января. Пасмурное холодное утро. Море за ночь разгулялось, с юго-востока идет большая зыбь. Не обходится без неприятностей — разбитые тарелки и прочее.

Впереди нас — азимут 170 градусов — плывут группами киты. Ночь мы провели на якоре у островка Сен-Мартин. На нем обитают птицы, миллионы птиц, преимущественно пеликаны и бакланы, а также колония морских львов. И немногочисленные люди: на свободном от пернатых и ластоногих конце острова обосновались рыбаки. Поучительный пример мирного сосуществования.

Несмотря на скверную погоду и качку, Каноз попадает гарпуном в кита, и вот уже по поверхности моря скачет красный буй. Но линь опять рвется. Возможно, на этот раз виноваты острые раковины морских желудей — они паразитируют на спине серого кита, и от них она такая крапчатая.

Отмеряем еще 80 метров линия для новой попытки. Рядом отмель, глубина всего полтора метра; ее сразу видно по бурунам.

На клочке суши отдыхают тысячи птиц. Заметив нас, они взлетают с оглушительными криками.

Ручной гарпун

Следуем за пятеркой китов, потом — за тройкой. Выстрел — цель поражена, но гарпун опять не держится. Все наши гарпунеры и кандидаты в гарпунеры клянутся, что больше никогда не будут пользоваться

норвежским гарпунным ружьем. Во всяком случае, сегодня. Решаем перейти на добрые старые ручные гарпуны, какие применялись китобоями прошлого века. На борту «Полариса» нашелся один такой гарпун.

Тед Уокер, похоже, никогда еще не работал с отрядом, который был бы настолько предан своему делу, да он и сам трудится с огромным увлечением.

Примерно в двух милях появляется восьмерка китов, вахтенные тотчас их замечают. «Зодиак» выбирает конкретный объект и начинает преследование. В 14.15 Каноэ, как положено гарпунеру, стоя на носу «Зодиака», бросает гарпун с такой силой, что рукоятка ломается, а сам Каноэ чуть не падает за борт прямо на спину кита. Но острие сидит прочно, и мы видим извивающиеся в воде красные ленты — еще одна метка, которая поможет нам следить за зверем. Увы, ленты не выручают. Кит уходит в пучину вместе с ними. Кто знает, может быть, мы их еще увидим в какой-нибудь из калифорнийских бухт...

27 января. Приближаемся к бухтам. Видно цепочки высоких песчаных дюн, придающих этим берегам сходство с пустыней.

У самого входа в бухту Скаммон над водой вздымается остров Седрос. Эту ночь мы стояли на якоре перед ним. А в 7 утра снова двинулись на юг мимо медных от утреннего солнца, рыжих и желтых скал Седроса. Высокие гребни теряются в пухлых белых облаках.

«Зодиак» приступают к охоте. Но нас отвлекает весьма общительный и фотогеничный морской лев. Филипп и Бернар Делемотт не могут устоять против его приглашения поиграть с ним. Выключают мотор, чтобы не пугать зверя, потом ныряют и резвятся вместе с ним. Превосходные кадры, да только не за этим мы шли в Калифорнию.

Похоже, что возле острова Седрос мигрирующие серые киты делятся на два отряда. Одни проходят между островом и материком в бухту Скаммона. Другие продолжают путь в открытом море до бухт Матанситы или Магдалены. А некоторые добираются до южной оконечности Калифорнийского полуострова.

«Поларис» идет за теми, которые направляются дальше на юг. Мы испытываем новую тактику для «Зодиаков», подкрадываемся к китам без рывков, когда они сбавляют ход. Вроде бы получается неплохо, один «Зодиак» подошел к киту ближе, чем когда-либо, на 8–10 метров, но тут рулевой не выдержал, прибавил обороты — и тотчас кит исчез.

Еще один вариант: заметив двух китов, совсем выключаем мотор и пробуем подойти на веслах. Но животные то ли видят, то ли чуют нас и мигом скрываются.

В час дня возвращаемся на «Поларис» усталые, голодные, приунывшие. Неужели зря проделали весь этот путь? Нет, не может быть! После обеда мы должны загарпунить кита, чего бы это нам ни стоило.

И мы добиваемся своего. Под вечер после удачного выстрела гарпун вонзается в жировой слой кита, и зверь мчится дальше, волоча за собой буй. И лить выдерживает — целых две минуты. Как не пасть духом от такого невезения!

Щелчок по лбу

Что бы мы ни затеяли на «Поларисе», во всех делах непременно участвует Тед Уокер. Поразительное знание разных сторон поведения китов делает этого человека незаменимым для Филиппа и его товарищей. Он неутомим, всегда приветлив, всегда готов отвечать на вопросы. И его влюбленность в китов заражает других.

Для наших молодых аквалангистов профессор Уокер — «почтенный джентльмен», авторитетный специалист в таинственной области. Но Тед умеет создавать атмосферу непринужденности, и они забывают разницу в возрасте. Его нисколько не смущает, что мы живем на «Поларисе» в тесноте, как сардины в банке. Сдается мне, он при виде фонтанирующего кита попросту забывает обо всем на свете.

Чтобы предостеречь наших ребят от безрассудных действий, Тед рассказал, как его друг Рик Григг едва не погиб, работая в воде. Однажды Рик надел акваланг и прыгнул в море, а когда всплыл, увидел серого кита совсем рядом, рукой потрогать можно. И он потрогал. Кит вздрогнул, как лошадь вздрагивает, а затем Рик провалился куда-то в темноту.

Очнулся он уже на палубе яхты своего друга, вместе с которым вышел в море. Лоб Рика был рассечен ударом китового хвоста, облепленного острыми ракушками. На всю жизнь осталась у него метина в том месте, куда пришелся щелчок...

Техника мечения

Для мечения калифорнийских серых китов экипаж «Полариса» пользовался теми же средствами, которые были испытаны нами на кашалотах в Индийском океане. Причем наши гарпуны проникают даже на меньшую глубину, чем используемые Международной китобойной комиссией, а они считаются абсолютно безвредными, хотя подчас навсегда застревают под кожей, обволакиваясь свежим жиром.

Мы не признаем оружия, способного нанести животному настоящую рану, оттого-то нам было так трудно с мечением серых китов. У нас настолько легкие гарпуны, что киты, судя по всему, мгновенно избавляются от них.

Однако мало-помалу мы совершенствуем приемы мечения. Опыт показывает, что лучше всего держаться метрах в пятнадцати позади кита, пока он идет под водой, и ждать, когда он всплывет. И не мешает время от времени глушить мотор на несколько секунд, чтобы зверю было труднее определить, насколько приблизился «Зодиак».

Впрочем, в «охоте» на китов абсолютных правил не существует. Каждый член экспедиции привносит что-то свое. Одного отличает изобретательность, другого — быстрая реакция, третьего — физическая сила. И от каждого требуются стальные нервы.

Паразиты

Как ни морочили нам голову серые киты, все члены отряда на «Поларисе III» полюбили их; полюбил и я, когда пришел туда на «Калипсо». Да и трудно не проникнуться симпатией к таким умным животным — привлекают же нас смышленные дети, несмотря на присущую им порой строптивость.

И ведь красавцем серого кита никак не назовешь. Туловище и могучий треугольный хвост словно испещрены оспинами — это метины от паразитов.

Наличие паразитов на китах связано с миграциями. В теплых водах они обрастают ракушками, которые часто принимают за моллюсков, хотя на самом деле это усконогие ракообразные *Cirripedia*. Рачки просверливают дырочки в нежной коже китов примерно так же, как их родичи прикрепляются к камням. Но как только кит переходит в холодные воды Арктики, паразиты отстают. Да и птицы помогают китообразным

отделаться от «китовых блох». Есть и другие полукруглые метины, вероятно оставленные челюстями миног^[6].

Рассказывают, что у берегов Северной Азии некоторые серые киты применяют хитроумный способ избавляться от всяких соленоводных паразитов — они принимают душ под скалами, с которых срываются в море потоки пресной воды.

Вечные странники

Существует ошибочное убеждение, будто киты спасаются от человека в холодных водах. На самом деле миграции вызваны не поисками безопасности, а температурой воды и наличием корма. Летом в Арктике и Антарктике особенно много планктона — мельчайших рачков, которыми питаются усатые киты. А в тропических морях зимой идеальные условия для брачного ритуала и рождения нового потомства.

В Антарктике летом, когда температура воды держится около нуля, китообразные находят множество криля *Euphasia superba*, составляющего их основную пищу. Те киты, которые летом уходят в Антарктику, зимой тоже мигрируют в тропики, только им, в отличие от нагуливающих жир в Арктике, для этого надо идти на север.

«Нам теперь известно, — пишет профессор Будкер, — что есть две популяции усатых китов — одна в северном, другая в южном полушарии; известно также, что они не смешиваются».

Горбачи

Горбачей отличают не только длинные белые ласты и страсть к пению, но и особенности миграции. В январе — марте они идут в Карибское море, в районы Пуэрто-Рико, Багамских и Виргинских островов. В апреле — июне ходят у побережья штатов Южная и Северная Каролина, западнее Гольфстрима. Некоторое время проводят на мелководье вокруг Бермудских островов, где нам представилась возможность заснять горбачей и записать

их удивительные звучания. После передышки около Бермудов они мигрируют на северо-восток, в сторону Исландии и Норвегии.

Постоянство маршрутов привело к тому, что горбачи сильно пострадали от китобоев, особенно вблизи Ньюфаундленда и вдоль южного побережья Лабрадора, а также вокруг Новой Зеландии и Австралии.

К тому же охота на горбачей облегчается некоторыми особенностями их поведения. Они предпочитают прибрежные воды, плавают медленно, а когда происходит прием пищи или брачный ритуал, и вовсе не спасаются бегством от преследования. В этом мы сами убедились у Бермудских островов.

До недавнего времени горбачей немилосердно преследовали с вертолетами, сонарами, гарпунными пушками, и популяция быстро сокращалась. Шли в ход и компрессоры, ведь убитый горбач тонет, поэтому туши накачивают сжатым воздухом. Какое животное может устоять против такого напора техники?.. И если горбачи уцелют, то лишь потому, что китобойный промысел, обрекая тот или иной вид на вымирание, подписывает и себе смертный приговор.

Пятисотсильная машина

Читая рассказы о встречах с китами, рассматривая сотни снятых нами кадров, сразу видишь, какую важную роль у китообразных играет хвост. Он и оружие (некоторые аквалангисты испытали это на себе), и движитель, позволяющий животному совершать дальние странствия. Подсчитано, что хвост кита мощностью равен 500-сильной машине.

Кто встречался с китом в воде, не назовет это преувеличением. Когда аквалангиста задевает корпусом кит, впечатление такое, словно толкнул мчащийся паровоз. К тому же ход такой могучей туши рождает в воде сильные завихрения, а удары хвоста вызывают волну. В первые секунды после прохождения кита невозможно пользоваться кинокамерой, так ее качает во все стороны вместе с вами.

О различии между тем, как двигается акула и как плывет усатый кит или кашалот, хорошо сказал Делуар. Акула ракетой устремляется вперед, изгибая все свое мускулистое туловище. У кита ход ровный, ритмичный. Его хвост с горизонтальными лопастями настолько силен, что в резких движениях нет нужды; кит работает хвостом медленно, плавно, словно

поглаживая воду.

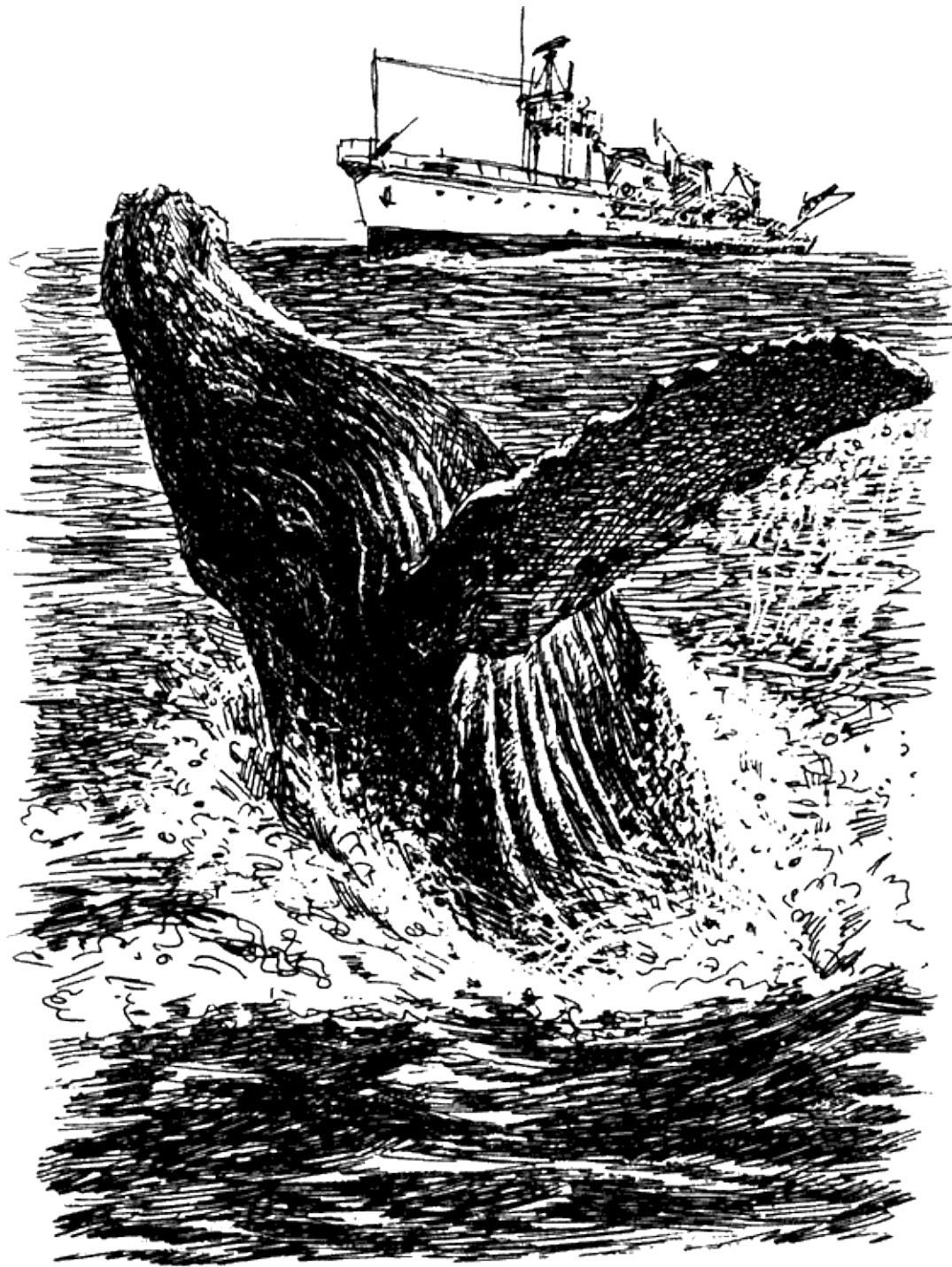
Под описание Делуара не подходит китовая акула *Rhincodon typicus*, с которой мы познакомились в Индийском океане. Хотя у нее, как и положено акулам, лопасти хвоста расположены вертикально, передвигается она так же размеренно и плавно, как кашалот. Видно, все дело в величине, ведь она самая крупная из акул и достигает в длину 12–15 метров. При таких размерах, надо думать, как бы ни был сконструирован хвост, совершать им резкие движения физически невозможно из-за сопротивления воды.

Надо самолично видеть ныряющего кашалота, чтобы оценить замечательное изящество движений его хвоста. Из всех китообразных только кашалот, прежде чем идти на дно, занимает вертикальную позу, и хвост его при этом вздымается над водой наподобие огромных развернутых крыльев...

Прыжок из воды

Хвост кита помогает ему передвигаться не только под водой, но и над водой. В моем журнале 24 января 1968 года записано:

«Под конец дня, когда слабое освещение уже не позволяло снимать, мы видели кита, который дважды полностью выскакивал из воды. Незабываемое зрелище! Как жаль, что оно длилось недолго! Да, мы должны всегда дежурить, не ослаблять внимания, сколько бы нам ни казалось, что уже нечего ждать».

В описанном случае речь шла не о кашалоте, а об усатом ките, скорее всего это был серый кит. Вероятно, все крупные китообразные ходят за кормом достаточно глубоко, при этом горизонтальные лопасти хвоста позволяют им быстро перемещаться от поверхности моря, где они запасаются воздухом, на глубину за пищей. Хвост можно сравнить и с

рулем, и со стабилизатором или лежащим плашмя кормовым веслом. Словом, идеальное приспособление для морского организма.

Скорость кита

Разные виды китов развивают неодинаковую скорость. У нас было достаточно возможностей замерить скорости китов в Индийском и Тихом океанах. Вот некоторые из наших данных.

Кашалоты и здесь являются чемпионами среди китов. Обычно они плывут со скоростью 3–4 узла, но, когда их потревожишь или рассердишь, развивают до 10–12 узлов. У Азорских островов был отмечен случай, когда загарпуненный кашалот тянул судно со скоростью 20 узлов.

Голубой кит весом 100 тонн, длиной 30 метров может 2 часа идти со скоростью 14–15 узлов; на 10 минут он способен развить ход в 20 узлов.

Финвалы достигают скорости 18 узлов. Есть сведения, что сейвалы развивают до 35 узлов, но мы ни разу не наблюдали такой скорости.

Горбачи относительно тихоходны. Обычная их скорость — 4 узла; потревоженные горбачи развивают 10 узлов и больше.

Заметим, однако, что самка с детенышем идет медленнее, чтобы не потерять своего отпрыска, и все стадо в целом приравнивает свое движение к ее ходу.

Серые киты, которых мы долго наблюдали и с «Полариса», и с «Калипсо», и с «Зодиаков», обычно плыли со скоростью 4–5 узлов. Однако мы убедились, что потревоженный серый кит может развить и 10 узлов — во всяком случае больше 7–8 узлов, которые почти все цетологи считают пределом для этого вида.

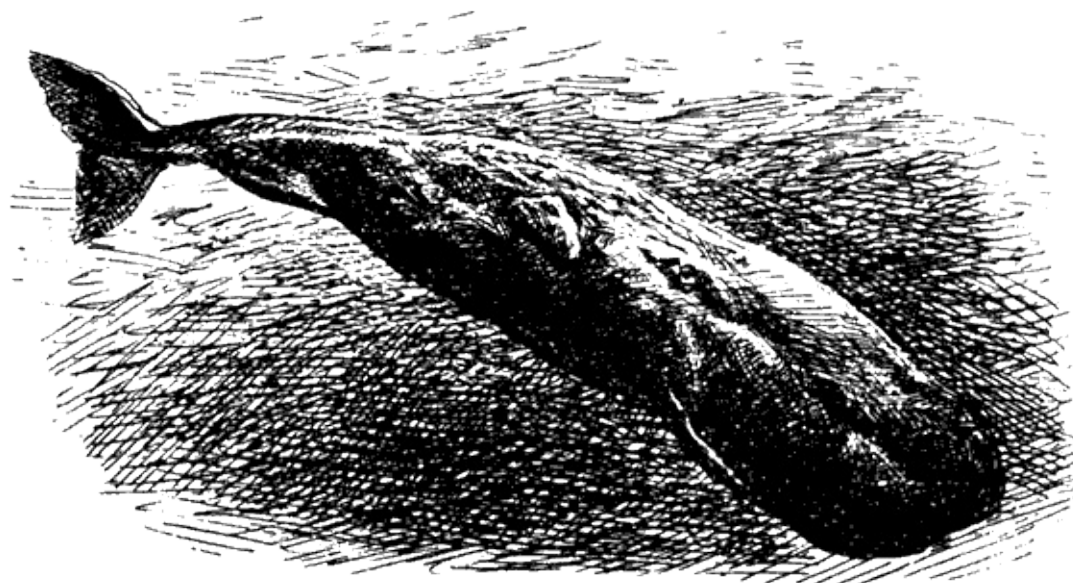
Наконец, чтобы кит мог полностью выскочить из воды (смысл этого маневра нам еще не известен), он должен, по нашим подсчетам, разогнаться до 30 узлов. Кажется, самцы прыгают чаще, чем самки, и погружение, следующее за таким прыжком, длится от 4 до 15 минут.

Несмотря на мощь своего движителя и могучую мускулатуру, киты отнюдь не самые быстроходные обитатели морей. Менее крупные китообразные — косатка, дельфин и другие — достигают куда более высоких скоростей.

Глава четвертая

Чемпион мира по задержке дыхания

Кашалот — непревзойденный ныряльщик

Кашалот — изумительный ныряльщик. В этом он, несомненно, нас превосходит. Хотя кашалот тоже теплокровный и дышит легкими, он наделен иммунитетом против физиологических нарушений, которые подстерегают человека под водой: глубинное опьянение, кессонная болезнь. Пока что этот иммунитет остается одной из тайн моря. Раскрыв ее, мы, быть может, сумеем лучше вооружить человека для подводной работы, поможем аквалангистам дольше и глубже находиться под водой.

Вот, напрягая все свои мышцы и вздымая над водой могучий хвост, кашалот приготовился к погружению — какой глубины он достигнет?

Обратимся опять к журналу, который я вел во время экспедиции «Калипсо» в Индийском океане.

Понедельник, 22 мая. За ночь нас снесло всего на 5 миль. Утром взяли курс на Шаб-Араб, но недалеко ушли. Очень скоро мы отклонились, чтобы посмотреть поближе на стаю дельфинов.

Вообще-то дело не в самих дельфинах. Просто мы уже заметили, что есть в море, так сказать, сборные пункты — точки, где скапливаются животные, и это, очевидно, обусловлено обилием пищи. Пища может быть в виде микроскопических организмов — мельчайших ракообразных, планктона, но она привлекает всех обитателей моря, даже кашалотов.

Вот и сегодня мы в 10.30 обнаруживаем группу кашалотов: они спокойно следуют куда-то по своим делам. Тотчас Делуар занимает место на гарпунерской площадке. Барский присоединяется к нему. Фалько вооружился новым ручным гарпуном, он потяжелее прежних, только вот наконечник, к сожалению, не очень прочный. Ли спустился в подводную обсерваторию, Джек и Алэн собрали все камеры, какие только удалось найти на корабле, и снимают, не жалея пленки.

Идя на сближение со стадом, мы высматриваем для себя первый объект — молодого кита, и Фалько с первой попытки поражает его гарпуном. Однако киту это не по нраву, и он освобождается от наконечника.

Объект номер два — взрослый кит. Нам удастся подойти достаточно близко, но гарпун только задевает его и отскакивает. Несомненно, беда с нашими гарпунами в том, что они чересчур безобидны.

Намечаем третью цель — это огромный кит, самый крупный в стаде. Фалько вкладывает в бросок все силы. Я стою с ним рядом и вижу, как гарпун поражает кита в левый бок. Раздается необычный звук, словно хлопок, — это кожа кита лопнула, как барабан. А на вид такая толстая и крепкая!

Я точно знаю, что наконечник не дошел до чувствительных подкожных тканей. Он застрял в жировом слое: этот слой достигает в толщину 0,5 метра, а длина наконечника — всего 40 сантиметров. Удар нашего гарпуна для кашалота что булавочный укол. Однако он останавливается, потом идет по кругу, высунув голову из воды, словно хочет понять, что его укололо.

Внезапно он решает, что надо уходить, и делает стремительный рывок. Полипропиленовый линь разматывается так быстро, что слышно свист. Все 500 метров уходят, вот уже и красный буй, прыгая на волнах, уносится вдаль, провожаемый нашими взглядами. Начало обещающее.

Делуар выходит на «Зодиак», взяв с собой кинокамеру «Тегеа», а мы следим за кашалотом с «Калипсо». Он уже успел соединиться со своими: эта группа насчитывает семь-восемь зверей. Догнав их, Делуар прыгает с камерой прямо к китам. Для нашего фильма нужны групповые кадры.

Около часа наш кашалот не спеша ходит вокруг красного буя на 500-метровом поводке. Поначалу товарищи держатся поблизости от него, затем большинство уходит, остается только один, почти такой же крупный. Да и

этот вскоре исчезает. Мы удивлены, даже разочарованы таким некомпанейским поведением.

Наши аквалангисты, уже вошедшие во вкус верховой езды на китах, вздумали теперь покататься на кашалоте. Кажется, нет ничего проще: он все так же спокойно ходит по кругу, словно цирковая лошадь на манеже. Но этот зверь только с виду смирный. Заметил приближающихся людей, одно движение могучего хвоста — и он уже в 20 метрах от них. И снова начинает кружить.

Аквалангисты повторяют попытки, но понапрасну тратят силы. Наконец сдаются, и «Зодиак» подбирает их. Чтобы оседлать этого кита, нужно устроить под водой круговую засаду из десяти человек!

По радио отдаю распоряжение, чтобы «Зодиак» прекратил преследование. Ребята только вымотались до предела, а толку чуть.

Кит ныряет

Около четырех часов дня кашалот решает изменить тактику. Он ныряет. 500 метров линия уходит под воду. А за ними и красный буй тоже.

Тут требуется небольшое пояснение. Наши буи по сути дела воздушные шары из толстого пластика. Французская газовая компания применяет эту модель, чтобы поддерживать на весу секции во время прокладки подводных газопроводов. На поверхности объем бую — 60 литров; следовательно, чтобы увлечь его под воду, нужна сила не меньше 60 килограммов. При этом буй не будет раздавлен, упругий шар сохранит свою форму и плавучесть, возвратившись на поверхность.

Итак, кит ушел на глубину около 500 метров, пробыл там минут пятнадцать, потом всплыл. И почти сразу мы увидели весело пляшущий на волнах буй.

Я тотчас послал людей на «Зодиаке», чтобы к первому бую прикрепили второй на 300-метровом лине. Дальше мы наполнили гелием аэростат и подвесили к нему алюминиевую фольгу, чтобы ночью можно было следить радаром за нашим китом.

Аэростат привязали ко второму бую на стометровом лине. И едва управились с этим делом, как кит снова нырнул. Быстро исчез под водой первый буй, потом мы с тревогой увидели, как за ним последовал второй. А там — надо же! — аэростат тоже пошел вниз. До самой воды спустился, но

затем вдруг начал подниматься. И поднимался до тех пор, пока не растаял в небесах, увлекая за собой обрывок линя.

Мы теряем нашего кита

Очевидно, кашалот погрузился на глубину более 800 метров. Но мы все еще надеемся на успех. Добавляем 300 метров линя и третий буй, надуваем второй аэростат. Как только кашалот всплывает, Бебер опять вонзает в него гарпун, и мы цепляем третий буй.

Кашалот ныряет и топит оба первых бую, но третий остается и медленно скользит вперед по поверхности.

Точно сказать, какой глубины достиг кит, невозможно, ведь он не обязательно нырял отвесно. Правда, он всплывает недалеко от того места, где скрылся под водой; выходит, он погружался почти вертикально. Скажем так: глубина погружения была больше 800, но меньше 1200 метров.

С приходом темноты следуем за китом, ориентируясь по радару, как мы это делали в ночь с 12 на 13 мая с другим кашалотом. Но ветер свежеет, и частая волна затрудняет прием отраженного сигнала. Мы теряем аэростат на экране. Срочно налаживаем дежурство на «Зодиаках» у третьего бую. Бонничи дежурит первым и сообщает мне по радио, что ветер прижал аэростат к воде. А все потому, что мы не нашли материала, чтобы сделать жесткую раму для стабилизатора. На всякий случай Бонничи отцепляет аэростат от бую и привязывает к «Зодиаку», чтобы не потерялся.

Потом Бонничи докладывает, что третий буй вдруг перестал перемещаться. То ли кит избавился от гарпуна, говорит он, то ли задремал. На всякий случай решаем продлить дежурство до утра.

Вторник, 23 мая. На рассвете выбираем лини и убеждаемся, что наш кашалот все-таки освободился от гарпуна. Один из трех зубцов, назначение которых — удерживать наконечник в жировом слое, сорван, рукоятка сломана. Стальной тросик, соединяющий с гарпуном нейлоновый линь, держится на честном слове, но еще держится; видно, наконечник выскочил оттого, что острые зубцы прорезали кожу.

Нас ничуть не удивило, что кашалот освободился. Поразительно другое: наше хлипкое оружие — нейлон и кусочки металла — так долго удерживали Левиафана!

Специалисты по китам немало обсуждали вопрос: как глубоко ныряет кашалот? В 1900 году немецкий ученый Кюкенталь назвал цифру 1000 метров.

Позже вывод Кюкенталья был подтвержден одним любопытным случаем. В 1932 году американское судно «Олл Америка», предназначенное для прокладки и ремонта подводных кабелей, работало в открытом море у берегов Канады, в Британской Колумбии. Подняв с великим трудом поврежденный кабель, команда с удивлением обнаружила, что на нем висит туша кашалота. Очевидно, кит запутался в кабеле и утонул. И что замечательно, туловище не было раздавлено водой, хотя кабель лежал на глубине свыше тысячи метров.

Профессор Будкер пишет:

«...теперь как будто доказано, что кашалоты часто заходят на глубины около тысячи метров. Можно предположить, что запутавшийся в подводном кабеле кит очутился там в поисках пищи. Достаточно представить себе кашалота, который плывет над дном, вспахивая опущенной нижней челюстью верхние слои грунта».

(Кеннет Норрис в книге «Киты и дельфины» отмечает, что в 1957 году был обнаружен еще один кашалот, запутавшийся в подводном кабеле; глубина равнялась 1300 метрам. И позднее не раз отмечены такие факты.)

Заметим, что длина гарпунного линя не позволяет точно судить, как глубоко погрузился кит, ведь надо учитывать провисание.

Достаточно надежные эксперименты проведены норвежскими учеными. Изучая горбачей, они прикрепляли к гарпунам глубиномеры, и наибольшая глубина в серии из пяти экспериментов составила 400 метров, причем кит вернулся на поверхность так стремительно, что «полчаса тащил судно на буксире и пришлось усмирять его вторым гарпуном». Профессор Пауль Будкер описывает эти опыты в книге «Киты и китобой».

Наши наблюдения подтверждают, что разные виды китов ныряют на разную глубину. Погружаться в пучину их вынуждают поиски пищи. Естественно, усатому киту нет нужды забираться так глубоко, как кашалоту. Если взять криль, который является любимым блюдом многих китообразных, то ведь он держится близко от поверхности, образуя подчас большие скопления, и обычно не уходит глубже 100 метров.

Добыча кашалота — гигантские кальмары, обитающие на глубинах от

500 до 800 метров. Его и считают чемпионом по нырянию, хотя не исключено, что бутылконос ныряет еще глубже.

Добавим, что глубина погружения в какой-то мере зависит от размеров кита: чем крупнее зверь, тем лучше он ныряет. Следовательно, самка или молодой кит уступают в этом взрослому самцу.

Девяносто минут не дыша

Сколько может кашалот пробыть под водой не дыша? Собрано много данных, и общий вывод таков: крупные самцы могут задерживать дыхание от 60 до 90 минут.

Правда, чуть ли не во всех изученных случаях речь шла о преследуемых китах, которые спасались от погони, а потому старались возможно дольше оставаться под водой. Такие погружения не назовешь нормальными.

Кашалоты, изучавшиеся калипсянами, вряд ли испытывали настоящий страх, ведь им, к счастью, не надо было, борясь за жизнь, укрываться в пучине до последнего.

Вот запись, сделанная в журнале около острова Сокотра.

14 марта. За утро нам встретилось пять-шесть групп кашалотов, причем иногда в нашем поле зрения были сразу две группы. А станешь приближаться — ныряют; при этом нам несколько раз удавалось заметить «след» кита — нечто вроде маслянистой пленки, а по-моему, это вовсе не пленка, просто вода выглядит так от движений хвоста.

Киты идут на глубине всего 5–10 метров, вообще-то они способны погружаться несравненно глубже. По 20 минут не всплывают за воздухом, хотя на поверхности им ничто не угрожает.

Нельзя сказать, чтобы поведение кита определялось строгими рамками. Когда кашалот резко перегибается и над водой взмывает его великолепный хвост, обычно это означает, что зверь уйдет на большую глубину. Но нередко мы видели, как кашалот ныряет без «группировки». Правда, в таких случаях глубина погружения чаще всего была умеренной.

Во время миграций усатые киты, как правило, глубоко не ныряют, разве что их потревожат или напугают.

Наблюдения, проведенные нами с «Калипсо» и «Полариса III»,

позволяют предположить, что серые киты задерживаются под водой гораздо меньше, чем кашалоты.

У тихоокеанского побережья Северной Америки мы собрали точные данные о длительности погружения серых китов, примерно определили и глубину. Максимальная длительность составила 8 минут 27 секунд; средняя — 2–4 минуты. Наибольшая глубина, по нашим подсчетам, равнялась 170 метрам. Собирал эти данные Бернар Местр, причем он работал чрезвычайно добросовестно.

Горбачи, по-видимому, лучшие ныряльщики, чем серые киты. По нашим данным, они задерживаются под водой от 10 до 15 минут. Похоже, только финвал может оставаться под водой дольше кашалота; мы судим по экземпляру, которого метили в Индийском океане.

Еще больше, чем глубина и длительность погружений кита, меня поражает то, что каким-то непостижимым образом он знает, что происходит на поверхности, и действует соответственно. Яркий пример — все тот же финвал, за которым мы безуспешно гонялись около Маэ. Идя под водой, он каждый раз точно знал, где находится «Калипсо», где «Зодиак», а где катера, даже если моторы были выключены.

Миоглобин

У разных млекопитающих неодинакова способность задерживать дыхание. Кошки, собаки, кролики могут не дышать 3–4 минуты, мускусные крысы — 12, тюлени и бобры — 15 минут.

Словом, наземные млекопитающие, как и морские, тоже умеют задерживать дыхание, просто у них эта способность меньше развита. Да и то бобры могут не дышать дольше, чем серые киты.

Чем же объясняется неоспоримое превосходство кашалота в этом смысле?

Казалось бы, ответ напрашивается сам собой: легкими. Но это не так. Легкие кашалота вполне соответствуют его габаритам. Другое дело, что кашалот гораздо энергичнее, чем другие млекопитающие, вентилирует легкие. Всплыв, он обновляет 80–90 процентов воздуха в грудной клетке; человек при вдохе-выдохе — 20 процентов.

Далее, у кашалота очень мала частота дыхания — шесть вдохов в минуту. И еще ниже эта цифра для усатых китов — один вдох в минуту.

Крупных китообразных отличает темная, почти черная окраска кожи. Мы считали такую окраску у морских млекопитающих приметой хорошего ныряльщика. Дело в том, что она вызвана наличием миоглобина в системе, связывающей кислород в мышечных тканях. И тут мы подходим к наиболее вероятному объяснению, почему именно кит может так долго задерживать дыхание.

По данным профессора Грассе, 34 процента кислорода, расходуемого ныряющим человеком, поступает из легких, 41 процент — из крови, 13 процентов — из мышечной ткани, 12 — из других тканей. У кита иное соотношение: 9 процентов — из легких, 41 процент — из крови, 41 процент — из мышечной ткани, 9 процентов — из других тканей.

Остается еще выяснить, почему китообразные, хотя они, как и мы, дышат легкими, не подвержены недугам, которыми грозит аквалангисту азот в его органах. Похоже, этот иммунитет, вызывающий у нас такую зависть и много лет не дающий мне покоя, обусловлен рядом физиологических особенностей.

Первая из них — необычная кровеносная система кита. Такая организация наблюдается также у некоторых ластоногих и у морских выдр; весьма выразительно ее научное название — *reta mirabilia*, или чудесная сеть. Речь идет о сложных системах артериальных и венозных сосудов; они тянутся по разные стороны позвоночника к хвосту.

Суть чудесной сети в том, что она обеспечивает кровью мозг и сердце во время погружения. Возможно, она к тому же регулирует температуру тела.

Кроме того, способность кита к нырянию связывают с сильным развитием венозных синусов. Считают, далее, что мощный жировой слой китообразных участвует в поглощении азота во время дыхательной паузы. (Возможно, ту же функцию выполняет маслянистая слизь в легких кита; она же, очевидно, участвует в образовании фонтана.)

И еще одна особенность: у китообразных сердцебиение такое же редкое, как у водных рептилий — морских змей, галапагосских игуан, которые тоже подолгу могут задерживать дыхание.

Ни одно из этих объяснений нельзя считать проверенным, все они гипотетические. Нам недостает надежных экспериментальных данных. И можно ли их получить, когда речь идет о таких исполинах?

После рекогносцировки в бухтах полуострова Калифорния, где Филипп искал серых китов, он вернулся на самолете в Сан-Диего, потом вместе с Тедом Уокером и Уолли Грином совершил полет над заливом Кортеса.

Следуя вдоль Мексиканского побережья, они пролетели над Китовым проливом, отделяющим от материка остров Анхель-де-ла-Гуарда, и увидели с воздуха стадо финвалов, которые явно не были случайными гостями в проливе.

Филипп, Тед и Уолли сразу приземлились по соседству с рыбацкой деревушкой и арендовали лодку. Вот рассказ Филиппа об этом случае:

«День выдался прекрасный, и мы не мешкая отправились на поиски китов. Окружающие виды сами по себе заслуживали нашего внимания. Вдоль берега выстроились высокие красноватые скалы, величественные с виду, но совершенно голые — ни дерева, ни травинки. Суцая пустыня, только не песчаная, а каменная. Пятидесятиметровые утесы отвесно обрывались в море.

Море было как озеро, и наша моторная лодка шла почти бесшумно — американцы умеют делать моторы. Мы без труда отыскали стадо. Приблизившись, заглушили мотор, и воцарилась почти мертвая тишина. И тут метрах в трех перед нами над водой вырос высоченный фонтан финвала. Казалось, этот гейзер всю вселенную заполнит. Я уверен, что это был финвал, ведь в заливе Кортеса нет серых китов.

Вдруг Тед закричал что-то, показывая рукой, и мы увидели, что нас взяли в коробочку финвалы, по одному с каждой стороны. Мы пустили мотор и не спеша пошли вперед. Китовый эскорт сопровождал нас, держась метрах в пяти — семи от лодки. Время от времени киты медленно погружались, потом снова всплывали. Продолжая движение, мы заметили, что вода впереди пузырится, словно газированная. Это стая рыбешек то уходила вглубь, то снова поднималась к поверхности и выпускала воздух из плавательных пузырей.

И я понял, что происходит. Финвалы воспользовались появлением нашей лодки с ее рокочущим мотором, чтобы устроить облаву на рыбешек. Впервые наблюдал я разум кита в действии. И ведь как быстро они разработали свой план! Через 20 минут после нашего появления финвалы подошли и расположились по бокам лодки.

Вода была мутная, снимать нельзя, но я не очень сожалел об этом. Вряд ли под водой нашлось бы что-либо подобное той картине, которую мы наблюдали с лодки. Это было нечто поразительное: кругом навешанная

пустыней тишина, и в этой тишине рядом с лодкой плыли со скоростью идущего человека киты. Великан, что шел правее нас, был раза в три больше нашей лодки. Тед определил его длину в 25–26 метров. Слева плыл кит поменьше.

Я впервые в жизни так близко соприкоснулся с китом. Конечно, я еще ребенком видел китов с палубы „Калипсо“. Но в этот день я слышал дыхание кита, и до зверя было рукой подать — совсем не то, что прежде. Особенно поразил меня шум выдоха. Словно мы очутились в пещере, под сводами которой отдавались таинственные звуки.

В целом это был один из самых памятных дней в моей жизни. И я понял, почему о китах рассказывают столько легенд, понял, как эти легенды рождаются.

До той поры я очень мало знал о китах. Слышал более или менее романтические истории, видел картинки, читал книги. Но видеть живого кита, *слышать* его — с этим никакое воображение не сравнится. А как подумаешь, какой могучий организм издает эти величественные звуки!..

И особенно сильным впечатлением было, когда я вдыхал выдох кита. Его фонтан окутал нас влажным облаком, покрыл росой мое лицо, руки, лодку. Как ни странно, в запахе фонтана не было ничего неприятного. Он слегка отдавал мускусом — запах властного исполина, все подавляющего своим авторитетом».

Дурной запах?

Многие утверждают, будто фонтан китообразных пахнет неприятно. Но наши аквалангисты, хотя часто попадали под фонтан, никогда не жаловались на запах. Конечно, при встрече с китами голова подводника обычно занята другим, он не принюхивается, пахнет ли у зверя из пасти. Но ведь акваланги и гидрокостюмы после такого душа тоже ничем особенным не пахли.

Возможно, выдох кашалота менее приятен для человеческого обоняния, поскольку его диета сильно отличается от диеты усатого кита.

Что до серых китов и финвалов, то Филипп, хотя его буквально окатывало с ног до головы, решительно отрицает, чтобы у выдоха был неприятный запах. Он напоминает, что версия о дурном запахе принадлежит китобоям, но ведь китобои имеют дело с животными, которые

ранены или утомлены долгим преследованием.

Астматический кит

— Фонтан! — кричат обычно промысловики, заметив кита.

Когда кит всплывает после погружения, над водой раньше всего появляются дыхала. Из них (или из него, если дыхало одно) вырывается фонтан — отчетливо видимый на фоне моря белый столб увлажненного воздуха, напоминающий гейзер. Природа тут оказала киту плохую услугу, ведь фонтан позволяет издали обнаружить его. Шум воздушной струи слышно за 250 метров. Именно этот звук и произвел вблизи такое сильное впечатление на Филиппа.

Когда наши люди работали на «Кэлью» с горбачами около Бермудских островов, им представилось много случаев записать шум выдоха. Наш звукооператор Эжен Лагорио отметил, что можно различать на слух фонтаны разных китов.

Однажды, когда условия особенно благоприятствовали таким наблюдениям, кинооператоры сняли за день много отличных кадров, и под вечер «Кэлью», застопорив машину, бросил якорь. Семь-восемь китов как ни в чем не бывало ходили около судна, ничуть не обеспокоенные вторжением посторонних в их воды. Не смутило их и появление аквалангистов. Глубина здесь была небольшая; киты, судя по всему, паслись в свое удовольствие. Подолгу держались на поверхности, потом нырнут — и снова всплывают около «Кэлью». И Лагорио воспользовался случаем записать выдох каждого кита в отдельности. Один кит дышал как-то особенно громко, хрипло. Лагорио послушал и с самым серьезным видом объявил:

— Явный астматик...

Фонтан в 15 метров

Китообразные могут нырнуть лишь после того, как сделают на поверхности несколько выдохов-вдохов; число их различно у разных видов.

Доктор Будкер пишет, что «голубому киту достаточно трех-четырех вдохов, финвалу — пяти-шести, сейвалу нужно десять — пятнадцать. Кашалот задерживается на поверхности 10–11 минут и делает 60–70 вдохов-выдохов, частота дыхания у него гораздо выше, чем у усатых китов».

Струя воздуха из дыхал вырывается под сильным напором и порой поднимается на 15–16 метров. Чем глубже и длительнее было погружение, тем мощнее выдох. Специалисты сформулировали такое правило: после 60-минутного погружения 20-метровый кашалот весом 60 тонн сделает 60 вдохов-выдохов. (Об этом говорит, в частности, Кеннет Норрис в книге «Киты и дельфины».)

Опытный китобой определит по фонтану не только вид, но и возраст и размеры кита. У финвала, например, два дыхала, фонтаны вырываются из обоих, но они сливаются в одну струю. А вот у гренландского кита отчетливо различаются две струи, направленные вперед. Фонтан горбача — прямая струя, расширяющаяся вверху.

Еще одна загадка

Вопреки широко распространенному мнению фонтан кита — не струя воды. Профессор Будкер подчеркивает:

«Для кита анатомически невозможно извергать воду через дыхало, ведь у морских млекопитающих дыхательный и пищеварительный тракты не сообщаются. Дыхание и пищеварение обособлены друг от друга; проглоченная вода никак не может выйти через дыхало».

Почему же струя выдыхаемого воздуха напоминает белый столб? Скорее всего, при выдохе воздух, сжатый в грудной клетке кита во время погружения, расширяется, его температура понижается, и происходит конденсация водяных паров.

У менее крупных китообразных — дельфинов и косаток — фонтан невидим.

Злоключения кардиолога

Как дыхательная пауза связана с частотой сердцебиений кита, так и фонтан, похоже, связан с этой частотой. Друг Теда Уокера, известный американский кардиолог Поль Дадли Уайт, ухитрился получить электрокардиограмму кита. До этого он записал кардиограмму слона (30 сердцебиений в минуту) и птицы (1000 сокращений в минуту). Очевидно, чем крупнее животное, тем реже бьется сердце.

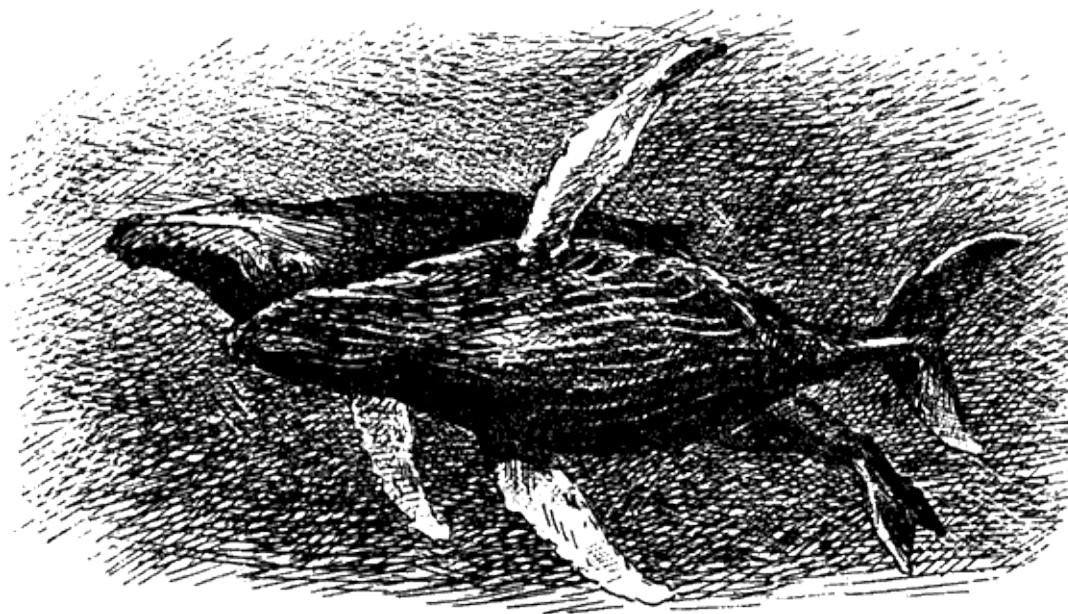
Тед Уокер рассказал нам, что доктор Уайт выбрал для эксперимента серых китов как наиболее смирных. Он сам организовал экспедицию и арендовал судно. Однако члены экспедиции, незнакомые с нравом серых китов, попытались укрепить электроды на самке, которая сопровождала детеныша. Китовые мамы вообще раздражительны, и эта самка весьма бурно реагировала на дерзкие действия людей. Она атаковала лодку, сломала руль, погнула винт и пробила дыру в корпусе. В ожидании помощи команда еле успевала откачивать воду.

В конце концов доктор Уайт нашел в заливе Скаммон более покладистый 30-тонный экземпляр, благополучно укрепил на нем свои электроды и насчитал 27 сокращений сердца в минуту. Несомненно, тут сказалось то, что кит застрял на мели, ведь нормальная частота сердцебиений у серого кита — девять в минуту.

Глава пятая

Разговаривают, поют и слушают

Да, некоторые китообразные «разговаривают», и это совсем не ново. Об этом знал и писал Аристотель. Однако его свидетельства игнорировали, от них отмахивались, как от легенды, до тех самых дней, когда союзники в годы Второй мировой войны начали применять подводные микрофоны, чтобы выслеживать вражеские субмарины. У берегов Америки новый прибор сразу же уловил скрипы, щелчки, мяуканье; так были открыты голоса мира безмолвия: звучания ракообразных, стоны рыб, свист и кряканье дельфинов, крики кашалотов, трели усатых китов.

Конечно, не все звучания китообразных можно отнести к их «речи». Некоторые из них служат для ориентации и исследования среды.

Словом, человек — не первое млекопитающее, ориентирующееся в подводном царстве с помощью звука и ультразвука. Природа снабдила китообразных естественным сонаром.

Локаторы морских млекопитающих, позволяющие им обходить препятствия, отыскивать пищу и обнаруживать врагов, куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Сейчас принято различать две функции звукового аппарата китообразных. Так, низкие частоты, похожие, применяются кашалотом, чтобы на большой глубине выслеживать

кальмаров, а дельфинами — чтобы издали распознавать добычу или препятствия. Высокие же частоты, судя по всему, применяются для общения особей одного вида.

Новый мир звуков

Столь важное для наземных млекопитающих зрение не играет ведущей роли у китообразных. Для них всего важнее слух. Усатые киты и кашалоты живут и действуют в мире звуков. Лишенные голосовых связок, они тем не менее разговаривают, поют, слушают. Отраженные звуковые сигналы рассказывают им об окружающем.

Кашалоты, общаясь между собой, «хрюкают», а ритмичные скрипы достаточно высокой частоты служат для исследования среды. Кашалоты слышат и определяют местонахождение друг друга на расстоянии трех миль с лишним.

Вот почему иногда можно встретить детеныша довольно далеко от родителей: они все время отлично знают, где он находится. И детеныш знает, где мама и папа.

Локатор кита нельзя назвать ни автоматическим, ни пассивным. Как мне кажется, приемопередатчик китов работает направленно, и, когда они исследуют окружение, им, по-видимому, приходится вращаться наподобие радарной антенны. Не этим ли объясняется то, что «Калипсо» удавалось, не спугнув кита, подобраться к нему сзади?

Когда же кит хочет выяснить, что происходит вокруг него, он становится вертикально и высовывает голову над водой. Это вовсе не для того, чтобы рассмотреть «Калипсо», как мы когда-то думали. Угол излучения звуковых сигналов (наверно, и приема тоже) составляет 90 градусов к цилиндрическому туловищу кита; очевидно, есть особое «ухо», обращенное ко дну.

Идя у поверхности, кашалот все время прощупывает глубины своим сонаром. И если пощелкивания выявляют крупного кальмара на глубине 600, 800 или 1000 метров, кит ныряет отвесно и атакует добычу. Мне кажется, гипотеза вертикальной локации убедительно объясняет вертикальные погружения кашалотов и гринд.

Судя по всему, очень сильно раздражает китов рокот подвесных моторов. Вероятно, все дело в частоте звука. И похоже, что это ею

объясняется успех нашей тактики «виразу».

Представим себе, что звуковое кольцо создает помехи приему — и вот кит, сбитый с толку, замирает на месте. И нырнуть не может, потому что сонар не работает. (Вряд ли верно ожидать от кашалота, чтобы он нырял «рефлекторно», ведь этот кит достаточно высоко развит, он располагает альтернативами поведения.)

Не разобравшись как следует, насколько эффективен звуковой аппарат кашалотов, мы поторопились обвинить их в недостаточной лояльности к своим товарищам. И конечно, ошиблись. Когда попадает в беду кашалот, вожак приказывает стаду уходить. Но стадо держится в пределах звукового контакта, а эти пределы составляют не одну милю. Если отставший кит долго не присоединяется к товарищам, одного-двух членов стада отправляют проверить, в чем дело. К детенышу идет мать, к взрослому — другой взрослый.

Не раз мы видели, как стадо исчезало в миле к востоку от плененного нами кита, а минут через тридцать — сорок появлялось уже в миле к западу от него. Обычно киту нужно меньше 20 минут, чтобы пройти этот путь. Очевидно, стадо оставалось в радиусе действия сонара, поддерживая связь со своим товарищем и зовя его.

Бермуды

Филипп два месяца наблюдал самых голосистых и разговорчивых китов и записывал их звучания. Речь идет о горбачах.

Для этой работы мы выбрали Бермудские острова. Здесь горбачи регулярно останавливаются весной по пути в Арктику, на летние планктонные пастбища. Правда, погода в тот год выдалась хуже некуда и работать было тяжело.

Мы арендовали старый парусник «Кэлью», на большее у нас не было денег. Балласт убрали, чтобы судно могло ходить по мелководью, зато его так сильно качало, что больше двух дней кряду никто не выдерживал.

Правда, в первый день настроение на борту было приподнятое. Пока шли заливом, все было гладко, но в открытом море «Кэлью» встретила волна высотой 2–3 метра, и сразу чуть ли не всех одолела морская болезнь. Разумеется, в эту самую минуту кругом замелькали киты, и, как ни скверно чувствовали себя члены экспедиции, они стали готовиться к работе под

водой. Увы, как только «Кэлью» вышел на хорошую позицию, сломался руль. Хорошо еще, что можно было регулировать курс, идя тихим ходом на одной машине, иначе судно непременно врезалось бы в какой-нибудь коралловый риф и пошло бы ко дну.

Под руководством капитана Филиппа Сиро Бернар Делемотт и Филипп поочередно работали в воде, пытаясь исправить привод руля. В конце концов «Кэлью» кое-как доковылял до порта.

Через несколько дней, когда руль исправили, Филипп и его товарищи снова вышли в море. Около плоского рифа им встретилась группа из семи китов. Звери затеяли игру вокруг судна, терлись друг о друга и издавали отчетливо слышимые модулированные звуки.

Филипп стоял наготове в гидрокостюме и тотчас нырнул в гущу стада. Вода была мутная, и он видел только, как мимо него проносятся большие машущие «крылья». Белые ласты горбача по длине равны трети его туши (она черная) и впрямь похожи на крылья. Или на призраков в белых одеяниях.

Концерт

В конце концов погода наладилась, море притихло, и появилась возможность записать «песни» китов. Решили делать это ночью, потому что после заката горбачи куда речистее, чем при дневном свете. Возможно, ночью «передатчик» кита работает лучше, позволяя животным переговариваться друг с другом на большом расстоянии.

Отряд облюбовал подходящий подводный каньон, здесь на глубину 20–25 метров опустили микрофоны.

Нашему звукооператору Эжену Лагорио удалось записать настоящие концерты. Он считает, что около сотни китов собирались вместе и «разговаривали».

С вечера шла «настройка инструментов», раздавались отдельные несмелые звучания. Но вот начинает петь один кит, к нему присоединяется второй, третий... Со всех сторон пронизывают воду скрипучие, мяукающие, воющие звучания; кто-то из исполнителей поближе, кто-то подальше. В каньоне каждый звук отдавался два-три раза с интервалом в 5–6 секунд. Ни дать ни взять собор, и верующие поют псалмы, каждый по куплету...

Записи Лагорио не оставляют сомнения в том, что киты общаются между собой. Вот издал серию звуков кит, который ближе всех находится к «Кэлью», а вот отзываются издали другие. И звучания чередуются, как положено при разговоре, только разговор таинственный, непередаваемый.

Тысячи звучаний

Звуки горбачей отличны от звуков любого другого животного. Спектр частот намного шире, а набор сигналов разнообразнее, чем даже у птиц.

Мы отчетливо различали до тысячи звучаний, доступных человеческому слуху. Тембр, сила звука, частоты создавали бесконечное разнообразие. Тут и трели, и скрипы, что-то вроде мышиноного писка, мычание, олений рев. Иногда мычания накладывались друг на друга, но каждый сигнал явно был кому-то адресован. Странные, чужеродные звуки, словно шифрованный обмен на секретной радиоволне...

Лагорио, многолетний сотрудник нашей группы, работал с упоением. Сидит во мраке, вращает рукоятки и щелкает тумблерами — прямо волшебник, который устроил переключку морских чудовищ, и они отвечают ему стонами, вздохами, звоном цепей. Увлекательнейшая задача для звукооператора: передний край науки — и ассоциации с древними мифами.

В особенно тихие ночи пение горбачей сливалось, говоря словами Лагорио, в «хоровые ансамбли». В самом деле, микрофон улавливал поистине полифонические звучания поблизости от судна. Басами в этом ансамбле были звуки, напоминающие скрип ржавых петель.

Кое-кто на «Кэлью» считал, что киты издают звуки просто так, ради удовольствия. Но ведь даже птицы не поют просто так.

В отдельных случаях мы как будто можем приблизительно истолковать смысл звучаний. Однажды ночью, когда киты были особенно разговорчивы, несколько горбачей всплыли около лодки Лагорио и принялись его рассматривать. Эжен сидел с наушниками, его окружали провода, приборы, лампочки и прочие атрибуты звукозаписи, и это зрелище явно заинтересовало китов. Подойдя совсем близко, они начали попискивать по-мышиному. Лагорио убежден, что они говорили о нем. Причем одни только лестные слова.

— Каким-то образом я чувствовал, — рассказывает он, — что они обсуждали существо, которое сидело в лодке. Возможно, речь шла о том,

надо ли меня опасаться, не лучше ли уйти...

Разговоры

Лагорио очень гордится тем, что горбачи решили остаться. Очевидно, признали в нем друга.

Понимая, как нелепо применять человеческую мерку при оценке действий и звучаний представителей других видов, все же трудно совсем отвлечься от непосредственных впечатлений. Когда слушаешь ночной «разговор» китов, не сомневаешься в их способности общаться между собой, в том, что они не просто издают бессмысленные звуки, а обмениваются мыслями и мнениями.

Возможно, я и мои друзья провели слишком много времени в обществе китов; может быть, мы стали жертвами иллюзии. Но как иначе объяснить чередование «реплик» и все это разнообразие модуляций? И уж во всяком случае нельзя отрицать, что идет обмен сигналами и киты подтверждают друг другу прием, один кит что-то «говорит», а другой отвечает.

Самое сильное впечатление производят коллективные звучания вроде записанных Лагорио «хоровых ансамблей». Иногда звучит рокот, иногда неровное жужжание, будто группа школьников вслух твердит урок.

Можно ли определить смысл того или иного звука? Можем ли мы утверждать, что такой-то звук выражает удивление? Это зависит от точки зрения. «Удивленные возгласы», которые слышал Лагорио, отмечались и в других случаях. И нельзя отрицать, что горбачи, обнаружив «Кэлью» или «Зодиак», издавали звуки, которые вполне могли выражать любопытство. Они не уходили, а медленно плавали вокруг судна, тихо попискивая. Их интерес к нам был очевиден, и, возможно, попискивание выражало этот интерес.

Похоже, у китов в отличие от птиц (например, ворон) нет сигнала тревоги. Во всяком случае, мы ни разу не видели, чтобы китовое стадо уходило после определенного сигнала.

Ревущий самец?

В одну из ночей Филипп и Лагорио с 23.00 до полуночи получили уникальные записи. Уникальные, потому что очень четко были записаны звучания стада китов, которые не спеша проплывали мимо стоящего на якоре «Кэлью», «переговариваясь» между собой. Время от времени мощный рев перекрывал все остальные звуки. Мы не можем уверенно говорить, что это ревел самец, но такое объяснение выглядит наиболее вероятным. В другом случае один кит издал рев вблизи судна, а издалека ему отозвался другой. Что это было — брачный зов? Вызов на поединок? наших знаний недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос.

Впрочем, если говорить о горбачах, то сроки нашей работы на Бермудах не совпадали с их брачным сезоном. Он у них приходится на конец зимы и на весну; в это время они собираются у Багамских и Антильских островов. Бермуды всего лишь пункт захода на пути горбачей к северу — здесь они отдыхают и подкармливаются. Вот почему услышанный нами рев вряд ли был зовом самца, обращенным к самке.

Бермудские воды изобилуют кормом, который любят горбачи; естественно, они потому и останавливаются здесь. Мы отчетливо слышали в наушниках скрип ракообразных, составляющих пищу китов, иногда он даже заглушал звучания горбачей.

Надо сказать, звукозапись проходила далеко не гладко. Подводный микрофон обеспечивает надежный результат только при полном штиле. Малейшее волнение — и плеск волн записывается на пленке, давая сильные помехи. А погода в районе Бермудских островов портится довольно часто.

Понятно, когда море было беспокойно, «Зодиак» Лагорио качало. И разумеется, вместе с «Зодиак» качались подвешенные к нему микрофоны. В итоге — помехи на ленте. Чего только ни придумывал наш хитроумный Лагорио, чтобы нейтрализовать волнение. Он испытал буи, поплавки, пружины; наиболее удачной оказалась конструкция из труб и пружин, напоминающая изделия сюрреалистов.

Больше всего наших ребят огорчило, что не пришлось записать обмен звучаниями между самкой и детенышем. Им никак не удавалось подойти достаточно близко, мамы не стояли на месте. Можно было применить к детенышу технику «виразу», но тогда рокот мотора заглушил бы звуки китов.

Все записанные в этом районе звучания горбачей укладываются в диапазон частот, доступных человеческому слуху. Самые высокие частоты — 8–9 тысяч колебаний в секунду. Аппаратура Лагорио была рассчитана на

частоты до 35 килгерц, но магнитофонная лента не запечатлела никаких ультразвуков.

Серые киты

В бухтах Калифорнии вода была настолько мутной, что у входа в них мы с трудом различали китов. Зато мы их отлично слышали.

И здесь звукозаписью занимался Эжен Лагорио. Облюбует какое-нибудь место, опускает микрофоны с катера в воду и ждет, надев наушники. Он слышал китов, когда они приближались к катеру, видел рябь на поверхности, но рассмотреть, чем именно заняты звери, было невозможно. Из-за плохой видимости ему иногда чудилось, что киты уже идут на таран. Но тут частота звуков заметно повышалась: это животные, обнаружив лодку, своими локаторами уточняли ее местоположение и форму. В наушниках отдавалось этакое «та-та-та-та»... Заканчивалась эта серия сигналов сплошной трелью «тррррр».

Усиливая интенсивность звучаний, киты получали точную информацию о препятствии на своем пути и, оставаясь невидимыми для Лагорио, сворачивали в сторону. И Эжен слышал, как ритм звучаний становился нормальным.

Лагорио старался выходить со своим отрядом с утра пораньше до рассвета, так как мы установили, что часто именно в эти часы серые киты входят в бухту. (Ночью они выходили в открытое море.)

Но и тут были свои проблемы с записью. Течение относило микрофоны в одну сторону, ветер отгонял катер в другую. А мелкие волны, ударяясь о корпус лодки, своим плеском забивали звуки китов.

Несмотря на все препятствия, Лагорио однажды удалось записать обмен звучаниями между самкой и детенышем. Их голоса отчетливо различаются: щелчки мамы намного громче сигналов малыша. При этом Лагорио видел, как в воде возле катера скользили два темных силуэта.

Кроме этих сигналов серые киты, подобно горбачам на Бермудах, тоже издавали мышинный писк. Но в целом они далеко не так разговорчивы, как горбачи, да и сила звука у них намного меньше.

Минута молчания

Стоит привести здесь одно наблюдение, сделанное Филиппом.

— В бухте Матансита, — рассказывает он, — мы спускали на воду «Зодиак» и включали подводный микрофон. Прислушаешься — и начинаешь различать множество самых разнообразных звуков. Тут и киты со всех сторон; их не видно, зато локаторы работают особенно интенсивно из-за мутной воды.

Погрузимся с аквалангами — киты издали нас распознают и проходят прямо под нами. Правда, при такой видимости их не рассмотришь, и они тут же исчезают в полумраке.

Но вот что самое удивительное: стоило им нас засечь, тотчас все китовые звучания в бухте прекращались. В наушниках слышно только звуки со дна, их производили главным образом ракообразные. Как будто кто-то из китов вдруг подал команду: «Тишина!» Притом весьма эффективную команду, потому что внезапно воцарялась полная тишина. Это подтверждают наши записи. Слушаешь — и вдруг по всем каналам обрываются китовые звучания.

Дальние переговоры

Можно встретить утверждения, будто крик горбача в Северном Ледовитом океане может быть услышан его сородичем у экватора. Проверить это, разумеется, никому еще не удалось, однако нет сомнения, что радиус действия китового сонара поразительно велик.

В самом деле, какое расстояние проходят звуки китов? Дальность зависит прежде всего от вида, возможно, и от других факторов: миграций, брачного сезона и так далее. Кое-какие данные могут служить предварительным ответом на этот вопрос.

Так, нам известно, что средняя скорость серого кита 5–6 узлов. Добавим теперь, что мы слышим серых китов за час до того, как видим их, и звучания доходят до нас еще час спустя после встречи. А ведь крики серых китов в громкости сильно уступают крикам горбачей.

Видный американский специалист доктор Пэйн считает, что горбачи

пользуются звуковыми коридорами (их называют еще глубоководными звуковыми каналами), чтобы общаться на большом расстоянии. Кстати, вода проводит звук лучше, чем воздух, поэтому она служит отличным проводником для сигналов кита. Похоже, горбачи умеют выбирать районы и глубины, особенно благоприятствующие распространению звука. Не исключено также, что во время миграции группы китов ретранслируют определенные сигналы.

Еще одна загадка

Какой орган служит киту для генерации звуков? Как именно издается звук? Точного ответа на эти вопросы нет, изучение проблемы еще продолжается. Одна из трудностей заключается в том, что некоторые киты при всей их разговорчивости лишены голосовых связок. Однако у них есть гортань, дыхательный тракт и дыхало, и все они могут генерировать звуки. Как бы то ни было, речь идет о чрезвычайно сложных органах и системах, которые мы только-только начинаем постигать.

Проблема изучалась на дельфинах в неволе; при этом исследователи смогли выделить два основных вида звучаний — щелчки и свисты. Щелчки издаются как при открытом, так и при закрытом дыхале, но частота в каждом случае другая. Звуки высокой частоты, судя по всему, могут генерироваться только при закрытом дыхале. Уже это наводит на мысль, что у китообразных в генерации звуков участвует несколько анатомических факторов и дыхало только один из них.

Понятно, мы не могли рассчитывать, что разгадаем загадку, наблюдая кашалотов и усатых китов в открытом море. И все же не могу забыть восторг Филиппа, когда он во время одного погружения увидел струящуюся из дыхала горбача цепочку модулированных пузырьков воздуха. Кит явно что-то говорил. Возможно, он обращался к Филиппу, но это был разговор глухих.

Незримое ухо

Видимого наружного уха у китообразных нет, зато в отличие от рыб у них есть и среднее и внутреннее ухо. А у рыб — только внутреннее ухо, поэтому они не могут лоцировать источник звука, да и наружное ухо (слуховой проход) есть у китообразных, но мы его не видим, потому что оно скрыто в коже.

По устройству среднего и внутреннего уха видно, что у кита острый слух. Среднее ухо частично окружено белково-воздушной пеной; во внутреннем ухе найдены особенно развитые чувствительные клетки вроде тех, которые есть у животных, воспринимающих ультразвук (летучие мыши, мыши, кошки).

Еще одна важная особенность китообразных — необычайно мощный слуховой нерв. В человеческом мозгу зрительные и слуховые центры равны по величине. У китообразных (и летучих мышей) акустические центры больше зрительных. И киты, и летучие мыши на какой-то ступени своей эволюции сменили наземную среду: летучие мыши — на воздушную, китообразные — на водную, причем первые ведут ночной образ жизни, а у вторых видимость и днем ограничена.

Китообразные и речь

Мы знаем, что общество и речь связаны между собой. Знаем также, что киты — общественные животные и обмениваются сигналами. Наша мечта — не просто слушать, но и понимать беседу этих общественных животных.

На суше голос человека воздействует на других животных: предупреждает, успокаивает, иногда повелевает. Может ли он влиять на китообразных? Когда-нибудь мы это узнаем. Человек уже пробовал — мы сами пробовали! — наладить речевое общение с этими животными. Но это были робкие, неуклюжие попытки. Во всяком случае, китообразные не бросаются наутек, когда мы к ним обращаемся. Они остаются на месте, и мы вправе даже сказать, что иногда они как будто готовы сотрудничать. Об этом говорит весь опыт работы человека с дельфинами и косатками в неволе.

Накоплены целые мили магнитоленты с звучаниями китообразных. Вряд ли мы скоро научимся понимать их язык, но уже можно приступать к его изучению.

Когда дело дойдет до общения человека и кита, оно скорее всего будет звуковым, голосовым. Но для взаимопонимания мало только производить звуки. Доктор Лилли тщетно пытался обучить дельфинов английскому языку. Дельфины говорят только на дельфиньем языке, и не им, а человеку придется осваивать новый язык. Мы не видим никаких причин, которые могли бы помешать человеку изучить речь дельфина.

Близорукие киты

Усатые киты и кашалоты ориентируются с помощью своих сонаров, так что слух для них самый важный орган чувств. Но и зрение играет немалую роль. У большинства китообразных синие, слегка мутноватые глаза. И любой из наших аквалангистов скажет вам, что глаза эти полны жизни. Они даже красивы вблизи — переливающиеся хрусталем синие сферы. Вообще же глаза маленькие и производят впечатление близоруких, во всяком случае у кашалотов и усатых китов. Косатки явно обладают превосходным зрением.

Если мерить масштабами всего тела, то глаз у кита поразительно мал. Как будто кит в целом рос, а глаз перестал расти. У человека глаза составляют одну семидесятую всей массы, у крота, чье слабое зрение вошло в поговорку, — одну восьмидесятую. А у кита на глаза приходится лишь одна шестисотая всей массы. И вероятно, этого вполне достаточно, ведь глаза кита всегда погружены в воду, даже когда он всплывает на поверхность.

Некоторые аквалангисты утверждают, что киты, особенно горбачи, заботятся о том, чтобы не задеть человека в воде. Трудно сказать, помогает ли им в этом зрение. Взять того же горбача — он, чтобы не столкнуться с человеком в воде, поднимает ласты. Вероятно, о препятствии ему сигнализирует сонар, а не зрение, ведь глаза расположены по бокам головы, о фронтальной стереоскопии как будто говорить не приходится.

Из этого отнюдь не следует, что глаза кита вовсе бесполезны. Пусть его зрение отлично от нашего, пусть оно слабее нашего, но кит все же не слеп. Мы фотографировали кита вблизи — его глаза никак не назовешь незрячими.

— Нет никакого сомнения, — рассказывает Каноз, — что кит видит вас в воде, что взгляд его устремлен на вас. Иной раз кажется, что это

недобрый взгляд, возможно, потому, что кожные складки под глазами придают им сердитый вид. Сколько раз я встречался с китом, всегда чувствовал, что он видит меня. И до чего же велика тут разница между китом и акулой! Акула взглянет на вас и проходит дальше, будто не заметила. Кит же откровенно рассматривает вас.

Мало сказать, что Каноз встречался под водой с кашалотами, горбачами и серыми китами — он трогал их, плыл у них на буксире.

А вот что говорит Мишель Делуар, который снимал китов, и подчас в довольно сложных условиях:

— Я несколько раз видел взгляд кита и никогда не сомневался, что кит меня видит. Конечно, это чисто личное, субъективное впечатление. У кашалота я отметил бы ту особенность, что у него не сразу-то и заметишь глаза. Они отнесены далеко назад и расположены совсем низко, почти у уголков рта. При таком расположении стереоскопического зрения быть не может. Как насчет смыкания поля зрения у кита? Пожалуй, у усатых китов поле зрения обоих глаз впереди смыкается. А вот насчет кашалота сомневаюсь. При такой огромной голове, наверно, есть впереди слепая зона. Казалось бы, проверить это несложно: достаточно поставить опыт, увидит кашалот человека в 15 метрах прямо перед собой или нет. На самом деле это не так просто. Ведь стоит аквалангисту немного отклониться на секунду влево или вправо, и он окажется в поле зрения.

Чувствительная кожа

По-моему, третье по значению чувство у китообразных — осязание. Я говорю не про такое осязание, как у человека, а про особую чувствительность всего кожного покрова. Кожа китообразных отлична от кожи наземных млекопитающих: как эпидермис, так и слой дермы под ним тоньше. Даже у самых крупных китов толщина их не превышает 6 сантиметров. Зато все тело покрывает очень мощный жировой слой. Очевидно, тонкая кожа влечет за собой чрезвычайно высокую чувствительность к любым прикосновениям. И как следствие, ощущения, которые нам, наземным существам, даже трудно вообразить...

Не раз мы видели, как киты трутся друг о друга. Почти всегда это предшествует спариванию. Похоже, детенышам тоже важен физический контакт с матерями. Еще им нравится потереться о корпус «Калипсо».

Лагорио наблюдал такой случай: в бухте Скаммона китенок уплыл от матери, чтобы потеряться о «Поларис III». Тотчас она ринулась за детенышем, оттолкнула его подальше от судна и несколько раз ударила ластами. Было полное впечатление, что мать нашла отпрыска, чтобы впредь не путал корпус судна с материнским брюхом.

Я убежден, что китообразные не меньше наземных млекопитающих любят, чтобы их гладили и ласкали. Содержащимся в неволе дельфинам, косаткам, гриндам явно приятно прикосновение человеческой руки. Дрессировщики и надсмотрщики так и говорят, что лучший способ приручить этих животных — поглаживать их, скрести им кожу.

Осязательный аппарат китообразных изучен далеко не полностью. Так, у финвала в передней части головы есть особые бугорки: у многих видов по бокам головы расположены чрезвычайно чувствительные «баки». Кроме того, в разных органах обнаружены клетки, которые, возможно, улавливают завихрения воды и колебания давления. («Баки» состоят не из обычных волос, а из крупных чувствительных вибрисс, но на теле зародыша китообразных и впрямь встречаются волосы.)

Судя по нашему опыту, другие органы чувств у китообразных менее развиты. В основании языка, как у человека, расположены вкусовые сосочки; вероятно, киты могут оценить вкус криля или кальмара. С другой стороны, про китообразных нельзя сказать, чтобы они относились к еде как гурманы. Нерв, подходящий к вкусовым сосочкам, очень тонок; вряд ли он способен передать яркие вкусовые ощущения.

Обоняние, столь хорошо развитое у рыб, почти или совсем отсутствует у морских млекопитающих. Во всяком случае, зубатые киты его лишены, усатые — частично сохранили. Дыхала кашалота — они же ноздри — не оснащены такими нервными клетками, как ноздри человека. В дыхале усатого кита обонятельные клетки есть.

Они и мы

Конечно, то немногое, что мы знаем, еще не позволяет составить себе верное представление о чувственных восприятиях кита. Но мы можем утверждать, что они достаточно сложны и играют немалую роль в психологии животного. (Напомним хотя бы, что мозг кашалота крупнее мозга любого другого животного и что в черепе кита расположен

необычный, таинственный орган — полость, заполненная спермацетом.)

Эмоциональный мир этих великанов — для нас книга за семью печатями. Разве можем мы себе представить, что значит жить в воде и ориентироваться только сонаром, зависеть больше от слуха, чем от зрения. Волей-неволей мы должны примириться с тем, что нам никогда не ощутить того, что ощущает кит.

Человек глазами кита

Натуралистов и писателей всегда занимало, что человек знает и думает о китах. Никто не задавался вопросом, что думает кит о человеке. На «Калипсо» мы об этом много говорили, и у каждого есть свое мнение.

Филипп говорит:

— Когда цепляешься за спинной плавник кита, чувствуешь себя, будто на трапедии или на воздушном шаре. Острое ощущение, однако я сомневаюсь, чтобы кит хоть что-нибудь почувствовал. Он знай себе плывет дальше. Возможно, мы раздражаем их так, как раздражает человека жужжащая муха. Вряд ли им приятно наше присутствие. Но они сознают свою мощь и не видят нужды реагировать, выразить недовольство или гнев.

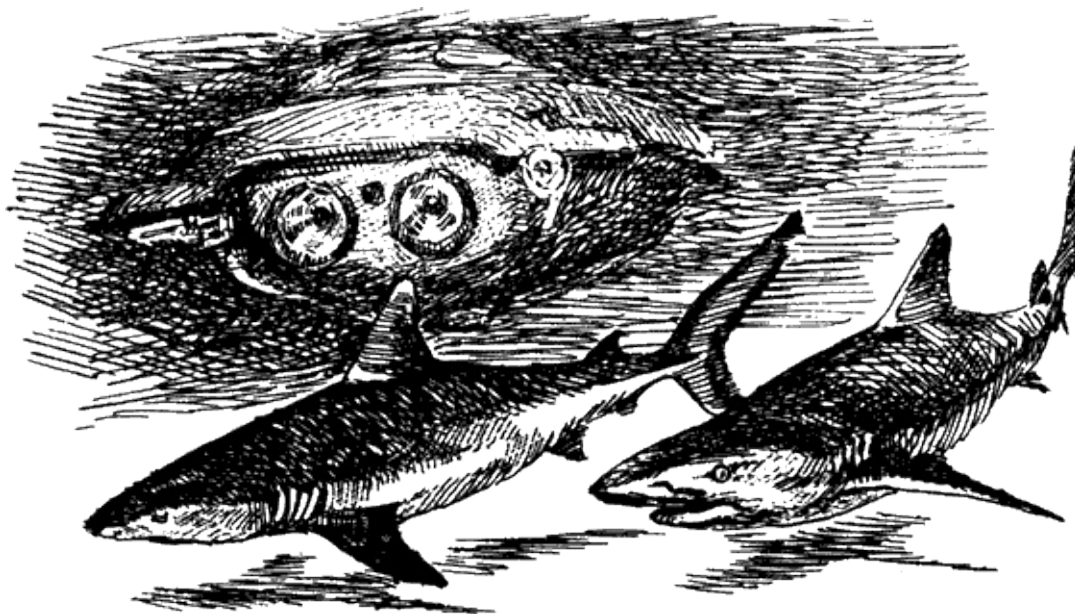
Да, интересно было бы знать, что думают о нас киты, какими мы им представляемся, какой образ им рисует их сонар и ограниченное зрение.

В море киты отклоняются от обычных своих путей, чтобы подойти и посмотреть на аквалангистов. Иначе говоря, проявляют несомненное любопытство. Один опытный аквалангист на Бермудах уверял нас, что в одном месте, когда он работал под водой, к нему всегда подходил кит. Я верю ему. Китов, как и дельфинов, явно тянет к человеку. К сожалению, условия неравны: мы не можем в любую секунду уйти, а киту ничего не стоит оторваться от аквалангиста, достаточно взмахнуть хвостом или нырнуть в пучину. Пока мы не будем в состоянии всюду поспевать за китами, находиться с ними рядом, нам не удастся перебросить мост через разделяющую нас пропасть.

Глава шестая

Крупнейшие из плотоядных

20 мая. Мы находимся в Индийском океане, погода превосходная. Только что рассвело, а Диди (Дюма) уже докладывает, что за кормой видно фонтан кита. А затем мы замечаем на горизонте еще китов, много китов.

В 8 часов Доминик Сумиан, дежурящий на смотровом мостике, кричит:

— Капитан, слева по борту на воде что-то белое!

Тотчас все высыпает на палубу. В море даже самый заурядный предмет может указывать на какое-нибудь непонятное или необычное явление, которое произошло или происходит под водой. Всякий уважающий себя моряк должен чувствовать себя искателем и постоянно быть начеку, чтобы на ниве жизни не пропустить чего-нибудь неожиданного, что может развеять (или породить) загадку.

Беру бинокль, смотрю. Доминик прав. В самом деле какой-то большой белый предмет. Какой? Разве можно пройти мимо! Бебер садится на один из «Зодиаков» и вскоре возвращается с добычей, держа ее на вытянутых руках. Что-то большое, тяжелое, белое, рыхлое — кусок хвоста гигантского кальмара. Разорван по краю, и видно следы, как от зубов кашалота или гринды.

Все взбудоражены. Очевидно, мы подошли совсем близко к стаду кашалотов. И судя по всему, на дне моря недавно разыгралась битва, ведь мясо кальмара совсем свежее. Настолько свежее, что кок предлагает подать его нам на завтрак. Никого не смущает мысль о том, что это крошки со стола кашалота...

Бебер, кроме того, выловил нечто похожее на блюдце, даже на тарелку. Это присосок кальмара. Доктор Франсуа измеряет его — 24 миллиметра в поперечнике. Очевидно, кальмар был не из самых больших, от силы 2,5–3 метра, не считая длинных рук. А в общем-то недурной экземпляр, достойный противник кашалотам.

И оказалось, что он по зубам только кашалоту. Кок сварил с уксусом кусок плавника, добытый Бебером, но мясо оказалось слишком жестким. О присоске даже вспомнить страшно: как будто мы задумали приготовить обед из куска автомобильной шины.

Кашалотам явно по вкусу такое блюдо. Они плотоядные и предпочитают кальмара всему на свете, добывая сей деликатес на глубинах от 600 до 1200 метров, где кальмары порой достигают 12 метров в длину. Впрочем, кашалоты едят не только осьминогов и кальмаров, им нетрудно угодить, все сойдет: крупные ракообразные, тюлени, скаты, даже 3,5-метровые акулы. Но особенно любят они головоногих. Способный по два часа находиться под водой, кашалот погружается на самое дно и проходит там целые мили в поисках добычи. Понятно, природный радар кита очень важен для охоты в беспросветном мраке.

Чудовищный кальмар, он же фантастический кракен, вовсе не мифическая тварь. Он существует на самом деле, но очень мало изучен, потому что изловить его почти невозможно: он редко всплывает к поверхности, да и то по ночам. Особенно типично это для самого крупного из гигантских кальмаров — *Architeuthis*. Его еще никто не видел живьем, находили только непереваренные остатки в желудке кашалота. У Азорских островов был убит кашалот, в чреве которого обнаружили целого кальмара длиной 11 метров, весом 180 килограммов. Длина кашалота была 15 метров.

Гигантский кальмар отнюдь не легкая добыча для кашалота. У него превосходно развита нервная система, отличное зрение, есть железы, выделяющие яд. Очевидно, успех атаки кашалота зависит от внезапности. Кит набрасывается на противника и спешит его заглотнуть, прежде чем тот успеет дать отпор. Судя по собранным нами сегодня останкам, это киту не всегда удается. И надо думать, поединок этих двух гигантов, с их совершенно различным оружием, превосходит все, что мы можем себе

вообразить. Кальмар старается закупорить присосками глаза и дыхало кашалота, рвет его клювом; кит же спешит подняться к поверхности, неся на голове тяжеленную добычу. Страшные зубы кашалота рвут мягкое тело жертвы, и куски мяса всплывают на поверхность. Исход битвы решается не сразу, ведь до жизненно важных органов кальмара даже кашалоту нелегко добраться.

Мы можем лишь догадываться, какие схватки разыгрываются в черной пучине. Не только сила идет в ход, но и смекалка. Мало того, что противники великолепно вооружены, — их разум, при всех различиях, тоже сопоставим по мощи. Грозным челюстям кашалота кальмар противопоставляет щупальца, присоски, клюв, а высокоразвитая нервная система позволяет головоногим двигаться так же быстро и ловко, как позвоночным. Сочетание мощного оружия и совершенного мозга делает кальмара достойным противником могучих кашалотов.

Коллекционер зубов

Встречаясь в воде с кашалотом, калипсяне снова и снова поражаются при виде этой огромной квадратной головы с отнесенными куда-то назад глазами. Расположение рта тоже необычно. Он находится снизу, далеко от передней части головы. Нижняя челюсть сравнительно узкая и тонкая; на ней в два параллельных ряда расположено до 60 зубов. Некоторые из них весят 2,5–3 килограмма, длина их — 20 сантиметров. Пожалуй, это не так уж много, если вспомнить общие размеры и вес кита. Зубы нижней челюсти входят в просветы между более мелкими зубами верхней челюсти.

У кашалота нет коренных зубов и резцов, все зубы однородны, и назначение их — хватать и удерживать добычу. В отличие от наземных хищников этот могучий и грозный представитель плетоядных не кромсает и не разжевывает пищу, даже не откусывает по-настоящему, а разом глотает жертву.

У каждого калипсянина есть свое увлечение, подчас довольно далекое от его прямых обязанностей. Наш электрик Марселлен обожает кораллы, инженер Лабан пишет подводные пейзажи, Делемонт коллекционирует зубы. У него есть моржовые клыки с островов Тихого океана, зубы косатки с Аляски. К этим сокровищам прибавились зубы мальдивских кашалотов. Очень поучительная и даже красивая коллекция. Мы с удовольствием

разглядываем чудесные образчики полированной кости. Когда они не торчат в чудовищной челюсти!

В редкие часы досуга мы не прочь потолковать о своих увлечениях, глубокомысленно кивая и поглаживая бороду. Верные старой морской традиции, калипсяне любят выделяться не только своими делами, но и внешностью. Пора увлечения длинными усами минула, теперь мы отращиваем бороды и волосы. Разумеется, каждый волен экспериментировать в свое удовольствие, ведь, кроме тюленей, бакланов и китов, некому судить о результатах.

Рыжеватая борода Бернара Делемотта служит опорой для его изогнутой трубки, у Филиппа — курчавая борода каштанового цвета. Одни щеголяют треугольной бородкой а-ля Луи XIII, другие предпочитают более современные, прямые бороды. Есть даже любители пышных бакенбардов и усов в духе императора Франца-Иосифа. Неожиданно выглядят эти освященные временем украшения под маской аквалангиста... Только Лабан упорно ходит без волос на голове и на лице: он каждый день бреет голову.

Интересно, что сказал бы про нас библейский Иона? Кстати, хотя спасение Ионы, несомненно, относится к области чудес, не все в его истории — миф. Известен на самом деле случай, когда человек, упавший в море, был проглочен китом! И подобно Ионе, он не пострадал от зубов кита. Но и не был три дня спустя исторгнут живьем. Когда тело извлекли из китового чрева, оказалось, что грудная клетка жертвы раздавлена и мягкие ткани уже разъедены желудочными соками. История современного Ионы изложена в «Нейчерэл хистори» за 1947 год доктором Эджертоном Девисом из Бостона, который произвел вскрытие обоих участников драмы. Случай этот раздражил научное любопытство доктора Девиса, и вскоре он нашел человека, согласного исполнить в эксперименте роль Ионы. Смелчак полез ногами вперед в пасть 20-метрового убитого кашалота. Глотка кита была настолько узкой, что он с трудом протиснулся сквозь нее. Девис заключил, что человек, проглоченный китом, должен погибнуть раньше, чем попадет в желудок. И уж никак невозможно уцелеть, проведя три дня в утробе кита.

«Зубы» беззубых китов

Все киты — плотоядные, и они поглощают огромные количества живых организмов. На суше такие туши попросту не смогли бы

прокормиться. (Недаром даже в эпоху динозавров не было животных, размерами равных киту.) Только в море с его изобилием пищи могут эти великаны жить и находить нужный им корм: в один присест кит заглатывает до тонны пищи!

Когда усатый кит пасется, он плывет у поверхности, распахнув свою могучую пасть. Нижняя челюсть опущена, и тонны воды с находящимся в ней кормом наполняют «зоб» — ротовую полость, которая заметно увеличивается за счет растяжения горловых и брюшных складок. Но вот пасть захлопывается, «зоб» сокращается, и вода процеживается через так называемые усы, прикрепленные к верхней челюсти. А то, что остается во рту, — рачков, медуз, мелких рыбешек — кит глотает.

Как ни просто все это звучит, пасущийся финвал с его огромной распахнутой пастью — одно из самых грозных и величественных зрелищ, какие видит в море аквалангист. Бонничи наблюдал его в Индийском океане; речь идет о том самом красавце, за спинной плавник которого он цеплялся. Сначала пасть кита была закрыта, видно губы и вытянутое, почти плоское рыло. Вдруг на глазах у Бонничи пасть раскрылась, и он увидел какой-то жуткий черно-белый круг — цедильный аппарат финвала. Тут же вход в эту живую пещеру беззвучно сомкнулся, даже не всколыхнув воду. И снова перед Бонничи плоская голова, хранящая свои тайны. Финвал в этот раз ничего не съел — что побудило его продемонстрировать свою пасть? Был ли это зевок? Или выражение недовольства, вызванного поведением Бонничи? Впрочем, это не так уж важно. Важно то, что нам удалось не только увидеть, но и заснять «усы» финвала.

Цедильный аппарат — одно из главных отличий *Mysticeti* (беззубых китов). Составляющие его пластины достигают в длину 3 метров ^[2], а по строению они, пожалуй, ближе к ногтям, чем к зубам. (Это и есть тот китовый ус, который некогда шел на корсеты для дам.) Прочные и гибкие роговые пластины расположены только в верхней челюсти. Их окаймляет бахрома из роговых трубочек; толщина этих трубочек зависит от рачков, которыми питается данный вид. У финвала, предпочитающего очень мелкие организмы, особенно частый фильтр. Голубой кит ест более крупных рачков и рыбешек, у него фильтр погрубее.

И что бы киты ни ели, количество потребной им ежедневно пищи измеряется тоннами. Так что первейшая задача для них — найти эту пищу. Летом они находят ее в высоких широтах Арктики и Антарктики, там долгий световой день благоприятствует размножению фитопланктона, которым кормится нужный китам зоопланктон.

В полярных областях в это время года киты круглые сутки предаются обжорству. Им необходимо нагулять жир, ведь во время миграций они совсем не пасутся. Запас в виде подкожного жирового слоя служит к тому же шубой для теплокровных гигантов. (Эта шуба так хорошо согревает, что туловище кита сохраняет тепло до полутора суток после гибели животного.) И кроме того, жировая ткань легче воды, она отчасти нейтрализует вес туши. Вместе с воздухом в легких жир позволяет киту легко плавать на поверхности.

Чтобы проиллюстрировать, сколько ест кит, когда пасется, скажу, что молодой, подрастающий финвал потребляет в день до трех с половиной тонн планктона. Суточная потребность взрослого финвала — тонна-полторы; это значит, что за сутки он процеживает в ротовой полости около миллиона кубометров воды.

Крилевая оргия

Основная пища усатого кита — криль *Euphasia superba*, рачок длиной 5–6 сантиметров. Больше всего криля на глубинах от 10 до 100 метров, но его можно встретить и на глубине тысячи метров. Летом в водах Арктики и Антарктики пленка криля покрывает сотни квадратных миль, и вода становится красновато-бурой от содержащегося в рачках богатого витамином А каротина. Вот где китам раздолье! Кругом пища, раскрыл пасть — и ешь до отвала.

Но меню усатого кита не ограничивается крилем. Планктон и криль — любимое блюдо, однако киты глотают и рыбу, иногда даже пингвинов (может быть, нечаянно, во время зевка?). В чреве покоривших наше сердце горбачей натуралисты находили скумбрию, сельдь, мерлана, каракатиц и... баклана.

— Известно не меньше восьми видов беззубых китов, — говорит Тед Уокер, — но у каждого вида, похоже, свой вкус. Одним нравятся одни ракообразные, другим — другие, которые водятся в определенных секторах океана. Так что между китами нет соперничества из-за корма.

Гимнастика беззубого кита

Наш друг серый кит не очень прихотлив в еде. Летом на севере Азии он кормится ракообразными — бокоплавами. Зимой в бухтах полуострова Калифорния (где мы его наблюдали) он ест моллюсков.

Плавая под водой в заливе Матансита, Филипп видел, как киты охотятся на своих любимых моллюсков, наедятся и спят. Во время приливно-отливных течений они собираются вместе и идут против течения в бухту или из бухты. Чтобы добыть корм, они поворачиваются вокруг продольной оси на 90 градусов и собственным боком пропахивают канавы в грунте. Потом наберут в пасть воду и песок вместе с моллюсками, поднимутся к поверхности, высунут голову и процеживают воду через цедильный аппарат, действуя языком как поршнем. Песок уносится водой, а моллюски попадают в желудок с помощью силы тяжести и, конечно, мускулатуры глотки.

Наблюдатели давно дивятся, зачем это серые киты поднимают голову над водой, словно изучают окружающее. Кит около минуты может оставаться в этом положении. Китобои прошлого думали, что зверь разглядывает их; нам же сдается, что эта поза связана с питанием. Серый кит вполне может глотать пищу и в горизонтальном положении, но вертикальная поза позволяет быстрее отцедить и проглотить добычу.

Когда кит охотится на моллюсков, лучше не подходить чересчур близко. Делемтт, Филипп и Шевелен на себе убедились в этом. Выйдя на «Зодиаке», они остановились как раз над китом, который вспахивал грунт. Неожиданно кит надумал подняться за воздухом — и опрокинул «Зодиак», а трое любопытных очутились в воде. Мы не сомневаемся, что это было ненамеренно, просто так уж совпало. Вместе с тем я вполне допускаю, что киту, как и всякому разумному существу, иной раз хочется побыть одному, без посторонних наблюдателей. Не об этом ли говорил поступок того кита?..

19 февраля. Находимся в бухте Скаммона. Небо более или менее чистое, вода тоже. Похоже, погода способствует тому, что у наших китов сейчас хорошее настроение, вокруг «Калипсо» кто-то прыгает и резвится. Это один кит так разошелся или всем стадом овладела весенняя лихорадка?

Наш кинооператор Жак Ренуар устанавливает на палубе свою камеру, и ему удается запечатлеть на пленке эпизод, который мы прежде никак не могли снять: кит весь выпрыгивает из воды, да не один раз, а дважды. Вполне возможно, что он сперва упирался хвостом в дно и затем устремлялся вверх. Возможно, но не обязательно.

У берегов Габона в Африке наблюдались такие же прыжки голубых

китов в районах с глубиной 80 метров, так что прыжки не обязательно связаны с питанием. А вообще-то представьте себе это зрелище: могучий кит выскакивает из воды, на миг застывает темным силуэтом на фоне неба — и шлепается в воду, только гул идет... Естественно, эти гимнастические упражнения интригуют калипсян, и Теда Уокера засыпают вопросами. Что это — игра? Часть брачного ритуала?

Тед Уокер поглаживает свою седую бороду и отвечает:

— Возможно, возможно.

Впрочем, он склоняется к менее романтичному объяснению, связывает прыжки кита с его пищеварением, а именно: кит прыгает, чтобы пища легче проходила в желудок. Конкретно речь идет о моллюсках, ведь, не имея зубов, тот же серый кит не может разгрызть раковины. И вообще, напоминает Тед, глотка у кита такая узкая, что не всякая пища сразу проходит.

Тройной желудок

С человеческой точки зрения, пищеварительный аппарат кита устроен необычно. Как я уже говорил, киты не разжевывают добычу. Кашалот — потому что у него нет коренных зубов; усатый кит — потому что он вообще беззубый. А раз они глотают пищу целиком, у них должны быть очень мощные желудки. И в самом деле, у многих китов желудок состоит из трех отделов. Первый отдел без желез, его мускульные стенки (у финвала толщина их достигает 6 сантиметров) измельчают пищу. Для этого же служат содержащиеся в нем песок и камешки.

Первые два отдела вмещают до тонны криля — это около одного кубического метра. При исследовании желудка 25-метрового финвала в нем нашли 5 миллионов креветок общим весом 2 тонны.

Третий отдел называют еще пилорическим; его отделяет от кишечника пилорический сфинктер (кольцевая мышца, которая есть и у человека).

Желудок кашалота состоит из двух отделов. Кашалот может сразу заглотнуть целого кальмара, но ведь у кальмара сравнительно мягкие ткани, их не надо измельчать. Только клюв твердый.

Эксперимент нашего кока помог нам усвоить то, что всякий кашалот, надо думать, знает с рождения: кальмара лучше не жевать, а глотать целиком. Правда, чтобы затем переварить его, требуется двухкамерный

желудок, которого у нас, увы, нет.

Если бы мы могли заглатывать еще и клюв кальмара, возможно, мы превратились бы в поставщиков столь драгоценной амбры — незаменимого сырья для производства дорогих духов. Амбра образуется в пищеварительном тракте кашалотов; многое говорит за то, что она представляет собой переваренные клювы кальмаров. Самый большой ком амбры, найденный во внутренностях кашалота, весил около полутонны и стоил целое состояние.

Не будь амбры, вполне возможно, что кашалоты не истреблялись бы так рьяно китобоями, ведь мясо у кашалота посредственное, а жир хуже жира усатых китов. Но амбра всегда высоко ценилась; мало того, что она придает стойкость запахам, ей еще приписывают целебные свойства. К тому же у кашалота есть еще одно ценное вещество — спермацет, дающий исключительно чистый воск.

Пищеварительный тракт кита заканчивается кишечником — и каким кишечником! Он пропорционально намного длиннее, чем у любого наземного животного, включая человека. У нас длина кишечника равна 5–6-кратной длине тела, у кашалота — 24-кратной (эта цифра приведена в книге С. Ридман и Э. Густафсона «Море — отчизна кита»). Кишечник 15-метрового кита достигает в длину больше 300 метров. У дельфина кишечник не так развит, длина его равна 12-кратной длине тела.

На пастбище

Казалось бы, мы больше, чем кто-либо другой, насмотрелись на китов во всех морях, и все-таки нас неизменно поражают их размеры, их сила, миролюбие и аппетит.

Кит — единственный обитатель океана, о котором можно сказать, что его размеры под стать масштабам окружающей среды. Но отвечают ли пищевые ресурсы океана потребностям китов? Должен ли кит трудиться, чтобы добыть себе пищу, или она дается ему легко?

Как мы уже видели, в Арктике и Антарктике стол для кита накрыт и ломится от обилия яств. Когда же киты уходят для спаривания из полярных областей в тропическую зону, они почти, а то и вовсе не едят в пути. Правда, серые киты и горбачи, судя по нашим наблюдениям, не прочь закусить ракообразными или моллюсками.

У кашалота, смертельного врага кальмаров, иное положение. Его основная область обитания — между 40 градусами северной широты и 40 градусами южной широты, дальше он не заходит. В отличие от усатых китов кашалот не может просто распахнуть пасть и проглотить по своему желанию несколько миллионов крохотных ракообразных. Чтобы утолить голод, он должен охотиться, а иногда и сражаться. Кашалот настоящий хищник.

Возникают два вопроса: в какой мере обеспечивает море кашалотов добычей? И водится ли эта добыча в ограниченной — относительно — области постоянного обитания кашалота?

Судя по тому, что я видел в Красном море и Индийском океане, сонар кашалота все время прощупывает толщу воды, вероятно, в поисках пищи. То же можно сказать о дельфинах, косатках и гриндах. Сонар «Калипсо» и нам позволяет искать наиболее богатые морскими организмами слои. Есть у меня такая мечта: не только найти пастбище китов, но и побывать на нем, определить его ресурсы.

Планктонный суп

Во время экспедиции в Индийском океане я заметил, что у экватора в определенных местах можно почти наверное встретить косаток, кашалотов, гринд, дельфинов и акул. Предположив, что этих крупных морских животных привлекает сюда обилие пищи, я решил проверить эту догадку. Для таких работ у нас на борту есть мини-подлодка НБ-350. Она как нельзя лучше годится для того, чтобы исследовать плотность морских организмов на разных глубинах.

Приведу выдержки из журнала.

8 апреля. Первый день в открытом море после Мальдивских островов.

Чтобы ничего не упустить, два раза в день — утром и вечером — проверяем автоматическую кинокамеру в подводной обсерватории. Начиная с 6.30 эта камера запечатлевает все живое, что проходит мимо форштевня «Калипсо».

Суббота, 9 апреля. Идем вдоль экватора. Сейчас мой замысел проверить биоресурсы здешних вод кажется мне нелепым. Задача огромная и непосильная. С поверхности море кажется пустым, однако мы не знаем, что делается на глубине 60, 90, 900 метров. Сколько лет мечтаю

проникнуть взглядом в толщу воды, чтобы увидеть и осмыслить то, чего еще никому не удалось увидеть и осмыслить.

После обеда — первое погружение нашей малютки в океан. Давно говорим об этом, но только теперь собрались. Спускаем мини-подлодку на воду и соединяем с катером 360-метровым нейлоновым линем. На борту «ныряющего блюдца» — Бебер, на катере — Морис Леандри. Я на «Калипсо»; сонар позволяет следить за подводной лодкой, радио — держать связь с катером. У нас задумано пустить малютку на глубину около 300 метров; оттуда — всплытие. Лечь служит для страховки, чтобы не потерять «ныряющее блюдце».

Бывают минуты, как сейчас, когда мне кажется, что я попусту трачу время на нелепую затею. Мы почти наверное ничего не увидим. Океан так велик. Разве можно рассчитывать на то, что нам что-нибудь встретится? Даже из подводной обсерватории редко удается что-либо увидеть. Наша подводная лодка здесь подобна знаменитой иголке в стоге сена, разве что... Разве что водная толща под килем «Калипсо» богаче жизнью, чем нам представляется. Конечно, ночью, когда всякая живность идет кверху, больше шансов обнаружить что-нибудь интересное.

Настраиваю сонар на 12 килогерц и отмечаю два рассеивающих слоя: на глубине 213 и 320 метров. На 34 килогерцах регистрируется только один слой, на глубине 320 метров. Что ж, посмотрим, что там такое есть.

И вот результат поиска:

25 метров — вода мутная от планктонного супа. Крохотные рачки и креветки. Пришедшие снизу серебристые рыбешки.

50 метров — планктонный суп гуще. Два маленьких кальмара с любопытством разглядывают Бебера. Ходят несколько рыб со светящимися органами, но в мутной воде трудно их разглядеть.

100 метров — по-прежнему планктонный суп. Двухметровая акула делает круг около подводной лодки и толкает ее.

150 метров — вода становится прозрачнее, но здесь меньше живности.

180 метров — креветки с очень длинными усиками.

250 метров — ничего. Вода прозрачная.

350 метров — сброшен балласт, лодка начинает медленно всплывать.

210 метров — очень крупный представитель головоногих, неподвижно висит в воде примерно в 10 метрах от лодки, пристально глядит на Бебера. Любимая еда кашалотов. Спит? Дремлет? Появись сейчас кит, проглотит чудовище целиком.

190 метров — сброшена вторая порция балласта. Всплывающую подводную лодку сопровождают две акулы.

Эта вылазка на малютке, длившаяся около часа, была очень полезной. Нам удалось кое-что выяснить.

Рассеивающий слой, который ночью поднимается к поверхности, представляет собой облако из планктона, ракообразных и глубоководных рыбешек. Облако поднимается и опускается со скоростью от 6 до 11 сантиметров в секунду.

На глубине 50 метров больше мути и мелких организмов, чем на глубине 25 метров. Подтверждается то, что мы наблюдали во время операции «Люмен» в Средиземном море.

Крупные животные: три акулы, два кальмара, один огромный представитель головоногих. Его глазищи, вероятно, светятся.

Словом, погружение прошло успешно, и мы повторим вылазки в пучину на мини-подлодке. Жаль только, НБ-350 не может погружаться достаточно глубоко. В будущем используем НБ-500 и НБ-3000.

Странное обстоятельство: при появлении подводной лодки более глубокий слой, на отметке 320 метров, как будто исчез. То же происходило в 1954 году в Индийском океане, когда мы испытывали первую автоматическую камеру с фотовспышкой Эджертонна. На глубиномере было видно, как слой вдруг пропадает. Возможно, упомянутый выше представитель головоногих принадлежит к организмам, которые образуют подвижный слой и которым свойствен негативный фототропизм.

Целые пласты кальмаров

11 апреля. В 04.00 — подъем для палубной команды и команды «ныряющего блюдца». К 05.00 НБ-350 спущено на воду для погружения номер С-15. Еще не рассвело.

Нам сдается, что предыдущее погружение (С-14) началось поздно, когда рассеивающие слои скорее всего кончили подниматься. Погружение С-15 дает более типичные результаты: один слой на глубине 35 метров, другой — 120 метров (уже опустился), и третий слой мини-подлодка настигает на глубине 220 метров, он состоит из креветок и сифонофор, которые очень торопятся вниз.

Для строго научного исследования нужны сотни таких погружений, тогда можно будет сопоставить данные и сделать основательные выводы о глубинном рассеивающем слое. Но мы заняты съемкой фильма, и для нас

важнее всего то, что вечерние погружения — скажем, через час после заката — позволяют наблюдать из иллюминатора «ныряющего блюдца» больше всего удивительных морских организмов.

Организация работы нуждается в поправках. Во-первых, надо медленнее буксировать подводную лодку при погружении и всплытии, чтобы пилот побольше увидел. Во-вторых, для съемок нужно значительно более яркое освещение. Постараемся что-нибудь придумать.

После обеда — второе погружение; нейлоновый линь закреплен не на катере, а на «Калипсо». И чтобы он не слишком провисал в течениях, балласт «ныряющего блюдца» удвоен. Другой конец лinya привязан к носовому бамперу подлодки, чтобы она шла иллюминаторами вперед.

Спуск на воду в 21.35, через два часа после захода солнца. В 22.25 лодка достигает максимальной глубины — 270 метров. В 23.15 возвращается на поверхность.

Погружение было интересное, хотя мало что дало для съемок. Я надеялся обнаружить, что рассеивающим слоям отвечают скопления организмов. И лодка проходила где один, а где и два пласта кальмаров, часто попадались акулы.

А ведь «ныряющее блюдце» спускается наудачу, и поле зрения его сильно ограничено. Десятки тысяч кальмаров, по-видимому, образуют пастбище для таких крупных животных, как дельфины и киты.

Пищевая цепь начинается с плавающих у поверхности микроскопических водорослей, и, чтобы поддерживалась связь между звеньями, масса, продуцируемая в отдельных слоях, должна быть в воде относительно больше, чем на суше.

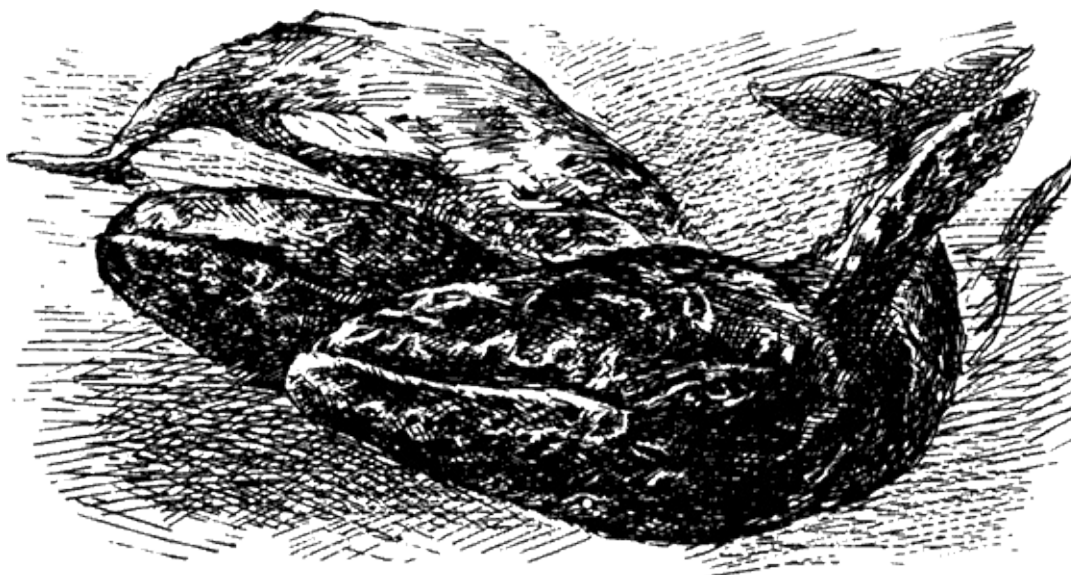
Возможности для этого налицо. Ведь почти все организмы в этих звеньях холоднокровные, им не надо тратить калории для поддержания температуры тела (в отличие от человека, рогатого скота, дельфинов). В воде они невесомы, значит, не нужна энергия и на то, чтобы поддерживать тело в том или ином положении. Калории расходуются только на движение (а конструкция тела предельно облегчает его) и на рост.

Так это или не так? Вылазки «ныряющего блюдца» обогатили нас неожиданными наблюдениями, и мой взгляд на морскую фауну стал другим, более широким. Сдается мне, это и более логичный взгляд, ведь мы видели и сняли огромного головоногого и стаи кальмаров, составляющих пищу кашалота, и присутствие здесь кальмаров вполне согласуется с общей картиной. Похоже, мы все-таки получили в руки ключ к пастбищу, который я так долго разыскивал...

Глава седьмая

Таинства любви

Кто-то сказал, что любовь приводит в движение мир. Уж китов-то она совершенно точно приводит в движение. Любовь, а если не любовь, так, во всяком случае, зов пола побуждает китов покидать арктические воды и идти в теплые бухты Калифорнии. Ведь эта миграция венчается брачным ритуалом.

У разных видов китообразных половозрелость наступает в разном возрасте: у голубого кита — в 5 лет, у морской свиньи — в 7 лет. Большинство усатых китов способно к воспроизводству с 2–3 лет. Однако половая зрелость еще не означает конец физического роста; исполины моря продолжают расти и дальше.

В стаде серых китов, за которыми следовал на юг Филипп с его отрядом на «Поларисе III» и которым предстояло бракосочетание, были также беременные самки. Почти год они носили плод в своем чреве, но вот подошло время рожать, и они спешили к месту назначения, в тихие воды мексиканских заливов. (Продолжительность беременности тоже зависит от вида. У серых китов — 12 месяцев, у кашалотов — 16.)

В открытом море китихи не могли родить, требовалось мелководье, закрытая бухта с теплой водой. Беременные самки знали, где есть такая бухта, и они составили авангард мигрирующего стада, торопясь, как всегда,

первыми достичь Калифорнийского полуострова. Остальные плыли помедленнее, им незачем было спешить.

«Поларис» следовал за второй группой. Вдоль всего калифорнийского побережья отряд, консультируемый нашим другом Тедом Уокером, прилежно метил и снимал членов этой группы, и вместе с ней Филипп и его товарищи пришли к берегам Мексики.

Берег полуострова Калифорния оторочен голыми серыми дюнами, изрезан лабиринтом проливов и проходов. Места дикие, глухие, но по-своему красивые. В общем, идеальные условия для китов, которые стремятся к уединению и не жалуют посторонних. Прозвище «пустынные киты» пристало к серым китам за пристрастие именно к таким уединенным уголкам среди безжизненных песков.

По поведению китов, рассказывал потом Филипп, присутствовавший на финише их перехода, было видно, что они прекрасно знают этот район. Много лет подряд приходя сюда, они помнили «потайной ход», ведущий в залив, а приплывшие сюда впервые следовали за старшими, более опытными. Так или иначе, все члены стада знали совершенно точно, что здесь, за узким проливом, помещается их частный рай, приют для родов и для любви.

Уголок этот укрыт так хорошо, что самые ретивые китобои не знали о нем вплоть до середины прошлого столетия. Только в 1852 году он был открыт капитаном Чарлзом Мелвиллом Скаммоном на бриге «Мери Хелен». Издали увидев фонтаны, он решил войти в залив, чтобы выяснить их происхождение, и обнаружил такое скопление китов, какого прежде даже не представлял себе.

Девять лет гарпунеры Скаммона сотнями били китов и наполняли тысячи бочек китовым жиром. Естественно, они строго хранили тайну своей сокровищницы, никто, кроме них, не знал о проходе, ведущем в самую благодатную бухту Калифорнийского полуострова, ныне известную как залив Скаммона.

На десятый год конкуренты Скаммона, снедаемые завистью и полные решимости урвать кусок от роскошного пирога, наладили слежку за судами удачливого капитана. Вскоре тайна была раскрыта, после чего промысел серых китов достиг такого размаха, что к началу XX века вид был на грани полного истребления. Его спасли международные соглашения, проводимые мексиканскими властями в жизнь с похвальной строгостью. Но и то почти полвека понадобилось, чтобы популяция серых китов начала восстанавливаться после расправы, учиненной капитаном Скаммоном и другими китобоями; лишь в середине XX века эти киты стали вновь

появляться в значительных количествах.

Ныне большинство членов стада моложе 35 лет, средняя длина составляет 15 метров. Если оставить их в покое, они проживут еще лет пятьдесят или больше и достигнут 16–18 метров.

Капитана Скаммона отличало то, что страсть к китобойному промыслу он сочетал с интересом к зоологическим курьезам и неплохими писательскими способностями. Из-под его пера вышла книга о предмете, который он знал лучше, чем кто-либо из его современников: «Морские млекопитающие северо-западного побережья Северной Америки».

Скаммон отметил, что для родов самки выбирают наиболее глухие уголки бухты, а она вдается в глубь материка миль на тридцать. По моим наблюдениям, будущие мамы ищут уединения там, где повышенная соленость воды обеспечивает большую плавучесть и обилие пищи гарантирует нужное количество молока для детенышей. Правда, многие китихи рожают вблизи пролива.

Впервые попав в бухту, я, наверно, был поражен нисколько не меньше, чем в свое время капитан Скаммон. Куда ни глянь — всюду к пасмурному небу вздымались фонтаны. Всюду было видно неподвижно лежащих — очевидно, спящих — китов. Я насчитал сразу не меньше сотни.

Бухта Уединения

За проливом открываются огромные просторы бухты Скаммона. Ее не так-то просто исследовать, потому что берега сильно изрезаны. Обнажающиеся в отлив песчаные отмели затрудняют навигацию. Когда Филипп первый раз обследовал побережье полуострова Калифорния с воздуха и с моря, он остановил свой выбор на другой бухте — Матансита; она показалась ему более подходящей для нашей работы. Речь идет об узкой полосе воды, отгороженной от моря песчаными дюнами. Единственный удобный вход в бухту — Бока-де-ла-Соледад, пролив Уединения. Есть другой пролив, извилистый и длинный, но к нему надо идти через бухту Магдалены.

Сами киты ходят только через Бока-де-ла-Соледад, и «Поларис» направился за ними. Он заходил в разные протоки, огибал мангровые заросли, обследовал бухту Магдалены. Осадка «Полариса» 1,5–1,8 метра, и он нередко царапал килем дно. К счастью, грунт был песчаный или

илистый, так что обошлось без повреждений. Однако команда судна, непривычная к навигации на грани риска, все дни пребывала в страхе.

Есть и в здешней глухомани небольшой городок Матансита, давший название бухте. Консервный завод, горстка рыбацких домов, посадочная площадка — вот и все, чем он может похвастаться. И всюду царит страшный смрад, до того резкий, что несколько членов экспедиции, решившие было ночевать в поселке (на борту «Полариса» было тесновато), никак не могли уснуть. Источник смрада — консервный завод; он производит главным образом анчоусы, а все отходы сбрасывает в бухту.

Первое погружение

Когда наши аквалангисты впервые погрузились в воды Матанситы, их ожидал неприятный сюрприз — нулевая видимость. Песок и ил совершенно замутили мелкую бухту.

Но у Матанситы было одно преимущество, ради которого ребята были готовы мириться с мутной водой. Зажатая между двумя грядами дюн, изобилующая замысловатыми проходами, бухта позволяла «Поларису» незаметно подкрадываться к китам. Первая группа китов была застигнута врасплох. Животные, несомненно, спали, но тут стали просыпаться и одно за другим, колотя по воде огромными хвостами, в туче брызг скрылись под водой.

Надо было изыскивать какой-то новый способ, который позволил бы добиться заманчивой цели — снять брачные ритуалы серых китов.

Серые киты и серые шрамы

Когда приближаешься к киту, главное — двигаться возможно тише, не спугнуть животное. Поэтому «Поларис» бросил якорь у входа в залив, и операторы с помощниками пользовались «Зодиаками», причем чаще всего шли на веслах, чтобы не шуметь моторами.

Киты дремали посредине залива, выставив из воды часть спины; голову и хвост не видно, кроме тех случаев, когда кит лениво всплывал за

воздухом и снова погружался, продолжая дремать.

Члены экспедиции смогли воочию убедиться, что на самом деле серые киты не серые, а черные. Даже у детенышей окраска очень темная. Но кожу китов покрывают серые метины, не природные, а оставленные ракообразными и миногами. Наши аквалангисты заметили, что паразиты сидят на ките не всегда, однако достаточно долго, чтобы на гладкой, мягкой коже осталось броское мраморно-серое пятно. Особенно много шрамов у китов постарше: накапливаются с годами.

Когда приближаешься к спящему киту, прежде всего поражают его размеры. Вид исполинской туши попросту подавляет вас. Время от времени слышно могучее дыхание, вас даже орошает фонтан. И вы явственно ощущаете, что перед вами создание, превосходящее привычные человеку мерки, таинственный дух, воплотившийся в чудовищном черном цилиндре. Попробуйте представить себе: под серым небом полуострова Калифорния в стальных водах залива медленно скользит черная громадина. Честное слово, зрелище внушительное, и не только внушительное — устрашающее.

Самолет и парашют

За несколько дней отряд сумел отснять всего несколько метров сколько-нибудь пригодных кадров. Несмотря на все предосторожности, было исключительно трудно подойти к китам достаточно близко. Одна из проблем заключалась в том, что, хотя Матансита площадью уступает бухте Скаммона, все-таки на веслах пересекать ее трудновато. Ребята несколько раз пробовали от берега подойти к ближайшей группе китов, но киты неизменно успевали уйти.

Тогда Филипп решил проводить рекогносцировки на самолете, определять, где группируются киты, и направить туда «Зодиаки».

Он взял также на себя систематический поиск спаривающихся китов и рожаящих самок. К тому же, пролетая несколько раз в день над заливом, он мог вести приблизительный учет животных, входящих в бухту и покидающих ее, следить за проливом и получить общее представление о повседневной жизни исполинов, чего никак не могло дать наблюдение с «Зодиаков».

Люк в задней части кабины позволял надежно привязанному оператору снимать интересные сцены, однако у самолета был серьезный

недостаток — он слишком шумел. Найти китов, заставить их врасплох удавалось, но было слишком очевидно, что гул мотора пугает их.

Тогда Филипп решил испробовать парашют. Его эксперимент едва не кончился трагически. Вытяжной строп лопнул и с такой силой хлестнул Филиппа пряжкой по лицу, что его вылавливали из воды в бессознательном состоянии. Да и вообще этот способ тут не годился, ведь нужно взлетать и идти против ветра, а длинная узкая бухта Матансита расположена под прямым углом к преобладающим ветрам.

Решение

Решить задачу помог воздушный шар — аппарат, которым Филипп успешно пользовался и в Красном море, и в Индийском океане, у острова Европа.

Шар был обычного типа, классический монгольфьер, наполняемый горячим воздухом с помощью нефтяной горелки. Главная сложность в том, что шаром трудно управлять из-за термической инерции. Он поднимается и опускается с заметным ускорением, и от пилота требуется немалое искусство, чтобы держать его на нужной высоте. Не говоря уже о том, что работать с ним можно было только в самые тихие дни.

Дождавшись погожего, безветренного дня, Филипп вооружился кинокамерами и поднялся на шаре. Вместе с ним поднялась его жена Джен; она настояла на том, чтобы сопровождать его.

— В уме я до сих пор вижу тень шара на воде, — вспоминает Филипп. — День был на редкость тихий и ясный. Я видел, как поднимаются к поверхности киты, видел даже скатов и песчаных акул на дне. С «Зодиака» их ни за что не разглядишь. Словом, впечатление потрясающее. Я снял множество таких кадров, каких с самолета никогда не снимешь: во-первых, он движется слишком быстро, во-вторых, шум мотора пугает животных. Конечно, и шар шумит, но только во время взлета. Метровое пламя нефтяной горелки рычит, словно лев. А когда аэростат уравновешен в воздухе, достаточно совсем маленького пламени. Можно сколько угодно висеть над одной точкой и не бояться, что потревожишь животных. Должно быть, шар им кажется частью окружающего пейзажа.

Однако через некоторое время подул ветер и понес аэростат к морю. Пришлось Филиппу сбросить лить, и дежуривший внизу «Зодиак» отвел

шар обратно к «Поларису».

Филипп смог выяснить некоторые важные вопросы. Так, он определил, где больше всего скапливается китов, высмотрел, в каких укромных уголках происходят роды.

Он видел также, как молодой самец задумал поухаживать за самкой, сопровождаемой детенышем. Самка не принимала ухаживаний и отталкивала самца головой. Он колотил хвостом по воде и никак не желал оставить ее в покое.

— Это был настоящий спектакль! — рассказывает Филипп. — Самец с разгона бросался на нее. Впечатление такое, будто сталкивались два корабля. Один раз детеныша угораздило очутиться между взрослыми, так беднягу даже выбросило из воды. В конце концов у самки лопнуло терпение, она как следует хлестнула ухажера хвостом и ушла вместе с детенышем.

Влюбленное трио

Однажды Тед осматривал бухту с кормы «Полариса». Около полудня вдруг послышался его голос: «Глядите! Глядите! Все сюда!»

Оператор Бернар Местр и его помощник поспешно прыгнули в «Зодиак» и помчались туда, куда показывал Тед. Три кита бултыхались в воде, сбивая ее в пену.

Не сразу удалось понять, что тут происходит. Можно было подумать, что два самца соревнуются из-за самки. Казалось, они отталкивают друг друга, где тут состоится брачному ритуалу! Но Тед рассказывал, что в таких эпизодах почти всегда участвуют два самца. Задача второго — помогать им сохранять надлежащую позу.

Как бы то ни было, на сей раз, когда подошел «Зодиак», самец номер два возбужденно плавал вокруг пары, которая плескалась в воде так, что гул стоял. Ребята наблюдали трогательное зрелище: самка обнимала самца лапами...

«Зодиак» находился совсем близко, и патетическая сцена мучительной, трудной любви исполинов, словно принадлежащих к совсем другому миру, потрясла сидевших в лодке людей. Сперва они собирались спуститься под воду, но решили, что ближе подходить не стоит. Хороших кадров получить не удалось: уж очень бурно вели себя киты, да и вода совсем замутилась.

Что было бы, решишь они все-таки прыгнуть в воду и подплыть ближе? На это трудно ответить. Во всяком случае, троица была настолько возбуждена, что не замечала ничего вокруг. Вообще-то серые киты не отличаются особой агрессивностью, пока дело не доходит до защиты детенышей, но они могут нечаянно задеть человека ластом или хвостом, а от такого шлепка недолго и на тот свет отправиться.

Тед Уокер подчеркивает, что успешный акт в жизни самца редкость, а не правило. Необходимо стечение многих обстоятельств: надлежащее время года, удобное место, готовность самки, победа над одним или несколькими соперниками. Уже поэтому спаривание невозможно во время миграции из Берингова моря. Вся энергия стада уходит на движение, ведь срок на переход до полуострова Калифорния ограничен.

Не все китообразные спариваются одинаково. Часто инициативу проявляет не самец, а самка.

Когда «Кэлью» занимался исследованиями горбача в бермудских водах, членам экспедиции не пришлось наблюдать спаривание. Но они видели, как горбачи выскакивали из воды на воздух. Может быть, эти прыжки были связаны с любовными играми или завершали неудавшийся акт?

Кстати, горбачи — признанные чемпионы по прыжкам. Целиком выскакивая из воды, они затем с гулом и плеском шлепаются на спину. Получается довольно внушительная демонстрация мощи сорока-, пятидесятитонных исполинов...

Филипп видел у Бермудских островов любовные игры китов, но это были не горбачи. Вот его рассказ:

— В тот день стояла дивная погода, и только мы вышли на «Кэлью» из бухты, как сразу увидели поодаль сперва один фонтан, потом два. Подошли ближе, спустили на воду «Зодиак», и я отправился на разведку вместе с Бернаром Делемоттом и Домиником Сумианом. Мы увидели двух китов. Сначала приняли их за серых: они были не такие темные, как горбачи, и не имели спинного плавника.

Остановили «Зодиак» метрах в двухстах, чтобы не пугать китов, и мы с Делемоттом пошли вплавь. К сожалению, вода была мутная, но мы все же хорошо рассмотрели, что происходит. Два южных кита совершали брачный ритуал. Они прижимались друг к другу всем телом, обменивались ласками.

События развивались очень быстро. Киты не настолько увлеклись, чтобы не заметить нас. А когда заметили — сразу ушли, я успел отснять лишь около десяти метров пленки.

Я уверен, что это были южные киты. Короткие, совершенно

треугольные ласты, спинного плавника нет. Огромная пасть, пятнистое брюхо. Они резко отличались от всех усатых китов, которых мы видели прежде. Чем-то смахивали на огромных, тучных коров.

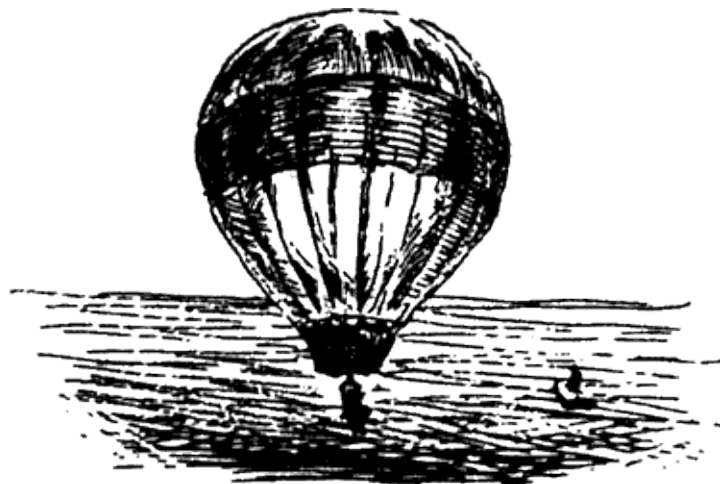
Большинство китов моногамны в том смысле, что самец остается верен самке во всяком случае на один сезон. Обычно во время брачной поры киты держатся по двое или по трое. Не исключено, что у серых китов с их более вольными нравами бывает полиандрия. К этому выводу нас склоняют некоторые наблюдения в бухте Скаммона.

Другие же усатые киты — финвалы, горбачи и прочие — предпочитают вдвоем заниматься, как говорит профессор Будкер, «игрой, призванной обеспечить продолжение вида».

Кашалоты ведут себя совсем иначе, чем усатые киты. Любовные игры у них происходят куда более бурно, и самцы — типичные полигамы. Нередко семья крупного самца насчитывает от 20 до 50 членов — самок и детенышей.

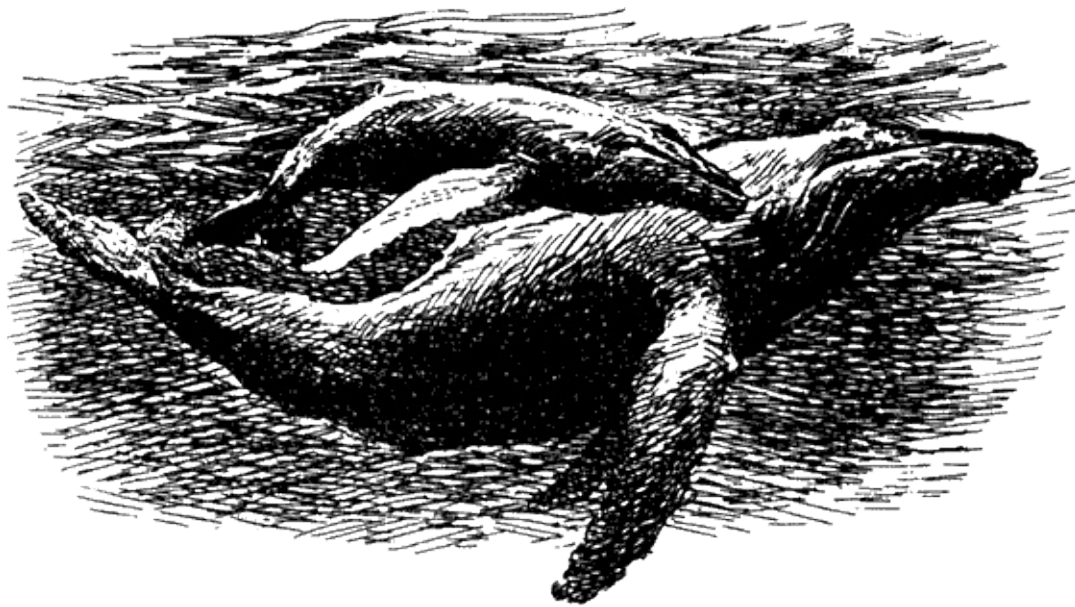
Однако вожак стада рано или поздно должен уступить свое место конкуренту. По-видимому, среди кашалотов происходит такое же соперничество, как у тюленей и морских слонов; вокруг большого стада всегда увиваются молодые самцы.

Смещенный вожак остается один. Укрываясь от позора, он ищет убежища в водах Арктики и Антарктики. Недаром в полярных морях китобойи находили огромных старых самцов-отшельников, которых они называли «императорами».

Глава восьмая

Ясли левиафанов

После прекрасной работы, проделанной Филиппом и его отрядом на борту «Полариса III» в заливе Матансита, я решил завершить наши наблюдения над серыми китами визитом в бухту Скаммона. Филипп не занимался ею, эта бухта была слишком велика, чтобы исследовать ее с тем снаряжением, которым он располагал на «Поларисе». Если же прийти туда на «Калипсо», подумалось мне, наши «Зодиаки», катера и прочее снаряжение, не говоря уже о двадцати девяти калипсянах, позволят справиться с наблюдениями над серыми китами, которых, как нам говорили, в бухте Скаммона видимо-невидимо.

Одним из наших самых заветных желаний было присутствовать при рождении китенка. Отряд Филиппа нашел кормящих мамаш, смог даже снять их. В искусственных бассейнах роды дельфинов запечатлены на пленке, но еще никто не видел, как рожают киты. Нам казалось, что это увлекательнейший сюжет.

Обычно усатые киты производят потомство раз в два года, выкармливают детеныша 9 месяцев. У кашалотов беременность длится не год, а 16 месяцев, и детеныши появляются раз в три года.

Известно, что китообразные выходят на свет хвостом вперед.

Поразительный факт, ведь у всех других живородящих млекопитающих детеныш обычно появляется головой вперед. (Исключение составляют летучие мыши *Chiroptera*.)

Родись китенок вперед головой, он мог бы захлебнуться, а так мамаша сразу после родов выталкивает его на поверхность, где он делает первый вдох. При этом мамаше помогает одна или несколько самок — «тетушки»; они и потом выступают в роли нянь. Судя по всему, «тетушки» по-настоящему привязаны к малышу.

Вести «Калипсо» в бухту Скаммона оказалось непросто и небезопасно. Единственный пролив довольно узок и мелок. Изгиб за изгибом, отмель за отмелью, причем их очертания меняются с каждым приливом и отливом. Больше того, часть бухты у самого пролива заболочена; не будь проход обозначен зигзагом буев, ни за что не проскользнуть.

«Калипсо» дважды чиркнула по дну. К счастью, грунт был илистый, и судно легко одолело препятствия.

Мы выбрали удобное место для стоянки и бросили якорь. Ежедневно на рекогносцировку выходили оба «Зодиака» и оба катера. Китов и впрямь было предостаточно, лодкам приходилось маневрировать предельно осторожно, чтобы не потревожить их.

Многие киты словно дремали. Рядом лежали детеныши, некоторые уткнулись головой в грудь мамыши около соска, но не сосали. Иногда мать с детенышем затевали игру, терлись друг о друга.

Как и все дети, китята не ведали, что такое опасность, и относились ко всем живым тварям с полным доверием, а также с великим любопытством.

Когда серые киты спят, голова и хвост скрыты под водой, только круглая пятнистая спина торчит наружу. Пришло время делать вдох — могучая голова медленно поднимается, и тишину нарушает громкое пыхтение. Затем голова так же медленно опускается. Пока мамаша дремлет, детеныш резвится около нее.

Приближение «Зодиаков» киты воспринимали по-разному. Мы сразу заметили: когда лодка подходила к спящему зверю сзади, он ее не замечал, во всяком случае никак не реагировал. Когда же мы подходили спереди, кит просыпался и вздрагивал, чему мы вовсе не были рады — чего доброго, заденет «Зодиак». Видимо, чувствительность кита к звукам, идущим сзади, намного меньше, чем к звукам спереди. Сигнальный аппарат нацелен вперед.

Детеныши реагировали иначе. Они обычно не спали; появление «Зодиака» с людьми тотчас привлекало их внимание, и они либо радостно

подплывали к нам, чтобы поиграть, либо пугались и отступали.

Разъяренный кит

Когда детеныш, покинув спящую мать, подплывал к «Зодиаку», чтобы рассмотреть лодку поближе, мы были готовы удовлетворить его любопытство, правда не безоговорочно, ведь любопытный кит, пусть даже это крошка длиной всего 3–5 метров и весом в несколько тонн, не самое безопасное соседство для такого легкого суденышка. Однажды мамаша любопытствующего отпрыска, проснувшись, вдруг обнаружила, что дитяти нет рядом. Поглядела вокруг, а он заигрывает с Филиппом, Делемоттом, Сержем Фулоном и — надо же! — с «Зодиак». Она рванулась к лодке, и всё — люди, снаряжение, «Зодиак» — взлетело на воздух. Совершив небольшой полет, лодка шлепнулась на поверхность взбаламученного моря, а нежная мать увела своего крошку подальше от опасности и даже не оглянулась. Сами по себе калипсяне не вызвали у нее никакой вражды, она думала только о благополучии ребенка. Материнское чувство у крупных морских млекопитающих развито очень сильно.

Обычно мамы вразумляют детенышей, не прибегая к физическому воздействию. В бухте Матансита одному малышу вздумалось потереться о корпус «Калипсо». Проснувшись и увидев, что происходит, мать взмахнула могучим хвостом, примчалась за озорником и поспешно увела его прочь, чуть ли не по-человечески выражая любовь и негодование.

Но были примеры и другой реакции малышей на появление «Зодиака». Один китенок, увидев лодку, возбужденно заметался вокруг матери и подталкивал ее головой, всячески стараясь разбудить. Она продолжала дремать, тогда малыш нырнул. Тут уж мать наконец проснулась и последовала за ним. Хорошо для «Зодиака», что вышло именно так. Мало ли что могло прийти в голову матери, если бы тревога детеныша сразу передалась ей.

Паника в бухте

В бухте Скаммона есть между дюнами укромные заливчики, где охотно укрываются мамыши. Калипсяне быстро разведали эти убежища и назвали их яслями.

Подходя к яслям на «Зодиаках», надо было соблюдать особенную осторожность, потому что самки очень остро реагировали на всякую потенциальную угрозу малышам. Если мы заставляли их бодрствующими, они тотчас настораживались, готовые дать отпор, и на всякий случай заслоняли собой детенышей от «Зодиака».

Раз Бонничи и Делемотт нечаянно произвели страшный переполох в яслях. Матери дремали, детеныши резвились рядом; в это время появился «Зодиак», и два малыша решили поближе рассмотреть странный предмет. В следующую секунду над заливчиком, словно смерчи, взвились к небу фонтаны сердитых родительниц, и поверхность воды избороздили волны. Когда вода успокоилась, малыши были уже насильственно водворены на место.

Все это произошло так быстро, что Делемотт и Бонничи даже не успели среагировать. Оператор машинально нажал кнопку кинокамеры, но, когда пленку проявили, оказалось, что на ней запечатлены лишь каскады воды.

В прошлом китобои в погоне за добычей часто использовали материнский инстинкт самок. Капитан Скаммон, чьим именем названа бухта, обычно открывал огонь по детенышам. Тотчас мамыши шли в атаку на лодку, и гарпунерам оставалось только бить их в упор. Правда, это была опасная игра; не так-то просто увернуться, когда на тебя идет разъяренное животное тонн на сорок. Не одна лодка капитана Скаммона была разбита взбешенными самками. Но это не помешало ему истребить множество серых китов.

Колыбель

Мало-помалу мы наловчились приближаться к китам так, чтобы не пугать и не настораживать их. Соблюдая полную тишину, подходили к животным сзади. Такая тактика позволила калипсянам подсмотреть, как самки кормили детенышей. Это было удивительное и чрезвычайно трогательное зрелище. И у великанов кормление — великое таинство, отмеченное печатью нежности.

Когда малыш сосет, ласты матери служат ему люлькой. Если им никто не мешает, мать лежит на боку, покачиваясь вверх-вниз, и поддерживает детеныша, следя за тем, чтобы его голова оставалась над водой. Китенок пососет несколько секунд — отдохнет, потом опять сосет.

Соски китихи, скрытые в кожных складках, величиной под стать ее туше. Окружающие молочную железу мышцы выдавливают струю молока с такой силой, что она может пролететь 2–2,5 метра.

Мы не только видели молоко кита на поверхности воды, но и смогли попробовать его. Желтоватого цвета, с довольно резким вкусом, оно содержит очень много жира — 35 процентов; напомним, что жирность коровьего молока — 3,5 процента.

Китенок растет с невероятной быстротой, прибавляя в день больше 90 килограммов, это почти около четырех килограммов в час. Девять дней — тонна. Ни одно животное в мире не сравнится в скорости роста с китами: к трем годам детеныш голубого кита достигает примерно 15 метров. Молочное кормление длится около семи месяцев; 17 месяцев приходится, так сказать, на юность; еще через год кит достигает половозрелости.

Резиновая кукла

Мы старались и так и сяк, но родов подсмотреть не сумели. И не потому, что киты были очень уж робкими, а потому, что в огромном лабиринте бухты Скаммона нам никак не удавалось в надлежащее время попасть в надлежащее место. Очевидно, роды происходят очень быстро. Это просто необходимо, чтобы детеныш не захлебнулся. Судя по останкам, которые мы видели на берегах бухты, у серых китов довольно высокая детская смертность.

Тед Уокер рассказал нам, что самка серого кита рождает на мелководье, лежа на спине, и тотчас выталкивает новорожденного на поверхность, чтобы он мог сделать первый вдох.

И в самом деле, мы видели новорожденных с мамашами только на мелководье. Тело такого детеныша мягкое, как резиновая губка, и он еще не умеет плавать. Даже если работает хвостом, все равно не двигается с места. И он не держится сам на воде, его удельный вес слишком велик, а грудная клетка недостаточно развита, воздух в легких не обеспечивает плавучести, поэтому мать должна поддерживать новорожденного. С «Зодиака» я часто

видел мамаш, несущих детеныша на ластах у головы или груди. Малыш крутится в воде, словно бочка, то на спине лежит, то на боку, но мать все время поворачивает его на живот и следит, чтобы голова была на воздухе.

Зная, что новорожденный китенок не держится на воде, уже не удивляешься, почему серые киты идут за 4–5 тысяч миль в мелкие бухты полуострова Калифорния, чтобы произвести на свет потомство. Если бы роды происходили в открытом море, детеныши вряд ли могли бы выжить.

17 февраля. Весь день готовились к ночному погружению. Покрыли гидрокостюмы светящейся красной краской, такие же полосы нанесены на «Зодиаки» и катера. Тед Уокер склонен думать, что у серых китов роды происходят только в темное время суток, оттого мы и задумали погружаться ночью.

Стартуем в 2 часа ночи. «Зодиаки» и катера уходят в густой мрак. Все пристально всматриваются, нет ли завихрений на воде, не видно ли фонтанов. Вот операторы ушли под воду, ассистенты включили светильники. Видим недвижимые силуэты спящих китов. Аквалангисты не идут на сближение: зачем тревожить животных, тем более что еще неизвестно, как они будут реагировать.

Внимательно осматриваем спящих китов, однако не заметно, чтобы какая-нибудь самка рожала. Снимаем несколько кадров и возвращаемся на «Калипсо». Светает, утренняя заря окрасила дюны в розовый цвет.

Пеликаны

Постепенно мы оценили и даже полюбили пустынные ландшафты Калифорнийского полуострова, где в сухих песках процветает свой, особый животный мир, огороженный скалами, по краю которых мангровые заросли купают в воде корни, похожие на змей.

Нашей главной задачей в бухтах Скаммона и Матансита было изучение серых китов. Но, придя туда, мы увидели еще и пеликанов и увлеклись ими почти так же, как китами. Они сразу бросились нам в глаза, и для нас было подлинным откровением, как они умны и до чего красивы в полете. Строй пеликанов напоминает эскадрилью бомбардировщиков. Приводнясь, они вытягивают ноги и скользят до десяти метров, прежде чем лечь на воду.

Пеликаны были с нами все дни. По утрам и вечерам, в одни и те же

часы, когда воздух пронизывали розовые лучи солнца, они строем пролетали над серыми и персиковыми дюнами, словно выполняли продуманный, обязательный для них маневр.

День они проводили в одном месте, ночь — в другом, собираясь в огромные стаи, до тысячи особей. А то придет им что-то в голову — и летят по прямой над самой поверхностью воды.

Когда пеликаны ловили рыбу, каждого из них сопровождала чайка, сопровождала, что называется, по пятам и поедала все, что он ронял или оставлял. Пеликан ныряет — и чайка тоже.

Нам попался пеликан с перебитым крылом. Мы взяли его на «Калипсо», но на другой же день он ухитрился перелезть через борт и шлепнулся на воду. Лежит и жалобно кричит — взлететь-то не может. Серж Фулон прыгнул следом, подобрал пеликана и вернул на «Калипсо». До этой минуты птица не проявляла никакой враждебности, напротив, очень хорошо воспринимала нас. Но с той минуты, как Серж ее, можно сказать, спас, она не могла выносить его вида! Всем разрешалось гладить пеликана, только не Сержу. Стоило ему приблизиться, как пеликан поднимал страшный крик и угрожающе щелкал клювом. А пеликаний клюв с острым крючком на конце — достаточно грозное оружие...

Кормить гостя было поручено Делемотту. Он назвал своего подопечного Альфредом (в честь Альфреда де Мюссе), и польщенный пеликан очень бережно брал корм из его рук.

Естественно, как только Альфред поправился, мы его отпустили.

Швейное мастерство

Не успел Альфред улететь, как у нас появился новый жилец из того же племени. Нашли его на берегу; он был очень жалкий, слабый и хилый. Филипп доставил беднягу на борт «Калипсо», мы осмотрели его и обнаружили, что мешок под клювом распорот во всю длину. (Эластичный мешок в нижней части пеликаньего клюва растягивается и вмещает изрядный запас корма.) Понятно, птица голодала, ведь добыча тут же вываливалась. И пострадала она не от несчастного случая. Нам рассказали, что местные мальчишки, поймав пеликана, разрезают ему мешок перочинным ножом...

Судовой врач Франсуа отыскал суровую нитку и большую иглу.

Продезинфицировав их спиртом, он зашил пеликану мешок. Уже на следующий день птица могла есть. Еще через несколько дней доктор Франсуа объявил, что курс лечения закончен, и пациента отпустили.

Как ни мало длилось наше знакомство с этими двумя пеликанами, все калипсяне успели привязаться к ним. Право же, трудно устоять против созданий, так удачно сочетающих врожденное достоинство и юмор.

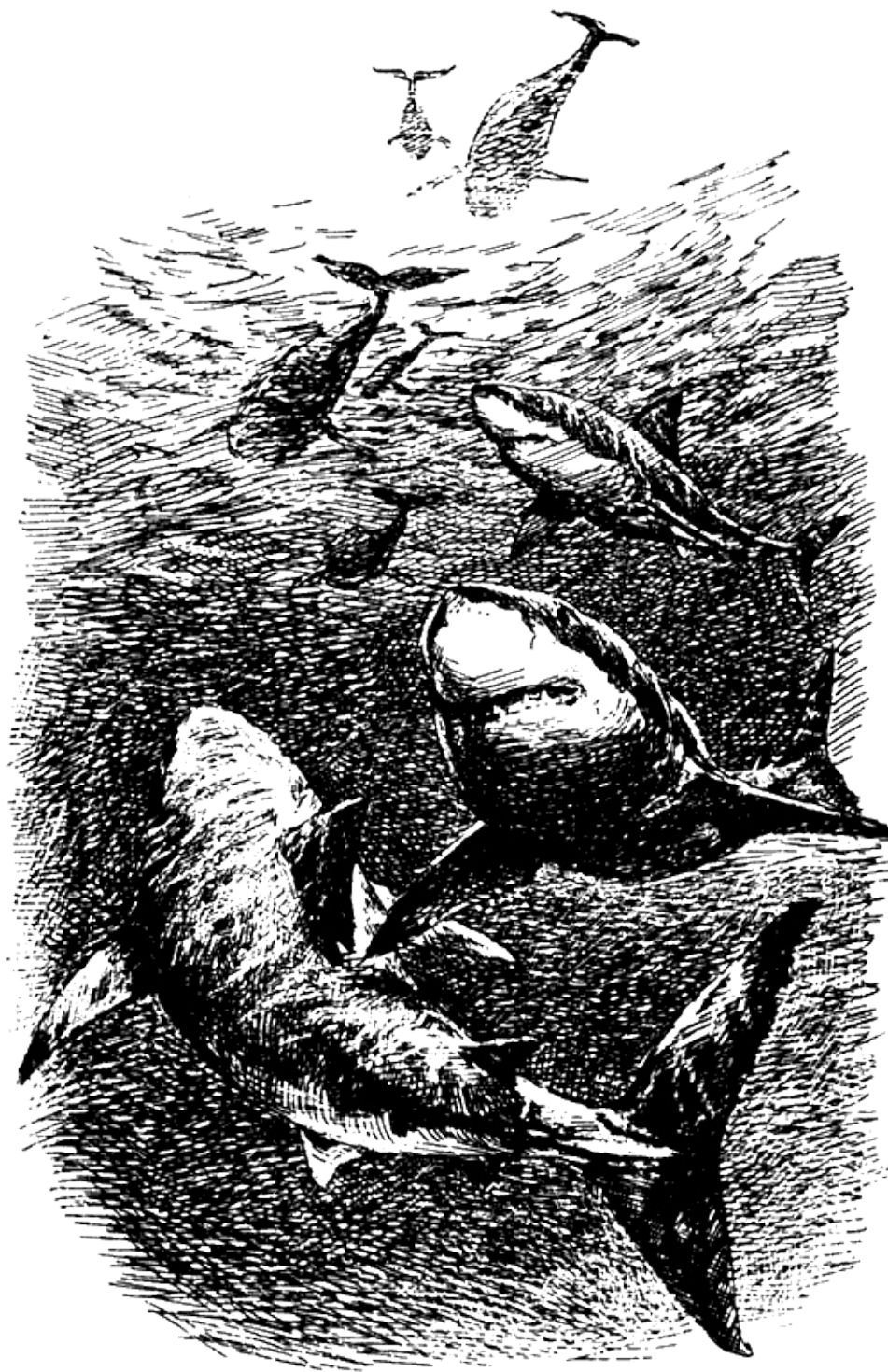
После нескольких недель общения с калифорнийскими пеликанами, видя их каждый день, слыша их крики, мы начали воспринимать этих птиц как неотъемлемую часть окружающей нас природы. Вместе с китами, песками и манграми они стали для нас олицетворением этого края, такого безлюдного и вместе с тем изобилующего живыми тварями. Казалось, здесь ничто не менялось с начала времен.

Пеликаны и киты мирно живут бок о бок, нисколько не мешая друг другу. Пеликаны не трогают туши погибших детенышей серых китов. Роль санитаров выполняют местные падальщики — грифы-индейки *Cathartes aura*.

Преданная тетушка

«Калипсо» покинула Калифорнийский полуостров, когда серые киты начали выходить из бухты в Тихий океан, направляясь на север, к Ледовитому океану. Возглавляли стадо киты постарше, знакомые с маршрутом. Начиная долгий, 4000-мильный путь, киты прощались с пустынным краем, а впереди их ожидали изобилующие планктоном арктические воды. В этом странствии участвуют и совсем юные киты, благополучно перенесшие перипетии детства. Им помогают в пути матери и «тетушки».

Только тут мы обнаружили, что у выхода из пролива таятся в засаде хищники. Здоровенные белые акулы длиной до четырех метров подстерегали отставших от стада юнцов. Атаковать в открытую акулы не смеют. Они не так агрессивны и сообразительны, как косатки.

Мы опустили в воду «акулоубежища», и, несмотря на сильное течение, наши операторы с ассистентами приготовились снимать прохождение китов. В глубине души они надеялись запечатлеть на пленке битву гигантов. Увы, никаких схваток не произошло. Да и вода была очень мутная.

Тогда мы пристроились к стаду. Миграция началась, и киты плыли не спеша, принаравливаясь к детенышам, о которых они вообще очень трогательно заботились.

Основа китового стада — семья, а семья зиждется на материнской любви. Новорожденный детеныш несколько лет нуждается в постоянной опеке. Но мать одна не в силах уберечь его от всех опасностей и обучить всему, что он должен знать. Помогает ей в этом не отец, а другая самка, которую принято называть «тетушкой».

Феномен «тетушек» объясняется физиологически. Поскольку беременность у китов длится 12 месяцев, самки рожают не каждый год. Когда детеныш выкормлен и становится более или менее самостоятельным, его мамаша оказывается без дела, и материнский инстинкт побуждает ее заботиться о других малышах. Это свойственно всем крупным морским млекопитающим, а также некоторым наземным, например слонам.

Кстати, в поведении китов и слонов есть и другие общие черты, возможно, потому, что беременность у них длится долго и потомство развивается медленно.

Мы и сами смогли убедиться, как надежны «тетушки». Нам встретился малыш, которого с двух сторон охраняли крупные самки. И сколько мы ни пытались зайти так, чтобы отделить детеныша, каждый раз одна из самок оказывалась между ним и «Зодиаком». (Китенок был слишком мал, чтобы нырнуть.) Одна из самок вела себя особенно возбужденно: все время крутилась и фыркала. В чем дело? Мы решили подойти к ней ближе, но она каждый раз отходила в сторону.

Лишь обнаружив, что мать с детенышем пропали из виду, мы поняли, что весь этот спектакль был затеян, чтобы отвлечь нас. Преуспев в своем маневре, «тетушка» нырнула и тоже исчезла, а мы остались в дураках.

Есть «тетушки» и у горбачей. Филипп Сиро, командовавший «Кэлью» во время бермудской экспедиции, заметил, что когда преследуешь горбачей, они быстро уходят. Но если среди них есть хоть один детеныш, который не может поспевать за всеми, стадо ждет поблизости, а один из взрослых — очевидно, «тетушка» — уводит преследователей в другую сторону.

Вот еще пример в этом же роде. Одному «Зодиаку» почти удалось отсечь детеныша от родительницы. Малыш устал, спасаясь от преследования, ему грозил плен, и мать, казалось, уже ничем не могла ему помочь. Но тут вмешалась «тетушка»: она напала на «Зодиака», и, пока люди разбирались с ней, мамаша увела свое дитя подальше от опасности.

Не одну тягостную ночь провела команда «Кэлью» на якорной стоянке над обособленным рифом в бермудских водах. Волны нещадно трепали маленькое суденышко, теснота была жуткая, и весь отряд мучился морской болезнью, только Филипп, Делемонт и Давсо устояли против нее. В довершение ко всему коек не было, и люди лежали в спальнях мешках.

Но в один прекрасный день члены отряда были вознаграждены за все муки. Море утихомирилось, стало гладким словно зеркало. А затем кто-то увидел неподалеку фонтан. И рядом другой, поменьше. Это была самка горбача с детенышем. «Зодиак» помчался к ним и принялся описывать «заколдованный круг». До сих пор этот прием совсем не действовал на горбачей, они всегда уходили. Теперь же он сработал безотказно. Конечно, причина была та, что мамаша не хотела бросать малыша.

Филипп и Делемонт погрузились в кристальную воду и, прилагая все усилия, чтобы киты не вышли за радиус действия кинокамеры, полчаса наблюдали поразительный подводный балет.

— Это была удивительно мирная картина, полная особого изящества, — рассказывал потом Филипп. — Мамаша раскинула свои огромные белые ласты, словно крылья. Идет по кругу, останавливается, снова трогается с места и все время поддерживает детеныша и подталкивает его к поверхности, чтобы дышал.

На снятых в тот день кадрах видно, как самка и малыш идут прямо на Филиппа, он с камерой в руках проплывает между ними — и мамаша сгибает конец ласта, чтобы не задеть его!

И это было вовсе не случайно. В другой раз один горбач поднял вверх весь ласт, пропуская оператора.

— Они двадцать раз могли нас убить, — говорил Филипп. — Честное слово, во всей моей подводной практике я не помню более прекрасных минут и часов.

Обычно, как ни старались мы отделить детеныша от матери, она всячески противилась этому. И чаще всего одерживала победу над нами.

Попав в окружение, мать подталкивала детеныша, стремясь прорвать кольцо. Если в окружении оказывались два взрослых кита и малыш, мать оставалась с детенышем, а второй взрослый кит, отойдя в сторонку, ждал. Как только мы снимали осаду, все трое соединялись и плыли дальше.

Кашалоты

Семейные узы кашалотов, похоже, еще прочнее, чем у беззубых китов. Ведь в стаде кашалотов может быть до сотни особей из одной семьи, возглавляемой крупным самцом.

Вот выдержки из моих записей об одной встрече с кашалотами в Индийском океане.

Понедельник, 15 мая. В 08.35 замечены киты, и мы тотчас спускаем на воду «Зодиак». Это кашалоты, они ходят маленькими группами. Стоит «Зодиаку» приблизиться к какой-нибудь из групп, как киты ныряют. Минут двадцать — двадцать пять они держатся под водой, потом всплывают поодаль. «Зодиак» мечется от одной группы к другой, и применить нашу технику «виразу» никак не удастся. Вот Бебер взял курс на очередную группу поблизости от «Калипсо». Киты бросаются сначала вправо, потом влево; можно подумать, что они играют с нами.

В 11.21 одна группа ныряет и всплывает через 9 минут. Справа и слева впереди «Калипсо» видны фонтаны двух других групп. Потеха: Бебер носится туда и сюда, но никак не может их настичь. А они всплывают около «Калипсо» и спокойно плывут рядом с судном.

В 13.53 Бебер сдается.

В прозрачной воде у самого борта ходит великолепная корифена.

Вторник, 16 мая. Во второй половине дня Диди отправляется в свою каюту, чтобы вздремнуть, и вдруг видит в иллюминатор стадо кашалотов. (Интересно, чем были заняты вахтенные на палубе?)

14.05. «Зодиак» пытаются подойти то к одной, то к другой группе китов, и все безуспешно. «Калипсо» включается в преследование, но кашалоты не подпускают нас близко.

«Зодиак» делают новую попытку, и дважды могучий хвост, внезапно прорезая воду перед носом лодки, едва не опрокидывает ее.

Побег молодого кита

Наконец Фалько замечает «юнца» весом всего около трех тонн. «Зодиак» настигает животное и начинает описывать круги. Оказавшись в

кольце бурлящей воды и рокота, кит теряется. Он не уходит вглубь, а поворачивает то в одну, то в другую сторону. Но вскоре замешательство сменяется раздражением, и юнец старается поймать открытой пастью проносящийся мимо «Зодиак». Сначала он лежит в обычной позе, на брюхе, потом поворачивается на бок, так что видно всю пасть. Фалько дважды выпускает в сердитого зверя гарпун для мечения, и оба раза острие отскакивает от кожи.

Тут подходят на катере Морис и Рене. Пока Фалько перезаряжает гарпунное ружье, они отвлекают озадаченного юного кашалота.

Но вот кит сориентировался и, собравшись с силами для заключительной атаки, бросается на катер. Столкновение... Грохот...

Подвесной мотор срывается и повисает в воде за кормой. Морис Леандри от толчка вылетает за борт, но, подхлестываемый страхом, живо возвращается на катер. Что же до юного кита, то он, прорвав кольцо, спокойно ныряет и исчезает, явно удовлетворенный успешным маневром.

Да только Бебер и Морис так легко не сдаются. Едва мотор водворен на место, катер и «Зодиак» мчатся вдогонку за беглецом. Промчавшись около мили, они настигают кита и снова замыкают кольцо. Юный кит опять попадает в «заколдованный круг».

Считанные метры отделяют «Калипсо» от поля боя, и Барский лихорадочно снимает. Слышим крики Фалько, его возбуждение передается нам, все хватают свои камеры и бегут на нос.

Юный кит снова пытается поймать челюстями катер и «Зодиак».

Морис во второй раз летит за борт, все затаивают дыхание... Кит делает выпад вправо, влево, хватая зубами торчащую из кормы катера железную раму. Потом сворачивает в сторону, и Морис поспешно забирается в лодку.

«Зодиак» дважды достается удар могучим хвостом — к счастью, оба раза лодка, совершив небольшой полет, приводняется на днище.

Фалько стреляет из порохового ружья коротким, безвредным гарпуном — острое отскакивает от китового бока, словно от тугой резины. Фалько целится в брюхо, на этот раз гарпун пробивает кожу и вонзается в жировой слой.

На секунду кит замирает на месте, потом идет на запад со скоростью 8 узлов. В 17.05 буй на конце 500-метрового пропиленового линя чертит змейку на поверхности воды, и мы готовим на ночь аэростат.

Кит дышит нормально: выдох-вдох каждые четверть часа. По-прежнему идет на запад. Поодаль вырастают два фонтана — несомненно, это родители юнца. На закате он соединяется с ними. Аэростат уже привязан к бую, и мы предвкушаем интересный вечер.

Вдруг буй останавливается. Аэростат плавно летит над водой. Бернар и Фалько мчатся к бую и выбирают линь. Он цел, цел и гарпун на конце линя.

— Поразительно умные животные, — объявляет Бебер. — Пока мне не докажут противное, буду уверен, что взрослые киты выдернули гарпун из брюха юнца.

И ведь не исключено, что так оно и было. Случаи взаимопомощи китов известны, и до нас давно доходили рассказы о китах, освободивших своего товарища от гарпуна.

Словно для того, чтобы развеялись все наши сомнения, вдали показываются три кита, они мирно плывут к темнеющему горизонту.

Мальш, который потерял голову

Было у нас и еще одно приключение с китенком, которого решительно защищали от нас его сородичи.

«Калипсо» направлялась в Джибути за провиантом. Все мы были воодушевлены встречами с китами, тем более после того, как посмотрели кадры, запечатлевшие эти встречи.

Вторник, 24 мая. Замечены кашалоты. Четыре раза «Калипсо»

пытается подойти к ним. Первые три попытки Ли снял на киноплёнку из подводной обсерватории. Но мы не сумели подойти достаточно близко, чтобы Фалько мог поразить кита гарпуном с носа «Калипсо».

Спускаем на воду два «Зодиака», они берут в кольцо молодого кита. Полтора часа, пока Бебер готовит свое оружие, лодки не отпускают жертву. В 10.30 гарпун вонзается в юного кашалота, в 11.00 от «Калипсо» отваливает катер с аппаратурой для подводных съёмок.

Вскоре к юнцу присоединяются два взрослых кашалота (вероятно, родители), а там и все стадо подходит. Мы насчитываем вокруг «Калипсо» 11 кашалотов, и есть среди них настоящие исполины. Внушительное зрелище!

С 11.25 до 12.30 лодки непрерывно снуют между «Калипсо» и плененным зверем; мы снимаем на фото- и киноплёнку, над водой и под водой, записываем звук.

Наш звукооператор Лагорио, весь в проводах, с наушниками, с болтающимся на животе рекордером, прыгает с катера на катер и командует могучим баритоном: «Тишина!», производя больше шума, чем кто-либо другой.

В конце концов юному кашалоту удастся уйти.

Осмотрев наконечник гарпуна, лишний раз убеждаемся, что наше снаряжение не годится для такой работы.

С палубы «Калипсо» видно, что китовое стадо охвачено возбуждением. Три кашалота совершают прыжки — несомненно, радуются, что молодой кит соединился с семьёй то ли сам, то ли с помощью взрослых.

Рано радуются! «Зодиак» снова отрезает молодого кита и заставляет его замереть на месте. В 14.40 Фалько опять удаётся поразить пленника гарпуном. Э нет, мы ошиблись, это другой кит, он покрупнее первого, и на нем нет метины от гарпуна. Впрочем, нам не до того, чтобы разбирать свою ошибку. Через 5 минут гарпун выскакивает, кит ныряет и уходит.

В 15.15 мы снова настигаем его, и Фалько вонзает гарпун прямо в спину — торчит, будто маленькая мачта. А главное, держится. Затем следует обычная процедура: цепляем буй, 500 метров нейлонового линя, аэростат. Идет съёмка, звукозапись.

Родичи нашего пленника плывут впереди «Калипсо», чуть правее, и ждут. Время от времени они издают звуки, то ли подбадривая его, то ли указывая ему путь. Один кашалот держится совсем близко и, похоже, отвечает на крики юнца.

Подводные микрофоны улавливают три рода звучаний: голоса

молодого кита, его мамы и, по-видимому, вожака стада.

На этот раз ничто не мешает нашему радару следить за аэростатом. Погода чудесная.

Среда, 25 мая. На рассвете китовое стадо по-прежнему рядом с нами. За ночь они прошли вместе с «Калипсо» 20 миль на север.

Получаем радарное эхо Адена: азимут 313, дистанция — 56 миль. Хотим набросить аркан на хвост нашего пленника, чтобы извлечь гарпун и отпустить его. Однако это легче сказать, чем сделать. Бонничи и Ален делают попытку за попыткой, совсем из сил выбились, и тут юный кит сам помогает им: крутится и вертится так, что петля надевается ему на хвост. Мы не управились — он сумел.

Но как мы потом снимем аркан?..

Подойдя на «Зодиаке», Бебер пробует выдернуть гарпун, но древко обламывается, падает в воду и запутывается в лине.

Все это время Лагорио записывает с катера подводные звучания. Среди китов явно идет оживленная беседа. Очевидно, стадо ждет, чем закончатся наши маневры.

Отдохнув, Бебер и Ален пытаются обрезать аркан ножом, но кит так дергается, что невозможно ухватиться за ласт, и они боятся поранить пленника.

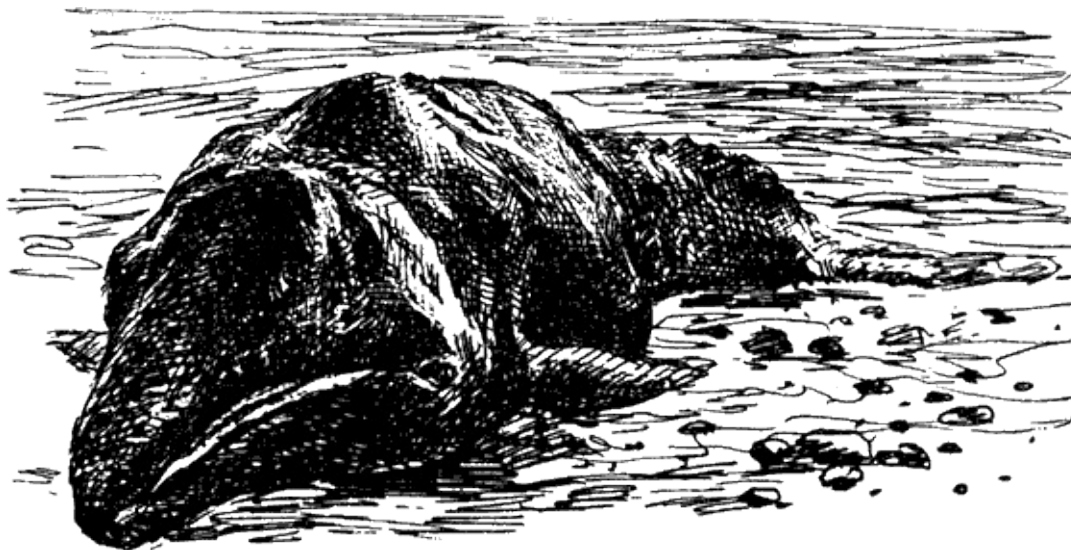
В 16.00 наступает торжественная минута. Делуар снимает на кинолентку, как два аквалангиста под водой разрезают запутанный лине и освобождают кита. Наконец-то!

Юный кит идет к стаду. На смотровом мостике Гастон наблюдает в бинокль радостный прием, который китовая семья оказывает блудному сыну.

Глава девятая

Малыш, которому хотелось жить

24 февраля. Напоследок хочу еще раз обозреть ставшую мне близкой бухту Скаммона с ее яслями, покаями для любви и кладбищем. Вместе с Филиппом на небольшом самолете совершаю полет над бухтой.

Перед вылетом прошу команды «Полариса» и «Калипсо» провести подсчет китовой популяции. Хотелось бы также подсчитать туши погибших новорожденных и определить процент детской смертности.

Длина новорожденного серого кита — около 3,5 метров, и весит он почти тонну. Через три месяца, достигнув 6–7 метров, он будет достаточно крепок, чтобы приступить к первому в своей жизни походу на север. Конечно, если доживет до той поры.

Детеныши подвержены разным болезням, есть у них и естественные враги — акулы и косатки. С воздуха мы насчитываем в бухте около десятка мертвых детенышей. И в мангровых зарослях вдоль берегов лежат скелеты. Кое-где кости сдвинуты корнями мангров.

Не все останки можно отнести на счет болезней или акул. В отличие от человека киты следуют неумолимому закону природы: при малейшем органическом недостатке у новорожденного мать сразу бросает его, и он, разумеется, гибнет. Бессердечие? Возможно, но только на человеческую мерку. В природе жизнь и смерть идут рука об руку, и, может быть,

продлевать жизнь неполноценному детенышу более жестоко, чем дать ему поскорее отмучиться. К тому же, обремененное калекой, все стадо пойдет медленнее и окажется уязвимее. А это ничем не оправданный риск, ведь, как бы мать ни заботилась об уродце, вряд ли он выживет. В море, как и в джунглях, законы природы не отменены, и лишь самые приспособленные достигают зрелого возраста.

Новорожденный терпит бедствие

28 февраля пилот нашего разведочного самолета докладывает по радио, что у входа в бухту застрял на мели китенок. Тотчас доктор Уокер, Филипп и Делуар отправляются на катере к месту происшествия.

Небо над бухтой, как обычно, свинцовое, в воздухе легкий туман. Внезапно сквозь низкие тучи и мглу пробивается солнце. Филипп видит темный силуэт вдали, на песчаной косе. Катер идет туда. Несомненно, это китенок, о котором говорил пилот. Но жив ли он?

Тед Уокер и Филипп сразу же приступают к осмотру, Мишель снимает. Есть признаки жизни, правда совсем слабые. Проверив глаза детеныша, доктор Уокер сообщает, что в них еще теплится искра жизни. И разума. Он лихорадочно ищет на катере тряпки или брезент — что-нибудь, что можно намочить, чтобы накрыть беднягу.

Вне воды кит быстро погибает от перегрева. Солнце обжигает кожу, тело обезживает. Кроме того, ослабленное животное может захлебнуться во время прилива.

Вблизи китенок с распластанным на песке длинным плоским рылом, с голубоватой упругой кожей, с закрытыми глазами казался мертвым. Собственный вес приковал его к месту в нескольких метрах от животворной воды, и беспомощному сыну исполинов оставалось лишь ждать конца. Если мы не придумаем, как его спасти, он обречен и вскоре превратится в корм для птиц...

Как только мы начали поливать детеныша водой, ему стало заметно легче. Тед Уокер, весь в поту, с мокрой бородой, тяжело дыша, носил воду в полиэтиленовом мешке. Обольет несчастного китенка и спешит обратно к воде, шлепая мокрыми тапочками. Детеныш начал шевелиться.

Сирота?

Филипп уже передал по радио на «Калипсо», как обстоят дела, и попросил не мешкая прислать людей с сетью и канатами.

А детеныш что-то опять замер, глаза закрыты для защиты от солнца. Похоже, организм его чересчур обезвожен. И на голове кровоточит зияющая рана — кто-то клювом поработал, вероятно кулики: они маленькие, да прожорливые.

По размерам раны Тед заключает, что китенок лежит тут не один час, может быть еще со вчерашнего вечера. Нам невдомек, что с ним могло случиться. Маловероятно, чтобы его застал врасплох отлив. Он уже достаточно большой, и мать вполне могла своевременно выручить его.

Возможно, он сирота. Или калека, брошенный родительницей. Во всяком случае, он заметно истощен. Позже мы нашли в его экскрементах осколки ракушек, как будто он пытался прокормиться сам. Или же моллюски были дополнением к материнскому молоку; поди угадай, как было дело.

Тед Уокер не находит себе места: когда же прибудет спасательный отряд! Он словно отец, переживающий за больного сына.

Первая помощь

А вот и спасательный отряд мчится на «Зодиак» — Делемонт, Бонничи, Делькутер. Привезли большую сеть и тросы. И начинается баталия. Детеныш весит больше 2 тонн, никак с ним не справишься, тем более Тед все время твердит, чтобы с младенцем обращались понежнее, а Филипп то и дело покрикивает:

— Живей! Живей! Его надо поскорее в воду!

Медленно, с великой натугой шесть человек закатывают инертную массу на сеть и волокут к животворной воде. Ощувив прохладную влагу, китенок вздыхает, и по всему его телу пробегает дрожь. Но пациент еще не спасен. Калипсяне вернули его в родную стихию, однако он слишком слаб, на поверхности не держится. Дыхало под водой — того и гляди, захлебнется.

Спасатели лихорадочно трудятся, подвешивают сеть за концы к поручню катера, получается нечто вроде люльки, она поддерживает китенка на поверхности у борта, так что дыхало не захлестывается водой. Жгучее солнце поднялось совсем высоко, но пациент жив и дышит нормально. Тед Уокер, перегнувшись через борт катера, поглаживает беднягу, что-то ласково приговаривая.

Медленно, очень медленно катер идет обратно к «Калипсо». Тед умоляет Филиппа, чтобы шел тише... еще тише. Похоже, есть все-таки надежда спасти китенка. Все зависит от того, насколько был обезвожен его организм до нашего вмешательства.

Моральные обязательства

Всех калипсян захватила психологическая и философская сторона эпизода с китенком; я, сверх того, воспринимаю возникшую перед нами задачу как личный вызов.

Этот детеныш словно лакмусовая бумажка для проверки нашей чувствительности, и наблюдать реакцию каждого очень интересно. Одни изображают твердокаменное равнодушие, а сами то и дело подкрадываются к борту посмотреть — дышит еще? Другие проявляют свои эмоции бурно, но таких меньшинство; что ни говори, работа на «Калипсо» — суровая школа. Всего интереснее смотреть на тех, кто держится спокойно и высказывает наиболее остроумные и эффективные идеи. На их примере особенно ярко видно, как трудно человеку мыслить трезво, когда речь идет о животных.

В самом деле, мы — 30 человек и корабль — находимся здесь отнюдь не для того, чтобы поправлять природу, спасая погибающих животных или пытаясь сократить детскую смертность, которая является естественным средством обеспечивать сохранность вида. И все же, разумно ли, нет ли, мы считали, что отвечаем за этого детеныша. Он умирает, мы подобрали его и, кажется, спасли. Тем самым мы как бы взяли на себя обязательство сделать все, чтобы он выжил.

Все три дня, что китенок находился с нами, калипсяне были особенно доброжелательны и предупредительны. Каждый был готов отстоять лишнюю ночную вахту, все следили за дыханием бедняги, ловили каждое его движение.

В первый день, когда китенка нашли и отбуксировали к «Калипсо», я решил, что лучше оставить его в воде, в люльке из сети, пусть понемногу восстанавливает силы. А главное, памятуя наши наблюдения, я надеялся, что мамаша будет разыскивать свое дитя и услышит его голос. Для нас это было бы идеальным решением проблемы: отпустим китенка и вернем его матери.

А пока следовало круглые сутки охранять его, ведь он мог стать легкой добычей акул, которыми кишела бухта. Ночью каждые два часа сменялся часовой, вооруженный винтовкой. Ему же было поручено регулярно проверять состояние китенка и тотчас известить меня, если покажется родительница.

Первая ночь прошла без приключений. Утром китенок все еще был жив, однако мать не показывалась.

Иона

В кают-компании утверждаем для китенка имя — Иона. Очень подходящее имя, если учесть, что это существо вышло живьем из китового чрева.

Похоже, что Иона пошел на поправку. Глаза открыты, и они уже не стеклянные, взгляд ясный; когда мы глядим на китенка, он глядит на нас. И ведет себя поживее, чем прежде.

Первая задача — придумать, как его кормить. И я начинаю осознавать, сколь велика ответственность, которую мы взяли на себя с той минуты, как сняли Иону с песчаной косы и отбуксировали к «Калипсо». Чем и как кормить двухтонного младенца? Тед Уокер старательно готовит пюре из наличных запасов сгущенного молока, муки и витаминов. И несет Ионе это блюдо.

Китенок невозмутимо глядит на него и учтиво распахивает пасть, когда Тед бросает ему порцию корма. Но угощение не проходит в глотку, все оказывается в воде.

Тогда мы мастерим из бочки и шланга огромную детскую бутылочку. Тед разбавляет пюре, получается совсем жидкая каша, мы суем конец шланга в пасть Ионе, надеясь, что он инстинктивно начнет сосать. И он сосет, но по-прежнему не может проглотить.

Он меня любит!

Заклучив, что возраст Ионы вполне позволяет ему принимать более твердую пищу, Тед вместе с группой добровольцев готовит смесь из моллюсков и кальмаров. Это угощение Иона глотает, притом с явным удовольствием. Тед кладет горсть за горстью на огромный язык, изогнутый в виде корыта. Кончив есть, Иона задерживает руку Теда и не отпускает ее. Со слезами на глазах Тед Уокер восклицает:

— Он понимает, что мы хотим его накормить! Он понимает... он меня любит!

Тед, всю жизнь изучающий животных и заочно привязанный к ним, тронут до глубины души поступком Ионы, этим призывом о помощи.

Отдаю команду остановить съемки и звукозапись. Негоже запечатлеть на пленке сердечный порыв любителя животных.

Чтобы скормить нашему младенцу 10 килограммов моллюсков и кальмаров, пришлось работать целый день, ведь четыре человека добывали этот корм на дне бухты. А что такое 10 килограммов для кита, даже новорожденного!

Надо добывать еще.

Обычный распорядок дня «Калипсо» перечеркнут, теперь все вращается вокруг Ионы. Рабочий график поломался, едим когда придется. Все крутятся около знатока китов Теда Уокера, предлагают свою помощь для спасения Ионы. Каждый старается что-то придумать сообразно своему темпераменту и опыту.

Но что поделаешь, наши возможности сильно ограничены. Доступный нам провиант, не считая моллюсков, рассчитан больше на людей, чем на китов. Проблема нешуточная. Сейчас-то Иона как будто набирается сил. Я верю, что он со своей стороны делает все от него зависящее.

Для полного успеха нам прежде всего нужен большой бассейн, где мы могли бы ухаживать за Ионой. И конечно, нужны лекарства и опытный ветеринар. Ни того, ни другого нет, и негде взять. Меня осеняет мысль связаться по радиотелефону с Морским зоопарком в Сан-Диего. Директор говорит, что с радостью примет Иону и будет выхаживать его, пока китенок не оправится настолько, чтобы его можно было выпустить. Несомненно, это лучший выход, к тому же единственный. Нелегко расстаться с нашим малюткой, отдать его в чужие руки. Но и держать китенка, зная, что нам вряд ли удастся его спасти, — непростительный эгоизм. Тем более что в

Сан-Диего специалисты, конечно же, обеспечат ему наилучший уход. И наблюдения с новейшей аппаратурой будут на благо не только Ионе, но и другим китам. Так что у нас просто нет выбора.

Но тут возникает другая проблема: как доставить Иону в Сан-Диего? Он не выдержит такой долгой буксировки, даже если мы пойдем медленно, а ведь его нужно доставить возможно быстрее.

Китовая сбруя

Впрочем, сию минуту нас больше всего заботят раны на голове Ионы: они гноятся. Морис и Анри задумали сделать сбрую, в которой китенок чувствовал бы себя удобнее. А как совсем оправится — если вообще оправится, — сможет свободнее двигаться в воде у борта «Калипсо». Решено поднять его на кормовую палубу; наденем сбрую, а заодно Тед займется ранами.

Поднять кита из воды — дело мудреное. Даже новорожденный китенок может сломаться от собственного веса без равномерной опоры. Готовим нечто вроде гамака, подвешиваем его к пневматической лебедке, предельно осторожно заводим под туловище пациента, затем медленно, бережно поднимаем Иону на палубу.

Тотчас Тед принимается за дело. Он заключает, что пожеваны птицами чувствительные губы, защищающие ус; есть раны и вокруг дыхала. Проверяет дыхание Ионы, пытается прослушать сердце стетоскопом, но жировой слой слишком толстый. Затем он смазывает раны Ионы пастой из антибиотика и силикона.

Китенок на борту «Калипсо»... Это что-то удивительное, небывалое. Мы его видим, слышим дыхание, улавливаем трепет жизни в темной туше. Даже ощущаем излучаемое ею тепло... Иона такой же теплокровный, как мы. Пусть вне воды он похож на резиновый мешок с костями. Мы ведь видели китов в воде, знаем, как они изящны, как великолепны в своей родной стихии.

Иона отнюдь не посторонний, не чужой — мы словно давно знакомы и переживаем за него так же, как за любимого пса, ушибленного автомашиной, с той разницей, что чистая случайность позволила нам прийти к нему на выручку. Не будь нас здесь, его уже не было бы в живых.

Дыхало

Сейчас никто не задается вопросом, возможно ли общение человека с китом, не разделяет ли нас неодолимая пропасть. Мы думаем лишь об одном: его нужно спасти. Я бы сказал, что Иона и сам нас к этому призывает. До чего же он трогателен, и особенно трогательно зрелище его дышала, когда оно, дрожа, втягивает живительный воздух. Дыхание кита похоже на дыхание человека, только многократно усиленное. Почему-то это сходство поражает и волнует нас больше любого другого проявления жизни сына моря.

После обработки ран бережно надеваем на пациента сбрую и опускаем его в воду. Никогда еще вахтенный не обращался так бережно с лебедкой.

Вернувшись в воду, Иона оживает и делает несколько движений хвостом, словно хочет выразить свою благодарность и показать, что все в порядке. Сбруя ему явно больше по вкусу, чем сеть.

Вечером Тед Уокер уже не сомневается, что мы спасем Иону. Правда, не решен вопрос, как доставить его в Сан-Диего. Может быть, удастся вызвать гидроплан? Похоже, что состояние китенка улучшается. Правда, я замечаю, что ему трудно сохранять равновесие даже при самом малом течении.

Сегодня здешний пейзаж кажется нам особенно угрюмым. Тихо, пустынно, глухо, как будто мы попали в чужой мир. Вполне подходящий фон для эпизода с Ионой... Мы усыновили китенка, но бессильны что-либо предпринять сверх того, что уже сделали для него.

Ночное дежурство

Юный сирота борется за жизнь изо всех сил. Мы сделали для него все, что могли, но еще надо охранять его от снующих вокруг судна ночных хищников. И мы опять ставим на ночь вооруженных часовых.

В 3 утра просыпаюсь и выхожу на палубу проверить Иону. Вроде бы чувствует себя хорошо. Море спокойно.

В пять утра вахтенный Каноз будит капитана судна Кайяра. Выбежав на кормовую палубу, Кайяр видит, что Иона силится лечь на спину и очень

тяжело дышит.

Тогда Каноэ поднимает меня. Пулей вылетаю на палубу и обнаруживаю, что Иона мертв. Поздно мы нашли его. Он был слишком обезвожен, слишком обожжен солнцем, чтобы мы с нашими примитивными средствами могли его спасти.

Гляжу на светлеющее небо. Пеликаны уже проснулись и кружат высоко в воздухе.

Все калипсяне, словно их поднял беззвучный набат, столпились на корме. Иона стал уже неотъемлемой частью истории «Калипсо». Для этих ребят, большинство которых совсем молоды, он воплощает великое таинство жизни и смерти, одно из чудесных творений природы. И та же природа с коробящей человека жестокостью по своей прихоти уничтожила его. Мы и прежде видели смерть морских великанов, но никогда не были потрясены так, как при виде медленной агонии детеныша, который не хотел умирать и которого мы пытались вернуть к жизни. Но ведь наша реакция — это реакция наземных существ. Море не знает сочувствия и жалости.

Как это бывает, когда смерть подводит черту страданиям человека, кончина Ионы пробуждает нас от транса. На «Калипсо» восстанавливается нормальный распорядок, нарушенный так драматически, так трагически.

Теперь надо распорядиться останками. Катер оттаскивает тушу в сторону, на глубокое место, и мертвый Иона идет на дно. Мы не стали снимать с него сбрую. И мы не желаем видеть, что будет с ним, когда его обнаружат акулы.

Придя в себя от потрясения, видим, что ожидавшийся нами уход китов уже начался, начался давно, а мы и не заметили.

Ничего. Еще много столетий будут они снова и снова возвращаться сюда, где проходят важнейшие часы их жизни — часы любви, рождения и смерти.

Мы наблюдали все эти этапы когда почтительно, когда изумленно. Облеченный в плоть исполинов морей круговорот жизни и смерти производит особенно сильное впечатление. Хотя существо длиной 15 метров, весящее 40–50 тонн, превосходит все человеческие мерки, оно дышит, любит, страдает так же, как мы. Как ни различны наши жизненные пути, они в чем-то близки.

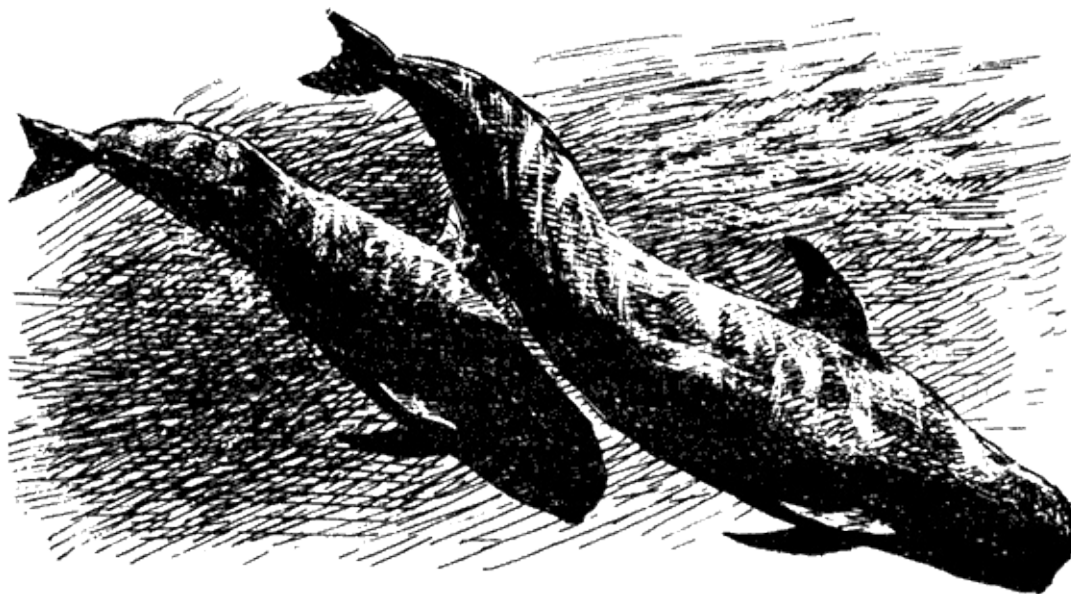
Сколько еще просуществует чудо природы — серый кит в современном мире? Теперь его охраняет закон, ему не грозит избиение, какое происходило в прошлом веке. Но всегда ли его убежище у берегов

Калифорнийского полуострова будет оставаться нетронутым? Всегда ли его залив будет оправдывать свое название бухты Уединения? Уединения для нуждающихся в нем китов...

Глава десятая

Сильнее и умнее всех: косатка

Между могучим кашалотом и голубым китом, с одной стороны, и стройным дельфином — с другой, стоят несколько животных средней величины, тоже морских млекопитающих, тоже наделенных интеллектом и напоминающих своей физиологией человека. Все они производят звуки, которые можно назвать осмысленными. Это гринда, это косатка, это бутылконос.

Умеренная — относительно — величина этих зубатых китов облегчает человеку контакт с ними. Ведь кашалоты и усатые киты при всем их миролюбии порой не отдают себе отчета в собственной силе.

До недавнего времени средние китообразные были мало изучены. Мы почти ничего не знали об их поведении, интеллекте, социальном инстинкте. Рассказы китобоев, отмеченные печатью человеческой предвзятости, живописали некоторых из них самыми страшными красками. Так, косатку называли «кит-убийца». Недаром природа вооружила ее грознейшими зубами, до двадцати восьми в каждой челюсти.

Во время экспедиций «Калипсо» мы встречали немало гринд и косаток. В Красном море («Калипсо» стояла на якоре возле рифа) наши аквалангисты заметили игравших неподалеку от судна гринд. Тотчас

Мишель Делуар ушел под воду с камерой, однако ему удалось отснять всего несколько метров пленки. Только подойдет к гриндам — они бросаются врассыпную, потом снова собираются вместе. Было такое впечатление, что мы застали их в период спаривания и они были заняты брачными играми. В таком случае наше вмешательство, естественно, было для них совсем некстати.

В другой раз, когда мы возвращались из очередной экспедиции, гринды встретились нам на полпути между Алеутскими островами и Анкориджем. Мы их легко узнали по круглой, как мяч, голове и ровной темной окраске. (Косатку отличают большие белые пятна.)

Эти гринды вели себя не так робко, как виденные нами в Красном море. Они подпустили «Калипсо» почти вплотную, потом не спеша удалились. Длина самой крупной из них была метров пять-шесть; максимум для этого вида — около восьми метров. Мы насчитали около двух десятков экземпляров, а бывают стада по несколько сот особей.

Стадо гринд — настоящий морской гарем, ведь самец, как и у кашалотов, полигам. Половозрелость у гринд наступает поздно: у самки — в шесть лет, у самца — в тринадцать.

Во время миграций гринды слепо идут за вожак, и это подчас приводит к катастрофе. Бывает, вожак, то ли чем-то напуганный, то ли по другой причине, попадает на мель — и все стадо следует за ним.

Кормятся гринды каракатицами и кальмарами. В памятную ночь у Санта-Каталины в Тихом океане, когда мы снимали брачный ритуал кальмаров, вокруг чудовищного скопления головоногих ходили гринды. Присутствие аквалангистов и яркий свет наших софитов вынуждали их держаться на почтительном расстоянии, но совсем уходить они не желали, и самые отважные время от времени делали бросок, хватали кальмара и поспешно удалялись с добычей. Гринды вообще робкие животные, не то что акулы, которым ни софиты, ни аквалангисты не мешали пожирать наших кинозвезд.

Грозный враг

В 1967 году в Индийском океане нам встретилось стадо косаток. Мы смотрели на них с опаской, как выяснилось, напрасно. Тогда еще нам ничего не было известно о поведении косаток в неволе, и мы, как и все,

считали косаток самыми свирепыми из обитателей океана, отъявленными врагами всего живого в воде, включая аквалангистов. Нам представлялось, что в море нет ничего страшнее косатки; наслышанные об интеллекте этого зверя, мы опасались его даже больше, чем акулы. (Ум акулы сравним с умом крысы; впрочем, крыса не так уж глупа.) Да и зубы косатки — огромные, острые — производили внушительное впечатление.

Мы знали, что косатки — общественные животные, ходят стаями и атакуют жертву сообща. Поэтому, увидев стадо косаток, мы заключили, что в этом районе сейчас царит ужас.

Приведу выдержки из журнала.

12 апреля 1967 года. В 17.30 замечена стая небольших дельфинов — особый вид, его представители практически неуловимы. Бебер, Бонничи и Барский тотчас выходят на «Зодиак» и до заката безуспешно гонятся за ними. К каким только трюкам не прибегают эти дельфины! Сперва делятся на два отряда и расходятся в разные стороны. Преследуемый отряд снова делится на две группы. Затем уставшие ныряют, а их место занимают товарищи. Лодка отрезала одного дельфина — он прибегает к хитрому маневру: финт вправо, финт влево, назад. Только преследователи приноровились, как дельфин круто меняет тактику: либо ныряет, либо ложится на новый курс.

Возможно, такое необычное поведение — ведь мы привыкли к тому, что дельфины бесстрашно затевают игру около «Калипсо», — объясняется присутствием в этих водах косаток. Маневры, позволяющие дельфинам уходить от «Зодиака», несомненно, разработаны для обмана хищников.

За дельфинами и китами, представляется мне, почти всегда следуют акулы: подбирают остатки их добычи и даже нападают на детенышей или больных членов стада. Иное дело — косатки, они сами играют роль агрессоров, безжалостно расправляясь с каждым, кто позарится на их трапезу.

Тем не менее мы должны сделать все зависящее от нас, чтобы познакомиться поближе с этими животными. Применим тот же способ, что и с кашалотами, — вышлем «Зодиак» с гарпунером и с кинооператором, который не побоится прыгнуть в воду к косатке.

13 апреля. Не успел я разбудить Симону, как звучит сигнал тревоги. Все выскакивают на палубу, спускаем на воду «Зодиак». Но и с борта «Калипсо» ясно видно: косатки.

Их легко узнать по белым пятнам позади глаз и на брюхе, а также по треугольному спинному плавнику.

Все возбуждены. Утро принесло прекрасную погоду, суля отличный

день.

Как обычно, косатки быстро ориентируются в обстановке и относятся к нам недоверчиво. Стадо включает здорового самца весом в несколько тонн. Его спинной плавник торчит выше всех, словно штандарт полководца. Плавник поменьше, второй по величине, очевидно, принадлежит самцу помоложе, сыну великана. Рано или поздно сынок даст бой отцу за обладание гаремом.

В этой группе восемь-девять взрослых особей весом почти до тонны и около полудюжины молодых косаток. Подобно стаду, которое мы преследовали южнее Сокотры в 1955 году, они стараются уйти от нас, подчиняясь командам вожака. Общество людей и машин их не привлекает, и скорость «Калипсо» слишком мала, чтобы поспевать за ними.

Бебер и Бонничи затевают погоню на «Зодиаке» с 33-сильным мотором, «Калипсо» идет следом. В 9 часов, после отчаянной полуторачасовой гонки на скорости 15–20 узлов и множества хитрых финтов, Бонничи видит справа от «Зодиака», совсем близко, могучую черно-белую тушу. Метает гарпун — в яблочко! Косатка стремительно бросается прочь, увлекая за собой красный буй. Эти животные способны развить скорость больше 30 узлов. Но обтекаемое тело косатки не рассчитано на буксировку. Даже умеренная нагрузка вроде буя наполовину сокращает ее скорость.

Заметив, что один из членов стада пошел медленнее, остальные тоже сбрасывают ход, чтобы он мог их догнать. Минут через десять вожак решает, что не стоит больше ждать, стадо делает рывок и исчезает. Сочувствуя пленнице, Бонничи обрубает гарпунный лить; легкий гарпун сам выскакивает, и косатка идет вдогонку за своими. Сюрприз: косатка не атакует!

15 апреля. В 8 утра опять сигнал тревоги. Посылаем «Зодиак». Он вскоре возвращается. Все те же небольшие робкие дельфины...

А через несколько минут Симона замечает стадо гринд. Сбавляем ход, но спуск на воду «Зодиака» на сей раз затягивается. Два часа длится безуспешная погоня за гриндами. Почему-то они не подпускают нас близко, как обычно, а в страхе спасаются бегством. Что случилось? Впервые видим таких робких гринд.

За кормой «Калипсо» идет акула, но едва мы замедляем ход, как она поспешно скрывается.

После второго завтрака делаем еще одну попытку догнать пугливых дельфинов — и опять безуспешно. Тут явно что-то не так. Все животные, которых мы встретили за последние три дня, чем-то напуганы. Может

быть, орудуют японские китобои, истребляя подряд всех млекопитающих? Поразмыслив, отвергаем эту догадку. Животных-то много, — значит, не в истреблении дело, а кто-то нагнал на них страху.

А ведь началось это после 12 апреля, когда нам встретились косатки. Может быть, грозные, хотя и не очень многочисленные хищники водятся здесь в больших количествах?

Под вечер замечаем стадо косаток. Тотчас спускаем на воду «Зодиак», и начинается погоня; она длится дотемна.

Стадо состоит из огромного самца (длиной 8–10 метров, весом не меньше 3 тонн, высота спинного плавника — 1,5 метра), почти такой же крупной самки (ее плавник заметно меньше), семи — восьми самок среднего размера и шести — восьми детенышей. Это не то же стадо, которое мы видели несколько дней назад: нет молодого самца. Но численность примерно такая же. Группа кочующих самок и детенышей возглавляется единоличным властелином. Значит, нет соперничества; вожак то ли убил, то ли прогнал других самцов. И не известно еще, какая участь лучше: я сильно сомневаюсь, чтобы изгнанник в одиночку мог добыть достаточно корма.

Два часа «Зодиак» преследует стадо, направляемый по радио с «Калипсо». От взгляда вахтенных на смотровом мостике ничто не ускользнет.

Поначалу косатки держатся очень уверенно. Каждые 3–4 минуты они ныряют и появляются вновь в полумиле. Как правило, этого вполне достаточно, чтобы избавиться от любого преследователя, в том числе китобойного судна. Но «Зодиак» развивает по гладкой воде 20 узлов и может делать крутые повороты. И стоит косаткам всплыть за воздухом, как через несколько секунд их уже настигает жужжащий мотор.

Тогда они меняют тактику: всплывают каждые 2–3 минуты и прибавляют ход. «Зодиак» не отстает.

Значит, надо маневрировать. Косатки бросаются под прямым углом вправо, влево, назад, симулируют повороты на 180 градусов. И наконец следует коронный номер: вожак идет на виду со скоростью 15–20 узлов, даже выскакивает из воды. Его сопровождает только самая крупная самка. Все ясно: он хочет увести за собой «Зодиак», а стадо тем временем уйдет в другую сторону.

Уведя «Зодиак» от стада примерно на милю, самец ныряет и словно растворяется в воде. На самом деле он идет на голоса сородичей. Мы на «Калипсо» увлеченно следим за его маневром. В отличие от ребят на «Зодиак», мы не теряли из виду стадо. И мы видим, как вожак всплывает

среди своих подданных, явно убежденный, что он выполнил свой долг, ловко провел преследователей. Трудно не согласиться с ним. Если пренебречь тем, что он всплыл совсем рядом с «Калипсо»...

Эта погоня помогла нам пополнить наши знания о косатках, а Барский смог снять великолепные — и редкие — кадры. И все-таки в целом мы проиграли. Гонка была затеяна для того, чтобы пометить великана самца, но легкий гарпун вильнул в воздухе и скользнул по коже косатки. Бебер 4 раза повторил попытку, каждый раз одно и то же. Значит, эта система не годится.

Интересное наблюдение: в разгар погони, идя со скоростью 15–20 узлов, «Зодиак» пронесся над самой спиной всплывающей косатки, даже взлетел на воздух, будто самолет. Людей бросило на дно лодки; кинокамера, продолжая стрекотать, совершила небольшой полет и упала обратно на «Зодиак» — любопытно будет посмотреть, что за кадры вышли. Казалось бы, такой инцидент должен рассердить зверя, и вообще «Зодиак» причинил стаду немало хлопот, и все же косатки не пошли в атаку. Свирепые, чрезвычайно сильные и очень сообразительные животные и не помышляли нападать на утлое суденышко, хотя у них был вполне уважительный повод для этого. Стоило им только захотеть, и они шутя расправились бы с Бебером, Морисом и Барским. Они не захотели.

Когда «Зодиак» вернулся, Бебер сказал мне:

— Не знаю почему, но я чувствовал, что они нас не тронут.

Засада

В бухтах полуострова Калифорния, где мы три месяца гостили у серых китов, нам не попало ни одной косатки. Мы сразу узнали бы их по торчащему из воды большому треугольнику спинного плавника, однако их не было, а странно: ведь они могли учинить здесь расправу не хуже какого-нибудь китобойного судна. К тому же у входа в бухту, в устье пролива, мы видели косаток. Притаившись в засаде, они явно ждали, когда серые киты с детенышами выйдут из своего убежища.

С лодки из-за волн их было трудно рассмотреть, зато с самолета сразу видно. И с воздушного шара, на котором поднимался Филипп.

Кто-то из наших аквалангистов уверял, будто в проливе дежурит крупный серый кит, чтобы не пускать косаток в бухту. Но скорее всего

косатки, стадные животные, просто не хотели схватываться с противником в мелком заливе, где нет простора для маневра. Превосходство над серыми китами косаткам обеспечивают групповые действия, а как применить эту тактику, если кругом песчаные отмели?

Косатка — грозный противник. Она ныряет на глубину больше 300 метров и может оставаться под водой до 20 минут. Зрение у нее лучше, чем у беззубых китов (глаза больше), и на воздухе она видит так же хорошо, как под водой. Пожалуй, остротой зрения она не уступит кошке.

Если не считать человека, косатка — единственный враг больших китов, но в одиночку она была бы бессильна что-либо противопоставить могучим мышцам и огромному хвосту взрослого усатого кита. Косатки всегда атакуют стаей, нередко с нескольких сторон. Атаки стаи согласованны и эффективны. Пока одни хищницы кусают жертву за брюхо и гениталии, причиняя сильнейшую боль, другие вынуждают ее открыть пасть и хватают за язык. Пользуясь численным превосходством, атакующие устраивают жестокую кровавую расправу. Для отражения атаки усатые киты выстраиваются в круг или же отбиваются хвостами. Поэтому косатки предпочитают нападать на детенышей или молодых китов, при этом часть стаи отвлекает мать.

Не только киты составляют добычу косаток. Они нападают на кальмаров, морских слонов, тюленей, нарвалов. Даже дельфины, успешно справляющиеся с акулами, бессильны противостоять косаткам. Достается от хищниц также косякам тунцов и лососей.

Очевидцы описывают случай (сам я ничего похожего не видел), когда два десятка косаток окружили сотню дельфинов плотным кольцом. Затем хищницы стали поочередно врывать в гущу дельфиньего стада и хватать жертву. Кольцо не разомкнулось, пока каждая косатка не добыла себе по дельфину, и вся вода кругом окрасилась кровью.

Я склонен почти все, что рассказывают о косатках, считать преувеличением. Ведь факт остается фактом: эти животные довольно редки и, несмотря на свою силу и сообразительность, не сумели стать доминирующим видом.

Теперь нам точно известно, что людоедов среди китообразных нет. Косатки, чья легендарная свирепость веками устрашала моряков, никогда не нападают на аквалангистов. Больше того, они чрезвычайно легко поддаются приручению.

Меня всегда удручает зрелище животных в неволе, тем более когда речь идет о таком крупном и умном животном, как косатка.

Но хотя наблюдения над животным в неволе мало что говорят нам о его поведении в естественных условиях, никуда не денешься от того, что единственный пока способ для человека поближе познакомиться с косатками — наблюдать их в больших морских зоопарках. Сейчас неволя, так сказать, неизбежное зло, но не всегда же так будет.

После такого вступления хочу еще подчеркнуть, что животное в неволе заслуживает того, чтобы с ним обращались уважительно, и что наш долг — создать ему возможно более благоприятные условия.

Моби Долл — так назвали первую косатку, содержащуюся в неволе, в мариариуме Ванкувера. Необычна сама история ее появления в мариариуме. В марте 1965 года одному канадскому скульптору заказали статую косатки. Ему понадобилась модель, и он решил убить одно животное. Два месяца охотился, наконец сумел загарпунить косатку, но, когда настала минута нанести последний удар, у него рука не поднялась. Вместо этого скульптор доставил жертву в мариариум, вылечил пенициллином, дал ей имя Моби Долл и, всем на удивление, завоевал ее привязанность. Повторяю, это было в 1965 году, когда косатка еще слыла самым свирепым обитателем моря, «тигром океана».

Моби Долл стала знаменитостью. Высокопоставленные особы приезжали из Англии посмотреть, как двуногий друг косатки скребет ей брюхо жесткой щеткой. Когда Моби Долл умерла, ее оплакивали во всех англоязычных странах, и лондонская «Таймс» поместила некролог на двух колонках. (Вскрытие показало, что на самом деле Моби Долл была... самцом.)

Через несколько месяцев после смерти Моби Долл Сиэтлский мариариум приобрел у двух канадских рыбаков косатку за 8 тысяч долларов. В эту цену не входила доставка, и директор мариариума Эдвард Гриффин отправился к устью реки Белла-Кула, неподалеку от селения Наму, чтобы лично проследить за транспортом. Зверь оказался довольно крупным: длина 7 метров, вес около 4 тонн.

Всесторонне обдумав проблему, Гриффин решил поместить косатку в сеть с поплавками и отбуксировать в Сиэтл. Роль поплавков играли 40 пустых железных бочек. Сеть была подготовлена в несколько дней с

помощью 200 добровольцев из Наму. И косатку назвали Наму в знак благодарности местным жителям.

И вот сеть с косаткой двинулась в путь через проливы Королевы Шарлотты, Джонстона, Джорджия. Ее буксировали медленно, и следом шла стая косаток. Похоже было, что они хотят освободить своего товарища, однако стая воздерживалась от атак. Один самец и две самки, очевидно принадлежавшие к семье пленника, обращались к нему свистами и криками. Наму в ответ двигал спинным плавником, но бежать не пытался.

Через две недели, пройдя через американскую таможню, косатка была помещена в маринариум Сиэтла, где ее приняли по-царски. В пути косатка неделю не ела, потом все же проглотила двух лососей, и они явно пришлись ей весьма по вкусу, потому что в дальнейшем она никакой другой пищи не признавала. Эта неожиданная прихоть обошлась маринариуму в копейчку.

Наму умер через год, в июле 1966 года. Как и Моби Долл, он был очень умным и поразительно миролюбивым существом. Выяснилось, что «тигр океана» дружески относится к человеку.

В последние несколько лет отловлено и помещено в маринариумы Сиэтла, Сан-Диего и Ванкувера около десяти косаток. Эдвард Гриффин, которому помогает его друг Джеральд Браун, стал специалистом по отлову этих животных. Браун участвовал и в экспедициях «Калипсо» как аквалангист и знаток морской фауны. Он неплохо изучил косаток; приведу одно из его высказываний:

— Их надо видеть в воде. Это настоящий подводный балет: они кружатся, стремительно идут к поверхности, прыгают. После поимки поначалу нервничают, капризничают. А погладишь их, ласково поговоришь — успокаиваются. Для приручения главное не пища, а живой контакт.

Косатка может привязаться к человеку и работать с ним, хотя бы он и не участвовал в ее кормлении. В практике дрессировки животных это уникальный случай.

Более того, косаток в неволе вообще очень трудно заставить есть. К рыбе они равнодушны, Моби Долл была исключением. Больше всего они любят мясо теплокровных животных, чем ставят в затруднительное положение служащих маринариума: ведь не тюленями же кормить косаток.

Первые отловленные косатки были травмированы, и требовалось какое-то время, чтобы они привыкли к бассейну. Смотрители входили по пояс в воду и «прогуливали» узников — заставляли двигаться, тихонько подталкивая их. Без вмешательства человека косатки не двигались с места. А так, постепенно освоившись с бассейном, они начинали сами плавать по

нему. Но есть по-прежнему отказывались.

Им предложили пасту из сельди, молока и витаминов — не берут. Смотрители раскрывали палками пасть подопечных и засовывали порции пасты внутрь, но косатки преграждали путь пище языком.

— Мы были уверены, — рассказывает Браун, — если только заставим одну есть, остальные последуют ее примеру. Когда косатка что-нибудь откусывает, в воде отдается звук, и стоит другой косатке услышать его, как она тотчас подходит в расчете на остатки. Решили поставить опыт на молодом экземпляре: потеряли ему губы сельдью, потом сунули ее в пасть и тут же выдернули. Он реагировал совсем по-собачьи, сомкнул челюсти и сжал сельдь зубами. Естественно, другие косатки услышали хруст, подплыли — и начали есть.

Семью косаток скрепляют прочные узы. Обычно в семье не больше одного новорожденного, и он не страдает от недостатка материнской любви. Когда мать беспокоится за малыша, она подходит вплотную и «разговаривает» с ним.

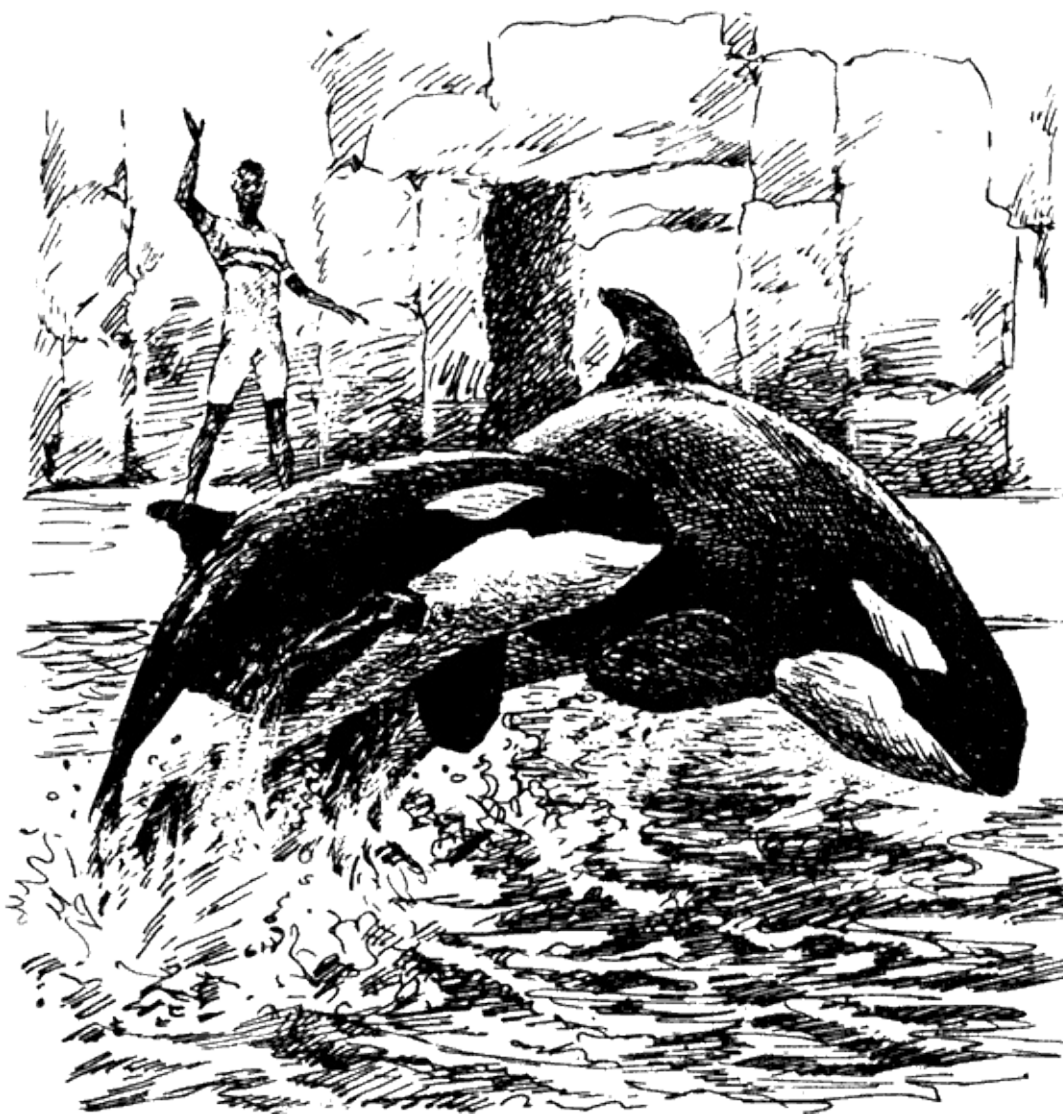
Есть немало достоверных рассказов о проявлениях материнской любви у косаток. Одна мамаша, смертельно раненная, до последней минуты кружила около своего детеныша и защищала его, пока ее не покинули силы. Другая три дня ходила у острова Хэт, недалеко от пролива Паджит, где был убит ее малыш.

В Сиэтле и Ванкувере отмечены случаи спаривания в неволе. После ухаживания и ласки косатки прижимаются друг к другу брюхом. Беременность длится 13–16 месяцев.

Еще одна важная черта: все, кто работал с косатками и дельфинами, включая специалистов американских военно-морских сил, утверждают, что косатки намного умнее дельфина, вдвое быстрее соображают и запоминают.

Отряд калипсян — оператор Рон Черч, Андре Лабан и Луи Презелин — недавно навел косаток Гриффина и Брауна в Хуан-де-Фука, под Сиэтлом. Там обитает «старейшина» всех плененных косаток: он уже пятый год содержится в неволе.

У Презелина была с собой гитара, и, сидя на краю бассейна, он сыграл несколько мелодий. Животные тотчас подплыли к нему и внимательно слушали, потом в знак одобрения обрызгали исполнителя из своих дыхал. Тогда ребята попробовали научить косаток петь под аккомпанемент гитары. Правда, у них ничего не получилось, но факт остается фактом: косатки восприимчивы к музыке, и при взыскательном подходе к выбору мелодий вполне можно рассчитывать на внимание и одобрение с их стороны.

Косатки Брауна исполнили для калипсян весь свой репертуар прыжков, кувырков и вольтов.

Фалько, которому довелось столько гоняться за косатками на «Зодиак», решил наладить с ними более мирные контакты и отправился в Калифорнийский маринариум, где содержались две самки. Потом он рассказывал, как живо обе косатки реагировали, когда воспроизводился диалог между ними и другими членами стаи по магнитофону. Записанные во время их отлова щелчки и трели заметно действовали на пленниц, они быстро кружили по бассейну, постоянно возвращаясь туда, где висел громкоговоритель, и отвечая ему сериями сигналов.

Фалько воспользовался случаем поплавать вместе с самкой, почему-то получившей имя Клайд, и провести несколько экспериментов. Например,

предлагал ей рыбу, а когда она приближалась, заслонял угощение дощечкой. Косатка тотчас сворачивала в сторону, очевидно, сонар предупреждал ее о препятствии.

Несмотря на все попытки доктора Лилли и других исследователей расшифровать язык косаток и дельфинов, он остается для нас загадкой. А что такой язык существует, теперь точно известно, и хотелось бы выяснить смысл звучаний, издаваемых китообразными. Пожалуй, это одна из самых увлекательных задач, стоящих перед нами. Не исключено, что косатка, превосходя разумом дельфина, когда-нибудь даст нам в руки ключ, который позволит наладить звуковое общение между животными и человеком.

Глава одиннадцатая

Пора уважать

8 марта. Мы в заливе Уединения, на краю полуострова Калифорния. Вчера погода была прескверная, небо заволокли низкие тучи. Разумеется, лил дождь; о съемках нечего и помышлять. В довершение всего одному киту вздумалось порезвиться около «Зодиака», и звукозаписывающий аппарат шлепнулся в воду. Всего несколько секунд пробыл он в воде, но этого было достаточно, чтобы вывести его из строя. Пришлось отправить Эжена Лагорио в Лос-Анджелес, чтобы там отремонтировали рекордер. Хорошо еще, как раз вчера прилетел наш самолет.

А ночью взорвался аккумулятор от одной из наших кинокамер.

Зато сегодня мы вознаграждены, сегодня отличный день благодаря Бернару Делемотту. Все утро Бернар пытался заарканить детеныша серого кита. Поймает его руками и силится надеть ему петлю на хвост. Вода была мутная, как в Миссисипи, ничего не видно. Несколько раз нам казалось, что Бернар преуспел, но петля неизменно срывалась. В конце концов китенку надоела эта игра, он спружинил, подскочил вверх не хуже мустанга, вырвался из объятий Бернара и исчез в туче брызг. (В оправдание Бернара добавлю, что «малыш» был длиной около шести метров.)

Наш подводный ковбой был огорчен, но не обескуражен. И во второй

половине дня потешил нас другим, поистине сенсационным спектаклем.

После утренних объятий с китенком его осенила идея, достойная каскадера, — проехаться на ките, как на коне. На роль скакуна он выбрал кита, мирно дремавшего у поверхности воды. В ластах и маске, но без акваланга Бернар медленно поплыл к киту; мы любовались его движениями, воплощавшими гибкость и силу. Ближе, ближе... Кит по-прежнему дремал. Еще миг — и Бернар стоит на его спине!

Мишель Делуар лихорадочно снимал этот эпизод на кино пленку, мы все смотрели как замороженные. Сколько он так устоит? И самое главное — если устоит, то как потом соскочит?

Нам не пришлось долго ждать ответа. Кит проснулся, весь передернулся — скорее от удивления, чем от недовольства, — и мотнул головой, да так, что Делемотт отлетел в сторону и пропал в водовороте. Когда Бернар выплыл на поверхность, кит был уже далеко.

С этого дня на «Поларисе» началось соревнование: кто первым удержится на спине брыкающегося скакуна, то бишь кита? Следом за Бернаром, используя его опыт, добились успеха Бонничи и Серж Фулон. Постепенно совершенствуя технику, они научились ездить верхом на ките легко и даже элегантно. У каждого из всадников своя манера, согласно его темпераменту и нраву. Делемотт — суровый, решительный, мышцы напряжены, брови нахмурены — приближается к киту так, словно задумал помериться с ним силами в вольной борьбе. Бонничи — порывистый, резкий, быстрый — несколько секунд присматривается, затем лихо вскакивает на спину кита и мчится на нем с профессиональной улыбкой циркача.

Новый взгляд на Моби Дика

Мы рассказали вкратце о новых взаимоотношениях человека и кита. Не стану утверждать, что у китов остались о наших встречах одни лишь светлые воспоминания, если они вообще что-нибудь запомнили. Думаю, однако, что смелые эксперименты Делемотта знаменуют начало нового курса в подходе человека к китообразным. От них можно ожидать больших (я чуть не написал — исторических) последствий. Увидев по телевизору, как калипсяне оседлали кита, люди уже не смогут придерживаться старой точки зрения на исполина морей. Практицизму и ограниченности, которые

отличали наших дедов, придется отступить, когда люди перестанут верить в «свирепость» и «злонравие» «подводных чудовищ».

Я не могу не возмущаться, читая традиционные описания китобойного промысла в эпоху парусных судов. Пускай в них есть страницы, повествующие об отваге, даже героизме, все же эти описания — памятник недомыслию и заблуждениям человека. Кашалота здесь называют не иначе как «свирепым», и это говорится про разумное существо, искалеченное, искромсанное десятком гарпунов, обезумевшее от боли и мечущееся от ужаса!

После опытов Делемотта с серыми китами, Раймона Коля — с кашалотами, Филиппа — с горбачами, Бонничи — с финвалами на смену заблуждению должно прийти разумение и восхищение. По-моему, достоинство человека только возрастет, когда он научится уважать крупнейшее живое существо на свете, соприкоснется с ним вплотную и поймет, что кит безобиден. Пора изгнать китообразных из тех уголков человеческой души, где гнездится страх, побуждающий людей к насилию и убийству.

До XX века отношения человека и кита были отношениями убийцы и жертвы. И когда решили ограничить промысел китов, этот шаг был продиктован не жалостью и не уважением к «чуду природы». Просто китобои вдруг обратили внимание, что им встречается все меньше и меньше китов. Их и впрямь становилось меньше. Непрерывно совершенствуемые орудия охоты, применение быстроходных китобойцев и плавучих фабрик — все это отразилось на поголовье куда сильнее, чем предполагали. Китобои поняли: если истребление будет продолжаться так же интенсивно, скоро некого будет истреблять. И решили поневоле, что лучше проявлять умеренность, чтобы сберечь в океанах «китовый капитал». Перед их глазами был яркий пример, к чему приводит неограниченный промысел: из Бискайского залива исчезли все киты.

Наибольшего размаха промысел китов достиг в XX столетии. В начале века он распространился на антарктические воды и там развернулся в таком масштабе, что южный кит *Eubalaena glacialis* по существу был истреблен. Словом, наше столетие оказалось куда более губительным для китов, чем романтическая эпоха, описанная Германом Мелвиллом.

Теперь китобойный промысел регулируется — все виды охраняются международными соглашениями в рамках Международной китобойной комиссии.

Угроза не миновала

Однако сам факт регулирования еще не означает, что киты спасены. Ограничения были введены слишком поздно.

Истребление гладких китов уже в начале нашего столетия зашло так далеко, что они, по-видимому, вскоре вымрут, если их промысел не будет совершенно прекращен.

Голубой кит, крупнейшее животное в истории нашей планеты, тоже находится под угрозой. Сроки охоты ограничены, в некоторых районах промысел вовсе запрещен, однако специалисты говорят, что понадобится не меньше полувека такого строгого режима, чтобы отвести от голубого кита опасность вымирания ^[8].

И финвалы тоже, хотя их бьют не в таком количестве, как прежде, нуждаются в более строгой охране.

В разные годы китобои делали упор на разные виды китов. Так, в 1964/65 году били в основном относительно менее крупного, активно мигрирующего сейвала. Промысловики добыли за сезон 24 453 животных — вдвое больше, чем в предыдущем году.

Горбачи долго числились в списке вымирающих видов. Этот кит меньше сейвала, но, на беду для себя, дает вдвое больше жира. Промысел горбачей велся так интенсивно, что его пришлось совсем запретить на два года. И понадобится не меньше полувека, чтобы этот вид оправился ^[9].

Для более эффективной охраны китообразных Международная китобойная комиссия несколько лет назад решила отказаться от старой системы квот, основанной на пресловутых «условных голубых китах»; вместо этого на каждый сезон устанавливают отдельные квоты для каждого вида.

Прозрел сам — помоги другим

С китами та же история, что с кораллами и другими морскими организмами: как только мы начинаем их изучать и по-настоящему узнавать, сразу выясняется, что им грозит вымирание.

Пожалуй, калипсяне ощущают это острее, чем кто-либо другой. Мы

видели глаз кита. Мы любовались нежным дыхалом финвала и белыми лапами горбача. И мы прозрели. Теперь мы на стороне китов.

Подобно всем новообращенным мы хотим обратить других. Удастся ли нам изменить общественное мнение? Повернуть развитие вспять, отстоять для китов место в земных океанах?

Мы обязаны попытаться.

Право же, киты могут дать нам нечто куда более важное, чем корм для собак, чем жир (его мы получаем сколько угодно из других источников), чем распорки для корсетов и зонтов. Мы можем поучиться у них поразительному умению нырять на большую глубину и подолгу задерживать дыхание. Из жертв человека китам пора стать его проводниками и наставниками в подводном мире, который только-только начинает открываться исследователям.

Мы убедились, что млекопитающих связывают особые узы. Кто испытал это таинственное чувство общности и единства, сохранит его навсегда. Море для нас уже не то, что прежде. Отныне жестокость или хотя бы безразличие к морским организмам будут осуждаться огромным большинством людей.

Нет сомнения, что люди повсеместно встревожены судьбой китов. Калифорнийцы, ежегодно наблюдающие с берега миграцию серых китов, искренне привязались к ним.

Взаимопонимание

Симпатия человека к китам пока что носит несколько отвлеченный, абстрактный характер. Она основана скорее на здравом смысле, чем на подлинном понимании и чувстве. Но мы надеемся, что дело переменится к лучшему, особенно когда участвуют встречи человека и кита под водой. Человек должен познать китообразных в их родной среде, тогда вопрос о существовании этих животных по-настоящему затронет его душу и сердце.

Одно дело — наблюдать серого кита на поверхности, совсем другое — видеть его под водой, видеть, как самка старательно заслоняет своего отпрыска от аквалангиста. Мы давно сожалели об истреблении горбачей в начале века, а после того, как нам довелось услышать речь горбача, увидеть, как он скользит в воде и маневрирует своими лапами, мы не просто сожалеем — мы стыдимся.

А что в перспективе? Возможно ли, что когда-нибудь наступит подлинное взаимопонимание между человеком и китом?

В наших встречах с великим морским млекопитающим нам с самого начала мешало то, что мы не знали, как отнесется кит к человеку. Постепенно мы кое-что узнали. Искали подход, нащупывали, как говорится, почву. И когда убедились, что контакт возможен, стали действовать смелее. Калипсяне научились без страха подходить к этим исполинам. Научились, как вести себя, чтобы животное, чей вес в тысячу раз превосходит наш, терпело наше присутствие.

Человек и под водой стремился диктовать свою волю, внедрять свои законы, подчинять животных себе. Во время экспедиций в Красном море мы убедились, что даже акуле можем если не навязать свою волю, то во всяком случае внушить к себе почтение.

С китами все иначе. Для страха причин больше нет, нас разделяют только масштабы — другими словами, в глазах кита человек настолько мал, что с ним можно вовсе не считаться, тогда как для обычной акулы он достаточно велик, чтобы заслужить ее внимание.

Конечно, воспринимать и толковать можно по-разному, и все же калипсяне различали какие-то оттенки в отношении к ним кита. Так что наши исследования затрагивают область психологии, и прямое наблюдение призвано сыграть тут немалую роль.

А дальше что?

Вопрос немаловажный. Если нам удастся ограничить, даже совсем прекратить промысел китов, это правило придется распространить также и на дельфинов, гринд, косаток. Будем помещать всех животных в клетки ради их спасения? Загоним всю фауну в зоопарки и маринариумы?

В Калифорнии биологи уже озабочены тем, как много китообразных содержатся в неволе и нередко они гибнут. Можно ли считать охоту на косаток «гуманной», отвечающей принципам морали и законности, спрашивает доктор Шеффер. Это не праздный вопрос. Начиная с 1965 года только в Сиэтле шесть косаток погибли при попытках изловить их. А сколько еще смертельно ранены гарпунами, пулями с усыпляющим веществом, сетями. Правда, доктор Шеффер полагает, что косатки, с их умом и высокоразвитой социальной организацией, научатся избегать

опасных районов. Если так, у берегов Калифорнии исчезнут животные, к которым люди прониклись симпатией, которые стали общительными, потому что им здесь ничто не угрожало. Станет невозможно наблюдать и изучать этих замечательных млекопитающих на воле. Доктор Шеффер предлагает ввести лицензии на отлов косаток и выдавать их пореже, только в исключительных случаях.

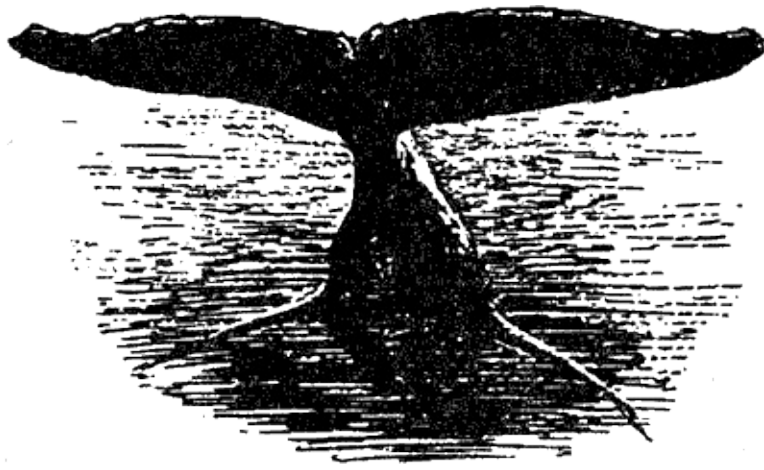
Китам угрожают и другие опасности, вызванные современным развитием. Серый кит — самый древний из сохранившихся китов, живое ископаемое — с каждым годом все больше вытесняется из привычных областей обитания. Сейчас осталось лишь три-четыре залива, где он может зимовать.

Для серого кита окаймленные манграми, глухие бухты Матансита и Скаммона — особый, чудом сохранившийся мирок. И это их последнее убежище. Воды Северной Калифорнии уже загрязнены. Матансита и Скаммон еще не поражены; в последнюю заходят лишь рыбаки, да и то не часто, и вода сохраняет первозданную чистоту, если не считать несколько заболоченных участков. Но малейшее загрязнение преградит серым китам доступ в райское царство, где происходит брачный ритуал и появляются на свет детеныши.

Это еще не самое худшее. Хуже всего то, что в последнее время китами заинтересовались военные моряки. И это не чисто научный интерес. Китов намереваются призвать на действительную службу, сделать из них лазутчиков, разведчиков, связных. Обнаружив, что киты разумны, их немедленно решили впутать в свои глупости, свои потасовки и войны. Еще в 1963 году специалист по китообразным англичанин Л. Хэррисон Метьюз писал: «Как ни разумны эти животные, им не хватает ума отказаться от сотрудничества или ответить дрессировщикам щелканьями, выражающими в переводе на человеческую речь глубокое презрение».

Быть может, настала пора составить моральный кодекс, определяющий наши взаимоотношения с крупными млекопитающими на море и на суше. Мы всем сердцем мечтаем, чтобы такой кодекс появился.

Если нашей цивилизации суждено распространиться и в подводном царстве, пусть она придет туда под знаком уважения — уважения ко всем формам жизни.

Приложение

Китобойный промысел

Китобойный промысел зародился в стародавние времена. Для людей в деревянных лодчонках, вооруженных только примитивными гарпунами, кит, конечно же, был грозным врагом. Но если вспомнить, как в палеолите человек выходил на мамонта с кремневым оружием, то нет ничего удивительного в том, что его потомки отважились схватиться с крупными китообразными. И еще можно напомнить: как бы способы промысла со временем ни менялись и ни совершенствовались (об этом — дальше), главное оружие, с которым человек выходил на кита, из века в век по сути оставалось неизменным — ручной гарпун или копье.

Баски

Первые достоверные сведения о способах и размахе китобойного промысла относятся к средним векам. Впрочем, если верить написанной в V веке «Истории» Оросиуса, где, в частности, приводятся сведения об арктических плаваниях норманнского вождя Оттара, норвежцы били китов еще во времена Римской империи.

Во всяком случае, известно, что баски вели китобойный промысел ранее XII века, по некоторым данным — уже в девятом. Чтобы пустить в ход копья и гарпуны, им, как и всяким китобоям, надо было возможно ближе подходить к добыче. Правда, у них было одно преимущество: каждый год мимо их берегов проходили мигрирующие южные киты *Eubalaena glacialis* (баски называли их *Sardako Balaena*), а этот вид представлял собой идеальную добычу. Гладкие киты считаются более робкими, слабыми, медлительными, чем другие семейства, на них было относительно безопасно охотиться с примитивным оружием той поры и на

легких суденышках. И еще одна особенность — убитый гладкий кит не тонет. Это позволяло баскам буксировать добычу на мелководье, а то и к самому берегу.

Гладкий кит принес баскам богатство. Мясо шло в пищу, жир переплавляли и сбывали в странах Европы как основное горючее для светильников.

Отвага баскских китобоев была так велика и охотились они так искусно, что вскоре в Бискайском заливе почти совсем перевелись киты. (В наши дни их там вовсе не осталось.) Тогда стали строить суда побольше и выходить за добычей в Атлантику. Китобои забирались все дальше на север, сквозь штормы и мимо грозных айсбергов пробивались в чужие страны — Исландию и Гренландию. Они доходили даже до нынешнего Ньюфаундленда, открыв берега Северной Америки раньше Колумба. (На Ньюфаундленде найден могильный камень с баскской надписью, датируемой концом XIV века.)

В XVI веке в гренландских водах промысел велся так рьяно, что через 100 лет и там не осталось гладких китов.

Китовый жир побуждал басков идти на утлых судах навстречу неведомым опасностям Северной Атлантики, и они же разработали технику разделки туш и выварки жира на борту. Большая заслуга тут, очевидно, принадлежит моряку Сопите из Сен-Жан-де-Люса: он сконструировал необходимую для этого процесса печь. До тех пор переработка добычи происходила на берегу, а голландцы продолжали до конца XVII века доставлять в порт непереработанный жир в бочках.

Эскимосы

О других народах, которые наряду с басками могут считаться зачинателями китобойного промысла, нам мало известно. Во всяком случае, баски были не одни: в Скандинавии пользовались табуретками из китовых позвонков, а в Гренландии недавно обнаружены древние эскимосские поселения с жилищами из костей кита. Конечно, кости могли принадлежать китам, которые погибли, застряв на мели. И все же нет сомнения, что древние эскимосы занимались охотой на кита. Подходя к животному вплотную на каяках из шкур, они поражали его копьями, причем метили в легкие. А чтобы раненый зверь не нырнул и не утонул,

они привязывали к копьям поплавки — бурдюки из тюленьей кожи.

Заря современного китобойного промысла — XVIII век

В начале XVIII века англичане, голландцы, датчане с участием басков снаряжали китобойные суда, которые вели обширный промысел у Шпицбергена. Об ограниченности природных ресурсов у них было столь же мало понятия, как у первобытного человека. Или как у китобоев XIX и XX веков. Они охотились со знанием дела, охотились беспощадно, помышляя лишь об одном: забить возможно больше китов, чтобы поскорее нажиться. Их ничуть не волновало, что это неизбежно отразится на приросте стада, а то и вовсе его остановит, что через несколько лет богатые угодья у Шпицбергена могут опустеть. В итоге история повторилась: киты и здесь исчезли.

Французы, а еще больше норвежцы тоже занимались в это время китобойным промыслом, но не так усердно. В конце столетия, при Луи XVI, у Франции было всего 40 китобойных судов.

У японцев было то же преимущество, что и у басков, — мигрирующие киты проходили у берегов Японии. К концу XVII века японцы разработали новый способ охоты: они ловили китов сетью — огромной сетью с поплавками из пустых бочек.

Для этого требовалось одновременно три десятка лодок: одни окружали животное, другие заводили сеть. Пойманного кита добывали копьями и гарпунами, пока не представлялась возможность без опасности для жизни забраться на голову жертвы и прикрепить конец для буксировки.

Не менее кипучую деятельность развили голландцы. В XVIII веке на промысел ходило 400 голландских судов, 20 тысяч моряков. Они работали преимущественно в проливе Девиса между Гренландией и Баффиновой Землей. Их примеру последовали англичане: в 1750 году в этом районе промышляло 20 английских судов, в 1788 году — 252. И снова та же история: киты перевелись.

Золотой век

В это время мореплаватели Новой Англии обнаружили, что у восточных берегов Северной Америки видимо-невидимо китов. После Гражданской войны Соединенные Штаты обзавелись китобойными судами, и этот флот развил промысел кашалотов, который вписал в историю американской экономики главу легендарную, главу яркую, но и скорбную.

Стадо гладких китов в американских водах быстро поредело, тогда американцы стали бороздить моря, охотясь за кашалотами. Огромный, сильный кашалот был куда более грозным противником; о его дьявольской свирепости и сообразительности, о незадачливых китобоях, ставших его жертвами, рассказывали страшные истории.

До XVIII века китобои не решались помериться силами с этим грозным чудовищем. Но Америке требовалось все больше китового жира; возросший спрос если не оправдывал, то во всяком случае поощрял риск. Содержащийся в огромной голове кашалота спермацет ценился высоко, а каждый кит давал до тонны этого товара, который лег в основу не одного из великих состояний Америки.

Китобои выходили из Нантакета, из Нью-Бедфорда, из Мистика. Промысел велся круглый год, не щадили ни взрослых, ни молодых китов. Это было подлинное избиение, правда не без драматических эпизодов. В 1778 году Томас Джефферсон писал французскому послу: «Открытый жителями Нантакета кашалот — агрессивный и свирепый зверь, так что от охотников требуется и сметка и отвага». Кашалота стали называть «бойцом».

Четырехлетние экспедиции

В далекой Антарктике китобои обнаружили еще одну жертву — южного кита *Balaena australis*. С 1804 по 1817 год было убито 190 тысяч представителей этого вида; южный кит начал становиться редкостью.

Поневоле пришлось китобоям опять заняться грозным кашалотом. Китобойный флот Нантакета неуклонно рос с 20-х годов прошлого столетия. Все меньше становилось небольших парусников с одной-двумя лодками (гарпунерами часто были индейцы), которым было под силу доставить в порт каких-нибудь 5–6 китов. На смену приходили трехмачтовые суда в 500 тонн, с пятью, шестью, семью лодками и

командой в 40 человек. Пожалуй, в истории парусного флота не было судов прочнее, чем эти «южане», как их называли.

В золотой век парусного китобойного промысла только долгие экспедиции оправдывали себя, только они позволяли найти и убить достаточно китов, чтобы оправдаться расходы на корабль. И «южане» часто уходили в дальнее плавание на три-четыре года, чтобы уж возвратиться с полным грузом китового жира.

Строители промысловых судов меньше всего думали об удобствах и санитарии. Команды, как правило, составлялись не из профессиональных моряков. Профессор Поль Будкер рассказывает: «В 1860 году рядовому матросу на американском китобойце платили 20 центов в день, тогда как неквалифицированный рабочий на берегу получал 90 центов. Другими словами, в Соединенных Штатах самая низкая категория работающих на суше получала в два-три раза больше, чем матрос на китобойце».

Особое положение занимали гарпунеры. Они спали не на юте, с простыми матросами, а вместе с офицерами.

Запас воды и провианта всегда был скудным. Перед выходом из порта капитан забирал провианта столько, сколько вмещали трюмы, и старался потом не заходить в другие порты, иначе он рисковал остаться без людей: члены команды бежали при первом удобном случае.

Говорят, нынешние кашалоты меньше тогдашних. Теперь они достигают в длину не больше 20 метров, а в прошлом веке, во времена Моби Дика, будто бы нередко встречались экземпляры в 30 метров. И правда, в Нью-Бедфордском музее в штате Массачусетс хранится семиметровая челюсть кашалота. Есть сведения, что в 1841 году Оуэн Тилтон из Бедфорда убил самца длиной более 28 метров.

Как бы то ни было, рядом с судами той поры кашалот, конечно же, выглядел исполином. Тем более для вперёдсмотрящего, который дежурил в бочке высоко на мачте, пристально обозревая морские дали. Вот обнаружил искомое, и звучит знаменитая формула: «Вижу фонтан!» И по сей день эти слова оповещают капитана китобойца о том, что замечен кит.

Битва

Как только прозвучал сигнал, спускают на воду лодки. Они совсем легкие, длина не больше десяти метров. Корабль несет их на шлюпбалках,

чтобы быстро спустить даже в плохую погоду. Обычно команду лодки составляют офицер, старшина и пять матросов. У левого борта — два гребца с пятиметровыми веслами, у правого — еще два гребца и гарпунер, у них весла покороче. Задача состоит в том, чтобы подойти к киту возможно ближе. А это далеко не просто, если учесть волнение и малое количество весел.

Когда лодка сближается с добычей, по сигналу старшины гарпунер отпускает весло и хватает свое оружие. Затем поворачивается, становится коленями на планшир и бросает гарпун, метя в голову около глаз.

Гарпун соединен с линем, который уложен кольцами в корзине. Если цель поражена, зверь обычно уходит с такой скоростью, что разматывающийся лить надо смачивать водой, чтобы не загорелся.

Начинается долгий и подчас драматический поединок. Кит ныряет, но ведь ему приходится буксировать лодку, и он не может уйти глубоко. К тому же он вынужден всплывать за воздухом.

Нетрудно представить себе, какой опасности подвергались люди в лодке, буксируемой со скоростью 12–15 узлов. Впрочем, главная опасность впереди, самое трудное еще предстоит... Старшина и гарпунер меняются местами, для этого им приходится пробираться вдоль качающейся лодки навстречу друг другу. Наконец старшина на носу, гарпунер — на корме. (Традиция требовала, чтобы добывал кита кто-нибудь из начальства — в этом случае старшина.) Как только кит снова показывается на поверхности, лодка подходит вплотную, старшина берет широкое полутораметровое копье и старается вонзить его в голову кита, опять же поближе к глазу. Если ему это удастся, он поворачивает копье в ране.

Что последует затем, наперед угадать нельзя. Кит может одним ударом могучего хвоста сокрушить лодку. Если это кашалот, он способен раздавить ее челюстями.

Однако чаще всего рана оказывалась смертельной. Огромную тушу надо было оттащить к кораблю, а он к этому времени мог уже оказаться за горизонтом. (Часто для охоты за стадом спускали на воду сразу несколько лодок, и даже без добычи не всегда было легко добираться обратно до корабля.)

Кита привязывали хвостом вперед к правому борту судна, и начиналась разделка. Стоя прямо на туше, которую качало и бросало на волнах, люди отсекали кривыми ножами огромные пласты жира и передавали их на судно.

В хорошую погоду разделка длилась 4–5 часов. На выварку жира уходило гораздо больше времени. В огромных котлах на палубе жир

варился подчас целые сутки. Судно окутывал едкий дым, царил отвратительный смрад. Никто не ложился спать, пока не был завершен этот процесс.

Иногда китобоев ожидала редкостная находка: во внутренностях кита лежал быстро твердеющий на воздухе ком особого вещества — драгоценной амбры. Первоначально амбру применяли в медицине, теперь используют для дорогих духов. Предполагают, что амбра образуется из переваренных кашалотом кальмаров.

Страшное оружие

Нью-Бедфорд в штате Массачусетс стал общепризнанной столицей мирового китобойного промысла. Однако значение этой отрасли уже падало. Китов били так нещадно, что становилось все труднее находить их. Да и спрос на продукты промысла шел на убыль. Керосин и электричество вытесняли китовый жир как источник света.

Вышло так, что в то самое время, когда китовый жир начал терять свое значение, появилось новое страшное оружие против китов — гарпунная пушка. Теперь под угрозой оказались не только гладкие киты, горбачи и кашалоты, но и голубые киты и финвалы, которых до сих пор спасала их величина.

Менее крупных и сравнительно медлительных китов было легче убить, но где их искать? А поединок с быстрыми гигантами был чреват растущим риском и далеко не всегда сулил удачу. Перед лицом этой дилеммы норвежец Свенд Фойн в 1868 году создал гарпун, который выстреливался из пушки и был снабжен взрывающейся головкой. После взрыва раскрывались лапы, не дающие гарпуну выскочить. К тому же можно было зацепить кита вторым тросом, чтобы не затонул, и быстро подтянуть к судну. Позднее придумали еще способ накачивать тушу для плавучести сжатым воздухом.

Новое оружие позволяло бить даже самых крупных китов. А развитие паровой машины позволило судам подходить к жертве на 30–40 метров — идеальная дистанция для гарпунной пушки. (Взрослый кит развивает скорость до 14 узлов, тогда как скорость китобойцев долго не превышала 10–12 узлов.)

Пушка Свенда Фойна быстро стала незаменимой, ведь киты, которых

можно было добыть без нее, почти совсем исчезли из океана. Теперь китобоям в полярных водах встречались преимущественно финвалы. В конце XIX века даже самые ретивые охотники на кашалотов прекратили промысел. Но в 1904 году прошел слух, что в Антарктике обнаружены многочисленные китовые стада, и они возобновили охоту — с гарпунной пушкой, с более мощными и быстроходными судами.

Конец эпохи

В начале XX века стали находить новые применения китовому жиру, и он сразу подскочил в цене. Китобойный промысел, оснащенный новейшей техникой, опять стал рентабельным. Снаряжались новые суда, выросли фабрики на Фолклендских островах, на Ньюфаундленде и в других местах. Китобои принялись усердно истреблять стада финвалов в Антарктике. В защищенных бухтах ставили на якорь старые грузовые пароходы и доставляли туда китовые туши для переработки.

Однако вспышка длилась недолго. Американские китобои постепенно вышли из игры, фабрики Новой Англии одна за другой закрывались. В 1921 году состоялась последняя экспедиция американского китобойца «Чарлз Морган».

Рональд Кларк относит конец промысла на парусных судах к 1925 году, когда в Нью-Бедфорде были выведены из эксплуатации шхуны «Джон Манта» и «Маргарет».

Однако китов не оставили в покое. В середине 20-х годов норвежцы начали строить плавучие фабрики-суда, которые принимали на борт и полностью перерабатывали туши, доставленные легкими китобойцами. Уже в сезон 1925/26 года плавучая база «Лэнсинг» втаскивала по огромной рампе на борт крупных китов, дальше происходила разделка туш и выварка жира. В 1927/28 году было убито 13 775 китов, в 1930/31 году — 40 201 кит.

Контроль

Начиная с 1931/32 года китобои, озабоченные резким уменьшением численности китообразных, договорились сократить число ежегодно снаряжаемых экспедиций. За этим последовало соглашение компаний ограничить продолжительность сезона, а также количество добываемых китов и производимого китового жира.

В 1937 году девять стран подписали первое международное соглашение о китобойном промысле — так называемую Лондонскую конвенцию, которая действовала вплоть до Второй мировой войны. В военные годы промысел прекратился, и численность видов понемногу возрастала. Китобойные суда были частью потоплены, частью переоборудованы в танкеры.

7 февраля 1944 года положения конвенции 1937 года были подтверждены. Одновременно ввели стандартную единицу измерения — УГК (условный голубой кит), исчисленную на основе количества жира, получаемого от одного голубого кита. Тогда же придумали шкалу, которая произвольно приравнивала одного голубого кита к двум финвалам, к двум с половиной горбачам, к шести сейвалам.

В декабре 1946 года представители девятнадцати стран встретились в Вашингтоне, учредили Международную китобойную комиссию и обнародовали новое соглашение, предусматривающее даты начала и конца промыслового сезона, запрещающее охоту на самок с детенышами, определяющее минимальные размеры разрешенного к бою кита (по каждому виду) и устанавливающее ежегодную квоту выбоя в УГК.

По этому соглашению некоторые виды вообще не разрешается убивать. Речь идет о гладких китах, сером ките и горбаче.

Кроме того, был определен район, где запрещается бой всяких китов. Это самый крупный в мире заказник, он включает сектор Арктики между 70-м и 160-м градусами западной долготы.

Вопрос об охране видов решается Международной китобойной комиссией. За исполнением ее директив следят присутствующие на всех плавучих и наземных базах контролеры.

Конец избиения

По приблизительным подсчетам, численность крупных китообразных, которые прежде подвергались особенно сильному истреблению, ныне

составляет около 220 тысяч. Из этого числа 75 процентов — финвалы, 15 — голубые киты, 10 процентов — горбачи.

В последнюю четверть столетия Международная китобойная комиссия работает эффективно. Очень важной была ее двадцать третья сессия, проходившая в Вашингтоне летом 1971 года. Было решено отказаться от системы единиц УГК, пагубно отражавшейся на некоторых видах. Отныне квоты устанавливаются по каждому виду отдельно — на таком порядке не один год настаивал научный комитет.

Кашалот

Бутылконос

Косатка

Гринда

Нарвал

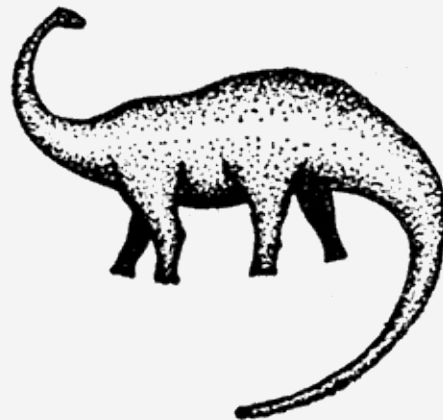
Афалина

Карликовый кашалот

Морская свинья

Голубой кит

Финвал

Гренландский кит

Сейвал

Горбач

Серый кит

Малый полосатик

Карликовый гладкий кит

Справочный словарь

Актинии — одиночные шестилучевые коралловые полипы.

Барракуды, или **морские щуки** (*Sphyraenidae*), широко распространенные в тропических водах хищные рыбы. Некоторые виды достигают значительных размеров (свыше трех метров), обитают у берегов Африки и Азии (*Sphyraena jello*). В наших водах встречаются *Sphyraena sphyraena* в Черном море и *Sphyraena pinguis* в Южном Приморье на Дальнем Востоке. Обычно держатся небольшими стаями. Мясо их высоко ценится. Крупные тропические виды опасны для человека.

Батипелагиаль, или **дисфотическая зона** — сумеречная зона морских глубин ниже 200 и до 3500 м.

Бентос — совокупность донных организмов, обитающих на грунте и в грунте морских и материковых водоемов.

Биоценоз — совокупность растений и животных, населяющих участок среды (моря, суши) с более или менее однородными условиями.

Боковая линия, или **орган боковой линии** — орган ориентировки в водной среде у круглоротых (миноги), рыб, а также у личинок земноводных. Обычно ветвится на переднем конце тела и тянется в виде линии по бокам вдоль тела.

Брахиоподы (*Brachiopoda*), или плеченогие — класс из типа щупальцевых. Включает морских животных с двустворчатой раковиной, в которой имеется спинная и брюшная створка. Характерная особенность брахиопод — так называемые руки: отходящие по бокам рта, спирально закрученные кожные лопасти, усаженные щупальцами. Ведут прикрепленный образ жизни. Известно около 250 видов.

Брюхоногие (*Gastropoda*) — класс типа моллюсков. Раковина обычно цельная, одностворчатая, спирально завитая. Есть формы без раковины. Наиболее крупный класс моллюсков (около 88 000 видов). Морские, пресноводные и наземные формы.

Веслоногие (*Copepoda*) — отряд подкласса низших раков. Главным образом морские формы, многие из которых играют большую роль в питании рыб (например, калянусы). Среди пресноводных форм — циклоп.

Гринда (*Globicephalus melas*) — из семейства дельфиновых, длина тела у самцов — 6,5 м, у самок — 5 м. Окраска тела черная, на брюхе узкая белая полоса. Встречается во всех морях и океанах от тропиков до Арктики и Антарктики.

Гумбольдта, или **Перуанское течение** — холодное течение в Тихом океане у западных берегов Южной Америки, идущее с юга примерно от 45° ю. ш. Это течение обуславливает относительно низкие температуры воздуха на побережье Чили и Перу. В Гумбольдтовом течении встречается много рыбы и головоногих моллюсков — кальмаров, в том числе и гигантских.

Дельфины — многочисленная группа морских млекопитающих из подотряда зубатых китов, входящих в отряд китообразных.

Морские змеи — относятся к семейству гидрофиидов. Включают виды, никогда не покидающие море и даже рожающие в воде детенышей, и виды, которые раз в году выползают на берег откладывать яйца. Существует более 50 видов морских змей, и все они ядовиты. Укус смертелен. Яд морской змеи действует как яд кобры: он парализует центральную нервную систему и останавливает работу органов дыхания.

Длина змей в среднем 1–2 м, но встречаются виды до 3 м. Это типично прибрежные животные с очень красивой окраской.

Зубатые киты (*Odontoceti*) — подотряд отряда китообразных, характеризующийся наличием зубов. К ним относятся кашалоты, достигающие 18 м, и дельфины разного размера (от 1–1,5 до 10 м).

Каранги — рыбы из семейства ставридовых. Широко распространены (свыше 200 видов) в тропических водах. Питаются зоопланктоном и мелкой стайной рыбой.

Китообразные (*Cetacea*) — один из отрядов высших, или плацентарных, млекопитающих. Характеризуются веретенообразным телом с относительно большой головой. Передние конечности превращены в ласты, задние отсутствуют. Морские животные, все жизненные отправления которых происходят в воде.

Два подотряда — беззубые киты (гренландский, японский, синий и др.) и зубатые киты (кашалот, косатка, гринда, белуха и разные мелкие дельфины).

Косатка (*Orcinus orca*), кит-убийца, или морской волк, из семейства дельфиновых (*Delphinidae*). Самцы до 10–11 м. Самки до 8–8,5 м. Спинной плавник самца достигает 2 м, у самок до 1 м. Хищник, питается стайной рыбой, головоногими моллюсками и иногда теплокровными животными — дельфинами, тюленями. Нападает на крупных акул.

Лангусты (*Palinurus*) — род беспозвоночных животных отряда десятиногих ракообразных. Длина тела — до 75 см. Обитают в морях на небольших глубинах у берегов Австралии, Африки и Южной Европы. Они очень вкусны и служат важным объектом промысла. Всего 5 видов.

Морские ежи (*Echinodea*) — класс типа иглокожих. Объединяет формы, имеющие сплошной известковый панцирь, снаружи покрытый подвижными иглами различной длины — от 0,5 до 30 см. Тропические ежи имеют обычно ядовитые иглы, которые легко ломаются и при уколе остаются в теле человека, причиняя сильную боль.

Морской слон южный (*Mirounga leonina* L.). Самый крупный представитель отряда ластоногих (самый крупный тюлень). Длина самцов — до 6,5 и самок — до 3,5 м, вес самцов — до 3,5 т и самок — 900 кг. Распространен в субантарктических и умеренных водах. Отличительный признак этого тюленя — наличие у самцов в носовой части кожного выроста или хобота, который достигает 40 см длины.

Мурены — морские угри семейства *Murenidae*, обитающие в тропических и субтропических водах. Своими острыми зубами способны наносить серьезные раны. Типичные хищники. Могут быть опасны для людей.

Мшанки (*Bryozoa*) — класс животных из типа щупальцевых. Объединяет очень древних вторичнополостных мелких колониальных морских и пресноводных животных, ведущих сидячий образ жизни.

Олуши (*Sulidae*) — семейство морских птиц отряда веслоногих. Встречаются в прибрежных участках морей тропических и субтропических стран. «Поставщики» гуано, в частности у побережий Перу.

Планктон — совокупность мелких организмов, обитающих в толще воды и не обладающих способностью к быстрым, активным передвижениям.

Полипы — сидячие формы кишечно-полостных животных. Имеют мешковидное тело. Вокруг рта расположены щупальца.

Раки-отшельники (*Paguridae*) — семейство морских десятиногих ракообразных. Длина тела — до 17 см. Брюшко нежное, помещено в пустую раковину брюхоногих моллюсков, иногда в трубку многощетинкового червя. Вся передняя часть тела рака-отшельника обычно прячется в устье раковины, защищая рачка от врагов (отсюда рак-отшельник). Широко распространены в морях и океанах земного шара, особенно в тропиках.

Рыба-лоцман (*Naucrates ductor*) принадлежит к семейству ставридовых рыб (*Carangidae*). Рыбы-лоцманы обычно сопровождают крупных пелагических акул в тропических морях. Для облегчения передвижения держатся в «слое трения», окружающем тело акулы. В наведении акул на добычу никакого участия не принимают.

Рыбы-попугаи (семейство *Scaridae*) — обширная группа ярко

окрашенных тропических рыб, встречающихся преимущественно у коралловых рифов.

Рыба-хирург (*Acanthurus chirurgus*) у основания хвоста с обеих сторон имеет острые шипы, которыми может нанести глубокие раны. Обитатель теплых вод. В наших морях ее нет.

Сенсорная система — органы чувств, чувствительная сфера.

Сальпы (*Salpae*) — класс подтипа личиночнохордовых, или оболочников. Свободно плавающие морские животные, как одиночные, так и колониальные.

Сепия — головоногий моллюск — каракатица. Сепией называют и темную жидкость, вырабатываемую чернильной железой каракатицы. Используется для приготовления туши и красок.

Скат-хвостокол, «морской кот», или «тригон». Крупная, до метра и даже более, плоская, серо-зеленая или черно-зеленая рыба, имеющая длинный узкий хвост, на конце которого зазубренная костяная игла 10–12 см длины. Раны, нанесенные этой иглой, опасны, долго не заживают. Водится во всех умеренных, теплых морях и океанах, в том числе в Черном, Азовском, Балтийском и Японском морях.

Спинороги (*Balistoidei*) — подотряд рыб отряда сrostночелюстных. Тело покрыто костными пластинами. Спинной, брюшной и анальный плавники имеют мощные колючки.

Распространены преимущественно в водах субтропических и тропических широт, в прибрежной зоне. Питаются беспозвоночными (моллюски, коралловые полипы), раздавливая их своими мощными челюстями. Мясо ядовито.

Тридакны — семейство ракушек тридакн. Это самые большие раковины, достигают 1,5 м длины и весят до 400–500 кг. Распространены в тропических водах Индийского и западной части Тихого океанов. Из раковин тридакн полинезийцы изготавливали топоры и другие орудия. Сами раковины служили посудой.

Усатые, или **беззубые киты** (*Mystacoceti*) — подотряд отряда китообразных. Характеризуются наличием роговых пластин («китовый ус»), сидящих по бокам нёба и образующих цедильный аппарат. Среди них самое крупное из современных животных — синий кит, достигающий длины 33 м и веса 160 т. Почти истреблен промыслом. Остаток когда-то большого стада, около 1 тысячи голов; находятся под охраной.

Усоногие (*Cirripedia*) — отряд подкласса низших ракообразных, объединяет сидячие формы, имеющие снаружи раковину. Представители — морские желуди (их находят на крупных акулах и некоторых китах).

Физалия (*Physalia physalis*) — португальский кораблик, относится к отряду сифонофор, колония полипоидных и медузоидных особей. Физалия встречается иногда тысячами на поверхности тропических и субтропических морей. Многочисленные нити для ловли жертв достигают 30 м длины. Нити наполнены стрекательными батареями, ядовиты и могут быть опасными для человека.

Целакант, или **латимерия** (*Latimeria chalumnae*) — живое ископаемое, рыба, близкая к двоякодышащим, принадлежит к группе кистеперых рыб (*Crossopterygii*), от которых произошли наземные позвоночные.

Характерные черты — наличие длинной мясистой лопасти в основаниях парных плавников. Такие плавники напоминают конечности наземных позвоночных животных. Целаканты считались вымершими, и находка живого целаканта стала мировой сенсацией.

Целаканты сравнительно глубоководные рыбы и пока известны лишь в водах Коморских и Сейшельских островов. Длина их — около 2 м и вес достигает 100 кг.

Щупальцевые (*Tentaculata*) — тип животных, включающий вторичнолопастных представителей, ведущих сидячий образ жизни. К ним относятся три класса: мшанки, плеченогие, форониды.

Эйфория — повышенное настроение, характеризующееся беспечностью, чувством радости, ощущением довольства, безмятежностью. В данном случае — глубинное опьянение.

Ярус — крючковая снасть для лова донной, придонной и пелагической рыбы.

Ярус для лова трески и другой придонной рыбы состоит из хребтины, представляющей собой веревку, с которой соединены на расстоянии 2–3 м друг от друга поводки с крючками. Длина поводков — 0,7–1,2 м. Ярусы опускаются на дно или устанавливаются в придонном слое.

Плавные дрейфующие ярусы применяются для лова тунца, лосося, акулы. Эти ярусы дрейфуют вместе с судном, обычно моторным. Длина такого яруса — 70–90 км. Поводки в 20–25 м крепятся к хребтине с интервалами 30–50 м. Нижняя часть поводка, к которой прикреплен крючок с наживкой, делается из тонкого стального троса. Хребтина яруса обычно капроновая.

Миля морская = 1853 м
Ярд = 3 фута = 91,4 см
Фут = 12 дюймов = 30,48 см
Дюйм = 2,54 см
Сажень морская = 1,83 см
Фунт = 453,59 г
Галлон английский = 4,5 л
Галлон США = 3,7 л (для жидкости); 4,4 л (для сыпучих тел)

Коротко об авторе

Знаменитый французский ученый, признанный лидер в деле исследования тайн Мирового океана, писатель и режиссер ЖАК-ИВ КУСТО родился во Франции в 1910 году. Окончил Военно-морскую академию. С конца 30-х годов — организатор и идейный вдохновитель ряда исследований по освоению и изучению моря с помощью автономных средств. Среди них и аппараты типа «ныряющего блюдца», и легкие подводные буксировщики, и легендарный «Калипсо», любимое детище Кусто, плавучая лаборатория, на которой ученый и его исследовательский экипаж избороздили вдоль и поперек Мировой океан. Но одно из первых и, несомненно, главных открытий его жизни — изобретение в 1942 году акваланга — прибора, совершившего революцию в изучении подводных глубин, необыкновенно расширившего возможности человека в постижении тайн безмолвного мира.

С 1957 года Жак-Ив Кусто являлся директором знаменитого Океанографического музея Монако, который благодаря ему превратился в передовое исследовательское учреждение. Кусто по праву считается одним из лучших популяризаторов научных знаний. Его книги и фильмы вызывают неизменный интерес у самой широкой публики и отличаются увлекательностью и простотой повествования. Снятые его группой научно-популярные фильмы «Мир тишины», «Мир без солнца», многосерийный телевизионный цикл «Подводная Одиссея команды Кусто» закуплены многими странами мира.

В июне 1997 года великого сына Франции не стало... Но многие его идеи и начинания еще ждут своего воплощения.

Оглавление

Жак-Ив Кусто, Филипп Кусто

Чтобы не было в море тайн

Пер. с английского Л. Жданова

Вступление ... 7

Глава первая. Первая встреча ... 9

Глава вторая. Для чего рассказывать об акулах? ... 18

Глава третья. Идеальный убийца ... 30

Глава четвертая. Теплая кровь и холодная кровь ... 43

Глава пятая. Акуля обсерватория ... 56

Глава шестая. Коррида в пучине ... 71

Глава седьмая. Встреча Артура с белоперой ... 84

Глава восьмая. Остров Деррака ... 105

Глава девятая. Бурный инцидент у Шаб-Араба ... 122

Глава десятая. Акулы и подводные колонисты ... 138

Глава одиннадцатая. Миролюбивый исполин ... 156

Глава двенадцатая. Изучение акулы ... 173

Глава тринадцатая. Выводы о поведении акул ... 186

Жак-Ив Кусто, Филипп Диоле

Могучий властелин морей

Пер. с английского Н. Елисеева

Глава первая. Встреча с китом ... 199

Глава вторая. Уязвимый морской исполин ... 219

Глава третья. Когда кит странствует ... 242

Глава четвертая. Чемпион мира по задержке дыхания ... 264

Глава пятая. Разговаривают, поют и слушают ... 281

Глава шестая. Крупнейшие из плотоядных ... 301

Глава седьмая. Тайнства любви ... 319

Глава восьмая. Ясли левиафанов ... 331

Глава девятая. Мальщ, которому хотелось жить ... 352

Глава десятая. Сильнее и умнее всех: кошатка ... 364

Глава одиннадцатая. Пора уважать ... 379

Приложение ... 388

Справочный словарь ... 402

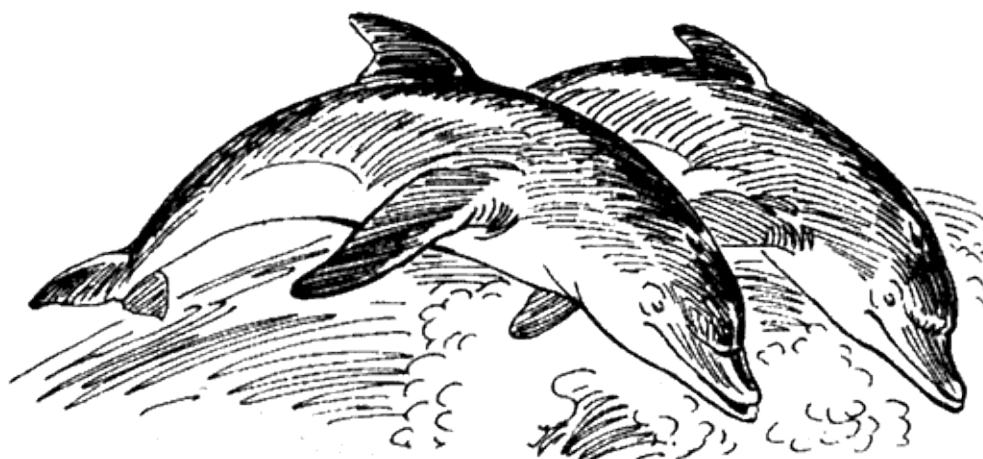
Перевод английских мер в метрические ... 407

Коротко об авторе ... 408

Новая книга серии

БОРИС СЕРГЕЕВ

Мои питомцы и другие звери

«Мои питомцы и другие звери» — чрезвычайно интересная и очень добрая книга. В ней описаны занимательные и во многом неожиданные эпизоды из жизни животных. Среди персонажей книги — шалун-попугай, запасливый кот Васька, зайцы, которые никак не подходят под определение «трусливые», флегматичные вараны... Читатель станет свидетелем романтических отношений между пернатыми супругами, познакомится с необычными бабочками, порхающими зимними ночами, с прекрасными строителями и архитекторами — муравьями, узнает о том, насколько тщательно выбирают себе будущих мужей лягушки-самки и как подчас незавидна участь самцов у паукообразных. Многих порадует встреча с

улыбчивыми дельфинами и с красавцами китами блювалами, а всех, кого интересуют редкие явления природы, ждет разгадка тайны «Летучего голландца» и еще немало интересного.

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Австралийские этюды

НИКОЛАЙ ДРОЗДОВ

Полет бумеранга

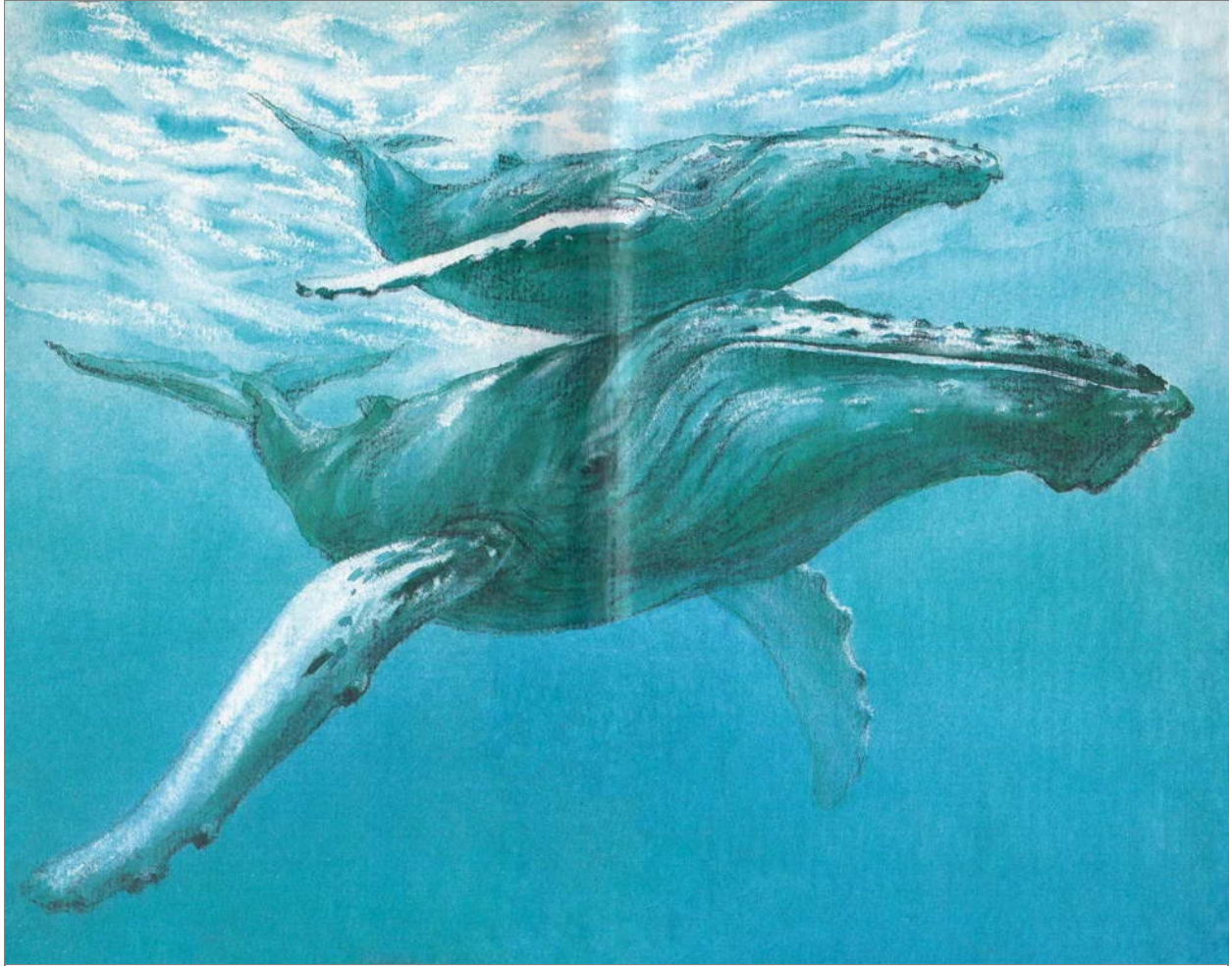

Известный немецкий зоолог и деятель в области охраны природы Б. Гржимек в своей книге «Австралийские этюды» рассказывает об уникальных, не встречающихся нигде в мире, животных Австралии: кенгуру, медведях коала, утконосах, ехиднах, вомбатах, сумчатых волках... Перед читателем разворачиваются впечатляющие картины австралийских пейзажей. Не менее интересны описания жизненного уклада коренных жителей пятого континента и переселенцев. В книге также затронуты проблемы охраны природы в условиях расширяющейся хозяйственной деятельности человека.

Автора «Полета бумеранга» — ученого-биогеографа, активного популяризатора науки — читатели хорошо знают по многочисленным встречам с ним на телеэкране. В этой книге он рассказывает об одном из самых длительных и далеких своих путешествий — по Австралии. Читатели познакомятся с необычной природой континента, национальными парками и заповедниками. С большой доброжелательностью и юмором Н. Дроздов вспоминает о своих встречах с австралийцами — людьми

разных профессий и возрастов, об их повседневных делах и заботах.

ЖАК-ИВ КУСТО,
ФИЛИПП ДИОЛЕ

*Молитвы
владельцев морей*

ЖАК-ИВ КУСТО,
ФИЛИПП КУСТО

*Труды не было
в море жить*

notes

Примечания

1

Из инициалов отца мы сделали ласковое прозвище.

Скорезби Вильям — одна из самых ярких фигур в китобойном промысле конца XVIII — начала XIX в., капитан и исследователь, автор замечательной книги «Поденные наблюдения о плавании в северные моря на китобойный промысел» (СПб., 1825).

3

Узел — мера скорости движения судов, равен одной морской миле в час (1,502 км/ч).

Сиреновые — третий из типично водных отрядов млекопитающих (после китообразных и ластоногих). Это редкие ныне травоядные морские и пресноводные млекопитающие, живущие в тропических водах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки и Австралии. Двести с лишним лет назад в водах нашей страны, у Командорских островов, обитала стеллерова корова — единственный северный вид сиреновых. Она была полностью истреблена в результате хищнического промысла.

Сонар — судовой эхолотатор.

Тело серого кита (особенно голова) покрыто колониями не паразитических, а обычных моллюсков, тех самых, что прикрепляются и к камням, — баянусов. Настоящие паразиты — ракообразные и так называемые китовые вши — скапливаются в складках брюха и трещинах кожного покрова усатых китов. Окраска серых китов пятнистая от рождения и, кроме того, от шрамов, оставленных паразитами.

У гренландских китов, почти истребленных в настоящее время, длина пластин уса достигает 4,5 м. (*Примеч. ред.*)

Промысел гладких китов был запрещен повсеместно еще в 1937 г., синих (голубых) китов — в 1965 г., добыча финвалов и сейвалов с сезона 1972/73 г. строго лимитирована. Промысел всех китов контролируется международными инспекторами. (*Примеч. ред.*)

Промысел горбачей повсеместно запрещен с 1965 г.